

БИБЛИОТЕКА
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ОБЩЕСТВЕННОЙ
МЫСЛИ

С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН
ДО НАЧАЛА XX ВЕКА

УДК 94(47)(082.1)
ББК 63
Л24

Долгосрочная благотворительная программа
осуществлена при финансовой поддержке
НПО «Благотворительная организация «Искусство и спорт»

Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории:
Л24 **в 2-х т. — Т. 1** / А. С. Лаппо-Данилевский; [подгот. текста: Р. Б. Казаков, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева; авторы вступ. статей М. Ф. Румянцева, О. М. Медушевская; авторы коммент. Т. В. Гимон, М. Ф. Румянцева; авторы указ. имен Р. Б. Казаков, М. Ф. Румянцева]. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. — 408 с. — (Библиотека отечественной общественной мысли с древнейших времен до начала XX века).

ISBN 978-5-8243-1292-8

УДК 94(47)(082.1)
ББК 63

ISBN 978-5-8243-1292-8

© Казаков Р. Б., Медушевская О. М., Румянцева М. Ф., подготовка текста, 2010
© Румянцева М. Ф., вступительная статья, 2010
© Медушевская О. М., вступительная статья, 2010
© Гимон Т. В., Румянцева М. Ф., комментарии, 2010
© Казаков Р. Б., Румянцева М. Ф., указатель имен, 2010
© Институт общественной мысли, 2010
© Российская политическая энциклопедия, 2010

Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский

Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский — выдающийся историк, философ, методолог — родился 15 (27) января 1863 г. в имении своих родителей в Екатеринославской губернии. Детство его прошло в дворянской усадьбе, а затем в Симферополе, где его отец служил вице-губернатором. После окончания симферопольской гимназии (1882) он становится студентом историко-филологического факультета Петербургского университета. В студенческие годы в основных чертах складывается его мирозерцание. В 1884–1886 гг. он принял активное участие в Студенческом научно-литературном обществе, основанном в 1882 г. А. А. Корниловым, Д. И. Шаховским, братьями Ф. Ф. и С. Ф. Ольденбургими. Кроме того, он вошел в созданное этой группой единомышленников «Приютское братство» (1885). Тогда же сложился и круг научного общения Лаппо-Данилевского (И. М. Гревс, В. И. Вернадский, С. Ф. и Ф. Ф. Ольденбурги).

По окончании университета (1886) Лаппо-Данилевский был оставлен для подготовки к профессорскому званию. В 1890 г. он защитил магистерскую диссертацию «Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований» и начал читать в Петербургском университете и Археологическом институте лекции по русской истории в качестве приват-доцента (1890), затем, в 1891 г., был назначен экстраординарным профессором Историко-филологического института. Публикуемый в настоящем издании фундаментальный труд Лаппо-Данилевского «Методология истории» был издан в качестве «Пособия к лекциям, читанным студентам С.-Петербургского университета»: часть I — в 1909/10 учебном году, а часть II — в 1910/11, чем и объясняется деление текста в издании 1910–1913 гг.

В 1899 г. Лаппо-Данилевский был избран в Императорскую Академию наук в звании адъюнкта, в 1902 г. он становится экстраординарным академиком, и с 5 февраля 1905 г. — ординарным академиком.

Круг научных интересов Лаппо-Данилевского был весьма обширен, но в его центре неизменно находился российский исторический процесс, российская государственность как его фактор, а также русская

общественная мысль нового времени в ее соотношении с европейской культурной и политической историей. Ученый являлся автором фундаментальных трудов по истории русского государства XVII—XVIII вв., истории русской культуры XVIII в., историографии и дипломатике. Следует подчеркнуть, что история исторической науки, как специальная сфера его научных интересов, понималась Лаппо-Данилевским предельно широко. Историк включал в нее «вспомогательные науки» (историческую географию, хронологию, археологию, историческую библиографию, историческую критику), а также русскую филологию и русскую этнологию.

Особое место в научном творчестве Лаппо-Данилевского занимали вопросы теории социогуманитарного познания. Критический анализ позитивистской социологии исследователь дал в статье «Основные принципы социологической доктрины О. Конта», вошедшей в состав знаменитого сборника «Проблемы идеализма» (1902). Ученый творчески переосмыслил психологическую концепцию В. Дильтея, а также методологические подходы Баденской школы неокантианства. Важно подчеркнуть, что хотя в философской литературе Лаппо-Данилевского, как правило, характеризуют как неокантианца, но его теоретико-познавательная концепция вполне оригинальна и не только не укладывается в рамки данного направления европейской мысли, но и в принципиальных моментах противоречит ему. Лаппо-Данилевский, отталкиваясь от современного ему, разработанного представителями Баденской школы неокантианства В. Виндельбантом и Г. Риккертом деления наук на номотетические (изучающие закономерности) и идиографические (описательные), и рассматривая историческую науку как идиографическую (вполне в духе неокантианства), вместе с тем избегал жесткой оппозиции номотетики и идиографии. Лаппо-Данилевский раскрыл возможности синтеза этих подходов при исследовании глобального предмета исторического познания — человечества в его эволюционном и коэксистенциальном целом. Его теоретико-познавательная концепция может быть охарактеризована скорее как феноменологическая.

Лаппо-Данилевский вел огромную научно-организационную работу. В 1894 г. он был избран членом-корреспондентом Императорской археологической комиссии и членом Археографической комиссии. Особо следует выделить деятельность ученого в Академии наук

по изданию архивных документов XVI—XVIII вв. В статусе академика он участвовал в Международных конгрессах историков, был председателем и выступал с докладами на конгрессах в Берлине (1908) и Лондоне (1913). На Лондонском конгрессе Лаппо-Данилевский предложил провести следующий конгресс 1918 г. в Петербурге и возглавил организационный комитет по его подготовке. Ученый являлся членом Бюро Международной организации академий, членом Комиссии по созданию Института социальных наук (1918).

Лаппо-Данилевский был членом партии кадетов. В 1906 г. он был избран в Государственный совет от академической и университетской курии. При подготовке созыва Учредительного собрания после Февральской революции 1917 г. работал в юридической комиссии, возглавляемой Ф. Ф. Кокошкиным. Тогда же он выступил как организатор Союза архивных деятелей, который был образован в марте 1917 г.

Скончался Лаппо-Данилевский 7 февраля 1919 г.

Теоретико-познавательная концепция

Восприняв лучшие достижения петербургской научной школы, Лаппо-Данилевский создал собственную методологию строго научного исторического и в целом гуманитарного познания. Один из учеников Лаппо-Данилевского, Н. Д. Кондратьев (впоследствии известный советский экономист), рассматривал его «теорию истории» в контексте неокантианской философии, возводя к Канту основной ее принцип: «...простое наблюдение фактов не может дать нам общеобязательных научных выводов»¹. Научный вывод может быть получен благодаря тому, что в структуре нашего знания есть априорные элементы, которые не устанавливаются эмпирически (опытным путем), но, наоборот, сами служат для обоснования и интерпретации данных, полученных путем опыта (наблюдения или эксперимента). Эти неэмпирические априорные элементы выступают в системе знания как основные понятия или принципы (постулаты). Методология науки обосновывает именно эти априорные принципы. Независимо от того, осознает или нет историк методологические основания процес-

¹ Кондратьев Н. Д. Теория истории А. С. Лаппо-Данилевского: К двадцатипятилетию его научно-литературной деятельности // Историческое обозрение. Пг., 1915. Т. 20. С. 106 и след.

са познания, он формулирует задачу исследования, осуществляет его и интерпретирует результат в рамках той или иной системы знания (парадигмы). И при развитии науки в рамках единой парадигмы (тем более в условиях сильного идеологического давления) очень часто принципы познания остаются неотрефлексированными исследователем, а закладываются в его сознание системой общего и специального образования. Лаппо-Данилевский считал методологическую рефлексивность важнейшей составляющей профессионализма ученого. Он утверждал, что «лишь в том случае, если историк, стремящийся к исторической правде, осознает те принципы и методы, которыми ему приходится пользоваться в процессе работы, он может ясно поставить себе известную познавательную цель, придать систематическое единство своему знанию исторической действительности, не смешивая разных понятий, и производить свою работу систематически, путем исследования, постоянно контролируя ее ход». (Т. 1. С. 92.) Сила рефлексии в методологическом труде Лаппо-Данилевского сродни бердяевскому «Самопознанию». Он неоднократно акцентирует внимание на том, что все основное действие разворачивается в сознании исследователя, процесс познания проходит в его голове. В частности, эта проблема рассматривается при выяснении объекта исторического познания. «При выяснении понятия об объекте исторического познания, — писал Лаппо-Данилевский, — я буду исходить из представления о действительности, содержание которого каждый из нас построит из эмпирических данных. В том случае, когда я высказываю ассерторическое экзистенциальное суждение о построенном мною из таких данных содержании моего представления, я и рассуждаю о действительности». (Т. 1. С. 329.) Ученый размышляет о том, что нет смысла обсуждать то представление, которое складывается на основе эмпирических данных под влиянием самых разных факторов в голове исследователя (и не только исследователя, а любого человека): ведь это представление несомненно существует, и оно индивидуально. Знание о действительности, по Лаппо-Данилевскому, «есть прежде всего обоснованное экзистенциальное суждение о содержании моего представления, т. е. о том именно, что в нем содержится». (Т. 1. С. 330.)

Актуальный для современной гуманитаристики вопрос о роли человеческого сознания, точнее человеческой психики, является центральным в методологии истории Лаппо-Данилевского. Человеческая психика выступает как системообразующий фактор и в соб-

ственно истории, и в ее познании. Идеалистическое мировоззрение Лаппо-Данилевского в сфере эпистемологии вело к тому, что процесс познания рассматривался как процесс обоснования содержания представления о действительности, которое складывается в человеческом сознании из эмпирических данных.

Исходным принципом методологической системы Лаппо-Данилевского является принцип «признания чужой одушевленности»², с точки зрения которого историк «конструирует <...> перемены в чужой психике, в сущности, недоступные эмпирическому <...> наблюдению». (Т. 1. С. 336.) Исследователь подробно обосновывает значение этого принципа в гуманитарном исследовании. Этот принцип необходим «... психологу, социологу или историку для того, чтобы объединять свое знание о наблюдаемых им чужих поступках и действиях». (Т. 1. С. 340.) Этот принцип принимается ученым не только в «регулятивно-телеологическом значении», т. е. «в качестве научной гипотезы, нужной для объяснения некоторой части действительности», но и «в качестве нравственного постулата, без которого нельзя представить себе “другого” как самоцель, в отношении к которой наше поведение и должно получить нравственный характер». (Т. 1. С. 340.) Таким образом, проблема нравственности познания не только ставилась Лаппо-Данилевским, но и составляла одну из основ его научной системы.

«Признание чужой одушевленности» как эпистемологический принцип, подчеркивает автор, нельзя смешивать с «мнимо-эмпирическим знанием» «чужого я», поскольку историк может лишь гипотетически конструировать «чужое я» по внешним обнаружениям его духовной жизни, по объективированным результатам его психической деятельности, т. е. по продуктам культуры, рассматриваемым в системе исторического знания в качестве исторических источников. Вывод о возможности строго научного исторического познания на основе объективированных продуктов человеческой психики (исторических источников) привел исследователя к конституированию науки об исторических источниках (источниковедения) в самостоятельную отрасль знания. «Методология источниковедения, — писал Лаппо-Данилевский, — устанавливает, главным образом, те производ-

² Подробнее см.: Румянцева М. Ф. Концепт «признание чужой одушевленности» в русской версии неокантианства // Cogito: альманах истории идей. Ростов н/Д, 2007. Вып. 2. С. 35–54.

ные принципы и методы, на основании которых историк считает себя вправе утверждать, что факт, известный ему из данных источников, действительно существовал; она рассматривает, что именно источники дают для нашего знания об исторической действительности и в какой мере оно доступно нам при данных условиях». (Т. 2. С. 9.)

Итак, исследователь конструирует «чужое я». При этом он исходит из собственной индивидуальности, из собственного исследовательского и жизненного опыта и использует для воспроизведения в себе «чужого я» переживание, ассоциирование и заключение по аналогии. Создавая свою методологическую систему, Лаппо-Данилевский начинает с анализа того, как протекает процесс познания, в том числе и исторического, в человеческом сознании вообще, и в сознании исследователя в частности. И эти три способа воспроизведения «чужой одушевленности» не являются, строго говоря, научными методами. Переживание — это обыденный способ воспроизведения в себе «чужого я» в ситуации повседневного человеческого общения. На ассоциировании была построена режиссерская система К. С. Станиславского. Актер должен вжиться в образ, сознательно ассоциировать себя с персонажем, то есть воспроизвести в себе «чужую одушевленность» — «Я» своего персонажа, и это повлечет за собой адекватное внешнее выражение душевной жизни, и именно это внешнее выражение (действие, реализация) и воспринимается зрителем. Кстати, режиссерская система Станиславского разрабатывалась в те же годы, что и методологическая система Лаппо-Данилевского. И в качестве собственно научного способа воспроизведения «чужого я» методолог называет заключение по аналогии.

Рассматривая психологическое понимание человека как основную задачу гуманитарного знания, а понимание человека прошлого (и шире — индивидуума, под которым может пониматься как отдельный человек, так и «коллективная индивидуальность» — общность людей, — в предельном смысле человечество) как задачу исторической науки, именно невозможностью полного воспроизведения «чужого я» обуславливает Лаппо-Данилевский границы исторического, и в целом гуманитарного, познания. Он писал: «...воспроизведение чужой одушевленности во всей ее полноте представить себе нельзя, хотя бы уже потому, что в таком акте всегда соучаствует то сознание, в котором чужая одушевленность воспроизводится: “я” не могу перестать быть “я” даже в момент сочувственного переживания чужого “я”. Такое пережи-

вание, ассоциирование и заключение по аналогии обыкновенно сводится к воспроизведению в себе не чужого “я”, а более или менее удачной комбинации некоторых элементов его психики...». (Т. 1. С. 345.)

Лаппо-Данилевский подчеркивал эпистемологические сложности, возникающие при «воспроизведении одушевленности» человека прошлого, субъекта истории. Но и в этом случае историк может опираться только на свой жизненный и научный опыт. Других возможностей для понимания «Другого» нет. Исследование начинается с «научного анализа элементов своей собственной душевной жизни». Историк при этом исходит из того, что его психика и психика изучаемого им субъекта различаются лишь интенсивностью составляющих их элементов. Однако историк не может быть полностью уверен в соответствии друг другу самих комбинаций этих элементов, поэтому, основываясь на анализе собственной психики, историк вынужден ограничиться констатацией сходства отдельных элементов, «общих обеим одушевленностям», а не их систем. (Т. 1. С. 349.)

Признание границ познаваемого в истории не ведет к эпистемологическому пессимизму, поскольку методологический подход Лаппо-Данилевского максимально отодвигает эти границы и расширяет поле строго научных гуманитарных исследований. Как уже отмечалось, особое место в своей системе исследователь отводит методологии источниковедения, впервые конституируя его в качестве самостоятельной научной дисциплины со своим предметом и методом. Рассматривая предмет источниковедения (исторический источник) как «реализованный продукт человеческой психики, пригодный для изучения фактов с историческим значением» (Т. 2. С. 38), ученый исследует методы его интерпретации, целью которой и является понимание индивидуума прошлого — творца произведения культуры (исторического источника).

Именно исторический источник в качестве объективированного проявления человеческой психики позволяет исследователю в ходе его интерпретации «перевоспроизвести в себе то именно состояние сознания, которое ему нужно для научного объяснения изучаемого им объекта». Лаппо-Данилевский так описывает процесс воспроизведения «чужой одушевленности» в ходе гуманитарного исследования: историк «...как бы примеряет наиболее подходящие состояния своего собственного сознания к проанализированному и систематизированному им внешнему обнаружению чужой одушевленности, подслушивается под

нее и т. п.; ему приходится искусственно <...> ставить себя в условия, при которых он может вызвать его и т. п., хотя бы и несколько раз. Лишь после таких исследований он может перевоспроизвести в себе то именно состояние сознания, которое он считает нужным для надлежащего понимания чужих действий...» (Т. 1. С. 347–348.)

Целостность общества у Лаппо-Данилевского не конструируется из элементов, а существует изначально и познается на основе единого принципа признания «чужой одушевленности». Еще раз подчеркнем, что под индивидуумом методолог подразумевает не только человека. Вводя в определение объекта исторической науки понятие «изменения» и рассматривая его как результат психического взаимодействия между средой и индивидуумом, исследователь подчеркивает, что понятия индивидуальности и среды могут быть более или менее широкими, под индивидуальностью может пониматься «группа народов, между собой родственных (или государств), или отдельный народ (или государство), или общественный слой, или город, или союз, или, наконец, отдельное физическое лицо». (Т. 1. С. 354.) В качестве объединяющего фактора служит единство воли, способность к единству целеполагания и действия для достижения цели. Ученый поставил задачу воспроизведения психики этого коллективного индивидуума. Не анализируя здесь проблему соотношения понятий «психика коллективного индивидуума» и модного в недавнем прошлом нашей гуманитаристике, хотя и неопределенного понятия «ментальность», отметим лишь, что идея Лаппо-Данилевского представляется не менее плодотворной, хотя бы в силу констатации единства психики. Она выступает как исходный момент исследования, а не как завершение научной реконструкции действительности в системе: экономика — социальные отношения — ментальность. Исследователь рассматривает не единичный факт воздействия индивидуума на среду, а включает его в эволюционное целое.

Кроме понятия «эволюционное целое», частью которого выступает исторический факт, Лаппо-Данилевский вводит понятие «мировое целое». Это понятие не конструируется методологом как научная категория, а он констатирует восприятие человеческим сознанием «мирового целого» как факт: «историк представляет действительность в виде единого целого». Здесь опять речь идет об анализе реального восприятия действительности субъектом познания. Человеческому сознанию «только мировое целое, единое и единичное представляет-

ся в полной мере действительностью, каждая из частей которой лишь искусственно может быть извлекаема из реального единства для научного ее рассмотрения». (Т. 1. С. 361.) Таким образом, понятие мирового целого — это предельное понятие, историк вычленяет объект своего исследования как часть мирового целого. В номотетическом плане исследуя воздействие среды на индивидуума, в качестве основного объекта исторического изучения Лаппо-Данилевский рассматривает воздействие индивидуума на среду, в предельном смысле — воздействие человечества, как части мирового целого, наделенной сознанием, на мировое целое. Человечество при этом, как коллективный индивидуум, «состоит из индивидуальностей, способных сообща сознавать абсолютные ценности». (Т. 1. С. 362.) Размышляя о направлении развития человечества, Лаппо-Данилевский приходит к выводу, что человечество по мере объединения своего сознания на основе сознания абсолютных ценностей все больше становится «великой индивидуальностью». Осознавая и реализуя систему абсолютных ценностей, человечество, с одной стороны, становится все более взаимозависимым, а с другой стороны, все больше воздействует на тот универсум, частью которого оно является. Эта идея об усилении взаимозависимости человечества была сформулирована Лаппо-Данилевским накануне Первой мировой войны, которая, по-видимому, впервые явила людям фатальную реализацию этой взаимозависимости.

Итак, понятие исторического целого как части мирового целого строится с эволюционной точки зрения. И это еще один принципиально важный момент в построении Лаппо-Данилевского. Суть в том, что в XIX в. наиболее очевидные достижения исторической науки были связаны с позитивизмом, девиз которого звучит весьма прагматично: «savoir pour prévoir, prévoir pour prévenir» (знать, чтобы предвидеть, предвидеть, чтобы предотвратить). Позитивизм органичен для общественного сознания, а следовательно и для науки XIX в., да и во многом XX в., поскольку его постулаты вполне соответствуют технократической ориентированности западноевропейского общества периода перехода от нового к новейшему времени и в новейший период истории. Понятия «мирового целого» и «эволюционного целого», используемые в построении Лаппо-Данилевского, являются основой преодоления позитивистского миропонимания. Увлеченность событийной историей (позитивизм не дает возможности для построения какого-либо другого исторического знания) привела к

тому, что историки утратили смысл своих скрупулезных исследований, «коллекционирование» фактов постепенно стало превращаться в «самоцель». Встала проблема ценности исторического факта, точнее факта, почерпнутого в ходе критического изучения исторических источников. Лаппо-Данилевский не за всяким фактом признает право называться «историческим фактом» и, следовательно, быть включенным в историческое построение, а только за таким фактом, который оказал воздействие на эволюционное целое. Но методолог подчеркивает, что определить возможность включения факта в эволюционную серию можно только в процессе исследования.

Для современной науки актуальна задача реализации междисциплинарных подходов и полидисциплинарного синтеза. Мы уже отмечали, что хотя труд Лаппо-Данилевского называется «Методология истории», автор обращается к методологии гуманитарного познания в целом, аналитически выделяемой частью которого и выступает методология истории. Единую эпистемологическую основу гуманитарных и социальных наук составляет принцип «признания чужой одушевленности». Реальную, практическую основу междисциплинарного синтеза дает разработанное исследователем учение об исторических источниках. Ведь гуманитарное знание не добывается в процессе эксперимента, а передается от человека к человеку через созданное им, результат его творческой деятельности. Таким образом, каждая из гуманитарных наук имеет свой предмет изучения, но объект у них един — произведения культуры в широком понимании (то, что создано человеком, в отличие от «созданного» природой), выступающее в системе категорий исторической науки как исторический источник.

Одна из актуальных проблем в современной историографии — соотношение исследования общественных систем и конкретно-событийной истории. Увлечение исследованием закономерностей, тенденций, процессов привело к ностальгии по «событийной истории»; в свою очередь, столь популярная в последние десятилетия прошлого века история «казусов» (микростория) заставила задуматься о перспективах утраты целостного восприятия исторического процесса.

Лаппо-Данилевский, как уже отмечалось, исходил из понимания исторического знания как идиографического по своей природе, но при построении исторического целого использовал и номотетический метод, рассматривая таким образом идиографию и номотетику

как два подхода к единому объекту истории. Он писал: «С номотетической точки зрения историк изучает то, что есть общего между изменениями, с идиографической — то, что характеризует данное изменение, отличает его от других и, таким образом, придает ему индивидуальное значение в данном процессе». (Т. 1. С. 332.) Иными словами, историк преимущественно изучает индивидуальное воздействие индивидуума на среду с идиографической точки зрения, но для объяснения этого воздействия он должен учесть воздействие среды на индивидуума с номотетической точки зрения.

Таким образом, Лаппо-Данилевским была выработана целостная концепция рационального, строго научного гуманитарного познания, содержащая системное, исходящее из единого основания решение современных ему эпистемологических проблем. В эпистемологической ситуации начала XX в. учение Лаппо-Данилевского противостояло, с одной стороны, распространяющемуся интуитивизму (А. Бергсон, Н. О. Лосский, С. Л. Франк), а с другой стороны — наступлению марксизма и его социологической доктрины.

Личность А. С. Лаппо-Данилевского

Теоретико-познавательная концепция Лаппо-Данилевского дает ключ к пониманию его личности. Две основные идеи эпистемологической системы Лаппо-Данилевского — принцип признания «чужой одушевленности» и «мирового целого» — были не только постулатами его историософской концепции, но и жизненными принципами. В записных книжках, которые он вел с молодых лет (выдержки из них приводит И. М. Гревс в очерке о Лаппо-Данилевском³), мы находим не одно подтверждение этому. Не принимая распространенное в среде студенчества убеждение, что жизнь заключается в борьбе, Лаппо-Данилевский пишет, что жизнь — в любви, но в «любви не частной, принимающей во внимание индивидуальные интересы немногих и тем самым отрицающей интересы им противоположные, имеющие, может быть, разумное основание, основанной на личном семейном или даже национальном эгоизме, иначе называемом патриотизмом, но в любви, обращенной на все живущее, в доброй воле, благорасполо-

³ Гревс И. М. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский (опыт истолкования души) // Русский исторический журнал. Пг., 1920. Кн. 6. С. 44–81.

жении ко всему сущему, — в любви, основанной на сознании самого себя, как части мировой души, и вытекающем отсюда чувстве гармонии, высшего, нерушимого счастья и душевного покоя». Гревс писал, что мирозерцание Лаппо-Данилевского, выработанное им самим, не только объясняло бытие, но и давало смысл жизни. Подтверждение этому — рассуждение из той же записной книжки: «Что такое моя личная жизнь сама по себе? Жалкий и бессмысленный обрубок без начала и конца, меня вовсе не удовлетворяющий. Но если я на себя взгляну как на частицу вселенной, а на свою жизнь как на микроскопическую долю мирового процесса, я буду видеть начало и конец такой жизни»⁴.

Оставаясь приверженцем строгой научности исторического познания, Лаппо-Данилевский различал понятия «истины» и «правды», следуя здесь за учением Н. К. Михайловского. «Под истиной я разумею, — отмечал в своих записных книжках Александр Сергеевич, — логическую мысль, мысль строгую, бесстрастную, безмятежную, но и безнадежную. Под правдой я разумею не логическую мысль, а нравственное чувство, то чувство, благодаря которому каждый из нас радуется чужой радостью, скорбит чужою печалью, то чувство, благодаря которому он [человек] не только рассматривает свою жизнь как субъективное патологическое явление, не только возвышается до объективного ее изучения, но ею участвует и в окружающей его жизни. Человек, в противопоставлении со вселенной, такое ничтожество в пространстве, о котором и говорить нечего и думать не стоит. Но если он будет рассматривать себя как атом, как частицу, хотя бы малейшую частицу мирового здания, как шорох, незначительный звук в гармонии вселенной, словом, если мы взглянем на себя как на участников в мировой жизни, не человеческой только, но именно мировой, — тогда получим значение и станем на свое место. А между тем, занять такое место человек может лишь тогда, когда станет служителем начала истины и правды, когда подчинится взаимодействию этих начал»⁵. Таким «служителем начала истины и правды» и был Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский и в науке и в жизни.

Невозможно согласиться с А. Е. Пресняковым, который писал, что в силу особенностей воспитания, оторванности в детские и юноше-

⁴ Гревс И. М. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский (опыт истолкования души) // Русский исторический журнал. Пг., 1920. Кн. 6. С. 58.

⁵ Там же. С. 64.

ские годы от «великорусской национальной стихии и традиций Московской Руси» Лаппо-Данилевский «был бóльшим «европейцем», чем кто-либо из деятелей русской историографии, человеком иной культуры и иной духовной среды»⁶. Да, Лаппо-Данилевский был человеком европейски образованным, он не замыкался в рамках только российской исторической науки, но глобализм историософской концепции Лаппо-Данилевского, нравственное стремление не только к истине, но и к правде свойственны именно русскому мировосприятию. И совершенно по-русски мучился Лаппо-Данилевский невозможностью воплотить свое миропонимание в конкретно-историческом исследовании. «Высокое напряжение теоретической (строющей) мысли, — писал Гревс — сопровождалось и нередко подкашивалось суровой критической работою. Всего сильнее и глубже она выражалась в строжайшей самокритике, заходившей часто за пределы, в каких она является плодотворною»⁷. Это обусловило глубокий трагизм личности Лаппо-Данилевского. Анализируя его характер, И. М. Гревс вспоминал: «В муках он творил, с мукою переживал, мучительно сходился, мучительно ощущал разногласие, болезненно реагировал на события, обстановку, людей, постоянно ощущал себя ниже взятой задачи; самочувствие его от этого принижалось без всякого реального основания». Целенаправленно выработав собственное мирозерцание, Лаппо-Данилевский, по словам Гревса, преодолел «трагизм ощущения настоящей жизни оптимизмом во взгляде на грядущие судьбы мира, но — и это очень важно для понимания его личности — он остался глубоким пессимистом по отношению к самому себе»⁸.

Судьба наследия

Даже беглый обзор концепции Лаппо-Данилевского показывает, что многие проблемы, которые ставятся в процессе современных методологических исканий, были поставлены российской гуманитарной наукой еще на рубеже XIX–XX вв. И не только поставлены — была предложена целостная теория исторического знания, выработаны методы достижения строгой научности в гуманитаристике. Многие

⁶ Пресняков А. Е. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. Пг., 1922. С. 67.

⁷ Гревс И. М. Указ. соч. С. 65.

⁸ Там же.

из эпистемологических проблем и способы их решения, которые разрабатывал Лаппо-Данилевский, не утратили актуальности в современной социокультурной и теоретико-познавательной ситуации. Почему же это учение осталось на многие годы мало востребованным? Отметим несколько причин.

Во-первых, будучи созданным на основе идеалистической философии, учение Лаппо-Данилевского оказалось сложнее для восприятия, чем «конкурирующие» с ним материалистические концепции. И здесь не остается ничего другого, как согласиться с Г. И. Челпановым, который в начале прошлого века говорил: «Впечатление такое, как будто перед обществом поставлен настоящий вопрос — где истина, в идеализме или в позитивизме? Но общество не готово к ответу. Еще не распахана та нива, на которой семя идеализма могло бы принести обильные плоды. Этим воспользуется позитивизм, чтобы удержать за собой господство»⁹.

Во-вторых, развитие идеалистической философии и на ее основе методологии гуманитарных наук было прервано в нашей стране социалистической революцией и последующей идеологизацией всех сфер жизни, что сопровождалось высылкой («философский пароход» 1922 г.) и физическим уничтожением последователей рассматриваемого учения. Сам Лаппо-Данилевский умер в 1919 г., не дожив до 60 лет. Н. Д. Кондратьев и Г. Г. Шпет были расстреляны. Л. П. Карсавин погиб в лагере.

Но все же мы можем наметить два направления сохранения и развития наследия Лаппо-Данилевского: с одной стороны, в русской социологии и философии (в частности, в работах П. А. Сорокина, Л. П. Карсавина), содержащиеся в них идеи во многом были восприняты западноевропейской научной мыслью XX в., а с другой стороны, в практике преподавания источниковедения, дипломатики, вспомогательных исторических дисциплин в Историко-архивном институте на кафедре вспомогательных исторических дисциплин¹⁰, которую с 1943 по 1949 г. возглавлял Александр Игнатьевич Андреев — ученик и последователь Лаппо-Данилевского.

⁹ Отчет о деятельности Психологической семинарии при Университете св. Владимира за 1902–1906 гг. // Философские исследования. Киев, 1907. Т. I. Вып. 4. С. 6.

¹⁰ Подробнее см.: Простовалосова Л. Н., Станиславский А. Л. История кафедры вспомогательных исторических дисциплин. М., 1990. 71 с.

П. А. Сорокин, начиная свою «Систему социологии» с вопроса: «Имеется ли основание выделять явления межчеловеческого взаимодействия в особый класс и создавать для их изучения не только особую теорию, но и самостоятельную научную дисциплину?», — отвечал: «Люди — не только организмы; они сверх того еще существа, одаренные психикой, сознанием, разумом, т. е. рядом свойств, которых у остальных организмов нет. В этом смысле они особенны и единичны. В силу этого и явления их взаимодействия отличны от явлений взаимодействия остальных организмов»¹¹. И далее, перефразируя О. Глезера — автора «Размышлений об автономности биологической науки», Сорокин писал: «Удивительные процессы социально-психического взаимодействия и явлений сознания резко отделяют людей от мира явлений, изучаемых биологией, и образуют специфическую основу для автономности нашей науки»¹².

Карсавин в своей «Философии истории» высказывал целый ряд идей, созвучных идеям Лаппо-Данилевского, хотя, подчеркнем, в их подходах к историческому построению были принципиальные различия. Один из основных постулатов своей философии истории Карсавин формулировал следующим образом: «Человечество, как всеединый, в частности же всевременный и всепространственный, развивающийся субъект, несколько пугает привыкшее мыслить в категориях позитивизма сознание. И при крайней его пугливости и подозрительности, трудно его убедить в том, что как раз идея всеединства и только она и освобождает от всякой необоснованной метафизики, от таинственных трансцендентных сил, как бы их ни называли: душой, разумом, энергией или еще как-нибудь. Но можно, мне кажется, показать, что в научной истории нельзя обойтись без категории всеединства, все равно, изучаем ли мы историю человечества или историю социальной группы, существующей в эмпирически ограниченном пространстве и времени»¹³. В соответствии с этим подходом Карсавин определял предмет истории «как социально-психическое развитие всеединого человечества»¹⁴. Как и Лаппо-Данилевский, он понимал

¹¹ Сорокин П. А. Система социологии. М., 1993. Т. 1. С. 58.

¹² Там же. С. 65–66.

¹³ Карсавин Л. П. Философия истории. СПб., 1993. С. 90.

¹⁴ Там же. С. 98.

«социальную группу» как «историческую коллективную индивидуальность», рассматривая связанные с ней явления как наиболее типичные для исторической науки. При этом Карсавин отмечал, что эти явления нельзя трактовать «как общие всем членам данной группы, класса, народа». Вслед за Лаппо-Данилевским, Карсавин подчеркивал, что для историка существенны главным образом «психические факты»¹⁵.

Для советской исторической науки идеалистическая концепция Лаппо-Данилевского была абсолютно неприемлема. В этот период ее удавалось сохранять и передавать лишь в процессе преподавания в Историко-архивном институте, основанном в 1930 г. и долгое время существовавшем в системе НКВД. Дело в том, что если идеологизированной советской исторической науке высокий профессионализм был не нужен и даже опасен, то архивное дело как отрасль государственного управления без него не могло обойтись. Поэтому Историко-архивный институт постепенно превращается в советское время в своего рода убежище профессионализма в исторической науке. Здесь получили редкую возможность преподавать лучшие научные силы: А. И. Андреев, С. Б. Веселовский, Ю. В. Готье, В. И. Пичета, П. П. Смирнов, В. К. Лукомский, И. Ф. Колесников, П. Г. Любомиров, С. А. Никитин, И. И. Полосин, А. Н. Сперанский, М. Н. Тихомиров, Н. В. Устюгов, Л. В. Черепнин и другие ученые. Среди них были ученики и последователи Лаппо-Данилевского. В развитие идей Лаппо-Данилевского Ольгой Михайловной Медушевской (ученицей А. И. Андреева, в свою очередь, — одного из лучших учеников Лаппо-Данилевского) в последние десятилетия XX в. была создана концепция источниковедения как интегрирующего начала гуманитарного знания; разрабатывались на этой основе и другие проблемы методологии гуманитарного познания. На протяжении последних десятилетий О. М. Медушевская выступала как наиболее тонкий и глубокий интерпретатор концепции Лаппо-Данилевского. В начале XXI в. ею была сформулирована целостная теория когнитивной истории¹⁶, выведшая понятие историче-

¹⁵ Карсавин Л. П. Философия истории. СПб., 1993. С. 90–95.

¹⁶ См.: Медушевская О. М. Теория и методология когнитивной истории. М., 2008. 361 с.

ского источника как объективированного продукта творческой активности человека на новый уровень — уровень «эмпирической реальности человеческого мира».

* * *

В основе труда А. С. Лаппо-Данилевского лежит курс лекций по методологии истории, который он читал с 1906 г. студентам первого курса Санкт-Петербургского университета. Лекции под разными заглавиями были литографированы и опубликованы. Лаппо-Данилевский продолжал работать над своим курсом, расширяя его и пополняя новыми материалами. Так продолжалось практически до последних лет жизни ученого, о чем свидетельствуют сохранившиеся гранки «Методологии истории» с несколькими уровнями правки автора и корректурные оттиски первых глав, датированные 1917 г.

«Методология истории» состояла из двух частей, каждая из которых делилась на отделы. Первая часть — «Теория исторического знания». Вторая часть называлась «Методы исторического изучения» и делилась на два крупных отдела: отдел первый «Методология источниковедения» и отдел второй «Методология исторического построения». В дальнейшем эта структура на уровне крупных разделов практически не менялась. Первую часть и отдел первый второй части автор переработал и опубликовал уже не в виде литографии, а типографским способом в 1910–1913 гг. Отдел второй части второй «Методология исторического построения» не переиздавался с 1909 г., оставшись только в виде литографированных лекций.

В настоящем полном издании «Методологии истории» первая часть и отдел первый второй части публикуются по изданию 1910–1913 гг. Отдел второй части второй воспроизводится по литографированному изданию 1909 г.¹⁷

¹⁷ Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории: Пособие к лекциям, чит. студентам С.-Петерб. ун-та. СПб.: Студ. изд. ком. при Ист.-филол. фак., 1910. Вып. 1, ч. 1: Теория исторического знания: Пособие к лекциям, чит. студентам С.-Петерб. ун-та в 1909/10 уч. г. 292 с.: ил.; СПб.: Студ. изд. ком. при Ист.-филол. фак., 1913. Вып. 2, ч. 1: Теория исторического знания. Ч. 2: Методы исторического изучения: Пособие к лекциям, чит. студентам С.-Петерб. ун-та в 1910/11 уч. г. С. 293–799; *его же*. Методология истории. СПб.: Лит. Богданова, 1909. Ч. 2: Методы исторического изучения, отд. 2: Методология исторического построения: Лекции, чит. студентам С.-Петерб. ун-та в 1908/09 acad. г. 249 с.

В публикации полностью сохранен авторский стиль Лаппо-Данилевского: характерное для автора использование формы «построить», «построяет», «построяемый»; окончания местоимений -ею (своею, собою и др.); написание некоторых терминов (например, консензус); принятое в начале XX в. написание имен и фамилий зарубежных философов и историков; авторские дефисы (например, собственно-исторический и др.); авторские знаки препинания, за исключением случаев совершенно явного несоответствия нормам современного русского языка; авторские сокращения.

При передаче текста вносились принятые в XIX — начала XX в. исправления (например, «ея»); а также использовано современное, слитное, написание слов «ввиду», «наряду», «вправе» и др. В публикации сохранена нумерация страниц внутритекстовых ссылок Лаппо-Данилевского, страницы первого тома настоящего издания выделены угловыми скобками.

В работе над изданием принимали участие: подготовка текста — Р. Б. Казаков, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева; статья «Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский» — М. Ф. Румянцева; статья «Методология истории как строгой науки» — О. М. Медушевская; комментарии — Т. В. Пимон, М. Ф. Румянцева; указатель имен — Р. Б. Казаков, М. Ф. Румянцева.

Составители выражают благодарность Д. А. Добровольскому, И. А. Кирсановой, Т. А. Кузнецовой, А. Н. Мешкову, Е. В. Плавской, Д. Н. Рамазановой, Г. Р. Саатчяну и П. П. Шкаренкову, на разных этапах принимавшим участие в подготовке текста.

*М. Ф. Румянцева,
кандидат исторических наук*

Методология истории как строгой науки¹

Единство науки и различие методов исследования

Новое издание классического труда, в данном случае — «Методологии истории» А. С. Лаппо-Данилевского, правомерно тогда, когда оно активизирует рефлексию научного сообщества над актуальными проблемами гуманитарного познания. Целесообразно поэтому обозначить основные направления подобных дискуссий.

В начале XX в. сообщество ученых оказалось перед очевидным фактом, что их общий объект — мир природы и мир человека — неизмеримо более сложен, нежели это представлялось ранее, и, соответственно, традиционные методы неэффективны для его постижения. Критическое переосмысление традиционной позитивистской методологии стало необходимым для дальнейшего развития. Преодоление позитивистской методологии, становящейся тормозом для постижения бесконечной сложности мира природы и мира культуры, и выработка новых познавательных стратегий оказались в центре внимания научного сообщества и, в конечном счете, раскололи его. Преодоление этого раскола, в свою очередь, оказалось главной проблемой методологических и науковедческих дискуссий нашего времени. Позитивистская парадигма, развивавшаяся под влиянием успехов естественнонаучного знания, сформировала определенную ие-

¹ Концептуальная статья О. М. Медушевской (1922–2007) была специально подготовлена ею для издания «Методологии истории» А. С. Лаппо-Данилевского в 1998–1999 гг., когда задумывалось это издание. О. М. Медушевская в течение нескольких последних десятилетий являлась наиболее тонким и авторитетным интерпретатором теоретико-познавательной концепции А. С. Лаппо-Данилевского, и на заключительном этапе подготовки издания его составители сочли необходимым опубликовать эту статью, являющуюся в настоящее время значимым историографическим фактом, фиксирующим переход от целостного осмысления и системной репрезентации теории исторического знания А. С. Лаппо-Данилевского к созданию собственной оригинальной концепции О. М. Медушевской, представленной в ее последней посмертно опубликованной монографии «Теория и методология когнитивной истории» (М.: РГГУ, 2008.).

рархию ценностей профессионализма ученого. В ней приоритетным было представление о точности знания, чистоте экспериментального опыта, исследовании эмпирического материала, верификации научного результата прежде всего путем его критического осмысления. К этому идеалу в меру возможностей стремилось и гуманитарное, в том числе и историческое, знание.

В новых условиях, когда потребовался выход за пределы ограниченных предметных областей, возникла дилемма: под вопросом оказалась либо точность эмпирически выведенного результата, которая ограничивает возможности исследователя, либо возможность постижения более сложных, не выраженных эмпирически, феноменов мира культуры. «Методология истории» А. С. Лаппо-Данилевского актуальна для нас тем, что в своей работе ученый ставит и решает эту проблему применительно к исторической науке, вернее, к гуманитарному знанию в целом.

Гуманитарное знание как строгое знание создает исследовательскую проблему. Строгое знание — это прежде всего знание верифицируемое, т. е. открытое для воспроизведения исследовательских процедур, сохраняющее возможность их повторного проведения, предполагающее контроль научного сообщества над его результатами.

Такое представление о строгом знании существовало в позитивистской парадигме методологии истории начала XX в. «Нет истории без текстов» (документов), — утверждали основоположники данной парадигмы, имея в виду текст документа в его материальном образе. На этом и строится этос научного сообщества данного типа. Изучение свойств материального образа объекта (внешняя критика, подлинность) является одним из важнейших его содержательных постулатов. Однако образ объекта в его эмпирической реальности, в свою очередь, ограничивает интерпретационные возможности изучения того, что стоит «за текстом», за материальным образом. Данная проблема находится в центре методологической парадигмы неокантианства, возникшей на фоне кризиса позитивизма.

Данная парадигма акцентирует различие возможностей наук о природе и наук о культуре, ставя в центр интерпретацию взаимодействий объекта (в его эмпирической форме) и субъекта познания. Расширяя пространство интерпретаций текста, подтекста, контекста и стоящего «за текстом» содержания информации, эта парадигма определяет новое качество методологии наук о человеке. Но и она

имеет свои ограничения, свои проблемные поля: информационный потенциал, будучи оторван от материального образа, оказывается недоступным для верификации, остается в сфере деятельности познающего субъекта, но не науки в целом. Мыслители XX в. предложили два различных выхода из сложившейся ситуации. Наряду с феноменологией, исходившей из представления о единстве мира и научного знания о нем, другая парадигма ставит в центр внимания специфику наук о культуре, в отличие от наук о природе. В рамках данной стратегии познания представители естественных и гуманитарных наук осуществляют поиск собственной идентичности отдельно (деление на науки о природе и науки о культуре и их методологий). Этот подход, как известно, нашел широкую поддержку среди профессионалов-гуманитариев и представителей исторического знания в частности. Данная парадигма, акцентируя высокую степень сложности гуманитарного познания, видела выход в активизации познающего субъекта, его способности к систематизации информационного хаоса разнородных культурных феноменов. В рамках данного подхода снижается роль «вечных значимостей»² науки, подвергаются сомнению ее возможности достижения строгого знания и роль научного сообщества в его создании. Естественным следствием усвоения данного подхода стала модификация образовательной модели профессионала историка (за счет снижения роли методологических дисциплин) и снижение статуса истории как науки, обеспечивающей надежность результатов исследования, в общественном сознании XX в.

Став достоянием массового сознания и многократно воспроизводимая вновь под влиянием соответствующей образовательной модели гуманитария (историка), данная познавательная ситуация способствовала окончательному размыванию и без того проницаемой границы между гуманитарной наукой и искусством. Образ Клио как музыки истории, возникнув из глубины веков, обрел свои новые воплощения.

Однако ход мирового развития, усвоение массовым сознанием собственного социокультурного опыта, небывалое ранее ускорение темпов передачи информации (благодаря современным средствам коммуникаций и информационным технологиям) — все эти составляющие существенно меняют социокультурную ситуацию. Необходи-

² Гуссерль Э. Философия как строгая наука // Гуссерль Э. Философия как строгая наука. Новочеркасск, 1994. С. 172.

мость привлечения исторического опыта человечества для принятия новых решений стала осознаваться не только узким кругом интеллектуальной элиты, но и более широкими слоями представителей гражданского общества. Характерно, что в структурах повседневности эта потребность стала теперь реализовываться не столько через обращение к академической науке, сколько через более близкие массовому сознанию формы культуры: среди них — интерес к семейным генеалогиям, региональной истории, этнически или конфессионально ориентированным реалиям прошлых эпох и традиций, коллекционированию бытовых вещей и т. п. Эту новую ориентацию возрастания историзма массового сознания широко используют журналистика, публицистика, литература, искусство. И уже затем происходит переориентация на исторический источник научно-исследовательской и публикаторской деятельности по всему спектру гуманитарных и социальных наук, что, в свою очередь, не остается незамеченным аналитиками науки. Таким образом научное сообщество постепенно меняет свое отношение к идее истории как строгой науки. Ряд господствующих в нем направлений ориентированы отнюдь не на строгость гуманитарного знания. Их сильная сторона состоит в том, что они сосредоточивают внимание на сложности гуманитарного познания — на непознаваемости внутреннего мира человека, на противоречиях психологической, биологической, социальной составляющих его личности и их несводимости к целостности универсума. В результате стало возможным более ясно сформулировать наиболее трудные вопросы познания в науках о человеке. Современный гуманитарий, и прежде всего — историк, оказывается перед лицом этих трудных вопросов. Почему теория исторического процесса и теория исторического знания развиваются как два расходящихся исследовательских направления; почему исследования в области макро- и микроистории идут по разнонаправленным векторам, — в том смысле, что усилия исследователей не складываются в целостную картину, не находят точек встречи. Неясно также, существуют ли, в принципе, типологии и структуры культурных объектов, расширяющих возможности компаративистики. Действительно ли структурный метод, опирающийся на языковые структуры и потому владеющий компаративными возможностями сравнения языковых систем, составляет единственную возможность структурно-типологических исследований в гуманитарных науках?

Современный гуманитарий, знающий, как ставятся и дискутируются эти и подобные им вопросы в структуралистской и особенно постструктуралистской культурной реальности, с особым интересом отнесется к публикуемой здесь классической работе основателя иной, феноменологической концепции методологии истории, и, соответственно, к идеям и методам научно-педагогического направления, развивающего эту концепцию в настоящее время. Данное направление, оказываясь перед лицом общих для гуманитарного знания проблем и методологических трудностей, выдвигает для их решения оригинальный подход. Как увидим далее, в его основе системообразующее значение имеет понятие исторического источника. Данная источниковедческая парадигма методологии истории ставит в центр своего внимания достижение строгого, логически выверенного, последовательного продвижения исследователя от непосредственного данного эмпирического объекта к воссозданию культурного целого, частью которого этот объект является. Этот путь, эта система методов и составляют центральную проблему «Методологии истории».

* * *

Осознавая негативные результаты восходящей к неокантианству модели развития науки, акцентирующей внимание на специфике исторического знания как идиографического и на интерпретационных возможностях познающего субъекта, современные гуманитарии проявляют все возрастающий интерес к другим, более конструктивным парадигмам гуманитарного знания.

В условиях кризиса позитивистской методологии научного знания возникла и другая парадигма. Она акцентирует не разделение наук по их познавательным методам, но, напротив, подчеркивает системность мирового целого, единство познавательных целей и методов наук о природе и наук о культуре. Мировое целое выступает как системный общий объект — наук о природе, которые изучают природу, отнюдь не отвлекаясь от того факта, что именно в ней возникло и функционирует человеческое сознание, становясь, по мере развития, «геологической силой», изменяющей природу (В. И. Вернадский); и, соответственно, наук о культуре, которые изучают историю человечества как особую часть мирового целого, одаренную сознанием, и в то же время его системную составляющую (А. С. Лаппо-Данилевский). Прогресс в науках

связывается ими прежде всего с активизацией исследовательской логики, с формированием системной методологии наук в целом и ее отдельных предметных областей. В этих условиях, подчеркивают мыслители этого направления, раздельное развитие наук и методологическое их разобщение выступает лишь как признак критического состояния научного сообщества. Логика науки должна стать предметом особых теоретических рефлексий, формировать область знания о науке внутри науки, постоянно создавать преемственность и совершенствовать профессионализм через новую образовательную модель. Данный подход вызревает в среде профессионалов-мыслителей, причем некоторые из них делают первые попытки создать соответствующие труды в области точных и естественных наук («Начало геометрии» Э. Гуссерля и ряд работ В. И. Вернадского). Однако системная методология естественных наук не была ими выведена на уровень методов дисциплины высшей школы. Напротив, системная логика гуманитарного знания — в виде теории исторического знания и методологии истории — выходит на этот качественно новый уровень. Концепция Лаппо-Данилевского обосновывалась, аргументировалась и поверялась практикой исследования и преподавания в Петербургском университете с конца 90-х гг. XIX в., благодаря чему ученому удалось найти последователей, способных оценить возможности данной теоретико-методологической парадигмы, разъяснить и интерпретировать ее познавательные идеи и в дальнейшем реализовать их в рамках тех возможностей, которые открывала перед ними постреволюционная социальная реальность. Определенные условия для развития данной парадигмы, и прежде всего — ее методологии источниковедческого подхода, позднее сложились в Историко-архивном институте, начиная со времени его создания (1930 г.). Образовательная модель была ориентирована на эффективный поиск, выявление информационных возможностей, оценку исторических источников. Подготовка специалистов, способных эффективно ориентироваться в информационном пространстве культурных объектов — исторических источников любых эпох и регионов, значение которых было вполне очевидно для централизованной административной системы государства, стала той областью социально-педагогической практики, в которой данное направление прошло свое становление и

развитие. В современных условиях общегуманитарного и вместе с тем междисциплинарного профиля Российского государственного гуманитарного университета это направление получило новые импульсы своего развития.

***

Науку надо рассматривать, писал Э. Гуссерль, «как создание коллективного труда исследующих поколений». Философ утверждал: «Наука <...> безлична. Ее работник нуждается не в мудрости, а в теоретической одаренности. Его вклад обогащает сокровищницу вечных значимостей, которая должна служить благополучию человечества»³. Важно понять «вечные значимости», которые дает «Методология истории» Лаппо-Данилевского.

«Методология истории» Лаппо-Данилевского представляет собой цельную, глубоко продуманную и теоретически аргументированную концепцию. Это — теория исторического знания, которая рассматривает систему методов функционирования науки о человеке — исторической науки как именно науки, т. е. как строгого и достоверного знания. В настоящее время, когда методология истории как строгой науки осознается как одна из наиболее актуальных проблем гуманитарного знания и, соответственно, проблем соответствующей образовательной модели, — труд Лаппо-Данилевского стал особенно актуален. Однако важно подчеркнуть, что данная концепция предполагает и достаточно глубокую интерпретацию ее читателем. Это хорошо понимали последователи ученого — его ученики первого поколения, посвятившие интерпретации концепции своего учителя собственные блестящие и глубоко продуманные труды. Прав был С. Н. Валк, когда он, предложив собственный очень интересный труд именно в развитие концептуальной идеи «Методологии истории», высказал следующее суждение о ее последующей судьбе в истории гуманитарной мысли: «...как все научное наследие А. С. [Лаппо-Данилевского. — О. М.] он [этот труд. — О. М.] в той же мере индивидуален и столь же вне сферы господствующих русских исторических направлений. Это последнее, и та высота научного уровня, которая требуется для того, чтобы приобщиться

³ Гуссерль Э. Указ соч. С. 171.

к трудам А. С., заставляет иногда с тревогой следить за судьбой идей А. С. ...»⁴ Валк писал об общем замысле «Методологии истории» и одном из его конкретных воплощений — «Очерке русской дипломатики частных актов». Однако последующая историография концепции Лаппо-Данилевского, по существу, отошла от ее цельного восприятия, сосредоточив внимание прежде всего на методологии источниковедения. Для того чтобы обратиться к целостной концепции, необходимо вначале остановиться на проблеме истории самого текста и его публикациях, которыми до сих пор пользовались исследователи.

Текст «Методологии истории» в свете ее общего замысла

Методология истории — проблема, над которой ученый работал на протяжении всей своей жизни. Важное значение для создания его концепции имел тот факт, что академик Лаппо-Данилевский, мыслитель и автор исследовательских трудов, ученый-историк, был в то же время выдающимся деятелем высшей школы, лектором, преподавателем, руководителем научного кружка, сформировавшего мировоззрение ряда будущих ученых. В Петербургском университете, на историко-филологическом факультете, начиная с 1906 г. был введен курс методологии истории с семинарскими занятиями к нему, который читал А. С. Лаппо-Данилевский. Впервые курс лекций под названием «Теоретическая методология истории» он опубликовал в 1907–1909 гг. Здесь уже прослеживается общий замысел, который позднее реализовался ученым в более полном и развернутом виде.

Курс состоит из трех частей. Первая задумана как систематическое изложение теорий исторического знания, представленных в мировой гуманитарной мысли. Эта часть представляет собой своеобразное теоретико-историографическое введение в концепцию исторического знания, которую разработал сам ученый. Он показал, что мыслители исходили из двух различных представлений об

⁴ Валк С. Н. [Рецензия] // Русский исторический журнал. 1922. Кн. 8. С. 258. Рец. на кн.: А. С. Лаппо-Данилевский. Очерк русской дипломатики частных актов: Лекции, читанные слушателям «Архивных Курсов» при Петроград археол. ин-те в 1918 г. Пг., 1918. 189 с. (См. переизд.: Валк С. Н. Избранные труды по историографии и источниковедению: Науч. наследие. СПб., 2000. С. 576–593.)

историческом процессе, ориентированных на выявление в нем двух различных типов информации. Одни были нацелены на поиск закономерностей, типических черт; другие — на выявление индивидуальных черт, но при этом интересовались их системными связями внутри данной индивидуальной целостности. Главная идея самого Лаппо-Данилевского состояла в том, что в историческом процессе надо выявлять и типологические, и индивидуальные черты (типологический и индивидуальный подход, в его терминологии). Лишь их использование по принципу дополнительности дает искомый синтез, открывает возможности постижения целостного объекта. Данная идея проходит в его «Методологии истории» как ключевая, определяя архитектуру труда в целом.

По существу, можно считать труд Лаппо-Данилевского своего рода антитезисом по отношению к неокантианской альтернативе наук о природе (номотетических) и наук о культуре (идиографических). Речь идет, таким образом, о преодолении противопоставления двух способов постижения реальности: отыскания в ней либо повторяемости, либо различия, типического или индивидуального. В живой реальности присутствует и то и другое, и суть подхода Лаппо-Данилевского состоит в том, чтобы, проанализировав возможности обоих методов, достигнуть их соединения, их синтеза на более высоком уровне. В философской литературе его времени для различения индивидуального и типологического подходов стала использоваться терминология мыслителей баденской школы — Виндельбанда и Риккерта, — а именно различение номотетического и идиографического подходов. Эту терминологию использует и Лаппо-Данилевский. При поверхностном прочтении его труда возникает иллюзия того, что автор разделяет не только терминологию баденской школы, но и ее классификацию наук по их методам. Однако структура и содержание «Методологии истории» позволяет понять, что в своей концепции ученый никогда не строил методологию исторического знания односторонне. Его идея — синтез обоих подходов с целью достижения более полного охвата изучаемого объекта в его целостности.

В первой части своего труда Лаппо-Данилевский использовал данную терминологию для классификации теоретических взглядов предшествующей литературы. В ней рассматривается характер исторических явлений либо с номотетической (типизирующей), либо с идиографической (индивидуализирующей) точек зрения. Показав

преимущества и критически рассматривая неполноту обоих подходов, ученый тем самым подготавливает читателя к восприятию собственной, оригинальной теории исторического знания. Он раскрывает проблему объекта науки и далее выстраивает системную методологию исследовательского процесса. В ней прослеживаются два этапа: на первом фрагмент реальности изучается как историческое, культурное явление (методология источниковедения) и на втором — на основании того, что данное явление возникло, существовало в культурной реальности, становится возможным воссоздать самое культуру как целостное явление (методология исторического построения).

Наиболее глубокие интерпретаторы концепции Лаппо-Данилевского определяли ее как «феноменологию культуры».

Именно такое определение давал С. Н. Валк, но он же вполне обоснованно высказывал опасение относительно того, как и насколько полно идеи Лаппо-Данилевского будут освоены научным сообществом историков и гуманитариев вообще. Отчасти это опасение было связано с тем, как сложилась история текста «Методологии истории» в реальности и в представлениях историков научной мысли.

Первый вариант своего труда «Теоретическая методология истории» 1907–1909 гг. сам ученый не принимал в качестве завершеного и деятельно работал над совершенствованием текста. Наиболее законченными являются две части его труда, опубликованные в 1910–1913 гг. под общим названием «Методология истории». В 1915 г. сам автор писал, что вышедшие тома «пока» не охватывают всю концепцию в целом: «Первый — посвящен систематическому изложению теории исторического знания в двух главных его направлениях — номотетическом и идиографическом, а также учению об объекте исторического знания; второй — содержит рассмотрение методов исторического изучения, *пока* [курсив наш. — О. М.] лишь в той их части, которая касается методологии источниковедения, т. е. главным образом, учения об источниках, их интерпретации и критике»⁵. Поскольку общий замысел труда и структура методологии истории в целом изложены ученым во введении первого тома, читатели могли понять этот замысел и без обращения к еще не опубликованному («пока») завершающему тому. Именно так и поступил

⁵ Материалы для биографического словаря действительных членов Императорской Академии наук. Пг., 1915. Ч. 1. С. 408.

рецензент издания 1910–1913 гг. молодой мыслитель Н. Д. Кондратьев, опубликовавший очень интересную статью под названием «Теория истории А. С. Лаппо-Данилевского» (1915 г.)⁶. К сожалению, сам Лаппо-Данилевский не успел подготовить для издания завершающий том «Методологии истории». Разумеется, наиболее глубокие интерпретаторы идей своего учителя, методологи, как прежде всего сам С. Н. Валк, хорошо понимали сложившуюся ситуацию. Воссозданию замысла в целом Валк посвятил специальную статью. Рассматривая значение последней книги Лаппо-Данилевского «Очерк русской дипломатики частных актов», Валк разъяснял, что эта работа много дает и для понимания методологии истории в целом. В ней представлено применение к целостному видовому корпусу источников, частных актов, общих принципов методологии источниковедения и методологии исторического построения⁷.

В историографии методологии истории последующего периода, на протяжении всего XX в. исследователи исходили из наличия двух томов издания. Попытка нового издания «Методологии истории», предпринятая учениками Лаппо-Данилевского, прежде всего А. И. Андреевым, привела к публикации первого тома (1923 г.), но далее была прервана как не отвечающая новому духу времени. В 1929 г. удалось опубликовать в академической серии «Материалы для биографии А. С. Лаппо-Данилевского», где приведена уже известная нам формула о двух томах «Методологии истории», первый из которых посвящен систематическому изложению теории исторического знания в двух главных его направлениях — номотетическом и идиографическом, а также учению об объекте исторического знания; второй содержит рассмотрение методов исторического изучения, пока лишь в той их части, которая касается методологии источниковедения.

За пределами внимания исследователей творчества Лаппо-Данилевского оставался до настоящего времени существенный факт: ученый издал в 1907–1909 гг. первый вариант своего труда, в котором, согласно авторскому замыслу, представлены все

⁶ Кондратьев Н. Д. Теория истории А. С. Лаппо-Данилевского: К двадцатипятилетию его научно-литературной деятельности // Историческое обозрение. Пг., 1915. Т. 20. С. 105–124.

⁷ Валк С. Н. Указ. соч. С. 244–258.

три составляющие: систематическое изложение теорий исторического знания, представленных в истории человеческой мысли; методология источниковедения; методология исторического построения⁸. Сопоставление этого издания 1907–1909 гг. с изданием 1910–1913 гг.⁹ показывает, что ученый существенно переработал текст первых двух томов. Однако, как уже говорилось, в этом издании третий том отсутствует.

Наша новая публикация представляет читателю все три части «Методологии истории», что позволяет яснее представить авторскую концепцию и соотношение в ней методологии источниковедения и методологии исторического построения. Первые две части публикуются по изданию 1910–1913 гг., где они представлены более полно, нежели в первоначальном варианте. Третья часть публикуется по изданию 1909 г.

Первоначальное издание 1907–1909 гг. носило другое название. Работа называлась «Теоретическая методология истории». Это название, вероятно, лучше отвечало замыслу самого автора. Имеется свидетельство (А. Е. Преснякова), что название курса, который в Университете читал Лаппо-Данилевский, — «Методология истории», ему не представлялось удачным и было дано не им самим, а администрацией факультета (историко-филологического факультета Петербургского университета, где курс и был поставлен). Однако, коль скоро это произошло, ученый читал курс «Методологии истории», то и название издания 1910–1913 гг. было им дано уже в соответствии с этим реальным фактом.

Разумеется, соединяя части из двух разных изданий, публикаторы отмечают, что возможны некоторые редакционные, стилистические, композиционные несогласования. Однако и преимущества такого объединения несомненны. Яснее становится замысел ученого и соотношение теории истории, методологии источниковедения и исто-

⁸ *Лаппо-Данилевский А. С.* Пособие к лекциям по теоретической методологии истории, читанным студентам Петербургского университета в 1906/7 учебном году. СПб., 1907. Ч. 1: Теория исторического знания. 305 с.; ил.; СПб., 1908. Ч. 2: Методы исторического изучения, отд. 1: Методология источниковедения. 295 с.; СПб., 1909. Ч. 2: Методы исторического изучения, отд. 2: Методология исторического построения. 251 с.

⁹ *Лаппо-Данилевский А. С.* Методология истории. СПб., 1910–1913. Вып. 1–2.

рического построения. Возможности более глубокой интерпретации концепции существенно возрастают.

Применительно к ситуации научного наследия ученого его коллеги выполнили образцово первый этап этой работы¹⁰. Они опубликовали полный список трудов ученого, а также обзор основных тематических групп материалов его огромного архива. Они анализировали главные черты его философской концепции (А. Е. Пресняков¹¹, Н. Д. Кондратьев, Т. И. Райнов¹²), личности (И. М. Гревс)¹³, академической деятельности (С. Ф. Ольденбург)¹⁴, педагогической работы (С. Н. Валк, Б. А. Романов, ранее — Райнов), использование методов социологии, права (Н. Д. Болдырев, Г. В. Вернадский, позже П. А. Сорокин), пытались переиздать его основной труд (А. И. Андреев). Ими было показано, что концепция методологии истории — главное достижение в творчестве ученого, и что она не только изложена в «Методологии истории», но последовательно применена на материале цельного корпуса источников — частноправовых актов, которые показаны методом источниковедения и методом исторического построения, т. е. как феномен функционирования частноправовых актов и, следовательно, отражение уровня правовой культуры русского общества. Заслуга данной интерпретации «Очерков русской дипломатики», образца применения системы методологии истории к конкретной исследовательской ситуации, принадлежит С. Н. Валку. Коллеги и ученики сделали все, что могли, для раскрытия теоретико-методологической концепции Лаппо-Данилевского. Для последующих поколений открылась возможность лучше понять тот тип научной культуры и научного сообщества, который сформировал концепцию Лаппо-Данилевского и сам испытал его культурное влияние.

¹⁰ Материалы для биографии А. С. Лаппо-Данилевского / Ред. изд. А. И. Андреев. Л., 1929. 58 с.

¹¹ *Пресняков А. Е.* Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. Пг., 1922. 94 с. (Биогр. б-ка).

¹² *Райнов Т. И.* О философских взглядах и педагогических пристрастиях А. С. Лаппо-Данилевского // Журнал Министерства народного просвещения. 1915. № 3. С. 44–57.

¹³ *Гревс И. М.* Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский (Опыт истолкования души) // Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6. С. 44–81.

¹⁴ *Ольденбург С. Ф.* Работа Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского в Академии наук // Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6. С. 164–180.

Концептуальное единство деятельности ученого

Отметим здесь те аспекты научной деятельности ученого, которые позволяют лучше понять замысел и идею его основного труда по теории и методологии исторического знания.

Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский (13/27 января 1863 — 7 февраля 1919 г.) — исследователь теории и методологии гуманитарного знания, мыслитель и историк, автор ряда трудов по истории государства и политической системы России, права и правового сознания, становления и развития научной мысли, причем не только гуманитарной, но и естественнонаучной. Он окончил Историко-филологический факультет Петербургского университета (1886) и был оставлен при кафедре русской истории для приготовления к профессорскому званию. Магистерская диссертация была посвящена теме «Организация прямого обложения в Московском государстве», что сразу выявило преимущественный интерес ученого к проблематике системного подхода, к феномену власти, политической системы и организации управления. Лаппо-Данилевского интересует не только динамика исторического развития явления, но и его структурно-системная организация. Эта особая и для историка непривычная направленность исследовательского подхода не укрылась от внимательного рецензента труда, каким был П. Н. Милоков, и он в критической форме отразил это свое впечатление. Отметим сразу, что определенную настороженность, а подчас и прямое неприятие своеобразного подхода к историческим явлениям со стороны его коллег, можно проследить на всем протяжении творчества ученого.

Рано проявилась в научной деятельности Лаппо-Данилевского особая «теоретическая и методологическая ориентация всего его отношения к исторической науке», которую справедливо отмечает такой аналитик его творчества, как А. Е. Пресняков¹⁵. Он сообщает, в частности (по личным впечатлениям слушателя семинаров и участника методологических дискуссий молодых коллег по факультету), что Лаппо-Данилевский с 1897–1898 гг. вел занятия — по методологии истории, «по теории обществоведения, вернее сказать», а с 1906 г.

¹⁵ Пресняков А. Е. Указ. соч. С. 67.

обязательный курс методологии истории. Лаппо-Данилевский на факультете читал лекционные курсы и вел семинарские занятия по проблематике истории сословий и другим проблемам истории России XVIII в., по историографии, по дипломатике русского частного акта. Курс «Методологии истории» он преподавал с 1906 г., причем, как вспоминает Пресняков, это название ученый не считал удачным, и был немало огорчен тем, что руководство факультета не согласовало с ним это название. Смысл этой неудовлетворенности Пресняков не объясняет, но, по-видимому, речь идет о том, что курс был посвящен теории исторического знания, — именно теория дает подлинное основание для разработки методологии — как пути достижения поставленной теорией цели познания. Таким образом, в качестве системообразующей черты личного творчества ученого выступает его устремленность к исследованию проблем теории исторического знания. Занятия конкретной проблематикой истории России в мировом историческом процессе, историей науки и проблемами дипломатии служили для него конкретным экспериментальным материалом. Они позволяли ему выявлять принципы системности и организации в ходе исторического процесса, российского прежде всего, интерпретировать который он считал возможным лишь в контексте мировой истории человечества в целом. Эта теоретико-методологическая устремленность далеко выходила за пределы менталитета научного сообщества историков его времени и ставила идеи ученого (как точно заметил С. Н. Валк) «вне сферы господствующих русских исторических направлений» его эпохи¹⁶.

Пространство, в котором функционировала творческая мысль ученого, это — метадисциплинарное пространство гуманитарного знания. Для того чтобы, по выражению Валка, «приобщиться к его идеям», нужна была особая «высота научного уровня». Этот метауровень отличает как самого ученого, так и весь круг близких ему мыслителей. «Совокупность этих занятий [по методологии истории. — О. М.] создавала в университете особую школу по философии общественных наук, значительную и влиятельную по ее воздействию на молодые поколения, выходящую при том за пределы историко-филологического факультета»¹⁷. Есть, с другой стороны, свидетель-

¹⁶ Валк С. Н. Указ. соч. С. 258.

¹⁷ Пресняков А. Е. Указ. соч. С. 31.

ства о влиянии ученого на Петербургских философов молодого поколения: «Кажется, никого нет среди философов молодых поколений в Петербурге, кто бы не прошел через его школу»¹⁸.

Направленность на формирование строгой науки определила еще одну характерную особенность Лаппо-Данилевского как ученого. Он хорошо понимал, что наука не есть достижение одной, пусть и выдающейся личности, но, прежде всего, она характеризуется состоянием научного сообщества, особого этоса науки. Поэтому он не жалел усилий для научно-организационных мер по созданию такого научного сообщества. Эта направленность объясняет его кипучую и разнонаправленную деятельность в качестве академика. В 1899 г. ученый стал адъюнктом Академии наук, затем экстраординарным, а с февраля 1905 г. — ординарным академиком. Огромные усилия Лаппо-Данилевский предпринимал для укрепления связей русской науки с международной. Сам он являлся членом Международной ассоциации Академий, Международного социологического института, был активным участником всех Международных конгрессов историков, происходивших в его время. В докладе Академии наук о конгрессе историков в Берлине (1908) он особо выделил деятельность секции методологии истории, раскрыв направление дискуссий по проблематике классификации исторических источников и методов вспомогательных дисциплин истории. На Международном конгрессе в Лондоне (1913) он выступал с докладом о русской политической мысли, отношениях общества и государства в России. По его предложению Лондонский конгресс принял решение о проведении очередного конгресса историков в Петербурге. Ученый встал во главе научно-организационной деятельности по подготовке этого конгресса, намеченного на 1918 г. По свидетельству ученого секретаря Академии наук С. Ф. Ольденбурга, Лаппо-Данилевский «хотел сделать этот конгресс образцовым»¹⁹. На нем, в частности, должен был быть решен вопрос о признании русского языка языком международного общения. Начало Первой мировой войны нарушило планы проведения Международного конгресса, но научное общение прервалось не

¹⁸ Болдырев Н. В. А. С. Лаппо-Данилевский: [Некролог] // Мысль: Журн. Петербургского филос. о-ва / Под ред. Э. Л. Радлова и Н. О. Лосского. Пг., 1922. № 1. С. 152.

¹⁹ Ольденбург С. Ф. Указ. соч. С. 164.

сразу. В 1916 г. Александр Сергеевич в составе группы русских ученых и общественных деятелей посетил Англию. Здесь он выступал в университетах, с докладом о русской науке²⁰. В Кембридже ему было присвоено звание почетного доктора права.

Лаппо-Данилевский был одним из членов-учредителей Русского социологического общества им. М. М. Ковалевского, созданного в 1916 г. при активном участии П. А. Сорокина. Работу по институционализации русской социологии он пытался продолжать и в послеоктябрьский период. Лаппо-Данилевский возглавил проект создания в рамках Академии наук Института социологии (1918), цель которого видел в изучении важных проблем общественной жизни: экономики, статистики, юриспруденции, государствоведения. Однако этому начинанию не суждено было осуществиться. Социалистическая академия М. Н. Покровского, рассмотрев проект, дала резко отрицательную оценку и отклонила его в августе 1918 г. Одним из важных аспектов деятельности ученого в послеоктябрьский период стало его активное участие в преподавании на Архивных курсах²¹. Результатом стал новый труд, продолживший и в известной мере завершивший многолетнюю работу над проблемами дипломатики частных актов, он был подготовлен к печати уже учениками академика и вышел в свет в 1920 г.²²

Формирование научного сообщества историков, социологов, архивистов (ученый был председателем Союза архивных деятелей) для Лаппо-Данилевского было одной из главных целей. Он понимал, что высокопрофессиональное, методологически ориентированное и этически единое научное сообщество является необходимым условием функционирования строгого гуманитарного знания. Эта идея вдохновляла и его уникальную по ее содержательной стороне и результатам педагогическую деятельность. В воспоминаниях современников и учеников эта сторона творчества Лаппо-Данилевского освещена с особой яркостью. Об этом писали С. Н. Валк, А. И. Андреев,

²⁰ *Lappo-Danilevsky A. S. The development of Science and Learning in Russia // Russian Realities and Problems / Ed. by J. D. Duff. Cambridge, 1917. P. 153–229.*

²¹ См. об этом: *Пресняков А. Е. Указ. соч. С. 40–42, 88–90.*

²² *Лаппо-Данилевский А. С. Очерк русской дипломатики частных актов: Лекции, читанные слушателям «Архивных курсов» при Петроградском Археологическом Институте в 1918 году / Предисл. А. И. Андреева (с. 1). Пг., 1920. [2], 189 с.*

Г. В. Вернадский, Б. А. Романов, Б. Д. Греков, Т. И. Райнов. Характерно, что его основной труд «Методология истории» известен нам не в виде ученого сочинения, но именно в виде учебного издания, курса лекций. В этом отражается, на наш взгляд, то особое внимание к формированию научного сообщества — и его профессионализма, и особого этоса общения.

Лаппо-Данилевский создал особый научный кружок, отличительной чертой которого как раз и является, говоря словами Гуссерля, — функционирование «некоторого познавательного сообщества, живущего в единстве общей ответственности»²³. Каждый исследователь, если он удовлетворяет основным требованиям профессионализма и этоса общей ответственности, находит свое место в подобном сообществе. «Воспоминания ученика» С. Н. Валка²⁴ хорошо передают эту атмосферу особого равенства в реализации собственных возможностей каждого из участников. Валк вспоминает, что в кружке, члены которого изучали единый корпус русских частных актов, были три различные категории молодых исследователей. Одни создавали, согласно своим склонностям, эвристическую модель объекта. Они формировали то, что можно назвать «банком данных», — отыскивая в архивах и фиксируя в едином формате частные акты. Другие представляли группу исследователей, стремящуюся использовать акты как средство познания, как источник для извлечения ценной информации из частных актов. И, наконец, третьи — склонные к теоретическому, обобщающему подходу, поднимались на уровень осмысления актов как феномена культуры своего времени — правового сознания русского общества в его структурах повседневной трудовой жизни. То, что Валк писал о кружковцах и их работе, составляет своего рода прообраз состава любого истинного научного сообщества. В свою очередь, каждый из его членов получает творческий импульс для самодостаточного творчества. Вот только один из кружковцев: «...тот, что постоянно сменил нас своими выходками», которого Валк по вполне понятным причинам не называет по имени, а только

²³ Гуссерль Э. Начало геометрии // Гуссерль Э. Начало геометрии / Введ. Ж. Деррида. М., 1996. С. 223.

²⁴ Русский исторический журнал. Пг., 1920. Кн. 6. С. 189–200.

по прозвищу — «Трубка», — есть не кто иной, как П. А. Сорокин, выбравшийся из Советской России в 1920 г. и ставший, как известно, классиком американской социологии.

Итак, идеал Лаппо-Данилевского — сообщество ученых, истинное и разделяющее единство общей ответственности перед обществом, перед наукой. Именно эта ценностная ориентация заставляет его поступаться собственным временем для создания научных трудов, оставляя многое не окончательно завершенным.

Метадисциплинарный уровень концепции и ее философская цельность

Проблематика научных занятий Лаппо-Данилевского на первый взгляд удивляет своим разнообразием. В этом исследовательском пространстве не прослеживается хронологических, региональных, тематических самоограничений: скифские древности, организация налоговой системы Московского государства, русская историческая мысль от нового до новейшего времени, формирование сословий в России, служилые кабалы позднейшего типа — таковы лишь некоторые проблемы, в исследование которых ученый вносит свой вклад. Обращает на себя внимание и широта диапазона исследовательских уровней: от сугубой конкретики — публикации источников, исследования археологических, вещественных памятников и архивоведческих практических задач (например, деятельности архивных ученых комиссий) до философских обобщений по проблемам эпистемологии исторического познания.

Ученый преодолевает ограничения узкопредметной области, будь то историческая наука, социология или психология. И, вместе с тем, верно настойчивое утверждение наиболее вдумчивых интерпретаторов творчества Лаппо-Данилевского о его внутреннем единстве. По мере углубления в содержательную сторону его трудов возникает все более отчетливое впечатление, что все области научной, научно-практической и педагогической деятельности разнонаправленны лишь внешне, а на самом деле — они определенным образом целостны, будучи связанными между собою не столько на предметном, на хронологическом или региональном конкретном уровне, но на уровне метадисциплинарной, философской целостности. Свободное движение в едином информационном пространстве гуманитарного

знания, пределы которого, с одной стороны, обозначены фрагментом эмпирической реальности археологического артефакта во всей его убедительной вещественности, и, с другой стороны — открыты для постижения бесконечности интерпретаций исторического, общечеловеческого целого.

Ученый действительно воспринимает фрагмент реальности, «исторический остаток», как часть единого целого, и его исследовательская цель в том и состоит, чтобы увидеть во фрагменте следы его принадлежности к целому своей культуры. Интересно, что этот подход углубляется уже в ранней работе ученого, посвященной скифским древностям²⁵. В ней молодой историк рассматривает археологические данные, придерживаясь «строго фактической почвы», но не ради их самих, но для воссоздания той самой культуры, частью которой они являлись. Вначале им воссоздается бытовая последовательность древних скифов (занятия, пища, жилище, одежда, вооружение, утварь), за нею выявляется более сложный уровень культуры — «обычаи, семейные и общественные отношения скифов» и далее — «умственное и религиозно-нравственное развитие древне-скифских племен», культурное развитие скифов, нашедшее отражение «во внешних проявлениях быта». Мы упоминаем здесь о работе молодого ученого, к тому же встреченной профессиональными археологами достаточно скептически, для того, чтобы показать смысл его подхода. Цель, которую он ставит перед собой, — выработать особую методологию движения от вещественности фрагмента к его осмыслению как феномена, явления культуры и далее — перейти к интерпретации самой культуры как некоей своеобразной целостности. «...Мы старались, — писал молодой ученый, — изобразить условия, среди которых жизнь эта развивалась, и те обстоятельства, которые способствовали ее развитию; затем пытались представить эту жизнь во всех ее проявлениях и, наконец, обрисовать духовные силы, ее оживлявшие, и степень развития, на которой они находились сравнительно с другими народами»²⁶. В этой ранней работе уже выражена главная цель исследователя и будущего

²⁵ Лаппо-Данилевский А. С. Скифские древности // Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского русского археологического общества. СПб., 1887. Т. 4. С. 352–543. (Отдельное изд.: Лаппо-Данилевский А. С. Скифские древности: Исследование А. Лаппо-Данилевского. СПб., 1887. 195 с.: ил.)

²⁶ Там же. С. 352.

методолога: придерживаясь «строго фактической почвы», шаг за шагом наметить путь к воссозданию целого культуры.

Характерно, что первая по времени создания работа — о скифских древностях — и последняя работа, подготовленная к выходу в свет уже учениками Лаппо-Данилевского, связаны между собой общей идеей феноменологии культуры. Работа «Скифские древности» — не методологическая, но сугубо конкретная. Она посвящена проблеме воссоздания культуры скифов на основании фрагментарных, прежде всего археологических источников. Но сама идея движения от фрагмента реальности к целому культуры явственно осознается молодым ученым, разъясняется им в тексте, реализуется в структуре и содержании работы.

Что же касается последней работы — «Очерки русской дипломатики частных актов», то она, как это хорошо показал С. Н. Валк, представляет собой не что иное, как применение принципов методологии истории (исторического источниковедения и исторического построения) к корпусу русских частных актов. На этом конкретном материале русские частные акты воссоздаются как явление культуры, как правовой феномен своего времени. И затем наступает время для столь же логического, но направленного на воссоздание самой культуры исследовательского этапа — исторического построения.

Принимая идею целостности всего наследия Лаппо-Данилевского как реализации единых принципов теории, методологии и даже техники (говоря словами Преснякова) истории, необходимо прежде всего понять его философскую основу. В своем творческом развитии ученый испытал влияние позитивизма О. Конта, неокантианства Виндельбанда-Риккерта и затем, творчески осмысливая и преодолевая это влияние, создал оригинальную феноменологическую концепцию. В завершенном виде эта концепция обнаруживает определенные совпадения с идеями раннего Э. Гуссерля и, в то же время, выступает как завершенная феноменологическая концепция философии истории как строгой науки.

Научное творчество А. С. Лаппо-Данилевского — философские, конкретно-исторические, методологические труды, его педагогическая практика в Петербургском университете и Историко-филологическом институте, его научно-организационная деятельность в Академии наук составляют единое целое, в котором ни одно произведение — монография, доклад на Международном конгрессе

историков, академическая программа или проект — не могут быть адекватно интерпретированы вне этого целого. Анализируя философскую основу творчества ученого, — преодоление контовского позитивизма, отношение к риккерттианству, феноменологию, один из наиболее глубоких его интерпретаторов — А. Е. Пресняков — подчеркивал, что «основной задачей этого философствования всегда оставалось построение теории исторического знания»²⁷. Феноменологическая концепция исторического знания была вполне сознательно и последовательно развернута как системная методология. Естественно, что теория исторического знания как главная цель, выраженная в многообразных по проблематике и по жанрам трудах, вызывает со стороны представителей гуманитарного знания особый интерес. Лаппо-Данилевский и его последователи вполне разделяли феноменологические представления о гуманитарном знании как знании, способном обеспечивать строгую научность. «Работа ученого должна быть насквозь сознательной и планомерной — таково основное требование методологии; для этого необходимо изучение этой работы в ее приемах, методах и задачах; необходима тщательная, детальная разработка ее техники», — отмечал А. Е. Пресняков²⁸. Методологическая устремленность А. С. Лаппо-Данилевского глубоко отразилась и на его личной исследовательской работе, и на его преподавании. Те, кто обращался к изучению «Методологии истории» А. С. Лаппо-Данилевского, убедились в том, что текст этой книги обладает удивительным свойством пробуждать в читателе его собственный творческий импульс. Но познавательный потенциал этого классического труда до сих пор не раскрыт еще достаточно полно.

Создание целостной концепции теории исторического знания стало возможным на философском, метадисциплинарном, уровне, на уровне обобщения трех типов социокультурных практик мыслителя. Это — его собственный исследовательский опыт конкретного изучения культурных объектов (опыт историка, археолога, архивиста, источниковеда, публикатора, правоведа, искусствоведа); это, далее, опыт непосредственного взаимодействия с познавательным процессом других людей и рефлексия над этим опытом — психолога, педагога, лектора, администратора, активного участника научных сооб-

²⁷ Пресняков А. Е. Указ. соч. С. 65.

²⁸ Там же. С. 64.

ществ. И, наконец, опыт рефлексии над теоретико-познавательными идеями, философскими направлениями, с различных позиций подходящими к ключевым проблемам эпистемологии гуманитарного познания. Все эти компоненты полно и разнообразно реализованы в деятельности Лаппо-Данилевского как мыслителя, академика, педагога и ученого. Он — исследователь крупных проблем исторической науки, практик-источниковед и организатор культурных программ и исследовательских инициатив в области публикации исторических источников, архивного дела, письменных, изобразительных, вещественных источников, интерпретатор культурных объектов, созданных в ходе развития отечественной и мировой истории. Он, несомненно, выдающийся педагог, создатель уникальной по высоте научного и нравственного уровня школы. Полно представлена в его деятельности рефлексия над теоретико-методологическими идеями гуманитарного познания как прошлого, так и современности. Одно из постоянных направлений работы — систематический анализ развития методологии истории, ряда смежных областей науки и преподавания, новых исследований и учебных изданий, выходявших в России и на Западе.

От фрагмента реальности, «исторического остатка», даже археологического артефакта ученый вначале конкретно (как в работе о скифских древностях), а далее — все более и более философски продуманно — продвигается к воссозданию данного фрагмента как явления в его завершенности, в его первоначальном замысле, в его функциональных свойствах. И от явления движется к воссозданию целого культуры — культуры как части системы мирового целого, в котором человечество составляет, конечно, часть, но часть особую, специфическую, одаренную сознанием. Это, несомненно, подход феноменолога, историка-философа, умеющего мыслить в метадисциплинарном исследовательском пространстве.

На раннем этапе становления ученого можно говорить о влиянии на него позитивизма О. Конта. Он высоко ценит эмпирику конкретного объекта, методику и технику археолога, документоведа, архивиста, эмоционально переживает общение с памятником истории, архитектуры, различая, в частности, воздействие на наблюдателя источников изображающих и обозначающих. Становление собственной философской концепции связано в творчестве Лаппо-Данилевского с преодолением позитивизма Конта. Для него несомненный интерес

всегда представляла идея фундаментальной общей основы наук, — определенного равенства возможностей познания природы и общества. И, в то же время, вполне очевидна невозможность решения проблем гуманитарного познания путем перенесения в науки о человеке, обществе упрощенных, механистических трактовок. Преодолению контовского позитивизма посвящена специальная работа Лаппо-Данилевского «Основные принципы социологической доктрины О. Конта», о которой его биограф А. Е. Пресняков писал, что в ней Лаппо-Данилевский осуществил «расчет свой с позитивизмом»²⁹. Для ученого актуальна идея «великой индивидуальности человечества», но не как идеи, подавляющей индивида, личность. Для Лаппо-Данилевского, напротив, всегда важна идея личности, оказывающей решающее влияние на тот универсум, частью которого она является³⁰. В этике ученого и всего его научного окружения прослеживается влияние социологических и особенно этических воззрений на личность в духе Н. К. Михайловского. «Воздействие индивидуальности на среду», именно результативное воздействие (выражающееся, в частности, в создании культурного объекта, интеллектуального продукта) — ключевая общая идея А. С. Лаппо-Данилевского и В. И. Вернадского. В качестве «индивидуальности» может выступать и «коллективное лицо», «поскольку оно в каком-либо отношении может быть представлено в виде индивидуальности». «Это может быть, — разъясняет Лаппо-Данилевский, — группа народов между собою родственных, или государств, или отдельный народ или союз, или, наконец, отдельное физическое лицо». В наиболее широком смысле, указывал Александр Сергеевич, под «индивидуальностью» можно разуметь и человечество, поскольку оно в качестве носителя сознания воздействует на окружающую его среду, и это воздействие можно, по его мысли, признавать «главным историческим фактом, обнимающим все остальные». (Т. 1. С. 354.) Эта новая, в сравнении с природной, созидательная деятельность, недоступная другим живым существам, формирует и новую реальность и, в то же время, сама служит способом самовыражения для человечества. В подобном, близком к идее

²⁹ Пресняков А. Е. Указ. соч. С. 65.

³⁰ Лаппо-Данилевский А. С. Основные принципы социологической доктрины О. Конта // Проблемы идеализма: Сб. ст. / Под ред. П. И. Новгородцева. М., 1902. (Отд. изд.: М., 1902. 98 с.; переизд. в: Проблемы идеализма: Сб. ст. / Под ред. П. И. Новгородцева. М., 2002. 894 с. (Исслед. по ист. рус. мысли; Т. 8).)

Лаппо-Данилевского смысле, В. И. Вернадский говорит о творчестве разумного человечества как особой «геологической силе», преобразующей планету и ее окружающую среду.

В каком смысле Лаппо-Данилевский производит свой «расчет» с позитивизмом? Здесь мы находим ключ к своеобразию философской концепции Лаппо-Данилевского. Этот вопрос о том, каковы должны быть методы гуманитарных наук, чтобы охватить, познать новую реальность. Ответ на этот вопрос определил развитие главных теоретико-познавательных парадигм XX в.

Мировое научное сообщество рубежа XIX–XX вв. вплотную подошло (через данные своих предметных областей) к пониманию того, что традиционные познавательные методы позитивизма недостаточны для осмысления новой реальности. Для гуманитариев это реальность глобального, информационного мира человечества, индустриального, информационного общества.

Преодоление позитивизма Конта означало в этих условиях признание того факта, что методологии естественных наук не могут быть перенесены на познание гуманитарного пространства культуры. Об этом пишет и Лаппо-Данилевский в работе о социологической доктрине Конта. Человеческую жизнь, пишет ученый, Конт хотел «без остатка объяснить действием механических процессов». Но невозможно механически перенести методы изучения природы на область культуры. Конту не удалось построить ни «биологической психологии», ни «социальной физики»³¹. Именно поэтому Лаппо-Данилевский в «Методологии истории» акцентирует принципиальное различие природы и культуры. Он подчеркивает, что «произведения природы» и «произведения человека» следует четко различать. Одни возникли под влиянием природных сил, другие же — созданы человеком целенаправленно и осознанно. Этот принципиальный момент выступает как обоснование возможности познания человека, его внутреннего мира, овеществленного в интеллектуальном продукте, историческом источнике.

Но не менее важно для Лаппо-Данилевского подчеркнуть и другое. Различие существует, оно несомненно, но это различие системных

³¹ Лаппо-Данилевский А. С. Основные принципы социологической доктрины О. Конта // Проблемы идеализма: Сб. ст. / Под ред. П. И. Новгородцева. М., 2002. С. 793. (Исслед. по ист. рус. мысли; Т. 8).

качеств единого объекта — мирового целого. Единство и системность мирового целого есть то принципиально общее, что исключает абсолютизацию частей, абсолютизацию специфики природы и человечества, а следовательно, и абсолютизацию специфичности методологии исследования. В этом, системном, подходе к предельному понятию объекта — мирового целого Лаппо-Данилевский выступает как феноменолог. Именно феноменология, а не неокантианство составляют единство и целостность его концепции, его мировоззрения. Абсолютизация этого различия приведет, как известно, к идеям неокантианства, к альтернативе наук о природе и наук о культуре. В отдельных работах к этому направлению иногда относят и Лаппо-Данилевского. Важно поэтому рассмотреть данный вопрос внимательно. И не только потому, что следует правильно интерпретировать систему взглядов основателя методологии истории в ее феноменологической парадигме, каковым был Лаппо-Данилевский. Гораздо важнее понять, что, собственно, произошло в начале XX в. в научном сообществе и какие следствия имело для истории науки и общества.

Итак, было очевидно, что ни социальной физики, ни биологической психологии создать невозможно. Очевидно, что человечество и культура — явления принципиально более сложные, поскольку в отличие не только от «элементарных частиц», но и от «живого вещества» человечество одарено сознанием, волей, свободой выбора. А следовательно, степень разнообразия в мире культуры неизмеримо возрастает и не поддается, по-видимому, прогнозированию. Неокантианская философия разрушила гордиев узел проблем, «разведя» науки о природе и науки о культуре. Первые — ориентируются преимущественно на изучение повторяемостей (номотетические науки), вторые — на изучение специфики (идиографические науки), с соответственным различием и их методологий. Каждая из предметных областей науки принялась решать собственные проблемы отдельно от других.

Научное сообщество позитивистского типа распалось, а образ других наук способствовал дальнейшему расколу. В отличие от «естественных», другие науки представляются «неестественными», — то есть нестрогими. В отличие от «человеческих» — гуманитарных, другие оказались «нечеловеческими». Лаппо-Данилевский, Вернадский, несомненно, предвидели такой ход событий в научном сообществе как проявление кризиса (как «кризис европейского научного созна-

ния», по Гуссерлю)³². Опыт раздельного существования наук о природе и наук о культуре в XX в. подтвердил их опасения. Наше современное стремление к междисциплинарным контактам можно интерпретировать как осознание этого факта. Весь вопрос, однако, состоит в том, каковы философские основы междисциплинарного сближения. Они невозможны как сближение только лишь предметных областей. Невозможно «объединить» науки о природе и науки о жизни, науки о культуре как предметные области. Возможность существует одна — последовательный выход в метадисциплинарное пространство, осмысление универсалий и различий, повторяемости и специфичности как взаимодействующих свойств единого предельного целого. Именно эта позиция выступает как общая у Лаппо-Данилевского и его школы, в философии естественных наук Вернадского, феноменологии Э. Гуссерля.

Одной из основных идей в концепции Лаппо-Данилевского является идея синтеза, идея применения к изучаемому объекту двух различных методов. Один из них направлен на выявление типических, общих черт явления («типизирующий метод»). Другой направлен на изучение его индивидуальных черт («индивидуализирующий метод»): в этом случае исследователь рассматривает прежде всего принципы связи, организации, механизма соотношения отдельных частей объекта. Данный подход сам ученый признает важнейшим, подчеркивая, что, вообще говоря, мир как целое единичен и системен: и потому изучение его частей, их соотношения и принципов действия для историка, для ученого является и единственно возможным. Однако применительно к отдельным историческим явлениям и проблемам он считает возможным именно соединение двух подходов — и типологического, и индивидуализирующего.

В первой, историографической, части своей «Методологии истории» ученый рассматривает представление в мировой гуманитаристике концепции исторического знания, разделяя их по принципу типизирующего либо индивидуализирующего подходов. Лаппо-Данилевский применяет здесь для этого различия сложившийся в неокантианской философии понятийный аппарат. Он говорит о «тео-

³² Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология: Введение в феноменологическую философию // Гуссерль Э. Философия как строгая наука... С. 49–100. См. также: Гуссерль Э. Кризис европейского человечества и философия // Там же. С. 101–126.

рии исторического знания, рассматриваемой им с «номотетической и идиографической» точек зрения. Использование данной терминологии свидетельствует о глубокой проработке им классических трудов Виндельбанда и Риккерта. Эта легко идентифицируемая терминология становится подчас поводом для отождествления философии истории Лаппо-Данилевского с неокантианством.

Использование в «Методологии истории» Лаппо-Данилевского терминологии, введенной в научный оборот неокантианскими методологами, иногда вызывает впечатление, что сам ученый тоже разделяет противопоставление номотетических и идиографических наук. Именно такое впечатление передает Н. Д. Кондратьев в начале своего аналитического разбора теории Лаппо-Данилевского. Однако, по мере углубления в текст книги, в существо взглядов ученого, молодой исследователь более точно раскрывает принципиальное отличие двух философских подходов. Идиографический подход, как обращение к структурным связям изучаемого феномена, и номотетический, как изучение его типических общих черт, не противопоставляются в «Методологии истории», но выступают как два дополняющих подхода к одному объекту, позволяя охватить его более полно. Как бы убеждаясь, что первое впечатление о принадлежности рассматриваемой концепции к риккертинской критической школе не подтверждается, Кондратьев завершает разбор вопросом: «Что собственно скрывается за понятием “отнесение к ценности”?»³³ (оно, как известно, и составляет главный метод наук о культуре в неокантианской концепции). Разумеется, Лаппо-Данилевский оставляет за историком право выбора актуальной для него проблематики (выбора фактов с «историческим значением», по суждению исследователя), но это не изменяет строгой логики движения мысли ученого от эмпирики наблюдаемого объекта к сущности явления культуры.

В изучении объектов культуры Лаппо-Данилевский применяет два подхода: один позволяет поставить объект в сравнение с другими, выявить типологические, повторяющиеся его черты и свойства. Другой подход ориентирован на его индивидуальные, особенные черты и свойства. Ученый называет эти два подхода соответственно — типологизирующим и индивидуализирующим. Они дополняют друг друга, давая в целом своего рода синтез, — более полное представление об

³³ Кондратьев Н. Д. Указ. соч. С. 121, 123.

изучаемом объекте как явлении. Эта идея подробно раскрыта в «Методологии истории». Так он классифицировал свою историографию теории исторического знания, которой отведена первая часть «Методологии истории». А в последующих частях ученый излагает свою концепцию, в которой последовательно показано взаимодействие обоих подходов к объекту исторической науки, — эволюционному и коэкзистенциальному целому человечества. На это обращает наше внимание биограф Лаппо-Данилевского А. Е. Пресняков. Он пишет, что теория исторического знания рассматривается на противопоставлении «номотетического» и «идиографического» его построения: «...научное знание стремится либо к обобщению данных опыта, либо к их индивидуализированию характерными чертами для выяснения конкретных особенностей изучаемых явлений». Далее Пресняков поясняет: «Было бы, конечно, ошибкой сводить это различие у А. С. Лаппо-Данилевского к заимствованию у Риккерта или Виндельбанда: уже в речи перед магистерским диспутом (в 1890 г.) он говорил о тех же двух основных направлениях исторической мысли — широко обобщающем явления исторической жизни и вырабатывающем индивидуально-конкретные представления о них». Уже тогда было ясно, что речь идет о взаимодополняющих, а не взаимоисключающих способах изучения исторических явлений. «...Причем тогда он пытался установить соответствие этих направлений изучению либо “всеобщей истории”, задача которой выяснить “нормы общественного развития, общие всему человечеству”, либо “исторического развития отдельной народности, которое стремится к определению ее специфических признаков”, — продолжал Пресняков³⁴.

Итак, в теоретико-познавательном смысле ученый отнюдь не был сторонником альтернативного противопоставления наук о природе и наук о культуре по их методу. Напротив, он проводит весьма последовательную мысль о синтезе, о применении к феноменам культуры обоих типов методов, — в одном случае рассматривающих их типологию, а в другом — выявляющих их индивидуальные, идиографические черты. Понимание Лаппо-Данилевским единства человека и природы в «мировом целом» не оставляет возможности противопоставления целого и части в его феноменологии культуры. Данный подход имел своим важным следствием тот факт в истории мысли

³⁴ Пресняков А. Е. Указ. соч. С. 65–66.

XX в., что в России нашли глубокое понимание и развитие идеи феноменологической философии Э. Гуссерля.

Данному научному сообществу были особенно близки идеи Гуссерля о единстве научной методологии, о том, что «метод с самого начала приобретает всеобщий смысл», хотя и имеет дело с тем, что «индивидуально и фактуально». Близки позиции Гуссерля и Лаппо-Данилевского о единстве системного объекта науки, которому и соответствует единство научного метода. Этой идеей проникнута «Методология истории», выведенная на уровень своего рода «наукоучения» (по терминологии Гуссерля), имеющего цель «исследовать находящиеся в нашей власти условия, от которых зависит реализация правильных методов, и установить, с помощью каких методических ухищрений мы можем добиваться истины...»³⁵.

Гуссерль распенил неокантианское разделение наук по их методам как кризис европейского мышления и сосредоточил внимание на выявлении того общего, что делает познание научным. Он подчеркнул свою главную идею характерным названием труда «Философия как строгая наука». В русском переводе этот труд появился в одном из лучших изданий «Логос» (М., 1911. Кн. 1. С. 1–56), на страницах которого мы встречаем имена ученых, при ближайшем участии которых этот Международный ежегодник по философии культуры был издан. Среди них назовем такие имена, как А. И. Введенский, В. И. Вернадский, И. М. Гревс, Б. А. Кистяковский, А. С. Лаппо-Данилевский, Н. О. Лосский, П. Б. Струве, С. Л. Франк, А. А. Чупров. В самом понятии «Логос» выражалось цельное знание, соединяющее понимание и объяснение, анализ и интуицию. Они разделяют идею гуманитарного знания как научного. При всей специфичности гуманитарного познания, феноменологический подход исходит из единства подлинной, синтезирующей, строгой «метанауки», которая должна отвечать критериям объективности, истинности познания, достоверности научных результатов.

В данной связи важно проведенное Гуссерлем различие между мирозерцанием познающего субъекта, его личной картиной мира и объективным научным знанием. Философ пишет: «И подобно тому, как и мирозерцание и наука имеют свои различные источники

³⁵ Гуссерль Э. Логические исследования // Гуссерль Э. Философия как строгая наука... С. 196.

ценности, так имеют они и свои различные функции и свои различные способы действия и поучения». Гуссерль считает, что «<...> мирозерцание нужно рассматривать как *habitus* и создание отдельной личности, науку же — как создание коллективного труда исследующих поколений». Русским сторонникам феноменологического подхода должно было быть особенно близко развиваемое Гуссерлем противопоставление ученого глубокомыслия («мудрости») теоретически ясной и четкой позиции подлинного ученого, стремящегося своим трудом уменьшить меру неопределенности и хаотичности в пространстве сложного и многозначного гуманитарного познания. «Глубокомыслие есть знак хаоса, — пишет Гуссерль, — который подлинная наука стремится превратить в космос, в простой, безусловно ясный порядок. Подлинная наука не знает глубокомыслия в пределах своего действительного учения. Каждая часть готовой науки есть некоторая целостная связь умственных поступков, из которых каждый непосредственно ясен и совсем не глубокомыслен. Глубокомыслие есть дело мудрости; отвлеченная понятность и ясность есть дело строгой теории»³⁶.

Для обращения к множественным моделям всемирной истории нужны были новые теоретические подходы. Почти одновременно, в конце XIX — начале XX в., появились неокантианский и феноменологический подходы к проблемам гуманитарного познания.

Неокантианская парадигма связана с именами выдающихся философов Баденской школы — В. Виндельбанда и Г. Риккерта. Неокантианская парадигма выбирает в качестве руководящего принципа исторического познания антитезу позитивизму. Она утверждает тезис о специфичности гуманитарных наук в отличие от наук естественных, и подчеркивает особую роль субъекта (исследователя) в эпистемологической ситуации познания.

В работах В. Виндельбанда — основателя и главы Баденской школы неокантианства, ректора Страсбургского (тогда — немецкого) университета была впервые обоснована идея принципиального различия предмета и метода наук о природе и наук о культуре: первые — изучают закономерности (это науки номотетические); вторые — изучают индивидуальные, своеобразно связанные явления (это науки идиографические). Г. Риккерт развил и дополнил это противопостав-

³⁶ Гуссерль Э. Философия как строгая наука... С. 172.

ление наук о природе и наук о культуре по их методу, отмечая, что истинная форма познания присуща именно последним. В ходе научной деятельности познающий субъект выделяет в идиографической реальности наиболее существенное, руководствуясь представлениями об истинных, временных, по сути — этических ценностях.

Методологическое обособление послужило стимулом для гуманитарных наук, поскольку оно высвобождало ученых от диктата механистических, упрощенных подходов к общественным явлениям. Акцентировались специфические трудности познания человеческой психологии, жизненного мира, скрытого от наблюдателя.

Обозначенная основателями неокантианства эпистемологическая проблема действительно была центральной. Для профессиональных историков, исследователей культуры она давала возможность преодолеть упрощенность эмпирически ориентированной методологии. Как отмечал позднее Р. Коллингвуд, «это было своего рода сепаратистским движением, движением историков от цивилизации, поработанной естественными науками»³⁷. Конечно, намеченная неокантианским подходом грань между науками о природе и науками о культуре не была абсолютной в интерпретации ее основателей. Однако, по мере проникновения этой идеи в более широкие слои общественного сознания XX в., подобное разделение абсолютизируется, укореняясь в ходе развития интуитивистских течений, борьбы за преодоление позитивизма в сознании историков. Этому способствовало снижение престижности гуманитарного знания, ставшее явным после Первой мировой войны. Становление информационных наук, имеющих столь значительное влияние на культуру XX в., произошло под знаком технологических приоритетов и не сопровождалось соизмеримыми мощным технологиям гуманитарными идеями, прежде всего — в области фундаментальных понятий. В свою очередь, науки о культуре, по сути отказавшись от сравнительных исследований мира природы и мира культуры, искусственно ограничили возможности исследований системного подхода, природы информации, поведения. Стало общепринятым стереотипом представление о неприемлемости для гуманитарных наук общенаучных критериев объективности познания, верификации и общезначимости критериев научного сообщества, воспроизводимости результатов исследования.

³⁷ Коллингвуд Р. Дж. *Идея истории. Автобиография*. М., 1980. С. 160.

Отношение типа «субъект - объект», какой бы из двух составляющих компонентов ни поставить на первое место, не охватывает целиком того познавательного пространства, которое характерно для гуманитарного познания. Необходимо его исследование с позиций феноменологии, когда рассматривается ситуация самодостаточных величин и в центре внимания оказывается сама логика процесса познания — движение познающего субъекта от предметной эмпирики наблюдаемого им объекта к пониманию сущностной природы стоящей за ним реальности. Познавательный импульс при этом должен исходить не столько от мировоззренческих установок и концепций исследователя, но «от вещей и проблем»³⁸. Сам процесс движения мысли от эмпирики объекта к научным абстракциям выступает в качестве общего принципа научного знания вообще, но в гуманитарном познании имеет и свою специфику. Этот процесс движения от эмпирики объекта (произведения, исторического источника) к воссозданию исторической реальности прошлого проанализировал и представил в виде логической системы — методологии истории — А. С. Лаппо-Данилевский. Данный подход позволяет рассматривать процесс гуманитарного познания (познания внутреннего мира другого человека в дильтеевском смысле) как процесс логического исследования, а не интуитивного постижения. В рамках данной методологии базовое значение имеет принцип «признания чужой одушевленности», то есть признание «другого» не просто как иного (так называемая «инаковость»), но прежде всего как равновеликого и самодостаточного индивида, а следовательно, носителя социальной информации. Человек лучше всего выражен в своем сознательно целенаправленном творчестве и создает произведения, служащие, в свою очередь, основным источником гуманитарного познания. Следовательно, в центре внимания оказывается не отношение субъект-объект, но триада: человек — произведение — человек. Этим и объясняется то значение, которое данная феноменологическая парадигма придает понятию произведения, исторического источника, а следовательно, и документа. Развивая данную философскую идею, В. И. Вернадский говорил о преобразовании земли, мира под влиянием целенаправленной осознанной деятельности человечества³⁹. По-

³⁸ Гуссерль Э. *Философия как строгая наука...* С. 173.

³⁹ Вернадский В. И. *Очерки по истории естествознания в России в XVIII столетии* // Вернадский В. И. *Труды по истории науки в России*. М., 1988. С. 63–201.

знавательная ценность данного подхода становится в настоящее время вполне очевидной в свете развития ряда междисциплинарных направлений гуманитарного познания — исторической антропологии, этнологии, наук о языке, семиологии, социологии, исторической географии. Формируется исследовательская проблематика, охватывающая «всего», «тотального» человека. Социологически ориентированная мысль взаимодействует с философской антропологией, стремясь в постоянном диалоге с историей и философией изучать «общество как часть человеческого мира, как созданное людьми, ими населенное, и в свою очередь создающее людей в непрерывном историческом процессе»⁴⁰.

**Системность мира и системная методология науки о человеке.
Методология источниковедения и методология исторического построения**

Идею целостности научного познания и единства естественно-научного и гуманитарного познания разделял с Лаппо-Данилевским его единомышленник В. И. Вернадский. Взгляды обоих ученых объединяет идея целостности и единства науки и ее объекта — мирового целого, в котором человечество составляет особую, наделенную сознанием часть. Науки о природе изучают мировое целое, в свою очередь исходя из того, что в нем существует разумное человечество. Сознательная, разумная человеческая деятельность выступает как преобразующая природу сила. В этом состоит один из принципиальных постулатов естественнонаучной концепции Вернадского. Единство гуманитарного и естественнонаучного знания, противостоящее альтернативному обособлению наук о природе и наук о культуре, важно в равной мере как для ученого-гуманитария, так и для исследователя природных явлений. «Благодаря историческому ходу развития мысли натуралист нередко выключает человека из других явлений природы, привыкает противопоставлять природу и человека и благодаря этому в значительной степени искажает то представление о природе, которое лежит в основе его научной работы»⁴¹.

⁴⁰ Об этом см: Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М., 1995. С. 302.

⁴¹ Вернадский В. И. Живое вещество и биосфера. М., 1994. С. 49.

Значение идей Вернадского и Лаппо-Данилевского возможно более полно раскрыть при условии взаимосвязанного рассмотрения их общефилософской основы. В качестве ключевых выступают здесь идеи разумной творческой деятельности человечества, формирующей рукотворную окружающую среду. Человечество — не просто часть «живого вещества» вселенной, но и ее творческая, преобразующая, наделенная сознанием часть.

В процессе целенаправленной человеческой деятельности создаются произведения, они, в свою очередь, выступают как источники познания, реально существующие объекты, доступные для научного исследования. «А в первых [редакциях «Методологии истории». — О. М.], — писал один из интерпретаторов философских взглядов Лаппо-Данилевского, А. Е. Пресняков, — он <...> говорил “о космическом смысле социального развития”, о предельном моменте исторического процесса — “реорганизации вселенной”, т. е. мирового целого, сознательным воздействием “великой индивидуальности” человечества». Пресняков отмечал в этой связи созвучие идей ученого «подвигам мощного теоретического обобщения»⁴². Еще более очевидно и подтверждено многими документальными свидетельствами научное общение и взаимное духовное влияние Лаппо-Данилевского и Вернадского. В данном культурном единстве философская парадигма Вернадского получает более полную и точную интерпретацию. Объединяет взгляды обоих ученых их представление о связи науки и жизни, о необходимости работать для культурного роста личности и народа, о чем неоднократно писал Вернадский. Историк и исследователь культуры И. М. Гревс в статье о Лаппо-Данилевском, которую он назвал «Опыт истолкования души», писал о том, что его друг был «убежденным представителем так называемого исторического идеализма, т. е. такой концепции истории, которая движущую, творческую силу ее процесса видит в человеческих сознаниях и, стало быть, активным носителем в нем движения определяет человеческую личность, индивидуальную и коллективную, в ее разуме и свободе»⁴³.

⁴² Пресняков А. Е. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский... С. 57, 93. А. Е. Пресняков говорил о «трудах Лобачевского и Чебышева, Менделеева, Гадолина и Федорова, Павлова, Влад. и Ал-дра Ковалевских, Мечникова, В. Соловьева и Серг. Трубецкого, а также представителей “материалистического монизма” Плеханова и Ленина».

⁴³ Гревс И. М. Указ. соч. С. 81.

Методология истории (по существу являющаяся методологией любого гуманитарного исследования) Лаппо-Данилевского цельна и поэтому проста в общем ее изложении: действительно существуют фрагменты реальности («доступные чувственному восприятию»), изначальная системность мирового целого и человеческой деятельности в нем позволяют отыскать в этих фрагментах следы их системного качества, выявить их во всей возможной полноте (методология источниковедения); в результате эмпирические фрагменты выступают на свет как явления, феномены культуры. Тогда наступает время синтеза культуры: если в ней стал возможен подобный (данный) феномен, то возможно логически выстроить и самое целое культуры (методология исторического построения).

Каковы же главные компоненты концепции — ее феноменология и основанная на ней система исследовательских методов гуманитарного познания? Фундаментальный постулат — представление о системном характере объекта научного исследования. Предельным является понятие о мировом целом. Действительность представляется «как бы в виде единого целого, которое вмещает в себя все ее части, связанные между собою, в котором каждая из них находит свое положение». «Понятие о мировом целом — предельное», подчеркивал ученый, историк же «рассуждает не о мире как о целом, и не о воздействии на него каждой его части, а ограничивает объект своего изучения именно тою индивидуальной частью мирового целого, которая преимущественно известна ему как носительница сознания, действующая в качестве таковой, на мировое целое и в зависимости от него действующая». (Т. 1. С. 361.) Таким образом, для гуманитария возникает возможность рассматривать человечество как особую подсистему в масштабах мирового целого, а для представителя естественных наук — мыслить о природе, в которой возникает жизнь, «живое вещество», а потом и человечество, воздействующее на мировое целое создаваемой в сфере разума новой реальностью — ноосферой. Идеи В. И. Вернадского и А. С. Лаппо-Данилевского фундаментально родственны в своей основе, и интерпретировать эти идеи вне данной общности невозможно.

Человечество, таким образом, выступает как подсистема мирового целого. Оно обладает реальным единством состава («реальное единство состава этого целого — история человечества»). Оно обладает системообразующим признаком — сознанием. Человечество, в

свою очередь, рассматривается как целое («коэволюционное» и «эволюционное целое»): «Развитие человечества представляется нам, однако, не разрозненными фактами, и даже не группами и сериями их, а единым непрерывным процессом, звенья которого связаны изнутри, т. е. образуются не в одной только зависимости от внешнего воздействия такой индивидуальности на окружающую среду, или от действия на нее среды; человечество является, конечно, индивидуальной частью, все более воздействующей на мировое целое, но, вместе с тем, взятое в одном из временных состояний своей культуры, оно же становится частью, образующей все с большей сознательностью и то историческое целое, которое, по содержанию своему, оказывается историей человечества и получает приписываемое ему значение в его взаимодействии с мировым целым». (Т. 1. С. 363.) Возрастающее воздействие человечества на мировое целое становится, в свою очередь, у Вернадского одним из главных направлений общемирового развития. Самодостаточность наук, в том числе и наук о человеке, о его сознательной деятельности, еще более отчетливо выступает, когда рассматривается их реальный, эмпирически данный объект. Человек реализует себя, свое сознание через творчество, он творец, создатель интеллектуального продукта. Через него он и может быть познан, понят другим человеком (постулат «признания чужой одушевленности»). Так ученый логически выводит ключевое понятие — исторического источника. «Источник есть реализованный продукт человеческой психики» — в том смысле, что это продукт целенаправленной, осознанной деятельности человека. Источник реально существует, он доступен «чувственному восприятию» и, следовательно, выступает как факт реальности.

Творчество рассматривается как системообразующее, специфическое свойство именно человека, и также является средством для его самовыражения и его идентификации, познания, существенное значение приобретает степень реализованности (завершенности) продукта творчества. Она, разумеется, может быть различна. Высшей степенью целенаправленной, осознанной деятельности становится научное творчество, наука, а вместе с нею и личность ученого. Завершенный творческий продукт выступает как источник познания, как источник для идентификации индивидуальности любого типа, — будь то индивидуальная личность, или «коллективная индивидуальность». Это необычное понятие, несущее в себе, на первый взгляд,

противоречие, на самом деле в рамках данной концепции вполне определено: источник может выражать особенности типа культуры и специфику личности. Эту черту концепции Лаппо-Данилевского одним из первых понял Н. Д. Кондратьев. Он подчеркивал идею творчества: «...включенная в целое индивидуальность не теряет присущего ей своеобразия и незаменимости», при этом творчество выступает как ее самовыражение. В данном случае не менее важен для Кондратьева и принцип системности связи. Он применяет понятие «консенсус» как «понятие о взаимосвязанности элементов изучаемого исторического целого». Творчество является не только способом самовыражения личности, но и понимания другого, что в рамках данной концепции происходит через «признание чужой одушевленности». «Основным принципом интерпретации, — отмечал Кондратьев, — является единство чужого сознания», и именно поэтому «основным методом интерпретации является метод психологический»⁴⁴. Особая роль сознания, отрефлексированного через науку, через научное творчество в рамках данной концепции, также является ключевой. Это — важнейший принцип для самоидентификации личности, и для идентификации культурного типа — группы, государства, народа. На Международных конгрессах Лаппо-Данилевский избирал темы своих выступлений, связанные с историей научной мысли, историей науки. Ольденбург вспоминал, что перед поездкой в Англию в 1916 г.⁴⁵ Лаппо-Данилевский объяснял другу, почему он выбрал темой своего выступления историю науки в России. Ее главная черта, — считал Лаппо-Данилевский — связь ученого с жизнью, реализация творчества в конкретных условиях жизни. Эту черту он считал характерной для личности русского ученого, — для него нет науки без жизни, вне жизни⁴⁶. Проблематика науки и личности ученого нашла выражение и в творчестве В. И. Вернадского. Тема науки, научного творчества, влияния ученого на окружающую его среду находит видное место в работе Лаппо-Данилевского, Вернадского, Ольденбурга. Академик Лаппо-Данилевский был основателем и первым председателем Комиссии «Русская наука» (1915–1919), его на этом посту сменил С. Ф. Ольденбург (1919–1921), а затем В. И. Вернадский

⁴⁴ Кондратьев Н. Д. Указ. соч. С. 111.

⁴⁵ *Lappo-Danilevsky A. S. The development of Science and Learning in Russia...*

⁴⁶ Ольденбург С. Ф. Указ. соч. С. 179–180.

(1921–1929)⁴⁷. В «интегральной социологии» П. А. Сорокина, по праву считающегося одним из основателей такого направления как социология познания, социология науки, эти идеи также нашли свое развитие и продолжение⁴⁸.

Отметим еще один принципиально важный момент: если личное общение людей ограничено временем и пространством, то произведения, целенаправленно и осознанно созданные людьми, несут информацию о своем создателе и, следовательно, дают реальную возможность культурного общения с человечеством, с мировым целым. Произведения — продукт человеческой созидательной деятельности, явление культуры. Система методов его познания и есть предмет методологии источниковедения как цельного и систематического учения об источниках. Лаппо-Данилевский писал: «всякий источник — реализованный продукт человеческой психики, <...> он обладает характерными особенностями, отличающими его от произведения природы, <...> вместе с тем оказывается результатом целенаправленной деятельности человека или намеренным его продуктом...» (Т. 2. С. 79) Именно исторический источник дает науке возможность связывать конкретные явления с целостностью социального развития. Л. П. Карсавин по-своему формулировал взаимосвязь источника и мирового целого в «Теории истории»: «В истории всякое, даже самое частное исследование, даже исследование отношений между несколькими рукописями единого источника, — само по себе будет исследованием общеисторического характера и возможно только на почве его связи с познанием целокупности социального развития». Источники, по мысли Карсавина, обеспечивают реальную основу объективного социального познания: «При достаточном понимании и правильной оценке источников как частей прошлого сами собою бледнеют и теряют силу жалобы на субъективность и ненадежность по сравнению с методами естественных наук метода исторического, жалобы, столь характерные для французских методологов»⁴⁹.

⁴⁷ Об этом см.: *Илизаров С. С. Формирование в России сообщества историков науки и техники: Биобиблиогр. словарь. М., 1993. 189 с.*

⁴⁸ *Сорокин П. А. Дальняя дорога: Автобиография. М., 1992. 304 с.; Он же. Система социологии. М., 1993. Т. 1–2.*

⁴⁹ *Карсавин Л. П. Введение в историю: (Теория истории). Пг., 1920. С. 38. (Введение в науку. История / Под ред. С. А. Жебелева, Л. П. Карсавина, М. Д. Пристелкова; Вып. I).*

Обращаясь к проблеме феноменологии объекта в творческом наследии А. С. Лаппо-Данилевского, важно подчеркнуть, что ученый, на основе представления о человечестве как части мирового целого сумел логически выстроить системную методологию исторического, гуманитарного познания. В создании цельной методологии состоит его главное научное достижение, в этом и сам ученый видел свою главную, хотя и очень сложную задачу. Это хорошо понимали его коллеги, постаравшиеся донести основное содержание концепции до будущих поколений. Книга А. Е. Преснякова и ряд его статей неизменно обращены к тому, чтобы раскрыть цельность мировоззрения ученого, тесную связь и обусловленность его феноменологии, методологии исторического познания и практической реализации эпистемологических принципов в исследовательской и даже научно-организационной деятельности.

«Методологические» интересы брали как бы верх над «феноменологическими». — писал Пресняков. — Однако, не по существу, но в силу состояния данной науки с ее неразработанными методами, с ее необоснованными предпосылками, с роковой неполнотой ее разработки, с ее зависимостью от интуиции историка, заменяющей строго методический путь анализа и синтеза»⁵⁰. Концепция Лаппо-Данилевского активно противостоит интуитивизму (в его труде есть и прямая полемика по этому вопросу). Она основана на представлении о единстве науки и соответствующих критериев научного сообщества, исключающих наивные интерпретации в духе противопоставления гуманитарных наук естественным по их методам. И в тех, и в других исходным общим принципом является системность их общего — предельно общего объекта — мирового целого, системность его особенной части — коэксистенциального и эволюционного целого — человечества и реальность факта. «Слово *factum*, — писал ученый, — означает то, что сделано; но историк не может довольствоваться таким чисто механическим пониманием факта: для него *factum* означает то, что кем-либо сделано; под фактом он преимущественно разумеет воздействие индивидуальности на окружающую среду, мертвую и в особенности живую. В таком смысле, например, скребок, сделанный из кремня, есть факт; удар, нанесенный А его врагу В, есть факт; слово, сказанное А его другу С, есть факт и т. п.» (Т. 1. С. 353.) Источник есть реальность, факт деятельности человека. То есть и здесь существует реальность факта, доступного чувствен-

⁵⁰ Пресняков А. Е. А. С. Лаппо-Данилевский как ученый и мыслитель // Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6. С. 87.

ному восприятию, как и при изучении природных явлений. Данный постулат хорошо разъясняет в своей «Теории истории» Л. П. Карсавин. В его понимании исторического метода многое не совпадает с концепцией Лаппо-Данилевского: визионер Карсавин и строгий систематик Лаппо-Данилевский не были близки друг другу по духу. Однако суть общенаучного метода Карсавин вполне разделяет с его пониманием. Реальность факта — залог познаваемости в истории, ее научности. «Казалось бы, это невозможно, — разъясняет Карсавин, — ведь история изучает прошлое, а прошлое нам не дано непосредственно; то, что мы имеем, — это лишь реальные остатки, оторванные от того единства, в котором они находились»⁵¹. Подчеркнем главное — констатацию того единства, в котором они находились. Принцип системности, целого дает и возможность познания: «через источники, как часть минувшего, мы втягиваемся в единство этого минувшего, познав часть, познаем и целое». Грань, разделяющая субъективистский подход (при котором разрозненные фрагменты обретают связанность лишь в сознании историка, познающего субъекта) и методологию научного построения, обозначена Л. П. Карсавиным достаточно точно.

Феноменология системного подхода к явлениям природы и общества дает возможность создать целостную методологию гуманитарного (исторического) познания, которая охватывает все пространство деятельности практикующего исследователя, начиная от эмпирики фрагмента реальности до ее построения как целостности. Ключевая идея методологии состоит в своеобразной интерпретации объекта исторического познания, его свойств и в построении, в соответствии с этими свойствами, целостной логической системы методов его изучения. В труде А. С. Лаппо-Данилевского разработан теоретический подход к созданию глобальной истории. В отличие от субъективистского подхода, при котором единство исторического процесса мыслится как результат переживания прошлого опыта в сознании историка (познающего субъекта), и от позитивистского подхода к историческому синтезу как к сумме эмпирических данных, систематизированных субъектом, феноменологический подход обращен к сфере взаимодействия объекта и познающего субъекта. При этом принципиальное значение имеет вопрос о том, как определяется объект гуманитарного познания. Лаппо-Данилевский говорит об истории и о методологии

⁵¹ Карсавин Л. П. Указ. соч. С. 38–39.

истории, но постоянно подчеркивает широту этого понятия. По существу, речь идет о единой науке о Человеке, именно так понимает историю гуманитарная концепция Лаппо-Данилевского. Сам ученый часто раскрывает смысл этого понятия, говоря о взаимодополняющем взгляде на историю трех типов исследователей: историка, психолога, социолога. Синтез этих трех аспектов рассмотрения единого объекта и обеспечивает необходимую полноту освещения проблемы человека и человечества. Лаппо-Данилевский определяет в качестве объекта исторического исследования — человечество как часть мирового целого. Это особая, наделенная сознанием часть: она, в свою очередь, целостна. Объект исторического изучения — человечество во всей полноте своего развития (эволюционное целое), и в единстве системной взаимосвязи на каждый данный момент развития (коэзистенциональное целое). Соответственно методология истории трактуется им как методология познания человечества, познания культуры. Ученый постулирует в качестве необходимого эпистемологического принципа утверждение гуманитарного знания именно как знания строго научного, логически выведенного, «построенного» (в логико-математическом смысле данного слова). Он исходит из признания единства и целостности объекта в себе самом, и потому, соответственно, — единства и целостности познания каждого исторического явления. История отдельного народа, государства, личности возможна лишь как его интерпретация по отношению к целостности мира природы и человечества. Эта идея через П. А. Сорокина была воспринята А. Тойнби. Он позднее также будет писать об «умопостигаемом поле» историка, в котором Великобритания является частью. «Таким образом, английская история не прояснится до тех пор, пока она не будет рассмотрена в сопоставлении с историями других национальных государств <...> В каждом случае мы должны мыслить в терминах целого, а не части, видеть главы повести как события жизни общества, а не отдельного его члена, следить за судьбами его представителей — не за каждым в отдельности, а в общем потоке, — воспринимать их как голоса единого хора, которые имеют значение и смысл в общем строе гармонии, но теряют их, как только становятся набором отдельно звучащих нот»⁵². В наши дни, когда идея глобальной (общемировой и многополюсной) истории стала достоянием историков

⁵² Тойнби А. Постигание истории. М., 1991. С. 26.

и их конкретной задачей, еще яснее стала величайшая трудность ее реализации. Мы уже говорили о том, что европоцентристская модель исторического познания создавалась постепенно, эволюционным путем, когда источники изучались, публиковались веками, интерпретировались целыми поколениями ученых исследователей. В отношении многополюсной истории человечества в целом эта задача (в принципе, конечно, выполнимая) изучения источников, подготовляющая такое положение вещей, еще далека от реализации. Она потребует усилий многих ученых исследователей разных стран и народов. Но уже сегодня ясна и главная трудность, которая встанет при обобщении этого материала, выведенного из неизвестности представителями разных исследовательских школ и методологий. Уже теперь ясно, что самая трудная проблема глобальной истории — не собирание фактических данных, и даже не их критический анализ, а полноценный исторический синтез.

Неокантианская модель решения задач исторического синтеза отдает приоритет в его достижении познающему субъекту. Он, по принципу «отнесения и ценности», отбирает главное, ставит проблему и, согласуясь со своими целями и возможностями, обеспечивает себя необходимыми и достаточными основаниями и доказательствами. Феноменология А. С. Лаппо-Данилевского предлагает принципиально единый и целостный теоретико-познавательный подход к ее решению.

Общую основу гуманитарного познания составляет реально существующая совокупность произведений (изделий), созданных людьми в процессе их целенаправленной, осознанной деятельности. Это — «реализованные продукты человеческой психики», исторические источники. В общей концепции методологии истории Лаппо-Данилевского различаются два этапа (уровня), каждый из которых в принципе самодостаточен; но наиболее результативен их синтез, открывающий возможность логического построения феноменологии общечеловеческой культуры. Первый этап «методологии источниковедения» имеет целью рассмотрение произведения, созданного человеком, как явления культуры определенного времени, социального и географического пространства. Принципиальное значение в рамках данной методологии имеет эпистемологический принцип «признания чужой одушевленности». Источниковедение рассматривает триаду «человек — произведение — человек», сосредоточивая главное внимание на анализе взаимодействий, которые в ней реали-

зуются. Особое внимание ученый уделяет проблеме интерпретации смысловых значений, стоящих за эмпирической данностью произведения и текста (психологический и технический, типизирующий и индивидуализирующий методы интерпретации). Принципы и методы типизирующей и индивидуализирующей критики и интерпретации источников раскрыты Лаппо-Данилевским на материале произведений различных типов и видов — от памятников археологии до произведений современного искусства, правовых актов и законодательства, нарративных историко-философских текстов, на основе широкого компаративного подхода. Методология Лаппо-Данилевского раскрывает природу взаимодействия в труде исследователя эпистемологических принципов теоретико-познавательной и конкретно-практической деятельности. На эту черту научного творчества обращали внимание многие его последователи, говоря о «естественном союзе философии и эмпирической науки»⁵³ в его собственном научном творчестве и методологической рефлексии. Ученый реализовал поставленную им цель создания «цельного и систематического учения об источниках», поскольку произведения, созданные людьми (исторические источники), составляют в своей совокупности объект гуманитарного знания как научного. Итак, первый этап в рамках данной концепции составляет методология источниковедения, позволяющая рассматривать произведение (продукт целенаправленной человеческой деятельности) как явление культуры. Второй, высший этап, в свою очередь, составляет методология исторического построения. Целью данной методологии является достижение целостного знания о самой культуре, которая проявляет себя тем, что в ней создано данное произведение. Раскрывая более конкретно методологические принципы своей концепции, ученый на материале такого вида исторических источников, как частноправовые акты (русского права) показал как цели исследования на каждом из этих этапов, так и реальные приемы их достижения. Частные акты рассматриваются как явления культуры своего времени, и затем, на том основании, что они существовали в России и устанавливали определенные нормы правовых отношений, «выстраивается» типология правовой культуры и правовой менталитет русского общества в соответствующих временных, региональных и социальных услови-

⁵³ Райнов Т. И. Указ. соч. С. 49.

ях. При этом возникновение и степень распространенности частных актов в практике социального функционирования становятся фактами большого научного значения. Они выступают как датирующий признак, как убедительное свидетельство состояния правовой культуры соответствующего уровня и типологии. Исторический синтез становится достижимым, а выводы о состоянии культуры — научно доказательными и воспроизводимыми.

Источниковедческая парадигма гуманитарного познания ориентирует исследователя на изучение конкретных объектов — явлений культуры, произведений (изделий), которые дают возможность получить знание о человеке путем интерпретации эмпирических данностей — фрагментов изучаемой культуры. Данный подход, в свою очередь, создает возможность более углубленного, специализированного исследования видовых (жанровых) особенностей произведений, возникающих в процессе функционирования — в правоведе-нии, истории искусств, истории науки⁵⁴.

Источниковедческая парадигма гуманитарного знания

А. С. Лаппо-Данилевский создал свою научную школу, последователями которой стал ряд социальных мыслителей — историков, правоведов, филологов, социологов и историков науки в России и за ее пределами. Данную научную школу характеризует единство представлений об объекте гуманитарного познания и, в то же время, ярко выраженная междисциплинарность⁵⁵. Среди наиболее близких по научным воззрениям исследователей, составлявших научное сообщество, в котором Лаппо-Данилевский излагал и обсуждал основные принципы своей концепции гуманитарного познания, были — философ И. И. Лапшин, экономист А. А. Кауфман, филолог С. Ф. Ольденбург, медиевист И. М. Гревс, историк науки Т. И. Райнов, историки А. Е. Пресняков, С. Н. Валк и А. И. Андреев, М. А. Полиевктов, в сфере влияния находились автор «Системы социологии» П. А. Сорокин и Н. Д. Кондратьев, ряд идей воспринял Л. П. Карсавин.

⁵⁴ Подробнее см.: Источниковедение в России XX в.: научная мысль и социальная реальность // Советская историография. М., 1996. С. 42–77.

⁵⁵ Балдырев Н. В. Указ. соч. С. 152.

Трудно теперь восстановить с достаточной полнотой тот ареал влияния, который оказывала целостная методология Лаппо-Данилевского на окружающее его научное сообщество, поскольку реализация его замыслов прервалась. Во всяком случае, некоторые данные об этом имеются. Безусловно, концептуальная общая идея создания коллективного научного труда по всеобщей, многополюсной истории человечества говорит о многом. Характерна масштабная идея создания крупного коллективного труда, который обобщил бы методологию глобальной истории. В качестве главной цели издания выдвигалось «ознакомление с методом и духом истории, усвоение исторического мышления». Инициаторы издания — С. А. Жебелев, Л. П. Карсавин и М. Д. Приселков считали, что для серьезных занятий историей «необходим цельный научный труд, передающий методы и дух исторического познания, необходимо усвоение исторического мышления». Замысел «Введения в историю», а по существу концептуального обобщающего труда предполагал издание 20-ти томов, охватывающих такие проблемы, как: первобытная культура, классический Восток (Египет и Передняя Азия), Греция и Рим, Западная Европа в Средние века, Западная Европа в Новое время, XIX век, а также — Византия, Славяне, Мусульманский мир, Иран, Индия, Китай, Япония, Средняя Азия, христианский Восток, Кавказ, Америка и колонии, Россия. Авторами серии этой многополюсной истории должны были стать крупные ученые, специалисты в области мировой истории и культуры — Б. А. Тураев, Л. П. Карсавин, С. А. Жебелев, О. А. Добиаш-Рожественская, Е. В. Тарле, В. В. Бартольд, С. Ф. Оренбург, Б. Я. Владимирцов, Н. Я. Марр, М. Д. Приселков. Первым томом издания, посвященного методологии исторического исследования, и была работа Л. П. Карсавина «Теория истории». Для этой книги характерен широкий культурологический подход, охват, по существу — философское видение исторического пространства и исторического процесса в целом, развитое ранее в работах А. С. Лаппо-Данилевского и В. И. Вернадского. А. С. Лаппо-Данилевский полагал, что предельное понятие о целом «...есть понятие о мировом целом: оно представляется нам целостной действительностью, части которой, однако, мы можем, в свою очередь, называть относительными целыми <...> С такой точки зрения историк, например, может изучать все (культурное) человечество как единственное в своем роде целое...» (Т. 1. С. 317–318.) В духе данной концепции Карсавин определяет предмет истории:

это — «человечество в его социальном (т. е. общественном, политическом, материальном) и духовно-культурном развитии». Субъект развития — социально-деятельное человечество — обладает всевременным, всепространственным единством исторического процесса от его начала до его конца: «ни горизонтально, ни вертикально исторический процесс не может быть разрезан». Одним из труднейших вопросов эпистемологии гуманитарного познания является вопрос о том, каким образом связывается в исследовательском процессе работа с эмпирически данным объектом, фрагментом реальности и построение абстрактного, идеального объекта. Позитивистская методология исходит из того, что анализ и синтез — два разнородных исследовательских процесса, и ими занимаются люди различного психологического типа. Неокантианская методология исходит из того, что это связывание происходит в сознании субъекта, создающего свой индивидуальный образ объекта. Феноменолог Гуссерль прослеживает целостный познавательный процесс на материале геометрии — движении мысли от наблюдения конкретного фрагмента реальности к абстрактному математическому понятию. Лаппо-Данилевский выстроил собственную оригинальную методологию движения от реальности объекта (исторического остатка, фрагмента) к его пониманию как явления культуры (источниковедение) и от него — к целому культуры. Именно поэтому ученый так детально разрабатывает логику системообразующего понятия — исторического источника — реализованного продукта человеческой психики. Через него является, объективируется человеческая одушевленность. Данное понятие — фундаментально, оно устойчиво. Беря за основу данную логику, гуманитарий может профессионально работать в любых условиях: он обращен к источнику, он возводит его в ранг явления, этот труд осмыслен и его результат непреходящ — будь то типология источников (как в учебниках М. Н. Тихомирова, С. А. Никитина, которые были первыми в этом ряду) или монографические теоретико-пространственные, страноведческие, региональные труды (А. И. Андреев), видовые и типологические комплексы (частных актов, начиная от семинаров Лаппо-Данилевского) и многое другое. Накопление эмпирических данных и их теоретическое обобщение открывает возможности компаративных исследований больших исторических длительностей, исторической географии, исторической антропологии.

Значение методологии гуманитарного познания А. С. Лаппо-Данилевского мы видим в том, что именно она рассматривает общую проблему объективированного в материальной форме продукта человеческой деятельности (сознательной, целенаправленной) как самодостаточную и фундаментальную и предлагает целостную философскую концепцию методологии исследования этой проблемы. Она дает метод, который обусловлен единством общего объекта гуманитарных наук. Фрагмент реальности («остаток культуры») воссоздается (методология источниковедения) в качестве явления культуры; на следующем, более высоком уровне (методология исторического построения) явление культуры становится тем источником, на основании которого можно выстроить данную культурную целостность. Этот метод Лаппо-Данилевский обосновал теоретически («Методология истории»), а затем показал и его применение на материале русских частных актов («Очерк русской дипломатики частных актов»): выявив произведения-источники и рассмотрев их как явления культуры конкретного времени, возможно затем вывести логические достоверные заключения о самой культурной ситуации, в которой подобные явления культуры были возможны и создавались реально. Прежде всего — это представление о культурном пространстве эпохи и творческом потенциале, уровне индивидуального и коллективного сознания группы, о сознании общества и индивидов, человечества в целом.

И, наконец, еще одна сторона познавательного потенциала данного антропологически ориентированного метода: будучи ориентирован на изучение источников (в которых личность объективирует в материальной форме свой творческий потенциал), данный метод приближает к пониманию фундаментальной идеи человека: он выражает себя в культуре не тем, что он говорит, но тем, что он реально и творчески создает. В этом ярко выражается профессиональное, философски ориентированное значение данной феноменологии культуры.

Таким образом, если кратко определить системообразующий момент антропологически ориентированной парадигмы, в рамках которой работает школа, основанная Лаппо-Данилевским, то это — момент человеческого творчества, создания интеллектуального продукта, — в обычном профессиональном языке называемого историческим источником. В отличие (разумеется, отличии относительном, поскольку вернее говорить о взаимодополняемости двух парадигм) от феномена речевого общения семиологической парадигмы, источниковедческая парадигма

схватывает человека в момент его наивысшего творческого подъема — в создании произведения. «Признание чужой одушевленности» имеет в своей основе именно данный подход к человеку и его познанию.

Это — главное, что один из наиболее ярких представителей данной школы первого поколения понял сразу, как только приступил к рефлексии над «Методологией истории» Лаппо-Данилевского (1913). Будущий классик философии экономики, молодой Н. Д. Кондратьев, написал тогда: «Но раз он [исторический источник. — О. М.] реализованный продукт психики, то, значит, он результат творчества (в широком смысле), значит, он есть и некоторое телеологическое единство, единство реализовавшегося в нем сознания творца»⁵⁶. Точнее сказать невозможно. Важно лишь, чтобы знаменитые «циклы Кондратьева» — прообраз моделей исследования длящихся реальностей человеческой истории как части мирового целого, и другие прозрения методологов данной парадигмы интерпретировались более полно в связи с той целостной концепцией человечества как части мирового целого, о которой идет речь. В рамках данного подхода решаемы трудные вопросы современной гуманитаристики; применительно к цели создания вполне определимы и понятия автора, и понятия произведения, и, что самое главное — проблема достоверности и определения качества личности в рамках данной методологии и «здорового смысла» массового сознания полностью совпадает. Наука и человеческий опыт взаимодополняемы.

К данной феноменологической парадигме восходит научно-педагогическое направление, институционально представленное кафедрой источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета (ранее, с 1939 г. — Московского государственного историко-архивного института)⁵⁷. Это научно-педагогическое направление объединено единством теории, исследовательской методологии и образовательной модели историка и гуманитария других специальностей⁵⁸. В основе теория имеет ан-

⁵⁶ Кондратьев Н. Д. Указ. соч. С. 114–115.

⁵⁷ Простоволосова Л. Н., Станиславский А. Л. История кафедры вспомогательных исторических дисциплин. М., 1990. 71 с.

⁵⁸ Источниковедение. Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учеб. пособие / И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцев. М., 2004. 701 с.

тропологически ориентированную источниковедческую парадигму, создающую возможность строгого (верифицированного) знания о человеке и обществе. Разрабатывает единые принципы методологии исследования: от эмпирики непосредственного объекта (вспомогательные науки истории) к анализу и синтезу информационных возможностей исторического источника (методология источниковедения) и далее — к воссозданию феномена культурной целостности (методология истории).

Теоретически и методологически целостная образовательная модель в то же время различно ориентирована на различные предметные области.

Источниковедческая парадигма представляет собой надежный метод получения новой верифицируемой информации в науках о человеке. Важно подчеркнуть, что этот метод опирается на наличие реального объекта (исторического источника или их совокупности), и потому полученные результаты вполне могут быть воспроизведены, проверены, верифицированы. Это создает реальный путь к строгому знанию.

За последние годы успешно разрабатываются новые направления компаративного источниковедения.

Одно из них исходит из фундаментального постулата феноменологии — системного характера общего объекта естественных и гуманитарных наук — мирового целого, и междисциплинарного взаимодействия этих наук на общей основе: источник как реальный культурный объект, который рассматривают со своих предметных позиций естественные и гуманитарные науки. В этом случае источники, созданные людьми, выступают как объект, который содержит информационный потенциал для изучения природы (историческая география, историческая картография, история наук) и проблематики взаимодействия природных сил и человеческой деятельности.

Ряд аспектов взаимодействия специалистов в изучении информации источников рассматривается в рамках проблемы «Человек и пространство»⁵⁹. Исторический источник в феноменологической парадигме интерпретируется как культурный объект, обладающий структурными свойствами, и на этой основе формируется ряд на-

⁵⁹ Исторический источник: Человек и пространство: Тез. докл. и сообщений науч. конф. Москва, 3–5 февр. 1997 г. М., 1997. 335 с.

правлений компаративистики. Они рассматриваются в частности в рамках проблемы «Исторический источник и компаративистика»⁶⁰.

Широкие возможности для структурно-функциональных исследований на основе источниковедческой парадигмы имеет историческая антропология⁶¹.

Конфликт интерпретаций и возможности источниковедческой парадигмы

Глобальный социальный конфликт новейшего времени оказал существенное влияние на ситуацию как в исторической науке, так и в гуманитарном знании в целом, сформировав центробежные тенденции в их отношении к познанию прошлого. Новая социальная реальность вела к изменениям традиционного механизма политической и культурной организации общества. На протяжении жизни нескольких поколений распалось традиционное единство старого общества «с его естественными связями и с его, так сказать, органическим сцеплением. Пришествие демократии разрушило существовавшие рамки политического общества. Иерархия классов и их внутреннее соотношение были уничтожены, и традиционные социальные узы, соединявшие индивида с коллективом, порвались»⁶². В новейшее время произошло и происходит нивелирование общества, разрушение прежних связей, изменение положения индивидов и групп по отношению к власти, государству, друг другу. Высвобождая индивида от традиционных отношений, новая реальность его изолирует, вызывая соответствующие умонастроения дегуманизации, деперсонализации культуры. Решающим фактором для формирования феноменологического направления и явилось это изменение общей ситуации в мире конца XIX — начала XX в. Новая ситуация отношения масс и власти, общества и государства, центра и периферии поставила ученых и политиков перед необходимостью выявлять закономерности и механизмы глобальных процессов в истории человечества — ми-

⁶⁰ Источниковедение и компаративный метод в гуманитарном знании: Тез. докл. и сообщений науч. конф. Москва, 29–31 янв. 1996 г. М., 1996. 448 с.

⁶¹ Историческая антропология: место в системе социальных наук, источники и методы интерпретации: Тез. докл. и сообщений науч. конф. Москва, 4–6 февр. 1998 г. М., 1998. 251 с.

⁶² *Острогорский М. Я.* Демократия и политические партии. М., 1997. С. 44.

ровой экономики, единого информационного пространства, многополюсного политического процесса. Появилась необходимость преодолеть сложившиеся под влиянием позитивистской познавательной парадигмы методы исследования. «История пишется по документам: нет их — нет и истории», — в такой категоричной форме звучал методологический тезис «знаменитой формулы» позитивистской эмпирической историографии⁶³. Но о каких документах глобальной общечеловеческой истории могла теперь идти речь? Перед лицом новых исследовательских задач добротный профессионализм европоцентристской модели оказался неэффективным. Он формировался в ситуации, когда существовала изученная эмпирическая база источников, а методы их изучения были многократно реализованы, обобщены и воспроизведены в ясных и относительно простых исследовательских приемах. В новой ситуации о разработанной базе источников глобальной истории говорить не приходилось. Прорыв в непознанную еще область истории глобальных цивилизаций требовал нетрадиционных методологий. Это меняло сознание исследователей. Как вспоминал позднее один из основателей концепции новой глобальной истории Л. Февр, на глазах разрушилось «неоспоримое основание всякой позитивной науки, этот несокрушимый столп старой классической истории <...>. Познания наши внезапно превысили меру нашего разумения. Конкретное вдребезги разбило рамки абстрактного. Попытка объяснения мира с помощью ньютоновской, или рациональной, механики, окончилась полным провалом. Старые теории необходимо было заменить новыми. Следовало пересмотреть все научные понятия, на которых покоилось до сих пор наше мировоззрение»⁶⁴.

Итак, на протяжении XX в. произошли значительные сдвиги в отношении к проблематике гуманитарного знания и особенно — к его методологии. Научную и философскую мысль активизировала реальная необходимость выхода за пределы европоцентристского мировосприятия, обращения к новым моделям многополюсной глобальной истории человечества и его культуры. В мировом сообществе в первой половине XX в. была наиболее влиятельной модель субъективистского преодоления возникших исследовательских трудностей:

⁶³ Ланглуа Ш.-В., Сеньобос Ш. Введение в изучение истории. СПб., 1899. С. 1, 13.

⁶⁴ Февр Л. Как жить историей // Февр Л. Бои за историю. М., 1991. С. 34.

переход от европоцентристской к глобальной исторической науке представлялся возможным путем небывалой интенсификации личных познавательных возможностей практикующего исследователя. В рамках данной парадигмы он, отринув традиционные формализованные («позитивистские») критерии исследовательской методологии, осуществляет прорыв к новой проблематике, восполняя неизбежные при существовавшем состоянии науки в целом пробелы в информации о реальностях многополюсного мира интуитивным, почти иррациональным импульсом, своей способностью к сопереживанию, симпатии к миру прошлого. Он осуществляет подбор не столько источников, сколько «оснований», а затем осуществляет индивидуальный синтез рассмотренных очевидностей, переживая опыт прошлого в своем сознании.

Вызов XX в. состоял в необходимости осмыслить, отрефлексировать то совершенно новое и по-иному структурированное информационное пространство, которое возникло в новейшее время. Процессы глобализации, новые средства передачи информации, ее фиксации и воспроизведения обрушились на общество, индивида, оказавшегося в условиях утраты своих традиционных социальных, культурных, информационных связей и отношений. Отрефлексировать эту новую информационную реальность стремился еще Н. Винер, ее анализировал Р. Барт⁶⁵. Для того, чтобы освоить, как-то приспособиться к информационному обществу, его необходимо структурировать. Очевидно, что это необходимо выполнить «совершенно иначе, нежели методами традиционной экзегезы или методами лингвистического формализма...», — писал М. Фуко⁶⁶. Интеллектуальный успех работ Фуко не в последнюю очередь можно объяснить той точностью, с какой он выразил столь понятный человеку XX в. «страх» перед беспредельным размахом сказанных слов, высказываний, дискурса. Ученый характеризует цивилизацию, где дискурс «радикально освободили от принуждений и универсализировали». Словесный поток подавляет индивида, неспособного его упорядочить, систематизировать. «В нашем обществе, как впрочем, я полагаю, и

⁶⁵ Винер Н. Кибернетика и общество / Пер. Е. Г. Панфилова; Общ. ред. и предисл. Э. Я. Кольмана. М., 1958. 200 с.; *Он же*. Наука и общество // Вопросы философии. 1961. № 7. С. 117–122; Барт Р. Мифологии. М., 1996. 314 с.

⁶⁶ Фуко М. Порядок дискурса: Инаугурационная лекция в Коллэж де Франс, прочитанная 2 декабря 1970 года // Фуко М. Воля к истине. М., 1996. С. 91.

во всех других, несомненно, существует, но только по-другому очерченная и расчлененная, глубокая логофобия, своего рода смутный страх перед лицом всех этих событий, перед всей этой массой сказанных вещей, перед лицом внезапного появления всех этих высказываний, перед лицом всего, что тут может быть неудержимого, прерывистого, воинственного, а также беспорядочного и губительного, перед лицом этого грандиозного, нескончаемого и необузданного бурления дискурса»⁶⁷. Суть проблемы состоит в том, что индивид, оказывающийся перед лицом информационной избыточности, неопределенности, испытывает потребность в систематизации этого информационного пространства. Для этого, в принципе, у него есть две теоретические возможности. Он может систематизировать информацию по степени своего отношения к ней: это метод «отношения к ценности», как известно, в рамках неокантианской методологии примененный именно к наукам о культуре, прежде всего исторической науке, и декларированный как ее специфический способ познания. Но такая систематизация будет сугубо индивидуальной и может быть принята другими индивидами лишь на конвенциональной, согласительной основе. Эта ситуация, хорошо знакомая и часто используемая в постмодернистской культурной реальности, для научного познания менее продуктивна. Вторая теоретическая возможность систематизации информационного пространства состоит в поиске объективных, реальных свойств наблюдаемых объектов. Она труднее, но зато сулит возможность движения к истине. Весь вопрос в том — как это сделать, как выявить эти объективности, как их интерпретировать, систематизировать, создать надежный метод. Гуманитаристика XX в. трудами своих классиков настойчиво ищет ответа на этот главный вопрос. Возможно ли от высказывания, дискурса перейти к истине?

«...Новый век очертил свое поле исследования, не ограниченное рамками одной национальности, и ученые вынуждены будут приспособить свой метод к интеллектуальным операциям более широкого масштаба», — писал А. Тойнби⁶⁸. По мере освоения научным сообществом идеи безальтернативности такого изменения, проблематика компаративного метода все яснее выступает и в своей привлекательности, и в

⁶⁷ Фуко М. Указ. соч. С. 78.

⁶⁸ Тойнби А. Указ. соч. С. 20.

своей методологической противоречивости. Расширение личностного знания историка и его способность к индивидуальному, мирозерцательному историческому синтезу не беспредельны. «Всеведение, — пишет Тойнби, — как обнаружил Фауст своим прозорливым умом, не может быть достигнуто через последовательное прибавление знания к знанию, искусства к искусству, науки к науке, образующих дурную бесконечность»⁶⁹. Как мыслитель, как основатель цивилизационного подхода, А. Тойнби включает компаративный подход к интерпретации глобального исторического процесса в качестве имплицитного компонента своей парадигмы. Исторический процесс — умпостигаемое пространство человеческой истории независимо от априорных суждений историка, от особенностей его восприятия. Это пространство имеет свои типологии, свою динамику их развития, и цель историка состоит в том, чтобы постичь, выявить, прояснить эти типологические черты. Цивилизации как единые социальные целостности рассматриваются в динамике, модификациях, отделении от предшествующих и реакциях на мощные воздействия извне, из окружающей природной и социально-культурной среды. Цивилизационный подход дает подвижную познавательную модель для возможных философских интерпретаций многополюсного мира в его движении и незавершенности. Игра ума, «побуждаемого к действию интуицией, уловившей связь между историческими фактами», определяющего параметры умпостигаемого пространства, очерченного Тойнби.

Теоретическая возможность систематизации информационного пространства культуры состоит в выявлении объективных, реальных свойств изучаемых феноменов: «...ухватить дискурс в его способности к утверждению <...>, способности конституировать область объектов — таких, по поводу которых можно было бы утверждать или отрицать истинность или ложность высказывания»⁷⁰, — так формулировал цель научного поиска М. Фуко. Культурная ситуация очерчена достаточно ясно. Лучшим из путей к знанию, к его определенности является путь отыскания структурных позитивностей. Структуралистский подход, в свою очередь, открывает возможности применения компаративистики — мощного инструмента точного и достоверного знания. Тогда становится возможным «разредить» туман дискурса, выйти из круга про-

⁶⁹ Тойнби А. Указ. соч. С. 627.

⁷⁰ Фуко М. Указ. соч. С. 90.

тиворечивых конфликтов интерпретационных вариантов. «Разреженность и утверждение, разреженность, в конечном счете, утверждения, а вовсе не нескончаемые щедроты смысла, вовсе не монархия означающего», — определяет Фуко магистральный путь позитивного знания. И тут же снижает эффект сказанного иронической концовкой: «А теперь, пусть те, у кого пробелы в словаре, говорят — если петь эту песню им милее всего остального, — что вот это и есть структурализм»⁷¹.

Суть познавательной проблемы состоит в противоречии — между структуралистскими ожиданиями точного знания и неопределенностью самого понятия структуры. Без структуры нет и компаративистики.

Р. Барт в ключевой работе «От произведения к тексту»⁷² подчеркнул необходимость сложных и тонких интерпретаций текста произведения. В принципе гуманитарии не отказались бы от традиционных методик исследования как литературных, так и исторических текстов, но при ближайшем рассмотрении те оказывались малоэффективными. Позитивистские классики убежденно говорили и об изучении автора, и произведения, и необходимости установления достоверности. Но теперь приходится думать о том, что необходимо «анализировать внутреннюю экономику дискурса совершенно иначе, нежели методами традиционной экзегезы или методами лингвистического формализма»⁷³. В самом деле: «Что такое автор?» — рассуждает М. Фуко, — ведь «все дискурсы, наделенные функцией — автор, содержат эту множественность Эго»⁷⁴. Иначе говоря, разве любой автор равен самому себе? А произведение? Как можно отделить то, что составляет произведение? Теории произведения не существует — к такому выводу приходит Фуко: «Слово “произведение” и единство, которое оно обозначает, являются, вероятно, столь же проблематичными, как и индивидуальность автора»⁷⁵. Итак, главную трудность для данного направления гуманитарных методов составляет неопределенность, изменчивость, неустойчивость предмета изучения. П. Рикер пишет

⁷¹ Фуко М. Указ. соч. С. 90–91.

⁷² Барт Р. От произведения к тексту // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994. С. 413–423.

⁷³ Фуко М. Указ. соч. С. 91.

⁷⁴ Его же. Что такое автор? // Фуко М. Воля к истине. С. 29.

⁷⁵ Там же. С. 16.

о «конflikте интерпретаций»⁷⁶, Р. Барт предпринимает «попытку систематического размышления о некоторых мифах повседневной жизни»⁷⁷. Эта критика сильна своей негативной стороной, но она не создает системной методологии. Особенно ярко подчеркивает сложность современной ситуации гуманитарного познания попытка перенести методы деконструкции художественного, литературного текста на текст исторического нарратива — тексты трудов профессиональных историков.

Обращение к феноменологической источниковедческой парадигме дает новые возможности исследования. Выявление общих свойств источников, прежде всего, видовых структур, проводится здесь с целью формирования исследовательских норм и соответствующих им методик для освоения в процессе преподавания дисциплины. Усваивая основные нормы и соответствующие им исследовательские приемы, возможно добиваться общепринятого для научного сообщества представления о профессионализме, выводя уже отрефлексированный и обоснованный метод на уровень «техники». «Где основная норма есть цель или может стать целью, — пишет Гуссерль, — там из нормативной дисциплины, путем легкого понятного расширения ее задачи, образуется техническое учение»⁷⁸. Данный аспект развития нормативной дисциплины особенно важен для формирования общенаучных критериев, разделяемых научным сообществом. «Ибо задача технического учения предполагает решение более узкой задачи, состоящей в том, чтобы, вне всякого отношения к практическому достижению, установить нормы, сообразно которым определяется, соответствует ли реализуемая цель общему понятию, обладает ли она характеризующими данный класс действий признаками»⁷⁹. При условиях, когда нормы и соответствующие им критерии отрефлексированы, репрезентированы на уровне технического учения, разделяются научным сообществом, вполне возможно реализовать, в частности, компаративные подходы, не обосновывая вновь и вновь саму возможность постановки данной цели и соответствие ей используемых приемов. Этот способ действий наблюдается и реализуется в развитых, продвинутых областях гуманитарного знания.

⁷⁶ Рикер П. Конфликт интерпретаций: Очерки о герменевтике. М., 2002. 623 с.

⁷⁷ Барт Р. Мифологии... С. 55.

⁷⁸ Гуссерль Э. Логические исследования... С. 196.

⁷⁹ Там же. С. 209.

Источниковедение, накопив определенный опыт эмпирического типологизирования источников «по видам» и обогащая опыт исследования видовых структур в отдельных, наиболее изученных видах источников, на определенном этапе начинает испытывать возрастающую потребность в развитии теоретических оснований своей науки. Именно так обстояло дело с применением видовой подхода к изучению корпуса источников отечественной истории. Используя интуицию и практический опыт, исследователь издавна различает типы и виды объектов культуры, исторических источников. Однако по мере расширения исследовательского пространства возникает вопрос о том, в какой мере правомерно распространение принятых норм на новую реальность? Именно этот вопрос возник, когда выяснилось, что видовая классификация источников была использована не только для структурирования источников российской истории средних веков и нового времени, но и распространена на такую специфическую реальность, как источники «советского периода». В принципе не возражая против такого подхода, авторы проблемной статьи «Источниковедение и изучение истории советского общества» поставили вполне логичный вопрос: что, собственно, такое «вид» источника? В какой мере возможно применить эту классификацию как общезначимую? Почему она применена непоследовательно? И делали вывод о том, что «разработка общих принципов классификации исторических источников составляет в настоящее время одну из первоочередных задач теоретического источниковедения»⁸⁰.

Вопрос об объективных критериях классификации источников имеет, как известно, огромную литературу. В зависимости от цели исторического исследования, историк может, разумеется, группировать источники любым приемлемым для него образом. Это и будет классификация «по содержанию». Понимая это, теоретики спорили не об этом, они стремились выявить свойства «вида» и природу видообразования, обращаясь и к форме, и к содержанию, и к происхождению и способу кодирования информации источника, «аналогичным приемам исторической критики» и даже «специфическим особенностям».

Важно, однако, прежде всего вопрос о системообразующем признаке. Вид — это структура источника, способ организации его элементов, а она определяется практической функцией, ради

⁸⁰ Данилов В. П., Якубовская С. И. Источниковедение и изучение истории советского общества // Вопросы истории. 1961. № 5. С. 3–23.

которой он создавался. Обосновав эту идею, можно было сразу констатировать потенциальные возможности компаративистики на основании изучения типологии видов источников. Тогда же удалось отметить и актуальность наблюдения процессов формирования видов как способа выявления специфики культурной ситуации или ее изменения. Структуралистский видовой подход позволяет вести компаративные исследования. Они только начаты, но сразу открывают большие возможности данной познавательной модели. В то же время вопрос о видовой структуре и соответствующих возможностях компаративистики есть лишь один из аспектов более общей проблемы — теоретического обоснования феноменологии культуры. А эта проблема, в свою очередь, намного шире собственно источниковедения как нормирующей дисциплины, выходя в общее пространство гуманитарного познания наук о человеке. Это общегуманитарное теоретическое содержание изначально выступает в методологии данного направления, которое объединяло в свое время наиболее ярких представителей разных наук, какими были С. Ф. Ольденбург, И. М. Гревс, А. Е. Пресняков, П. А. Сорокин, Н. Д. Кондратьев, С. Н. Валк, А. И. Андреев. Об этом соотношении нормативных и теоретических аспектов науки в ее связи с жизнью Э. Гуссерль написал: «...каждая нормативная дисциплина имеет свою собственную основную норму, которая в каждом данном случае является объединяющим принципом ее. В теоретических же дисциплинах, наоборот, отсутствует эта центральная связь всех исследований с основной мерой ценности, как источником преобладающего интереса нормирования. Единство их исследований и порядок их познаний определяется исключительно теоретическим интересом, направленным на исследование того, что связано по существу (т. е. теоретически, в силу внутренней закономерности вещей) и что поэтому должно быть исследовано совместно»⁸¹.

Развиваясь как нормативная дисциплина, источниковедение разрабатывает познавательные модели для выявления типологии культурных объектов. Произведение создается целенаправленно и осознанно. Единство цели создания формирует структуру произведения, выражает себя в ней. В определенном смысле оно есть реализованный продукт человеческой психики (как известно, именно таким образом определяется произведение — исторический источник Лаппо-Данилевский).

⁸¹ Гуссерль Э. Логические исследования... С. 208.

Но произведение есть и явление культуры, часть системного целого, условия появления и функционирования в ней шлифуют его структуру, формируют видовые свойства, сходства и различия.

В динамике современного гуманитарного знания компаративный подход выступает как своего рода опознавательный признак, выявляющий моменты выхода на метадисциплинарный теоретико-познавательный уровень. В принципе компаративный подход устремлен к постижению системного единства человечества в его коэкзистенциальной и эволюционной целостности. От эмпирики конкретных объектов, изучаемых отдельной дисциплиной, осуществляется переход к новому качественному уровню — пониманию универсалий, интерпретации структурных свойств объектов, через которые эти универсалии дают о себе знать. Так, антропологическая общность человека создала возможность компаративных исследований глобального разнообразия условий человеческого существования и жизнедеятельности: здоровья, способов питания, спорта, структур родства и социокультурных общностей. В свою очередь, при переходе от наук о языках к науке о языке, основанной на общечеловеческой способности речи и ее понимания, сформировались компаративистские направления, охватывающие процессы эволюции человечества в глобальных рамках. Мы обозначили аналогичный процесс восхождения от эмпирики первичного объекта к пониманию общечеловеческих универсалий. В рамках исследовательских методик исторических наук, а затем все более целенаправленно структурного подхода в источниковедении, — выявлялись типологические свойства культурных объектов — произведений человеческого творчества, исторических источников и их видовой специфики. Структурная модель на основании характерных видов источников имеет познавательное значение, она дает возможность идентификации культурной общности, важна и для ее самоидентификации. Возможность источниковедческой компаративистики на основе видовых структур источников основана, как мы стремились показать, на общечеловеческой универсалии фундаментального характера. А именно — способности к целенаправленному осознанному творчеству, созданию произведений, которые затем в процессе функционирования в социальной практике, повторяемости социокультурных ситуаций приобретают и закрепляют устойчивые общие структурные параметры. Таким образом, источниковедческая парадигма служит основанием для интерпретации видовых свойств культурных объектов (исторических

источников) методом структурного анализа. Это создает познавательную модель для более полного раскрытия меняющихся, динамических взаимодействий реальных свойств культурных объектов и тех знаковых функций, в которых они выступают в процессе функционирования в различных культурных коммуникациях.

Соотношение между «телесностью вещи»⁸² и ее знаковыми функциями — одна из самых сложных познавательных проблем гуманитаристики, на основе методологии источниковедческого видового подхода получает определенные возможности для типологизации. Одна из таких познавательных методологий положена, в частности, в основу концепции изучения вещи в культуре. Структурный анализ видовых свойств источников используется для типологизации системных связей отношения объекта и знака в конкретных культурных ситуациях. Это, в свою очередь, открывает возможности применения компаративных методов сопоставления самих культурных ситуаций и социокультурных целостностей, проявляющих себя видвыми структурами своих культурных объектов.

Таким образом, идеи «Методологии истории» могут рассматриваться в двух основных аспектах: прежде всего, в связи с условиями их возникновения, когда традиционные методологии исторического изучения выявили свою несостоятельность перед лицом качественно новой познавательной ситуации глобального, массового информационного общества, и, далее, они открывают возможности компаративного подхода к тем проблемным ситуациям гуманитарного познания, которые яснее выявляются в междисциплинарных взаимодействиях гуманитарных и естественных наук XX в. Это позволяет более полно раскрыть познавательный потенциал «Методологии истории» и рецепции ее идей в метадисциплинарном пространстве современных наук о человеке.

Концепция «Методологии истории» представляет теорию, ориентированную на достижение знания о человеке и обществе как знания научного, т. е. строгого. Иначе говоря — знания логически выводимого, открытого для верификации достигнутых результатов и отрефлексированного для его включения в образовательную модель профессионала. Именно поэтому главный акцент «Методологии истории» сделан на последовательном, тщательно выстроенном изложении системы методов достижения такого знания (методологию).

⁸² См., напр.: Гуссерль Э. Философия как строгая наука...

Фундаментальным постулатом теории является вопрос об объекте гуманитарного знания. В качестве предельного понятия выступает понятие «мирового целого», в котором человечество (в свою очередь, эволюционное и коэкзистенциальное целое) выступает как особая, наделенная сознанием часть. Здесь отметим соотношение части и целого, что предполагает утверждение о системности объекта. Именно системность открывает возможность научного познания — с использованием потенциалов системного подхода. Это выравнивает познавательные возможности естественных и гуманитарных наук, единство познавательной ситуации и научного метода.

Для научного познания необходимо наличие фиксированных в материальной форме реалий, что открывает возможности выявления повторяемостей и различий, типологий, компаративных подходов, верификации результатов совершенствования методологий. Данный вопрос потребовал глубокого теоретического обоснования. «Методология истории» не рассматривает специально феномен непосредственного наблюдения, устного общения, поскольку, являясь источником информации, такие феномены не достаточны для изучения. Главное внимание уделяется «реализованным продуктам человеческой психики», создающим такую потенциальную возможность. Системообразующим становится постулат «признания чужой одушевленности», что дает возможность получить информацию о человеке и обществе через созданный им целенаправленно и осознанно интеллектуальный продукт — произведение. Произведение и выступает как исторический источник. Лаппо-Данилевский проводит четкое различие «произведений природы» и «произведений человека». Способность к творчеству, выявлению своего внутреннего мира в материально фиксированной форме является свойством человека. «Исторический остаток», фрагмент реальности, созданной человеком, в процессе исследования воссоздается как феномен, как «историческое явление» (методология источниковедения) и от явления возможно перейти к воссозданию целого той культуры, в которой это явление возникло (историческое построение). Данная теория и основанная на ней методология носят общегуманитарный характер, поскольку исходят из общечеловеческих универсалий.

*О. М. Медушевская,
доктор исторических наук, профессор*

А. С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ

МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИИ. ТОМ I

ВВЕДЕНИЕ

§ 1. Понятие о методологии истории и ее значение

Теория познания лежит в основе методологии науки: без теории познания нет возможности обосновать систему принципов научного мышления и его методов. В самом деле, теория познания устанавливает то значение, какое наше сознание должно придавать нашему знанию, его априорным и эмпирическим элементам; те конечные основания, в силу которых мы признаем его достоверным и общезначимым, а не ложным и случайным; то объединяющее значение, какое оно имеет для наших разрозненных представлений; то научное значение, какое мы приписываем нашему знанию об общем и об индивидуальном, и т. п. Между тем, в зависимости от того, а не иного решения вышеуказанных проблем, мы, в сущности, принимаем и те, а не иные принципы, значит и обусловленные ими методы науки, т. е. построим соответствующую ее методологию.

Итак, методология науки конструируется с теоретико-познавательной, а не с психогенетической точки зрения. Изучение генезиса нашего знания может, конечно, пригодиться и для выяснения его оснований, но не придает им силы: и великая истина, и великое заблуждение имеют свой генезис; но о познавательном значении их нельзя судить по их генезису. С такой точки зрения нельзя смешивать теорию познания с изучением факторов, играющих весьма важную роль в генезисе нашего знания, например, творческого воображения, «случайности» и т. п.; для анализа научных понятий психогенетическое их изучение имеет лишь вспомогательное значение. Вместе с тем, в зависимости от данной теоретико-познавательной, а не генетической точки зрения мы, в сущности, принимаем и те, а не иные принципы и методы изучения данного материала, хотя и развиваем их в зависимости от объектов, которые нас интересуют.

В виду тесной связи между теорией познания и методологией науки последняя может развивать, исправлять или дополнять общую теорию познания и таким образом оказывает ей существенные услуги, хотя бы размышления подобного рода и не представляли ничего ценного для специально научных изысканий. Теория познания, например, долгое время строилась слишком односторонне: она принимала во внимание одно только естествознание и стояла в зависи-

мости от одного только изучения «природы»; за последнее время, однако, теория познания обогатилась новой отраслью — теорией исторического знания, возникшей благодаря тому, что мыслители конца прошлого века обратили серьезное внимание на логическую структуру собственно исторического знания.

Методология науки имеет, однако, значение и для обоснования, а также для построения данной ее отрасли. Наше сознание, характеризующее систематическим единством всех наших понятий, требует такого же единства и в нашем знании, особенно в науке; но без методологических размышлений нельзя достигнуть некоторого единства в области научных представлений; лишь строго придерживаясь той теоретико-познавательной точки зрения, которая всего более удовлетворяет такому требованию нашего сознания, мы можем пользоваться соответствующими принципами и методами для того, чтобы обосновать наше знание, объединить известные данные нашего опыта, придать единство нашему научному построению и выработать систему научных понятий, а не довольствоваться разрозненными научными представлениями. Во всяком случае, методология науки должна принимать во внимание принципы такого единства, хотя бы в области данной отрасли знания. Установить принцип значит, однако, опознать ту истину (аксиому), на которой он основан, значит продумать его в собственном сознании; но установить один принцип независимо от другого нельзя: методология не может ограничиться изучением каждого из них в отдельности; она стремится выяснить систему общих понятий, ибо только таким образом каждое из них получает надлежащее значение: она пользуется одним или несколькими наиболее общими понятиями, подсуммирует под них менее общие и т. д. Даже в математике, науке наиболее сложившейся, вопросы подобного рода обсуждаются довольно оживленно; методологические рассуждения в области математики привели в последнее время к сближению между логикой и математикой и к критическому рассмотрению основных принципов самого математического знания*. Методологические рассуждения имеют тем большее значение применительно к наукам, логические особенности которых далеко еще не выяснены, а к ним надо причислить и историю. Методология исто-

* *B. Russel, The Principles of Mathematics, Cambridge U.-P., 1903. L. Couturat, Les principes des Mathématiques, Par., 1905.*

рии также обсуждает основания исторического знания и способствует выработке обоснованной системы исторических понятий; специальные исследования не могут дать такой системы: они только готовят материал для нее, но система согласованных между собою исторических понятий устанавливается путем рассмотрения и формулировки основных принципов исторического знания и методического их раскрытия, возможно более последовательно проводимого сквозь всю историческую науку.

Методология данной отрасли науки нуждается, однако, еще в дополнительных понятиях, без принятия которых нельзя построить ее и выяснить особенности ее метода. С такой точки зрения и методология истории должна иметь в виду, кроме вышеуказанной общей цели, свою специфическую задачу: она стремится обосновать историческое знание, т. е. возвести его к основным принципам познания, обуславливающим (в логическом смысле) самую возможность всякого знания, а, значит, и исторического; но так как историческое знание не ими одними обусловлено, то она устанавливает и производные принципы или положения, которые в комбинации с основными делают возможным изучение данных нашего опыта с исторической точки зрения и придают систематическое единство историческому знанию; в силу вышеуказанной связи между принципами и методами, та же методологическая дисциплина, кроме принципов исторического знания, выясняет и те методы мышления, которые зависят от них и благодаря которым известная точка зрения прилагается к данному материалу; таким образом она оттеняет и общее значение исторического метода, — что получает особенно большой вес в глазах тех историков, которые готовы признать «историю» в сущности и прежде всего методом — и главные его особенности, зависящие также от объектов исторического изучения.

Если принять предложенное выше понятие о методологии науки вообще и методологии истории в частности, то на него можно будет опереться и для того, чтобы отразить возражения, которые высказываются против нее, главным образом, с точки зрения интуитивизма.

В своих возражениях против значения размышлений над принципами и методами познания ученые-интуитивисты часто слишком мало принимают во внимание только что указанное различие между основаниями исторического знания и его генезисом: некоторые из них полагают, что каждый интуитивно уже пользуется известными

принципами и развивает методы исследования в самом процессе работы. Само собою разумеется, что метод развивается в процессе специально-научной работы; но теоретическое обоснование его нельзя смешивать с его развитием или с частными его приложениями; между тем, достигнуть такого обоснования, т. е. установить общие принципы, лежащие в основе данного метода и его оправдывающие в логическом смысле, можно только путем методологических рассуждений; а ясное сознание их значения регулирует научное мышление исследователя.

В зависимости от такого смешения понятий о теории познания и об его генезисе противники методологических рассуждений применяют, например, то, что можно сказать о научном творчестве, к научному методу: подобно тому как творческое воображение не создается, а зависит от особенностей данной индивидуальности и есть ее индивидуальный акт, так и научный метод создается, по их мнению, интуитивно и не нуждается в особых рассуждениях, которые давали бы его обоснование. Само собою разумеется, что творческое воображение не создается никакою методологией; но последняя дает понятие о критериях, в силу которых должно признать пользование им правильным или ошибочным. Человек, не обладающий достаточною силою творческого воображения, конечно, не может сделаться настоящим ученым, не будет и настоящим историком. Историк должен, например, воспроизводить в себе состояния чужого сознания, иногда очень далекие от привычных ему состояний, и ассоциировать между собою идеи, кажущиеся его современникам чуждыми друг другу; он должен обладать богатым и страстным темпераментом для того, чтобы интересоваться разнообразнейшими проявлениями человеческой жизни, ярко переживать то, что его интересует, глубоко погружаться в чужие интересы, делать их своими и т. п.; он должен быть также способным вообразить себе и более или менее смелую гипотезу, пригодную для объяснения фактов или для построения из них целых групп или серий и т. п. Без такого творчества историк, конечно, не построит какого-либо крупного исторического целого, а наличность у историка его собственного индивидуального творчества есть факт, который нельзя создать никаким историческим методом. Тем не менее историк должен сознавать и те основания, в силу которых он пользуется известными принципами и методами исследования; историк-ученый не может признать резуль-

таты интуитивно-синтетической постростительной работы правильными, не выяснив, какие именно принципы лежали в ее основе и каково их значение, а также не подвергнув методов, да и самых результатов исследования предварительной проверке. Историк, широко практикующий подобного рода «дивинацию»¹, все же часто прибегает к помощи научного анализа, прежде чем окончательно завершить свое построение; но в таких случаях он или пользуется им слишком мало, или выходит из своей роли историка-художника и удовлетворяется более скромною ролью историка-ученого: последний постоянно стремится систематически регулировать и контролировать силу своего постростительного воображения и т. п. и думает достигнуть цели не путем исключительно интуитивно-синтетической дивинации, а путем научно-синтетического построения. Следовательно, вышеуказанное возражение, что историк работает интуитивно, при помощи творческого воображения и т. п., нисколько не умаляет значения методологии истории.

Впрочем, с точки зрения понятий о синтезе и анализе, ученые-интуитивисты легко подыскивают и другое возражение, проистекающее из смешения понятия о логическом их соотношении вообще с понятием о генетическом преемстве в истории наук некоторых синтетических операций вслед за аналитическими. По мнению многих ученых, анализ должен предшествовать синтезу; значит, и рассуждения об общих принципах и методах наук, отличающиеся синтетическим характером, преждевременны. В рассуждениях подобного рода ученые упускают из виду тесную связь, в какой вышеуказанные понятия находятся между собою и, в сущности, говорят не о наиболее общих формах или синтетических принципах нашего мышления вообще, а о специальных научных обобщениях в данной области нашего опыта. В самом деле, ведь нельзя же производить какого-либо анализа без каких-либо руководящих принципов синтетического характера, хотя бы применение их к более конкретному содержанию и развивалось во времени. С этой точки зрения и рассуждения о принципах и методах исторической науки нельзя считать преждевременными: такие понятия сознательно или «бессознательно» более или менее обуславливают научно-историческое исследование, хотя содержание их и может изменяться во времени, в зависимости от действительного развития самой исторической науки, и получать более точную, специфически научную формулировку.

Аналогичное смешение между двумя, по существу различными, точками зрения — теоретико-познавательной и эволюционной — также позволяет противникам методологии наук сослаться еще на одно соображение: в истории наук методологические рассуждения обыкновенно следовали за великими открытиями, а не предваряли их. С генетической точки зрения методология науки действительно не предшествует ей, а следует за нею, ибо научное творчество не создается методологией (см. выше); но, не говоря о том, что наука слагается не сразу, и последующее ее развитие зависит также от степени разработки ее методологии, можно сказать, что в данном случае речь идет о значении методологии для науки, а не о ее развитии: с аналитической точки зрения методология науки логически предшествует ее выводам, систематическому ее единству.

Итак, лишь различая теоретико-познавательную точку зрения от психогенетической, можно избежать того смешения понятий, благодаря которому отрицательное отношение к методологии истории становится возможным.

Впрочем, возражения против методологии истории можно отразить и с точки зрения требования обоснованности и систематического единства исторической науки. Возражая против значения такой дисциплины, историки-интуитивисты забывают, что предварительное знание принципов и приемов научно-исторического построения, почерпаемое из методологии истории, имеет существенное значение для научно-исторической работы: лишь в том случае, если историк, стремящийся к исторической правде, опознал те принципы и методы, которыми ему приходится пользоваться в процессе работы, он может ясно поставить себе известную познавательную цель, придавать систематическое единство своему знанию исторической действительности, не смешивая разных понятий, и производить свою работу систематически, путем исследования, постоянно контролируя его ход.

Следует заметить, что, помимо чисто теоретических соображений, и в действительности те, которые возражают против значения методологических рассуждений, пользуются известными принципами познания и методами изучения: только они не выделяют их сознательно из общего потока своего мышления. Один из великих ученых прошлого века, например, назвал свой знаменитый труд «Теорией явлений электродинамических, основанной един-

ственно на опыте»; он, значит, думал, будто для построения своей теории он не прибегал ни к какой гипотезе; а между тем он пользовался целым рядом «гипотез»; только он делал это, сам того не замечая*. В таких случаях многие рискуют, однако, смешать разные теоретико-познавательные точки зрения или употреблять принципы и методы, точно не выяснив себе их значения; и все же с течением времени сами ученые признают необходимым разобраться в них; достаточно припомнить здесь, например, имена Лобачевского² и Riemann³, Poincaré⁴ и Russell⁵ — в математике, Helmholtz⁶, а также Hertz⁷ и Mach⁸ — в механике и физике, Ostwald⁹ — в химии, Du Bois Reymond¹⁰ и Cl. Bernard¹¹ в естествознании. Историки позднее других принялись за ту же работу; насколько, однако, они в настоящее время увлекаются методологическими спорами, видно хотя бы из той полемики, которая загоралась между Lamprecht¹², Tönnies¹³, Barth¹⁴ и Meyer¹⁵, Bernheim¹⁶, Below¹⁷, а также между многими другими учеными.

Таким образом, и отвлеченные соображения, и действительное развитие науки указывают на то, что методологические рассуждения имеют положительное значение.

Обсуждение методологических вопросов не всегда, конечно, имеет видимые практические последствия, но тем не менее оно может быть весьма полезным: такое обсуждение оставляет в уме привычку к систематическому, методически правильному мышлению, а оно, разумеется, продолжает действовать и в сфере специальных исследований: оно всегда отражается на методе исследования (например, на точке зрения, с которой данный объект изучается), хотя бы такое отражение явно и не обнаруживалось в самом исследовании или в его результатах.

Впрочем, изучение методологии науки может приводить и к более заметным, видимым практическим последствиям; оно имеет значение и для построения науки, и для ее развития, т. е. для дальнейшей ее разработки.

При отсутствии методологического обсуждения основные понятия превращаются в своего рода *praenotiones*¹⁸, покоящиеся на тра-

* *H. Poincaré*, *La science et l'hypothèse*, 1 éd., p. 260. Речь идет об Амьере и его сочинении: «*Théorie des phénomènes électrodynamiques uniquement fondée sur l'expérience*».

диции: они или вовсе не определяются, или определяются неправильно, а, при отсутствии строго выработанной терминологии, и различно понимаются собеседниками; что сказать о формуле, элементы которой каждым из обсуждающих ее определяются различно? Далее, придавая нашему мышлению в любой области возможно большее единство, последовательность и согласованность, изучение методологии делает наши заключения гораздо более убедительными и для себя, и для других: лишь при единстве основания, т. е. выдержанности основной точки зрения, последовательности в рассуждении и согласованности выводов между собою, можно рассчитывать, при высказывании своих мыслей, на действительную убедительность их и для себя, и для других. Наконец, очищая индивидуальное мышление от случайных *grænotiones*, оно дает возможность более быстрого понимания друг друга, благодаря которому люди или приходят к соглашению, или убеждаются в принципиальной разногласии своих построений; сколько времени и сил тратится на праздные споры только потому, что спорящие взаимно не понимают своих исходных теоретико-познавательных точек зрения!

Изучение методологии имеет практическое значение не только для построения науки, но и для ее развития. Хотя научное открытие есть акт индивидуального творчества, тем не менее в ведении исторических работ тот, кто знаком с методами изучения данных объектов, с большим успехом и меньшей затратой сил приведет их к окончанию, чем тот, кто будет руководиться только «чутьем», «здравым смыслом» и т. п.; тот, кто что-либо открыл (напр., новую точку зрения на какую-нибудь эпоху и т. п.), должен будет в разработке открытого уступить первенство тому, кто получил методологическую сноровку: ведь знание методологии дает возможность ясно определить основную точку зрения, придает выдержанность данному направлению мысли, оказывает влияние на самый ход исследования и вообще ограждает исследователя от увлечений его темперамента. Вместе с тем, лишь придерживаясь теоретически продуманного метода, историк (в особенности начинающий) будет в состоянии соблюсти должную экономию в своем мышлении, может избежать излишней траты сил на самостоятельное разыскание точек зрения и путей, уже ранее установленных, и т. п. Обобщение метода работы также облегчает взаимное согласие и содействует развитию взаимопомощи между историками; оно внушает доверие данного исследо-

вателя к работам других, что дает ему возможность, не проделывая всего собственными силами, пользоваться чужими работами. Самый добросовестный историк, при обработке мало-мальски обширной темы, не может обойтись без дополнительных сведений, почерпаемых им из вторых рук; в противном случае, наука не могла бы идти вперед: каждый историк сызнова должен был бы исполнять всю работу своего предшественника. Для того, однако, чтобы с успехом пользоваться чужими выводами, надо иметь какой-нибудь критерий достоверности; последний состоит в том, что формальная корректность мышления, методологические требования соблюдены; но пользование подобным критерием, очевидно, предполагает со стороны пользующегося предварительное знание подобных требований, а знание их он может почерпнуть из методологии истории. Таким образом, знание методологии дает возможность историку систематически проверять чужие выводы относительно исторических фактов с точки зрения их метода и, лишь после удовлетворительных результатов такой проверки, опираться на эти выводы, поскольку они оказываются в методологическом смысле правильными.

Вышеприведенные рассуждения об утилитарном значении методологии науки, конечно, тем более применимы, чем менее установлены исходные ее положения. Хотя они и в естествознании далеко не вполне выяснены, но еще более спорны в такой области научного знания, как история, а потому здесь чувствуется особая нужда в теоретико-познавательных и методологических разысканиях.

Несмотря на то, что вопрос о возможности и желательности преподавания методологии легко решить уже на основании вышеприведенных рассуждений в утвердительном смысле, тем не менее против такого преподавания можно еще высказать следующее соображение: только знание, самим приобретенное, основанное на собственном опыте, только знание, которое не может быть выучено и передано, но создано, пережито и открыто, — только такое знание достоверно. С этой точки зрения преподавание методологии наук может показаться бесполезным.

Систематическое обоснование принципов науки и методов ее изучения едва ли достижимо, однако, путем одного только практического применения их к решению частных случаев; но вместе с тем нельзя не заметить, что преподавание методологии науки вообще и истории в частности полезно лишь в том случае, когда ее выводы

перевоспроизводятся каждым из нас в применении к материалу, собранному собственным наблюдением, и переживаются на собственном опыте. В самом деле, задача высшего образования состоит главным образом в том, чтобы дать методологические указания, которыми каждый мог бы руководствоваться для того, чтобы самому разобраться в собственных мыслях и получить научные средства для дальнейшей работы мысли.

Вообще значение преподавания методологии истории и теоретической и, в особенности, технической теперь уже сознается многими. В университетах курсы по истории комбинируются с курсами по методологии истории. В Collège de France¹⁹ при курсе «всеобщей истории» курс методологии истории читался несколько раз (кафедра «Histoire et Morale»). В начале прошлого века (с 1819 года), например, Дону (Daupou)²⁰ начал читать там лекции, в которых он выяснял своим слушателям принципы и методы исторической критики и исторического построения. Вслед за ним Мишеле²¹ в 1842–1843 гг. излагал принципы философии и методологии истории и затем применял их к истории XVI, XVII и XVIII ст. А в 1905 г. в том же Collège de France был учрежден (на пятилетие, да и то благодаря пожертвованию частного лица) дополнительный курс «всеобщей истории и исторического метода», открытый 6 декабря Моно²². Во многих университетах курсы по методологии истории сводятся, однако, главным образом к преподаванию методологии технической, а сама методология смешивается с «вспомогательными историческими науками». Таким образом, получается: или кафедра (а иногда только курс) по истории и преимущественно истории средних веков, в связи с курсом по «вспомогательным наукам истории» (Geschichte des Mittelalters und historische Hilfswissenschaften) — курсы подобного рода читаются, напр., Бернгеймом в Грейфсвальде, Редлихом в Вене, Зелигером в Лейпциге, Шульте²³ в Бонне, Биттерауфом в Мюнхене и т. п. — или курсы по «вспомогательным наукам» (Historische Hilfswissenschaften), читаемые, например, Танглем в Берлине, Ланглуа²⁴ в Париже, Симонсфельдом²⁵ в Мюнхене и проч., или же, наконец, занятия по каким-либо специальным отраслям наук, например, нумизматике²⁶, дипломатике²⁷ и т. п. (Ecole pratique des hautes études à la Sorbonne²⁸, Ecole nationale des Chartes²⁹ в Париже, проф. Lane Polle в Oxford'e и др.). Только в самое последнее время некоторые историки начали читать особые курсы по «историческому методу», например, Сеньобос³⁰ в Парижском университете.

Таким образом, можно сказать, что преподавание методологии истории в том или ином виде уже практикуется; только тесная связь между теорией познания и методологией этой науки, между ее принципами и ее методами все еще не всегда ясно сознается, что и препятствует выделению особой отрасли научно-исторического знания — методологии истории.

§ 2. Теория исторического знания и методы исторического изучения

На основании соображений, изложенных выше, легко прийти к заключению, что методология науки преследует две задачи: основную и производную; основная состоит в том, чтобы установить те основания, в силу которых наука получает свое значение, т. е. выяснить значение ее принципов; производная — сводится к тому, чтобы дать систематическое учение о тех методах, которыми что-либо изучается. Подобно методологии всякой другой отрасли науки, и методология истории, разумеется, ставит себе те же задачи; соответственно им она и распадается на две части; я назову их теорией исторического знания и учением о методах исторического мышления.

Теория исторического знания занимается установлением принципов исторического знания, основных и производных, например: с какой теоретико-познавательной точки зрения история изучает данные нашего опыта? какое значение историк должен придавать принципам причинно-следственности и целесообразности в исторических построениях? каков критерий исторической оценки, на основании которого историк производит выбор материала? в каком смысле он пользуется понятиями «эволюция», «прогресс», «регресс» и т. п.? Такие вопросы решаются различно. В теории исторического знания я и попытаюсь выяснить, какую познавательную цель ставят себе исторические школы разных направлений и какой характер получает историческая наука в зависимости от того, будет ли она с номотетической или с идиографической точки зрения изучать исторический материал, и каковы основные принципы каждого из этих построений.

При обозрении методов исторического мышления последние можно, конечно, рассматривать с формально-логической точки зрения, вне их зависимости от сочетаний, пригодных для изучения соб-

ственно исторических фактов; сюда надо отнести, например, мышления о роли анализа и синтеза, дедукции и индукции в исторических науках и т. п.; но можно излагать методы исторического мышления, взятые в относительно частных сочетаниях, поскольку последние обусловлены познавательными (научными) целями, преследуемыми ученым при изучении исторических фактов. С последней точки зрения, более соответствующей задачам собственно исторической методологии, я и буду рассуждать о методах исторического изучения. Учение о методах исторического исследования исходит из той познавательной точки зрения, которая обосновывается в теории исторического знания и, не вдаваясь в рассуждение об историческом значении исторических фактов, имеет в виду более скромную цель: оно выясняет то соотношение, которое существует между принятой в нем познавательной точкой зрения и данным объектом исторического знания, т. е. зависимость данной комбинации принципов и методов от уже принятой познавательной точки зрения, а также от свойств объектов, подлежащих историческому исследованию; в связи с принципами оно дает систематическое понятие преимущественно о методах, благодаря которым историк занимается изучением исторической действительности.

Такое учение обнимает «методологию источниковедения» и «методологию исторического построения». Методология источниковедения устанавливает принципы и приемы, на основании и при помощи которых историк, пользуясь известными ему источниками, считает себя вправе утверждать, что интересующий его факт действительно существовал (или существует); методология исторического построения устанавливает принципы и приемы, на основании и при помощи которых историк, объясняя, каким образом произошло то, что действительно существовало (или существует), построит историческую действительность.

Само собою разумеется, что методы исторического изучения нельзя отождествлять с техническими приемами исследования; последние основаны не столько на принципах, сколько на правилах работы и находятся в ближайшей зависимости от свойств изучаемых объектов. В самом деле, хотя с генетической точки зрения методологические принципы развиваются вместе с техническими приемами исследования, однако, на основании выше сделанных замечаний, легко заключить, что принцип и техническое правило не одно и то

же: принцип требует своего обоснования путем опознания заключающейся в нем истины; техническое правило не обосновывается, а формулируется ввиду той утилитарной цели, которая ставится исследователем; правила подобного рода преимущественно и лежат в основе собственно технических приемов работы. Вместе с тем последние должны находиться в возможно более тесной зависимости от свойств изучаемых объектов, т. е. от особенностей исторических фактов; подобно тому как физик пользуется инструментами для производства своих работ, и историк стремится придумать наилучшие орудия для обработки данного рода исторических источников или явлений и событий. Общий курс методологии истории не может, однако, задаваться целью изложить учение о технике исторического исследования: в сущности, она всего лучше усваивается в работе над соответствующими видами сырого материала.

§ 3. Краткий очерк развития методологии истории в прошлой и современной литературе

В развитии методологии истории легко заметить несколько периодов. На первых порах писатели находились под обаянием классических образцов и рассуждали о таких методах, главным образом, в связи с приемами ораторского искусства, а также с правилами художественно-литературного изображения истории и исторического стиля; значит, они имели в виду не столько методологию истории, сколько «искусство писать историю» и рассматривали его в связи с ораторским или поэтическим искусством. Такой взгляд на историю стал меняться со времени Возрождения, когда гуманисты приступили к научному изучению классической древности, а также благодаря возраставшему их интересу к политическим наукам и к истории культуры: тогда и методология истории, отличающаяся от ораторского искусства и поэтики, стала приобретать более наукообразный характер и самостоятельное значение. Вслед за тем, под влиянием философии, углубляя и расширяя понятие о своей науке, историки начали соответственно видоизменять постановку ее задач и методов. Наконец, еще позднее ученые, принимая во внимание новые течения в области теории познания, стали приближаться к более точному пониманию основных целей собственно исторического знания, благодаря которому они или с номотетической, или с идиографической точек зре-

ния и приступили к выработке методологии истории*. Обратимся к краткой характеристике каждого из четырех вышеуказанных периодов в отдельности.

Писатели классической древности оставили нам много образцов изображения истории, но очень мало рассуждений о методах ее построения; их приходится разыскивать преимущественно в сочинениях, имеющих отношение к ораторскому искусству. Впрочем, важнейшие составители подобного рода сочинений, например, Цицерон³¹ и Лукиан³² требовали от историка правдивости и беспристрастия. Цицерон формулировал известное правило, которого каждый историк должен придерживаться: «ne quid falsi dicere audeat, ne quid veri non audeat...» и проч.; при изучении великих деяний историк должен оценивать намерения людей, выяснять обстоятельства, при которых действия их происходили, объяснять причины событий в их зависимости от случайностей и от человеческой мудрости или смелости, отмечать выдающихся людей, изображать человеческую жизнь в легкой и художественной форме. Лукиан уже отметил, что «цели» поэзии и истории различны; поэзия не связана действительностью; история, напротив, имеет в виду «полезное, добываемое из истины», и, строго говоря, не нуждается в вымышленных украшениях**. Тем не менее многие историки того времени из-

* Библиографические указания на литературу предмета см. в следующих сочинениях: *N. Lenglet du Fresnoy*, Méthode pour étudier l'histoire (1713), Préface и приложенный к изданию 1714 г. (rev. et augm. par J. B. Mencke Lpz., pp. 5–12) «Catalogue des principaux historiens» etc. *P. E. F. Daumou*, Cours d'études historiques. t. VII. *E. Bernheim*, Lehrbuch der Historischen Methode, 6. Aufl. 1908 (особенно Kap II. § 3). *R. Flint*, The philosophy of history in France; The philosophy of history in Germany; есть франц. пер. L. Carrau. Paris, 1878 в 2-х тт. *Th. Barth*, Philosophie der Geschichte als Soziologie, Lpz., 1897, Bd. I. (есть рус. пер.). *М. Петров*, Пропедевтика (введение к лекциям по истории нового времени); последнее (посмертное) издание с добавлениями редактора. *Н. Кареев*, Основные вопросы философии истории, изд. 3-е и др. Сведения о текущей литературе, касающейся методологии истории, см. в «Jahresberichte der Geschichtswissenschaft» (с т. XII, 1889 г.), а также в исторических журналах, особенно в Rev. de synthèse historique (до 1909 г., тт. I–XVIII) и в Hist. Zeit. (до 1909 г. Bd. 1–103 и др.); отдельные монографии в серии «Geschichtliche Untersuchungen, herausgegeben von K. Lamprecht» и др.

** *Cicero*, De oratore II, 15. *Lucian*. Πῶς δεῖ ἱστορίαν συγγράφειν, ed. F. Fritzsche, 1860. §§ 8, 42. В другом месте своего сочинения Лукиан пишет, что единственное дело историка — сообщать о случившемся и о том, как оно случилось; но автор не останавливается на развитии последней мысли; см. §§ 39, 44.

лагали прошлое ввиду какой-либо посторонней науке цели, т. е. убеждали читателей в приемлемости некоторых рассуждений, или, во всяком случае, должны были подчиняться требованиям художественно-литературного повествования; между тем, искусство убеждать кого-либо было тесно связано с ораторским искусством; а для того чтобы удовлетворить эстетическим требованиям, историки прибегали к искусственным приемам изложения; они заставляли, например, своих героев говорить речи (Фукидид³³), или допускали разные отступления, поддерживавшие внимание читателя, и т. п., что роднило «искусство писать историю» не только с наставлениями моралиста, но и с искусством оратора или поэта*.

В самом деле, старейшие из рассуждений о приемах исторической работы и исторического рассказа сохранились именно в трактатах об ораторском и поэтическом искусстве. В своем рассуждении Цицерон, например, указывал на то, что «созидание истории предполагает изучение предмета», его оценку и «искусство изложения». Лукиан, известный ритор, также требовал от историка политической прозорливости и искусства излагать события (δύναμις ἐρμηνευτική³⁴); затрагивая понятие о построении «гармонического» целого, он облекает его в форму требования художественного повествования: рассказ историка, по его словам, не должен представляться совокупностью случайно собранных рассказов; нить его должна быть непрерывной; элементы его должны быть также тесно связаны между собою; течение его должно быть естественным, быстрым и т. п. Вместе с тем Лукиан разрешает историку хвалить и порицать исторических деятелей, впрочем, в возможно более кратких и умеренных выражениях, вставляя в уста своих героев публичные речи и таким образом обнаруживать всю силу своего ораторского искусства, а также при удобном случае (например, изображая сражение) прибегать и к поэтическому искусству**.

Такое же направление легко усмотреть и в позднейшей литературе: писатели Возрождения часто находились, конечно, под влиянием вышеуказанных авторитетов классической древности и, преувеличи-

* *Tacit.*, Dial. de orat., cc. 29, 39: «orationes et excessus».

** *Lucian*, Op. cit., §§ 45, 58, 59 и др. Дионисий Галикарнасский также предъявляет историку требования, довольно сходные с правилами Цицерона, и ценит в нем правдивость и умение удачно выбирать сюжет своего рассказа.

вая требования своих учителей, иногда слишком мало различали искусство историка от искусства оратора или поэта. Смещение подобного рода, разумеется, особенно долго держалось в изложении правил исторического рассказа или построения: под «искусством историка» чаще всего разумели искусство писать историю, и такое искусство смешивали с искусством оратора или поэта. В XV в., например, Понтан³⁵ признает историков своего рода ораторами и приписывает историческому знанию поэтический характер, а в связи с такими взглядами излагает и правила, «как писать историю». В следующем столетии Виперано в труде, озаглавленном «De scribenda historia» называет историческую науку «rererum gestarum ad docendum rerum usum, sincera illustrisque narratio»³⁶, отсюда видно, что он сводит историческое построение к откровенному и блестящему рассказу деяний; но он же допускает в нем речи и отступления и уподобляет его произведению, составленному по правилам ораторского искусства. Маскарди, бывший профессором риторики в Риме и издавший свой объемистый трактат (*Ars historica*) в 1630 г., в отделе, озаглавленном «Struttura dell'istoria», устанавливает естественную связь между искусством историка и искусством оратора или поэта. В довольно серьезном труде об историческом искусстве (*Ars historica*, 1623) Фосс³⁷ также вполне допускает для историка употребление «речей» и «отступлений» и готов поступиться второй половиной известного правила: «ne quid falsi dicere audeat, ne quid veri non audeat»³⁸. Даже в конце того же века автор трактата «Об истории» (*De l'histoire*, 1670), отличавшегося довольно видными достоинствами, Лемуан (*Le Moyné*) еще указывает на то, что историк должен быть поэтом: без поэтического дара он не будет в состоянии дать художественное изображение прошлого в историческом рассказе. С такой точки зрения естественно было сводить методологию исторического построения к правилам «об искусстве писать историю» и связывать его с искусством оратора или поэта.

Со времени Возрождения, когда ученые стали интересоваться остатками классической культуры и древними текстами, их реакциями и т. п., естественно начинать новый период в развитии исторического метода, а, значит, и в историографии сочинений, посвященных научному изложению методологии истории. Приверженцы этого направления, правда, все еще иногда смешивали методологию истории

с «искусством писать исторические сочинения» и риторически-поэтическими правилами исторического стиля, что видно из вышеприведенных фактов; но в произведениях многих ученых научное настроение уже начинало крепнуть. В своем известном трактате Фосс, например, выделяет особую научную дисциплину: *ιστοριχή*³⁹, которая выясняет понятие об истории и дает свод правил о том, каким образом устанавливать достоверность источников и избегать ошибок, а также какие периоды различать в истории государства, каким образом сочинять исторический рассказ, каких стилистических правил держаться и т. п.; впрочем, он сообщает мало нового*. Дальнейшее обособление наукообразной истории от литературы художественной произошло частью под влиянием развития методологии источниковедения и, в особенности, исторической критики, частью благодаря возраставшему вниманию историков к той связи, в какой история находится с юридическими и политическими науками, и усилившемуся их интересу к внутренней культурной истории. В самом деле, требования, предъявляемые исторической критикой, т. е. стремление установить подлинность и достоверность источников, заметно усилившееся в новое время, часто могло оказываться в противоречии с приемами ораторского или поэтического искусства. Рапен⁴⁰, например, указывал на то, что употребление «речей» в рассказе далеко не всегда совместимо с требованиями его достоверности, а потому к ним можно прибегать лишь с большой осторожностью; он высказывается и против «отступлений». С такой же точки зрения Даламбер⁴¹, требуя от историка фанатической преданности истине, остроумно замечает, что сами историки сочли бы очень обидным для себя, если бы читатели поверили, что речи, приводимые ими, были действительно сочинены теми героями, которым они приписывают их составление; он же высказывается против употребления такого приема в историческом рассказе, долженствующем отличаться строгой достоверностью; подобного рода требования, конечно, шли в разрез и с поэтическими вольностями, допускаемыми прежними историками. Вместе с тем историки начали обнаруживать больше интереса к внутренней жизни государств: они стремились

* *Gerh. Joh. Voss, Ars historica sive de historiae natura et ejus conscribendae praeceptis. Leyden, 1623*; вместе с изданием собрания сочинений Vossius'a издание 1653 г. Lugduni Batavorum считается наиболее полным и лучшим; ср. выше.

поставить изучение истории в связь с характером данной нации (Боден⁴²), с юридическими и политическими науками (Бодуэн⁴³ в XVI в., позднее Вольтер⁴⁴, Вегелин⁴⁵ и др.) и с общей историей культуры (Лемуан, Вольтер и др.); они стали обращать большее внимание не только на прагматическое изложение (Рапен и др.), но и на процесс культурного развития человечества (Гердер⁴⁶ и др.).

С такой точки зрения и прежние рассуждения об «искусстве писать историю» и о тесной его связи с приемами ораторского или поэтического искусства становились недостаточными. Уже Бодуэн (XVI в.), а затем и Бени (Beni P. De scribenda historia. 1614) проводят различие между искусством историка и искусством оратора или поэта. Рапен ставит исторический род даже возможно далее от поэтических родов.

Не останавливаясь на перечислении других сочинений подобного рода, вышедших в то время, я только замечу, что уже в XVII в. методология истории получила дальнейшее развитие в специальных трудах Мабильона⁴⁷, Конринга⁴⁸ и некоторых других исследователей. Две попытки того времени изложить и общую методологию истории заслуживают внимания, а именно, трактаты Ленглэ⁴⁹ и Мабли⁵⁰; в них обнаружилось дальнейшее развитие наукообразного понимания методологии истории, главным образом, методов исторического изучения. Ленглэ преимущественно обратил внимание на методологию источниковедения, Мабли — на методологию исторического построения.

В начале XVIII века нельзя не заметить довольно скептического отношения ученых к достоверности некоторых исторических источников, а, значит, и построений, особенно в области древнеримской истории. Этот скепсис вызвал со стороны нескольких историков попытки выяснить степень достоверности исторических знаний и указать на способы пользоваться ими; автор одного из лучших сочинений того времени по методологии истории, Ленглэ, и преследовал такую именно цель*. В своей книге автор частью выясняет принципы, частью и главным образом формулирует правила исторической методологии, соблюдение которых придает достоверность историческим знаниям; смешивая методологические принципы с правилами

* N. Lenglet du Fresnoy, Méthode pour étudier l'histoire, 1713 (ссылки относятся к лейпцигскому изданию 1714 г. с дополнениями J. B. Mencke); см. еще и «Suppléments» к тому же сочинению, 1740.

исторической техники, он включает в свое рассмотрение и педагогику истории, т. е. излагает приемы наиболее рационального ознакомления с историей (священной, древней и «новой», а также с отдельными отраслями истории — политической и культурной).

Ввиду условий, при которых книга возникла, Ленглэ обращает внимание преимущественно на методологию источниковедения. В его трактате можно встретить намеки на то, что одни источники (напр., хартии, надписи, медали) стоят ближе к историческим фактам, т. е. «современным действиям, объяснение которых можно найти в них» (р. 339), другие — дальше от изображаемых в них фактов (что, например, часто наблюдается даже в мемуарах и т. п., р. 307 и сл.). Согласно с вышеуказанной целью книги, автор мало останавливается на исторической интерпретации: он затрагивает ее, например, рассуждая о вспомогательных науках, к которым он относит не только географию и хронологию, но и знания о религии и нравах. Главное содержание методологической части его трактата сводится, однако, к изложению оснований исторической достоверности; она заключается в личном наблюдении (autopsie), в не вызывающих сомнения документах, которым автор придает особенное значение, и в согласии показаний заслуживающих доверия лиц. Критерии доверия сводятся к оценке автора, сочинением которого мы пользуемся; ему можно доверять, если он сам наблюдал событие, или получил сведения о нем от очевидцев, если он отличается беспристрастием и точностью рассказа. Впрочем, Ленглэ принимает в расчет влияние разных обстоятельств (характера, состояния и проч.) на правдивость автора, а также условия, вызвавшие искажения в передаче известий о давно минувших событиях, и различие между оригиналом и копиями с него; он сверх того указывает и на опасность «гиперкритики» и скепсиса.

Методология исторического построения в книге Ленглэ почти не затронута; но, в зависимости от общего понимания задачи истории, он и историческое построение сводит к установлению причинно-следственной связи между побуждениями и действиями людей. «Изучать историю, по его словам, значит изучать мотивы, мнения и страсти людей, чтобы проникнуть во все тайные пружины его деятельности, все его пути и изгибы его души, наконец, чтобы узнать все иллюзии, которые овладевают его духом и неожиданно для него самого волнуют его сердце; одним словом, чтобы добиться познания самого себя в других». Та же мысль (за исключением последней

фразы) почти дословно встречается в сочинении аббата С. Реаля⁵¹. В конце своего трактата Ленгль припечатал его рассуждение. С. Реаль рассуждает в нем о том, что иногда маловажные причины порождают важные следствия (события), что действия человека объясняются почти всегда зложелательством его удовольствий («par la malignité de nos plaisirs») или тщеславием, что большинство «добродетельных» действий не всегда вызвано добродетелью, что общественное мнение регулирует действия людей, даже действия самых разумных из них.

Мабли, один из последних историков XVIII века, сочинивший трактат об «искусстве писать историю», также обнаружил тенденцию придать ее методологии более наукообразный характер, и, главным образом, пытался установить более научные приемы исторического построения⁵².

Действительно, под влиянием вышеуказанных новых требований исторической науки Мабли приближается и к более научному пониманию приемов исторического метода. Вообще, признавая, что историк должен стремиться к правдивости рассказа, автор трактата проводит различие между оратором или поэтом, которые задаются целью увлечь читателя, и историком, который является как бы свидетелем, обязанным давать правдивые показания. Вместе с тем автор требует от историка знания естественного права и политики, благодаря которым он может правильно оценивать начала и формы правления, государственную деятельность правительств и т. п. Уже заметно интересуясь историей культуры и права, Мабли с такой точки зрения рекомендует историком соблюдать единство построения и советует ему изучать права, законы и управление данной нации, привязывая к ним подробности, которыми факты связаны между собой.

* *Abbé de S. Réal*, *De l'usage de l'histoire*, Paris, 1672. Автор признает, что «знание вообще состоит в знании причинно-следственной связи, ибо знать — значит знать вещи по их причинам; также знать историю — значит знать людей, которые (своими действиями) и дают содержание историческому процессу, судить об этих людях, изучать историю...» и т. д., почти дословно, как у Ленгля, который, однако, в данном месте не ссылается на соч. С. Реаля.

** *G. V. de Mably*, *De l'art d'écrire l'histoire* (1737); см. *Oeuvres complètes*, Toulouse, t. XIX, 1793. Нем. пер. Т. R. Salzman'a с ученым предисловием А. L. Schlözer'a. Другое сочинение того же автора, известное под заглавием «*De l'étude de l'histoire*» — трактат, составленный им для молодого принца, сделавшегося потом герцогом Пармским и Пьяченским в 1765 г. — см. *Oeuvres complètes*, Toulouse, t. XVIII, 1793. Рус. пер. Е. Чилева «Об изучении истории», в 3-х частях, СПб.

Впрочем, в своих трудах об изучении истории и искусстве писать ее Мабли еще не пришел к определенному пониманию главной цели исторической науки, а потому и в понимании задач исторического построения он допускает довольно значительные колебания. Все же тесно связывая, например, понятие о законосообразности в истории с практической пользой почерпаемого нами из исторической науки, Мабли высказывает соображения, не лишённые значения для понимания ее принципов и методов. В номотетическом, обобщающем смысле история, по его словам, должна служить школой морали и политики; но уже с такой точки зрения надо разбираться в массе исторических фактов, а не всецело подчиняться им; с политической точки зрения история представляет интерес, если она дает правителю указания на «основные начала благоденствия или падения государств», на причины, влияющие на общественную жизнь, на средства, при помощи которых можно ускорять или замедлять их действие, и т. п.; из истории правитель почерпает также понятие о том, что «одни и те же законы, одни и те же страсти, одни и те же нравы, одни и те же добродетели, одни и те же пороки постоянно производили одни и те же последствия». С последней точки зрения задача исторического построения, значит, сводится к установлению более или менее общих законосообразностей исторического процесса.

Мабли не удерживается, однако, на такой точке зрения: он уже предчувствует и новые приемы исторического построения. Для того, чтобы судить о человеке, оказавшем воздействие на народную массу, надо, по его мнению, не упуская из виду характера нации, к которой он принадлежит, определить «страсть» (*passion*), образующую основу его характера, господствующую его добродетель или главенствующий его порок (ср. *faculté maîtresse* Тэна⁵²), и тогда построить его характер, а затем объяснить из него и особенности его воздействия на общество. Мабли уже останавливается и на приемах построения исторического целого: историк, по его мнению, должен соблюдать единство в своем построении и выбирать важнейшие дела, оказавшие решительное влияние на историю, как бы центрами, в отношении к которым он и будет располагать остальные факты, но и не пренебрегать характерными подробностями.

Тем не менее Мабли все еще сохраняет некоторые из особенностей старинного понимания исторического построения; он полагает, например, что история без «речей» не может быть поучительной.

После появления трактата Мабли об «искусстве писать историю» методология истории вообще значительно оживилась, благодаря целому ряду специальных работ в области приложения исторических методов к изучению летописного и документального материала; стоит только припомнить имена Шлецера⁵³ и Гаттерера⁵⁴. В конце того же столетия Шёнemann издает уже целую «энциклопедию исторических наук», а через два десятилетия Ваксмут⁵⁵ пытается дать новый обобщающий труд по части методологии истории**.

Тем не менее некоторые писатели новейшего времени все еще находились под влиянием старинных традиций и продолжали придавать большое значение рассуждениям об «искусстве писать историю».

С такой точки зрения к ближайшим преемникам Мабли можно причислить известного Дону; с 1819 г. он начал читать свои лекции по методологии истории в Collège de France и, за исключением курса об исторической критике, все остальные посвятил, главным образом, изложению того отдела, который я называю методологией исторического построения, присоединив к нему соображения о приемах исторического повествования***.

Дону — представитель старого направления: он почитатель классической школы древности, «экспериментальной философии Бэкона» и «просвещения» XVIII века; он не признает никакой идеальной или априори построенной истории, хотя с похвалой отзывается о трактате Канта⁵⁶ об идее всеобщей истории человечества⁵⁷; он отрицательно относится к эклектизму и к романтизму, борется со взглядами Кузена⁵⁸ и Гизо⁵⁹ и т. п.

Дону имеет довольно расплывчатое понятие об истории; он формулирует его под влиянием моральных и эстетических требований, предъявляемых историческому изображению. История, по его словам, есть «рассказ о частных поступках и в особенности о публичных событиях»; она дает картину судеб одного человека или целого народа, одного или нескольких веков; она регистрирует приключения

* H. Wesendonck, Die Begründung der neuen deutschen Geschichtsschreibung durch Gatterer und Schlözer nebst Einleitung und Gang derselben von diesen, Lpz., 1876.

** C. Schönemann, Grundriss einer Encyclopaedie der historischen Wissenschaften, Göttingen, 1799; о Ваксмуте см. ниже.

*** P. F. C. Daunou, Cours d'études historiques, tt. I–XX. Paris, 1842–1849.

и революции, среди которых человеческий род распространялся, цивилизовался или подвергался нравственному падению (t. VII, p. 8). Автор не прочь оттенить, что и выбор сюжета также зависит от эстетических требований: сюжет, выбираемый историком, должен обладать единством и разнообразием; он также должен отличаться гармонией, а не монотонией (t. VII, p. 36). Вместе с тем автор изучает применение истории, т. е. значение исторических знаний для моральных и политических наук. Впрочем, Дону подробно излагает в своем труде приемы исторической критики и исторического построения, а именно, изучает средства размещать факты в пространстве (историческая география — т. II, 293–525) и во времени (историческая хронология — томы 3 и 4); затем он переходит к изложению «искусства писать историю» (t. VII). Автор признает значение «точных методов», применению которых в области моральных и политических наук он и приписывает их успехи, и усматривает связь между историей и такими науками; но в настоящем своем труде он имеет в виду изложить лишь приемы «сочинения истории» (t. XII, p. 51), т. е. правила сочинения исторических произведений, причем исходит из известных четырех «законов», изложенных еще Цицероном в его рассуждении «об ораторе», и изучает «искусство художественно изображать факты в рассказах». Автор придает существенное значение художественному изображению истории: слишком мало доказывая то, что он описывает, историк принужден заменять научность своего изложения художественностью изображения; вместе с тем предметы исторических изысканий имеют моральный характер и требуют «чистых и грациозных форм, а иногда и богатых красок»; наконец, сама по себе история — живописна и драматична, а потому и исторический «стиль» должен быть «живописным» (pittoresque) (t. VII, p. 17, 20, 23). Старинное понимание задач исторического изображения легко заметить и в подробных рассуждениях автора об отступлениях от общего хода исторического изложения (maximes, digressions etc)⁶⁰. В следующих томах своего курса Дону иллюстрирует такие правила на частных примерах (Геродот⁶¹, Фукидид и др. греческие и римские историки классической древности; см. т. VIII–XIX).

Труд Дону, разумеется, значительно устарел. Нельзя согласиться ни с его пониманием истории и ее задач, ни с его методологическими рассуждениями; в сущности он и не устанавливает ни принципов, ни методов научно-исторического построения, а лишь выясняет прави-

ла, пригодные, по его мнению, для сочинения исторических произведений, а также правила историко-литературного, художественного изображения и стиля. Впрочем, Дону уже сознавал, что историк должен быть знаком с философскими системами; он излагает их главные направления — идеалистическое или «созерцательное» и реалистическое или «экспериментальное» (ст. XX). Хотя Дону с похвалой отзывается о попытке Канта свести историю человечества в систему, он все же относится скептически к таким построениям и предпочитает «экспериментальный метод», но ему не удалось закончить свой труд и подробнее выяснить приложение «экспериментального метода» к построению исторического процесса — «цепи причин и следствий».

В то время, однако, философия уже начинала оказывать некоторое влияние и на развитие методологии истории: еще мало заметное до середины восемнадцатого века, оно значительно укрепилось в течение следующего столетия. В самом деле, Декарт⁶² с его рационализмом не мог питать большого интереса к истории и ее «случайностям», да и Бэкону не удалось решительным образом изменить такое настроение: занимаясь «классификацией наук», он, правда, отводил в ней известное место и истории; но он производил свою группировку преимущественно с психологизирующей точки зрения; в основе ее лежала известная теория о «способностях» души; из трех основных «способностей» («разума», «памяти» и «воображения») историческое знание он ставил в зависимость от «памяти»^{*}). Естественно, что теория подобного рода не могла оказать большого влияния на развитие исторической науки: сами историки обыкновенно оставляли теорию исторического знания в стороне и рассуждали только о специальных методах изучения материала или еще чаще о приемах исторического повествования.

Важнейшие моменты в развитии философской мысли XVIII–XIX ст. не замедлили, впрочем, отразиться и на методологии истории. С такой точки зрения в пределах последних полутора столетий можно различать два периода, а именно: время влияния идей, связанных с старейшими философскими системами, преимущественно, с немецким идеализмом, и время влияния новейших течений в области собственно теории познания на методологию истории.

* См. ниже, отд. II, гл. I.

В течение старшего из указанных периодов и главным образом под некоторым влиянием Лейбница⁶³, Канта и Гегеля возникли и старейшие из попыток построить методологию истории; в качестве важнейших иллюстраций можно указать на труды Хладения⁶⁴, Ваксмута, Гервинуса⁶⁵ и Дройзена⁶⁶.

Хладений был современником Вольфа⁶⁷. Первоначально заинтересовавшись теорией исторического знания преимущественно с богословско-полюемической и церковно-исторической точек зрения, он вслед за тем стал рассуждать о «познании истории» с теоретико-познавательной точки зрения. Вообще, разумея под «Vernunftlehre» все то, что наш рассудок (Verstand) должен соблюдать при познании истины, Хладений признавал особою частью такого учения и правила исторического знания; рассуждая в духе Лейбница, уже указавшего на то, что старое понятие о «Vernunftlehre» слишком узко и должно быть расширено, в противоположность рационалисту Вольфу, виттенбергский профессор⁶⁸ пришел к заключению, что общепринятая «Vernunftlehre» с ее учением об общих понятиях страдает существенным пробелом: она не содержит учения о понятиях, противоположных общим, т. е. о понятиях индивидуальных (die individuelle Begriffe). Логическая связь между общими понятиями и историческая связь между действительно случившимися фактами, например, существенно различны: в истории нельзя логически выводить последующее из предшествующего, подобно тому, как мы выводим частное из общего; задача историка, напротив, состоит в том, чтобы решить, каким образом то, что он знает о происшедшем в качестве последующего, следовало из предшествующего в той мере, в какой он также знает его; кроме того, историк имеет дело и со «случайными вещами» и т. п. С указанной точки зрения Хладений старается выяснить особенности объекта исторического познания. Справедливо указывая на то, что под «историей» мы разумеем и случившееся в действительности происшествие, и наше представление о нем, автор признает объектом исторического знания «вещи, которые существуют или случаются». Впрочем, он вскоре приходит и к более узкому пониманию такого объекта: историк, в сущности, высказывает «исторические суждения» о переменах действительно происшедших в мире и рассматриваемых сами по себе; но всякая перемена предполагает «субъект», к которому она относится, а субъект перемени может иметь разное значение: он может быть не только единичным суще-

ством (например, Цезарь), но и собирательным лицом (например, римская свобода). Историческое суждение и состоит частью в познании субъекта, частью в познании случающейся с ним перемены; но историк не может довольствоваться изучением таких перемен, отдельно взятых; он должен иметь в виду ряд перемен; последний и называется историей. При построении таких понятий историк обыкновенно переносит на целую группу то заключение, какое он делает на основании наблюдений над некоторыми ее членами, и, опуская множество «индивидуальных обстоятельств», преимущественно обращает внимание на чрезвычайные поступки и события; смотря по тому, какие из них он будет выбирать, какие будет считать «справедливыми» или «несправедливыми», и «история» получит тот, а не другой вид. Вместе с рассуждениями о теории исторического знания Хладений высказывает немало соображений и касательно методов исторического изучения. Можно сказать, что Хладений впервые попытался обосновать методологию источниковедения: сами происшествия, по его мнению, мыслимы и без наличности того, кто наблюдает за ними; но нельзя сказать того же относительно знания о таких происшествиях. В последнем случае, т. е. при «познании события и вытекающих из него рассказов», следует относиться с таким же вниманием к наблюдателю и его особенностям, как и к самой «вещи». Впрочем, хотя Хладений был специально заинтересован герменевтикой, он почти не выделяет исторической интерпретации из критики. Хладений различает основные виды источников (*Privatbriefe, Staatsgesetze, Schriftsteller, Monumente*⁶⁹; последние бывают «stumme» — немые и «belebte» — одушевленные, т. е. такие, которые снабжены письменными указаниями), он обращает также внимание на различие между действительными обстоятельствами и превращениями, каким они подвергаются с точки зрения зрителя или лица, сообщающего эти факты, в зависимости от его личных свойств, общественного положения и т. п.; он указывает на перемены, каким данное известие подвергается в ряде пересказов, пока оно не дойдет до историка, а также на критерии его достоверности; он признает таковыми свойства свидетелей, степень известности событий, удостоверение событий путем свидетельских показаний и документов, обратные заключения от настоящего к прошлому и т. п.; он не забывает отметить и разные степени вероятности известия (отличие ее от достоверности) и условия, при которых та, а не иная ее степень уста-

навливается; наконец, он различает и способы оценки источника в зависимости от той разновидности, к которой он принадлежит. В своем труде Хладений дает понятие и о приемах исторического построения; он пытается, например, выяснить, что разуметь под историческим фактом и каковы его разновидности (S. 76 ff.), а также рассуждает об изучении причинно-следственной связи между фактами, причем понимает ее в психологическом смысле: историк, по его словам, изучает такие события, которые зависят от воли людей и их действий, вызывающих известные последствия; с такой точки зрения он исследует причины фактов, их взаимную зависимость и связь*.

Не имея возможности здесь останавливаться на характеристике всех последующих попыток изложить методологию истории, хотя бы некоторые из них и представляли интерес, я только замечу, что после появления трактата Хладения важнейшие проблемы, столь широко поставленные им, долгое время оставались без дальнейшей разработки; лишь Ваксмут попытался подвергнуть их новому рассмотрению.

Ваксмут уже находился под влиянием Канта и его преемников; в 1820 году он напечатал свой «Опыт теории истории», несмотря на свою краткость, довольно богатый содержанием. Автор различает «теорию истории» от «теории исторического искусства». «Теория истории» или «исторической науки» приводит в порядок объективно-данный исторический материал путем «внесения» в него законов нашего разума и таким образом строит систематическое понятие о нем. Теория исторического искусства излагает учение о приемах обработки исторического материала, т. е. учит о том, каким образом историк путем исследования превращает свое субъективное знание в «собственность человеческого духа» и как он передает его в художественном произведении. С такой точки зрения Ваксмут и излагает теорию исторической науки; главный объект ее (в противоположность объекту естественных наук) — «действия человеческой свободы», осуществляемые главным образом под условием жизни человека в государстве; впрочем, и природа в ее отношении к человеческой свободе, проявляющейся в пространстве и во времени, также принимается во внимание историком. Далее, определив, в чем именно состоят подобного рода действия и их разновидности, автор останавли-

*J. M. Chladenius, Allgemeine Geschichtswissenschaft, I, p., 1752.

ливается на выяснении более частных понятий о разных родах истории (всеобщей, специальной и т. п., истории культуры и философии истории). В теории исторического искусства Ваксмут дает понятие о вспомогательных знаниях, которыми историк должен вооружиться, о приемах исторического истолкования непосредственно данных ему переживаний и разнородных источников, через посредство которых он знакомится с прошлым; далее автор рассуждает о способах изучения «пространства и времени как формы исторических фактов», а также об историческом повествовании (*Darstellung*): он признает, что историк связан требованиями исторической критики и построения фактов в их причинно-следственной связи, и что ему следует, не упуская из виду характерных их особенностей, представлять их в виде некоего «целого» и определять «значение» в нем частей, образующих такое единство; наконец, автор высказывает несколько соображений и относительно способа исторического изображения «в эстетической форме». Таким образом, Ваксмут дает обзор многих важнейших проблем методологии истории; его книга до сих пор не вполне утратила свое значение и для их постановки, и для их решения*.

После появления труда Ваксмута методология истории, в ее целом, долгое время оставалась без дальнейшей обработки. Учение об идеях, которое Гегель⁷⁰ развил в своей метафизике и применил в своей философии истории, оказало влияние и на понимание исторического процесса, и на построение методологии истории. Гумбольдт⁷¹ уже рассуждал в таком духе о задачах историка; книжки Гервинуса и Дройзена также написаны под обаянием того же учения.

В краткой, но содержательной своей статье Гумбольдт рассуждает о задачах «историка с точки зрения учения об идеях, возникшего не без влияния Канта и развитого Гегелем в величественную систему»; впрочем, Гумбольдт писал свою статью и под впечатлением одного замечания Шиллера, сравнивавшего задачи историка и поэта. Понимание, по словам Гумбольдта, вообще состоит в «применении предварительно данного общего к новому — частному». Историческое понимание затрудняется, однако, тем, что историк должен «заключать» о внутреннем содержании происшедшего по разрозненным единичным данным, доступным его чувственному

* W. Wachsmuth, Entwurf einer Theorie der Geschichte, Halle, 1820.

восприятию; он понимает их, прибегая, подобно поэту, к творческому воображению; таким образом историк перерабатывает в себе собранное в единое целое и придает ему форму. Соответственно этой теории историк для изучения «того, что произошло», должен понимать господствующую в нем, но непосредственно не воспринимаемую им идею, помня, однако, что она может быть познана только из самих происшествий. Такие идеи по существу своему лежат вне конечного: по идеям прекрасного, истинного, справедливого (*die Schönheit, die Wahrheit, der Recht*) историк может догадываться о «планах мироправления» (*die Plane der Weltregierung*); но основная его задача — изобразить стремление данной идеи достигнуть своего обнаружения в действительности (*Dasein*), особенно в гении или «великой индивидуальности». С такой, в сущности, метафизической точки зрения идея — сила и вместе с тем цель изучаемого процесса, благодаря которому какая-либо из сторон бесконечности отражается в действительности и придает ей единство и форму. Следовательно, историк должен исходить из идеи для того, чтобы, при осторожном обращении с доступным ему фрагментарным материалом, построить из него некое целое; лишь становясь в его центральном пункте, он может понять и изобразить истинную связь между историческими фактами. Такая построительная работа во многих отношениях сходствует с творчеством художника, который также исходит из «идей» для того, чтобы постигнуть «истину формы»*.

Влияние того же немецкого идеализма отразилось и в труде Гервинуса, посвященного краткой характеристике «исторического искусства». В своей книжке он, правда, не ссылается на Гегеля, но во всяком случае сочувственно относится к Гумбольдту. Хотя Гервинус и пишет, что ему пришлось основываться почти исключительно на собственных размышлениях и опыте, однако, сам он хвалит «прекрасное» рассуждение Гумбольдта и в сущности заимствует из него учение об идеях. Гервинус рассуждает, например, о наличности некоего мирового плана в истории; о целом человечестве, о борьбе

* W. v. Humboldt, Ueber die Aufgabe des Geschichtschreibers in Abhandlungen der historisch-philolog. Klasse der Königl. Akademie der Wissenschaften zu Berlin 1820–1821, Berlin, 1822. Cp. J. Goldfriedrich, Die historische Ideenlehre in Deutschland, Berlin, 1902. Ss. 107–163. O. Kittel, W. v. Humboldts geschichtliche Weltanschauung u. s. w. Lpz., 1901.

между свободой и необходимостью в истории, о значении в истории того, в чем можно усмотреть отношение к какой-либо исторической идее, о воплощении идеи в великих людях и т. п. Вместе с тем и историк, по мнению автора, не должен упускать из виду, что он изучает идеи, обнаруживающиеся в исторической действительности. Задача истории в том, чтобы рассматривать вещи согласно данным нашего опыта только в их проявлениях в действительном мире, кажущемся нам случайным, и разыскивать их истинное отношение друг к другу. Только в том случае, если историк поставит часть, изучением которой он занимается, в отношении к целому человечеству, он будет в состоянии дать настоящее историческое произведение. С такой точки зрения автор усматривает в художественном изображении главным образом лишь средство представить историю в ее целом: ибо произведение художественное прежде всего требует внутренней законченности или цельности.

Тем не менее Гервинус не дает ни общей методологии истории, ни даже одного из ее главнейших отделов. В своем труде он устанавливает только те условия, которые, по его мнению, должны быть соблюдаемы историком для достижения «внутренней цельности» путем художественного изображения прошлого, и с такой познавательно-эстетической, объединяющей материал точки зрения намечает главнейшие роды исторической литературы. Историческое изложение начинается с простой генеалогии, затем переходит в хронику (т. е., главным образом, в запись событий), а затем в мемуары, объясняющие мотивы человеческих действий, что в свою очередь ведет к прагматической истории; не отрицая необходимости и теперь считаться с требованиями хронологического и прагматического изложения, историк не может, однако, ограничиться им: он должен стремиться к историческим комбинациям и изучать сущность тех идей, в которых он усматривает одновременно и силы, движущие человечеством, и цели его истории; историк следит за действием таких сил, проникающих собою всю историю и придающих ей внутреннее единство, за их возникновением, за их стремлением к победе и господством и за их исчезновением под напором новых идей. Следовательно, историк придает значение фактам в зависимости от того отношения, в каком они находятся к идеям; но как только историк начинает с указанной точки зрения «группировать» факты, он сообщает своему произведению «наикрасивейшее единство», благодаря которому оно, в качестве

художественного произведения, будет действовать на всего человека (читателя) и облагораживать все его существо*.

Таким образом Гервинус в своей книжке применяет учение об идеях к теории исторического построения; но он слишком мало выясняет свою теоретико-познавательную точку зрения, например «сущность идей», их действие и т. п.; он также смешивает научное построение исторического целого с художественным его изображением, да и самое понятие о целом (особенно об «эволюционном» целом) оставляет без надлежащего внимания.

Наконец, то же направление еще заметно и в конспекте лекций, которые Дройзен стал читать с 1857 года в Берлинском университете по методологии истории.

Дройзен находился под некоторым влиянием Гегеля; но он не усвоил себе какой-либо определенной системы и не создал новой; склонный к метафизике, он высказывает, однако, положения, далеко не всегда согласованные между собою, например, касательно понятия о свободе. Дройзен, подобно своим предшественникам, исходит из учения об идеях; во главе их он ставит идею абсолютной целостности: «только в Боге мы можем понимать историю»; вообще он понимает под идеями те «нравственные силы» (*sittliche Mächte*), которые порождают и оживотворяют более или менее постоянные формы социальной жизни (семью, государство, народ и т. п.); значит, он пытается комбинировать учение об идеях в истории с историко-социологическим исследованием ее явлений: обращая внимание на единичное в той мере, в какой идеи осуществляются в нем, историк сперва с такой теоретической точки зрения «понимает» единичное в его отношении к целому и описывает его, но вслед за тем изучает и общие его проявления. Впрочем, кроме понятия об истории, т. е. о «нравственном мире, рассматриваемом с точки зрения его становления» (*Werden und Wachsen*), и об историческом методе, Дройзен излагает в своей книге еще учение о методике, т. е. о толковании текста, критике, интерпретации и о способах излагать историю, а также рассуждает о систематике, т. е. о тех точках зрения, с которых можно группировать исторические факты. Впрочем, и в тех случаях, когда рассуждения автора (например, о психическом характере историче-

* *G. Gervinus, Grundzüge der Historik, Lpz., 1837; ср.: J. Dörfel, Gervinus, als historischer Denker, Gotha, 1904.*

ских источников и фактов) можно признать правильными, они далеко не всегда ясно выражены: в своих афоризмах он не развивает высказываемых им положений, не доказывает их и не иллюстрирует примерами. Тем не менее Дройзен высказывает в своей книге немало ценных и глубоких замечаний, например, о делении источников на остатки и предания, о психологическом истолковании, об отношении этики к истории и т. п.; но систему их изложения едва ли можно признать удачной: методология источниковедения и методология исторического построения в ней смешаны*.

Таким образом, с середины XVIII в. философия начала оказывать влияние на развитие методологии истории: оно заметно отразилось уже в важнейших общих трудах, посвященных ее изложению и вышедших до 1870-х годов. В то время, однако, сама философия стала обращать особенное внимание на теорию познания; последняя вступила в более тесную связь и с логикой (Шуппе⁷² и др.), и с методологией наук; а в число научных методов, разумеется, пришлось включить и исторический метод. Благодаря вышеуказанным условиям, в курсах логики, появившихся в конце 1870-х и начале 1880-х годов, можно уже найти особые отделы, имеющие близкое отношение к методологии истории. Главнейшие из таких курсов принадлежат Вундту⁷³ и Сигварту⁷⁴.

В духе трансцендентального идеализма, рассуждая о творческой деятельности разума, Вундт признает, что последний привносит в опыт свойственные ему категории. Маститый ученый не вполне придерживается, однако, такую точку зрения: он полагает, например, что «логические законы нашего мышления суть вместе с тем и законы его объектов»; а в своем учении о методе он слишком часто упускает из виду понятие о единстве сознания и рассуждает о разрозненных «логиках» отдельных наук, в зависимости от разнообразия их объектов. Тенденция подобного рода обнаруживается, например, уже в общем учении Вундта о методах исследования: анализе и синтезе, отвлечении и определении, индукции и дедукции, а также о форме систематического изложения, определении, классификации и доказательстве. В своей конструкции методологии отдельных наук Вундт также

*J. G. Droysen, Grundriss der Historik, Leipz., 1868; 2-te Aufl., 1875; 3-te Aufl., 1882.

обращает внимание не столько на различие тех познавательных точек зрения, с которых они могут рассматривать один и тот же объект, сколько на различие их объектов, или изучаемых ими «процессов». С последней точки зрения автор и различает, помимо формально-конструктивных наук, науки о природе и науки о духе (Naturwissenschaften und Geisteswissenschaften). Явления духовного порядка характеризуются оценкой, целеполаганием и волевою деятельностью (III, 15 и след.); следовательно, общая наука о духе, т. е. психология должна лежать в основе построения остальных наук о духе. Вслед за изложением «логики психологии» автор со свойственной ему обстоятельностью обозревает и «логику» социальных наук (социологии, политической экономии и юриспруденции), и «логику исторических наук», т. е. филологии и истории. Естественно, что Вундт, исходя из вышеуказанных положений, рассматривает историю скорее с обобщающей, чем с индивидуализирующей точки зрения. Автор прилагает психологические принципы к истолкованию исторического процесса; он трактует об общих условиях исторического развития, о принципе целесообразности в его применении к истории и, в психологическом смысле, о законах в истории. В самом деле, историческая наука — прикладная психология; наиболее общие законы истории ничто иное, как законы самой психологии (III, 400). Впрочем, в свое понятие об «историческом законе» Вундт, с течением времени, внес существенные ограничения: исторический закон формулируется лишь относительно деятельности одного какого-либо фактора исторической жизни, выхваченного из нее, и, значит, в сущности, дает лишь одностороннее понятие об исторической действительности; если же иметь в виду сложную комбинацию факторов, то «конкретный исторический закон» вообще получает характер «единичного закона»: «он имеет силу лишь применительно к тому единичному историческому течению, от которого он абстрагирован» (III, 429). Таким образом, Вундт стремится примирить обобщающую точку зрения на историю с индивидуализирующей; но в вышеприведенном рассуждении он пользуется термином «закон» в очень широком смысле и едва ли не смешивает понятие о законе с понятием о его реализации в действительности. В связи с другого рода соображениями сам Вундт даже готов признать, что историк, поскольку он имеет дело с единичными фактами, лишен возможности говорить о законах применительно к ним, а довольствуется только их психоло-

гической интерпретацией (III, 130, 138); но автор не разъясняет, на каком основании историк все же интересуется индивидуальным. Такое же колебание заметно у Вундта и в определении объекта исторического изучения: ограничивая, например, объем истории, он полагает, что дикие народы, не оказавшие влияния на общий ход развития человечества, изучаются антропологом, этнологом и народной психологией, а не историком; но на каком основании историк должен пренебрегать изучением диких народов, между которыми столь много общего, и останавливаться на изучении исторических судеб одних только «цивилизованных народов»? Вундт мало выясняет также, в чем именно состоит историческая связь (специальный вид причинно-следственности в истории), и нередко пользуется в сущности общим понятием о законе в своих телеологических построениях⁷⁵. Таким образом, можно сказать, что та общая познавательная точка зрения, с которой Вундт рассуждает об истории, остается не совсем ясной. В более специальных отделах своей книги Вундт излагает методы исторического изучения; не выяснив основных познавательных целей, которые имеются в виду при их употреблении, он ограничивается довольно беглым обзором главнейших приемов исторической критики и интерпретации, употребляемых в науке, и слишком мало останавливается на характеристике методов исторического построения*.

Сигварт писал раньше Вундта; но в некоторых отношениях его труд оказывается более современным. Сигварт преимущественно придерживается теоретико-познавательной критической точки зрения; он выясняет критерии и основания истинности наших суждений, а не только формально-методологические приемы мышления; он признает логическую необходимость категорий и стремится к согласованности мышления в его элементах; он приходит к заключению, что необходимость единичных суждений покоится на всеобщих принципах непосредственно очевидных; достоверность их нельзя «выводить из опыта, который только благодаря им и возможен в форме настоящего суждения» (I, 420 и др.). Вместе с тем, однако, Сигварт стремится выяснить и реальное содержание принципов нашего познания. Такое стремление автор обнаруживает и в изучении мышления, особенно в указании на

* *W. Wundt, Logik*, 1-te Aufl., BB. I–II (1883); 2-te Aufl., BB. I–II (в 3 книгах), Stuttgart, 1893–1895; 3-te Aufl., BB. I–II (в 3 книгах), 1906–1908.

волевые его основы (*Denkenwollen*), на его цели и момент оценки, и в том внимании, с каким он останавливается на специфических особенностях методологии отдельных наук, поскольку она зависит от свойств объекта данной науки. С указанной точки зрения Сигварт изучает методологию естествознания (в теории индукции он близок к Дживонсу⁷⁶) и много нового и ценного вносит в методологию психологии и истории. Сигварт высказывается против безразборчивого перенесения методов естествознания в психологию и историю; такого взгляда он придерживается, например, развивая свое учение о субъекте в психологии и о действительности в истории. Специально в области исторической методологии Сигварт изучает приложение тех умозаключений, в которых мы от данной наличности фактов (*Thatbestand*) заключаем о действительно вызвавших их причинах (II, 598), и выясняет те основания, в силу которых мы признаем такие умозаключения истинными (II, 610–644). Теория о том, что историк исходит из действительности для того, чтобы возвести ее к причинам, вызвавшим ее, главным образом, к психологическим факторам, обстоятельно развита Сигвартом; из нее исходили и некоторые последующие теоретики истории как знания об индивидуальном. Исторические эмпирические законы, по мнению Сигварта, имеют нормативный характер в том смысле, что из общих свойств человеческой природы и целесообразности можно вывести, что именно человек, желающий данной цели, должен сделать для ее достижения, предполагая разумное понимание им (субъектом) средств, наиболее пригодных для достижения данной цели. В действительности, однако, человек может вовсе и не желать данной цели и может не понимать, какие именно средства ему нужны для наилучшего ее достижения (II, 637 и сл.). Сигварт пользуется учением о субъекте и для построения понятия об эволюции: в отношении к данному субъекту можно говорить о его развитии (II, 661–667), что легко применить также к коллективному целому, изучаемому в его развитии. Вообще, можно сказать, что, при некотором консерватизме своих понятий, Сигварт все же дает и много новых исходных положений, логически обоснованных и приуроченных к реальному пониманию специфических особенностей данной отрасли науки, в частности, и исторического знания*.

* *Chr. Sigwart, Logik*, B. I–II, 1-te Aufl., 1873–1878; 2-te Aufl., 1889–1893; 3-te Aufl., 1904; русский перевод в 3-х томах, СПб., 1909.

Таким образом, Вундт и Сигварт уже ввели в свои общие курсы логики учение о принципах и методах исторической науки; но в своих рассуждениях о ее задачах они придерживаются различных точек зрения: Вундт — скорее обобщающей, чем индивидуализирующей, Сигварт — скорее индивидуализирующей, чем обобщающей. Историки также не замедлили испытать на себе влияние вышеуказанных различных течений мысли. В семидесятых и даже восьмидесятых годах прошлого века теоретико-познавательные точки зрения, с которых они строили свои теории, однако, еще не вполне дифференцировались; точки зрения обобщающая и индивидуализирующая скорее включались в соответствующие построения, чем обосновывались, и излагались в связи с другими взглядами, например, эволюционным или историко-философским.

В числе приверженцев обобщающей точки зрения можно указать, например, на Бурдо⁷⁷. В своем сочинении об истории и историках Бурдо полагает, что историческая наука должна формулировать «специальные» и «общие законы» («законы сходства и последовательности, закон прогресса»), пользуясь статистическим методом наблюдения над фактами, постоянно повторяющимися, и распространяя свои обобщения на прошлое и будущее человечества. В своем труде Бурдо также определяет объект исторического знания, но с эволюционной точки зрения: история есть наука о «развитиях разума»: она изучает не царство животных, а «человеческое царство», характеризуемое деятельностью разума, т. е. те факты, «которые разум направляет или влияние которых он на себе испытывает». Задача научно-исторического построения и состоит в том, чтобы формулировать «законы постоянной метаморфозы», которой человеческий вид подвергается*. Сам Бурдо, однако, не выдерживает своей точки зрения: по его мнению, например, нельзя встретить двух людей, которые, за исключением «вещей очевидных или доказанных», «думали бы одинаково по всем вопросам, а, может быть, и по одному из них»; но много ли «вещей очевидных и доказанных», и не придется ли историку, интересующемуся такими «вещами», заниматься логикой, а не историей? Вместе с тем автор готов признать, что задача исторической науки — рассказать историю человеческого вида, «великого коллективного существа,

* *L. Bourdeau*, *L'histoire et les historiens: essai critique sur l'histoire, considérée comme science positive*, Par., 1888.

характеризуемого способностью разума»; но не оказывается ли такое «существо» своего рода индивидуальностью? И можно ли определять такой объект только с эволюционной точки зрения?

В то время, однако, несколько историков уже успело высказаться и в пользу индивидуализирующей точки зрения на историю; но они все еще не вполне ясно формулировали ее. Фримэн⁷⁸, например, давно уже выразил нечто подобное в виде частной формулы, имеющей характер эмпирического обобщения: в 1872 году он выступил с лекцией, в которой он развил мысль о «единстве истории» и с такой точки зрения настаивал на том, что, лишь принимая во внимание отношение изучаемого периода ко всему целому исторического развития человечества, можно понимать его. Указанный принцип, по мнению автора, имеет большое значение, по крайней мере, применительно к истории арийских или европейских народов. Впрочем, Фримэн не обосновал своей точки зрения и слишком мало воспользовался ею для построения методологии истории, хотя и посвятил в последнее время целую книгу изложению «методов исторического изучения»*. В русской литературе, в сущности, аналогичное понимание истории также отчасти обнаружилось, например, в трудах Н. И. Кареева⁷⁹. В своих «Основных вопросах философии и истории» Н. И. Кареев развивает мысль, что «философия истории» не занимается разысканием законов, но пользуется законами психологии и социологии для философского изображения всемирной истории; он касается, например, вопроса о единстве истории человечества и ее планомерности; он выясняет, что без руководящей идеи и объединяющего принципа «нельзя ни выбирать, ни группировать факты» и что историк должен пользоваться «историософическим критерием, т. е. философской меркой для оценки истории», причем усматривает ее в развитии личности; он занимается также изучением понятия прогресса, дает «опыт теории исторического прогресса» и даже формулирует общий его закон. Автор «Основных вопросов» писал свой труд в то время, когда чисто логическое различие между двумя познавательными целями науки или точками зрения — обобщающей и индивидуализирующей — еще слишком мало было выяснено в литературе; тот же пробел чувствуется и в его собственном труде, посвященном

* *E. Freeman*, *The Unity of history*, 1872; См. «*Comparative Politics*», *Id.*, 1873, pp. 296–341; ср. *его же*: *The Methods of historical Study*, *Id.*, 1884.

не столько теории исторического знания, сколько «историософии», т. е. «методологии философии истории». Вместе с тем автор связывает принятую им теоретико-познавательную точку зрения с историко-философской: он дает и «общую теорию исторического процесса, исторической эволюции и исторического прогресса», а также много рассуждает о «философии истории» в смысле «изображения всемирной истории с философской точки зрения»*.

Под влиянием различных течений в области теории познания, в особенности трудов Конта⁸⁰ и Милля⁸¹, Виндельбанда⁸² и Риккерта⁸³, в последнее время интерес к проблемам методологии истории значительно оживился, и их стали обсуждать с двух довольно резко противопоставляемых познавательных точек зрения на задачи истории как науки или обобщающей, или индивидуализирующей наше знание о действительно бывшем.

В числе ученых, которые придерживаются обобщающей точки зрения на историю, можно назвать Тэна, Лампрехта, Брейзига⁸⁴ и др.; но наиболее систематическое изложение понимания истории в таком именно смысле было сделано Лакомбом⁸⁵. Вообще Лакомб разумеет под наукой лишь такую совокупность суждений, которые высказывают общезначимые истины касательно необходимой причинно-следственной связи между явлениями в пределах однородных или сходных серий процессов; значит, история будет наукой в той мере, в какой она удовлетворит тому же требованию обобщения; в сущности, она, значит, не отличается от социологии. Итак, история должна изучать явления, порождаемые человеческими действиями, поскольку они сходны между собою или вообще, или в известных пределах времени и пространства; историк интересуется, собственно говоря, человеком в той мере, в какой он производит сходные между собою действия (*l'homme général, l'homme temporaire*); человек вообще, обусловленный в своих действиях данною совокупностью условий или особой средою, и есть «исторический человек». Автор называет результаты таких действий учреждениями (*institution*) и противопоставляет их единичным фактам — «событиям» (*événement*); события должны привлекать внимание

* Н. И. Кареев, Основные вопросы философии истории, Москва, 1883, 2 тт.; 2-е изд., 1887; 3-е (сокращенное), СПб., 1897; ср. его же: «Сущность исторического процесса и роль личности в истории», СПб., 1890.

историка, поскольку они способны порождать «учреждения». Далее Лакомб рассуждает об историческом методе: в основание его он кладет психологию; она дает понятие о человеке вообще (*l'homme général*) и о его потребностях как о факторах развития; таким образом, историк орудует гипотетически дедуктивным методом, проверяя его индукцией. Вслед за тем, прилагая вышеуказанные понятия и методы к изучению исторического процесса, Лакомб обозревает материал, пригодный для истории-науки, и переходит к характеристике человека с временно устойчивыми свойствами (*homme temporaire*) как фактора прогресса: автор занимается анализом его определяющих элементов — степени цивилизации, т. е. богатства или «возможности человеку легко производить полезные действия», нравственности и умственного развития. В последних главах своей книги Лакомб трактует о причинах прогрессивного развития человечества, причем различает психические и социальные факторы; он также останавливается на выяснении двух «идей», которыми историк пользуется при изучении развития, а именно — идеи необходимости (*détermination*) и идеи случайности, порождаемой чисто индивидуальными актами. Закон прогресса, по его мнению, состоит в сохранении энергии, ведущем к борьбе за существование и имеющем целью достигнуть счастья под условием соблюдения долга. Наконец, в заключительных главах своего труда Лакомб пытается приложить добытые им понятия к решению некоторых исторических проблем и рассуждает о «предвидении в истории». При чтении интересно и легко написанной книги Лакомба нельзя не заметить, однако, в ней довольно существенных недостатков. Автор не обосновывает своей точки зрения на задачи науки вообще и исторической науки в частности, а скорее исходит из нее в своих рассуждениях об «истории-науке»; он также не останавливается на выяснении понятий о причинно-следственности в истории и о развитии, о прогрессе и регрессе. При оценке исторических факторов автор, может быть, слишком большое значение придает факторам экономическим в ущерб духовным и, слишком изолируя их, не принимает в расчет того значения, какое каждый из них получает в зависимости от остальных, а потому и его обобщения оказываются односторонними. Законосообразности исторического процесса, устанавливаемые автором, можно назвать скорее правилами, чем законами. Не мешает заметить, наконец, что, охотно прибегая и к социологическим обобщениям, добытым на основании изучения пер-

вобытной культуры, автор слишком доверяет им, благодаря чему и впадает в некоторые ошибки (Ср. р. VIII, 69, 83 и др.).*

Многие историки, также полагающие, что история — наука, усматривают, однако, главную ее задачу не в обобщении, а, наоборот, в индивидуализировании нашего знания о действительности и с такой точки зрения рассуждают о теории исторического знания и о методах исторического изучения. В числе подобного рода трудов я пока ограничусь указанием на общие руководства Бернгейма, Мейера и Ланглуа-Сеньбоса.

Бернгейм склоняется к индивидуализирующей точке зрения, с которой он выясняет отношение между разными науками (в том числе народной психологией, а также социологией) и историей. Автор восстает против смешения естествознания с историей: в последнем издании своей книги он уже находится под влиянием новейших учений и проводит более резкое различие между познавательными целями естествознания и исторического знания, между обобщением и индивидуализированием, а, значит, и между образуемыми ими понятиями; с такой точки зрения он и приходит к заключению, что историческое знание есть знание «всех единичных происшествий, как связанных между собою моментов эволюционных рядов, которые слагаются в пределах взятого в его совокупности социального развития человечества». Тем не менее Бернгейм дает общую характеристику исторического знания, главным образом, в его зависимости от объекта исторического изучения: имея в виду целеполагающую деятельность человека и придавая большое значение психологическому объяснению исторических фактов, история изучает явления, обусловленные «психической каузальностью» (SS. 133–144). Следовательно, история не может ограничиться изучением массовых или коллективных явлений; она должна принимать во внимание значение отдельных личностей и событий в историческом процессе; занимаясь выяснением причин исторических явлений, историк должен помнить, что исторический процесс есть взаимодействие двоякого рода факторов — индивидуальных и коллективных. С такой точки зрения Бернгейм и оттеняет, что объектом исторического изучения следует признать «человека» в той мере, в какой он действует «в определенное время и в определенном месте» как социальное существо. Автор вносит те же

понятия и в свое определение истории; она «изучает и изображает временно и пространственно ограниченные факты развития людей в их (единичной, а также типической и коллективной) деятельности как социальных существ в соотношении, имеющем характер психофизической причинной связи» (SS. 5, 9). Хотя определение Бернгейма вызвало возражения со стороны не только противников, но и приверженцев того же индивидуализирующего направления (напр., со стороны Below'a), однако все признают за его учебником крупные достоинства: он дает обстоятельное обозрение истории развития исторической науки, а также излагает приемы исторической критики и интерпретации, исторического построения и повествования. Не останавливаясь здесь на подробном разборе этого почтенного труда с массой библиографических указаний, я только замечу, что автор все же мало обосновывает свою теоретико-познавательную точку зрения и смешивает теоретические принципы с техническими правилами. По методологии источниковедения Бернгейм сообщает много ценного. При разборе вопроса о степени соответствия между «источниками» и «действительностью», например, автор не раз касается свойств самих источников как «Geistesprodukten»⁸⁶. Вслед за Дройзенем он пытается установить систему главнейших разновидностей источников, т. е. проводит различие между остатками культуры (все, что непосредственно осталось от происходившего и сохраняется) и преданием (все, что посредством передается нам о происходившем). Впрочем, Бернгейм слишком мало интересуется основаниями такого деления и не применяет его принципа к систематике более конкретных групп исторического материала. Нельзя не заметить, что и дальнейшая система его изложения вызывает некоторые сомнения. Бернгейм помещает, например, интерпретацию источников в отдел исторического построения; но без понимания источника, в сущности, нельзя подвергать его надлежащей критике; излагая приемы последней в зависимости от разновидностей критикуемого материала, он довольно слабо развивает свою мысль и не вполне удовлетворяет компетентных судей. При изложении методологии исторического построения Бернгейму следовало бы выяснить методы построения исторического факта и исторической связи, применение статистики и психологии, а также социальных наук к истории, приемы построения эволюционных серий, периодизации и т. п.; но автор, в сущности, обходит такие вопросы молчаливым, ограничи-

* P. Lacombe, De l'histoire considerée comme science, Par., 1894.

ваясь изложением (кроме методов интерпретации, см. выше) учения о «комбинациях» фактов во времени и по месту или по материям, о репродукции и фантазии, и об «общих факторах» исторического процесса, а также учения об аксиологических (оценочных) суждениях⁸⁷ и о «масштабах» в истории*.

Впрочем, кроме вышеуказанного общего руководства, можно отметить еще труд известного историка «древности» Мейера и «Введение» Ланглуа и Сеньобоса⁸⁸: Мейер преимущественно рассуждает о «принципах исторической науки», а Ланглуа и Сеньобос обратили главное внимание на методы исторического изучения.

Мейер придерживается индивидуализирующей точки зрения на историю: в противоположность обобщениям естествознания она занимается изучением «индивидуумов». Историк стремится установить действительно бывшие единичные факты, возникающие путем случайного скрещивания и совпадения во времени многих причинно-следственных рядов; столь же существенным «моментом» он признает и действие свободной целеполагающей воли человека; но и в случаях подобного рода он усматривает «каузальность», только проявляющуюся иным способом, чем в «законсообразных процессах» (S. 185); вместе с тем, под историческим фактом он разумет «факт, действие которого не исчерпывается моментом его появления, но который продолжает действовать и в последующее время» (S. 186), т. е. судит о значении факта по его действительности. Далее Мейер рассуждает о неисторических и исторических прогрессирующих народах, о культурной и политической истории и о том значении, какое «индивидуальные факторы» имеют в культурной истории, а «общие факторы» — в политической (SS. 195–196). Он также говорит о том целом (государстве и системе государств), которое изучается историком; об историческом методе, т. е. об объяснении, исходящем из данного следствия, восходящем к его причинам и принимающем форму

* E. Bernheim, Lehrbuch der historischen Methode, 1-te Aufl., 1889; 5–6-te Aufl., 1908 г.; последнее издание, сравнительно с предшествующими и, в особенности, с первым, значительно переработано и дополнено. В кратком руководстве «Einleitung in die Geschichtswissenschaft», Lpz., 1905 г. (Sammlung Göschen) тот же автор дает сокращенное изложение главного своего труда, снабженное, впрочем, некоторыми дополнениями и предназначенное для начинающих; оно содержит главы о «сущности задачи исторической науки», об «области исторической науки» и о «методике исторической науки»; рус. пер. под ред. проф. С. Е. Сабинина, М., 1908 г.

заклучения по аналогии; о значении «отрицательных событий» (того, что не случилось в данном месте и в данное время) для объяснения действительно случившегося; об исторической критике; об историческом изображении, долженствующем отличаться индивидуальными красками; об исторических источниках (памятниках, актах и преданиях) и т. п. Таким образом, в книге много ценных частных замечаний методологического характера, что уже видно из предшествующего обзора ее содержания; но есть и несколько недостатков. Мейер, например, не останавливается на обосновании своей теоретико-познавательной точки зрения и, довольно слабо установив ее, не развивает ее систематически; не входя в рассмотрение учения о ценности (cf. S. 186), он ограничивается общими и беглыми замечаниями о том, что историческими мы называем факты по их действительности, хотя сам же рассуждает о «внутренней ценности» фактов (см. S. 189, 191). Далее автор орудует понятиями о случае и о свободной воле, не установив их (см. о разных значениях понятий «случай» и «свобода воли» — ниже), а потому и его утверждение, что в таких «моментах» следует тоже усматривать «действие причинности» только проявляющееся «другим способом, чем в законсообразных процессах», остается невыясненным; на изучении понятия об историческом целом и методов его построения он также мало останавливается. Вообще, отдел «элементов», озаглавленный «история и историческая наука», не обладает единством содержания: наряду, например, с довольно отрывочными рассуждениями о сущности истории, об историческом методе и об историческом повествовании, объединенными одной и той же познавательной точкой зрения, автор особо трактует о хронологии, главным образом, о различных способах летоисчисления, об историографии и ее развитии и, в особенности, о некоторых исторических сочинениях, посвященных обозрению древней истории*.

* E. Meyer, Geschichte des Altertums, 2-te Aufl., Bd. I, Erste Hälfte; Einleitung — «Elemente der Anthropologie», Stuttgart u. Berlin, 1907. В 1902 г. автор напечатал труд под заглавием: «Zur Theorie und Methodik der Geschichte», Halle; но главное его содержание, в исправленном, хотя и более кратком виде, вошло в «Элементы антропологии». В числе аналогичных трудов с более специальным содержанием можно еще указать на сочинения А. Гротенфелта — Die Wertschätzung in der Geschichte, Lpz., 1903; Geschichtliche Wertmaßstäbe in der Geschichtsphilosophie bei Historikern und im Volksbewusstsein, Lpz., 1905.

Некоторое увлечение теорией исторического знания, обнаружившееся в новейших трудах по методологии истории, успело уже вызвать противодействие со стороны Ланглуа и Сеньобоса. В своем кратком руководстве Ланглуа и Сеньобос дают понятие не столько о теории исторического знания, сколько о методах исторического изучения, а также о технике исторических работ; легко заметить, что авторы даже мало заботятся о том, чтобы обосновать принципы исторической методологии, и скорее преподают правила исторических исследований, впрочем, весьма полезные для всякого, в особенности для начинающего работника. Таким образом, с теоретической точки зрения пособие Ланглуа и Сеньобоса мало удовлетворяет читателя; авторы высказывают пренебрежение к «метафизике» и, по-видимому, смешивают ее с теорией познания, а принципы и методы исторического знания — с техническими правилами; слишком мало выясняя место, занимаемое в системе наук историей и настаивая на случайности исторического знания, авторы высказывают довольно противоречивые положения относительно ее метода: они полагают, например, что «история не наука наблюдения» (Р. 44), и вместе с тем ниже они утверждают, что история, подобно всякой науке, основанной на наблюдении, не имеет права, пользуясь единичным наблюдением, приходиться к какому-либо научному заключению и что в лучшем случае «историческое утверждение ничто иное, как наблюдение, довольно плохо сделанное и нуждающееся в подтверждении путем других наблюдений» (Р. 145, 167). В своем изложении методов исторического изучения Ланглуа и Сеньобос дают гораздо больше ценных замечаний, но и оно не свободно от возражений. Авторы разделяют свое произведение на две главные части: *opérations analytiques* (ср. методологию источниковедения) и *opérations synthétiques* (ср. методологию исторического построения). Такая терминология едва ли удачна: она подчеркивает не различие познавательных целей, а различие операций; но разные операции могут служить для достижения одной и той же цели: синтетические встречаются и в источниковедении (напр., понятие о творчестве данного автора), аналитические — в историческом построении (напр., анализ причинно-следственной связи). В своем курсе Ланглуа и Сеньобос не дают, однако, ясного понятия о том, что собственно нужно разуметь под источником;

допуская колебания в своем взгляде на историю как «науку наблюдения», они упускают из виду весьма важный отдел источников — остатки культуры, а такой пробел приводит их к чрезмерному скепсису касательно достоверности источников (Р. 167). В дальнейшем своем построении авторы зачисляют интерпретацию источников в критику, придавая последней слишком широкое значение. Ланглуа и Сеньобос рассуждают также об исторических объяснениях (причинно-следственной связи), заключениях и обобщениях, и об условиях, при соблюдении которых такие выводы могут получить достоверность; но они слишком мало обосновывают свое учение о группировке исторических фактов по разновидностям, о построении эволюционных серий и т. п. Тем не менее руководство Ланглуа и Сеньобоса может быть полезно начинающему работнику и пригодится всякому интересующемуся техникой исторических работ*.

Впрочем, в настоящее время можно указать и на таких историков, которые пытаются комбинировать обобщающую точку зрения с индивидуализирующей; представители такого смешанного направления не всегда ясно различают вышеуказанные теоретико-познавательные цели, что приводит не столько к соединению, сколько к смешению их между собою.

В числе новейших историков, например, придерживающихся смешанного направления, Линднер⁸⁹ занимает довольно видное место. В своем труде по «философии истории», не останавливаясь на логическом различии между обобщением и индивидуализированием, он рассуждает только о постоянстве и об изменении в истории, а также о «коллективных» и «индивидуальных» факторах исторического процесса; он полагает, что всякое становление (*Werden*) — индивидуально, а историческое течение «коллективно». С указанной точки зрения автор рассуждает об историческом процессе, об исторических факторах (идеях, «массе», «великих людях») и характеризует важнейшие исторические группы («народы» и «нации»), из которых главное значение он приписывает монголам, семитам и индогерманцам; он высказывает также несколько соображений об условиях жизнедеятельности народов, о государстве, церкви и т. п. и об

* *Ch.-V. Langlois et Ch. Seignobos, Introduction aux études historiques, 1-re éd. Par., 1898, 2-me éd., Par.; рус. пер. В. Денисова.*

историческом развитии в совокупности его культурных, социальных и политических проявлений*.

В русской литературе можно также отметить труд, автор которого — Е. Н. Щепкин⁹⁰, кажется, стремится в некоторой мере примирить оба направления**. Автор пытается исходить из «теории познания, господствующей среди представителей критического эмпиризма», и придает употребляемым им терминам «тот смысл, который укрепился в литературе критического эмпиризма». Действительно, автор рассуждает о «коллективном опыте», о «функциональной зависимости» в смысле причинно-следственной, об «экономичном описании» явлений в смысле их объяснения и т. п. Вместе с тем, однако, автор находится под заметным влиянием Вундта, учение которого, разумеется, нельзя отождествлять с эмпирио-критицизмом: соответствующий отдел в его учении о методах, по словам автора, все еще остается «лучшим» очерком логики истории. Тем не менее автора нельзя назвать и строгим последователем Вундта: «так как число причинных рядов, сходящихся для обоснования (sic) события, по его словам, может доходить до бесконечности, то объекты истории и носят более или менее единичный, иногда не повторяющийся даже приблизительно характер. Только в этом смысле неповторяемости тождеств все явления могут быть названы случайными, хотя ни одно из них не разрывает нитей причинности». С такой же точки зрения, едва ли, впрочем, отличающейся определенностью (ср. выражения «может», «более или менее» и «все явления»), автор рассуждает и о личности. Вопреки Вундту, он вообще как будто склоняется к отрицанию собственно исторических законов. Впрочем, в своей брошюре Е. Н. Щепкин останавливается лишь на двух вопросах, а именно: он выясняет, в чем состоит психологическое истолкование исторических фактов и значение идей в истории; в последней статье рассуждает о «нравственных и этических идеях» с психологической точки зрения.

В числе представителей того же течения можно, наконец, указать и на Моно. Судя по его статье, озаглавленной «Метод в истории», он стремится в известной мере сочетать оба вышеуказанные

* Th. Lindner, *Geschichtsphilosophie, Einleitung zu einer Weltgeschichte seit der Völkerwanderung*, Stuttgart, 1901.

** Е. Щепкин, *Вопросы методологии истории*. Одесса, 1905 г.

направления — обобщающее с индивидуализирующим. Моно, например, пишет, что «история есть коллективная психология» (Р. 350); но в то же время он, подобно Мишелэ, признает «воскресение прошлого» наивысшей задачей историка и, под влиянием Ксенополя⁹¹, рассуждает об истории, несколько не отождествляя ее с науками обобщающими: она изучает факты последовательности и, вместо формулировки законов, группирует факты в серии и устанавливает между ними причинно-следственные отношения. С указанной точки зрения автор признает идеальной целью истории «реконструкцию в серии времен жизни человечества во всей ее совокупности». Впрочем, придерживаясь такой теоретико-познавательной точки зрения, Моно едва ли, однако, с должной определенностью и ясностью формулирует ее. Аналогичное колебание заметно и в других его рассуждениях: понимая под законом и «предварительную гипотезу, рассматриваемую как истинную, пока она кажется нам пригодной для объяснения всех известных нам явлений одного и того же порядка», автор как будто склоняется к мысли, что историк может достигать таких же обобщений; исторический факт, подобно всякому другому явлению природы, имеет свою причину в предшествующем факте; с такой точки зрения можно с гораздо большей надеждою на успех объяснять, комбинировать и обобщать факты, чем «воображая, что в свободной воле человека кроется автономная причина, в каждый данный момент способная видоизменить ход истории»; но несколько ниже автор поставляет историку в обязанность различать в человеческих действиях ту долю индивидуального творчества, которую нельзя заранее предвидеть и определить. С такой же двойственной точки зрения Моно рассуждает и об объекте исторического знания: история изучает «постоянные элементы», передаваемые в человечестве путем наследственности, традиции, подражания и привычки, и придающие непрерывность историческому процессу, и те «элементы изменения и обновления», которые человеческое творчество ежеминутно вносит в тот же процесс и которые «определяют собою эволюцию». В вышеприведенных довольно отрывочных замечаниях Моно не обосновывает предлагаемого им понимания истории и не разъясняет, каким образом можно примирить вышеуказанные направления в области исторического знания. В остальной части своего труда Моно дает несколько более обстоятельную характери-

стику «анализа» и «синтеза» в истории. Под «анализом» Моно разумеет «критику источников» и «критику фактов». В отделе, озаглавленном «Критика источников», он, не соблюдая единства в принципе деления, без достаточных оснований различает три главных вида источников, а именно: произведения (*ouvrages*, к которым он относит и летописи, и произведения литературы), «акты» и «памятники» и дает очень краткое понятие о критике подлинности и о критике достоверности источников. В отделе, посвященном изложению критики фактов, он обращает внимание, между прочим, на значение для нее понятий о степени согласованности изучаемого факта с остальными фактами данного периода. Под «синтезом» Моно разумеет «историческое построение и обобщение», оценку, психологическое истолкование и философию истории. «Построение» находится в тесной связи с оценкой фактов: она состоит в определении того значения, какое данный факт имеет в цепи причин и следствий. Далее, психология играет видную роль в истории: ведь историк в сущности имеет дело с действиями людей, а действия людей — своего рода жесты, которыми историк интересуется лишь в той мере, в какой внутренняя жизнь обнаруживается через их посредство. Наконец, философия истории выясняет, главным образом, понятие о прогрессе, впрочем, в различных областях жизни весьма различном; такое понятие не может иметь значение закона и даже не всегда играет роль руководящего принципа: прогресс в области науки имеет совсем иной «характер», чем прогресс в области нравственности и искусства. Итак, можно сказать, что в своей статье Моно дает не столько теорию исторического знания, сколько краткое обозрение методов исторического изучения, благодаря чему и его общее обозрение последних страдает некоторой неясностью основных положений и отсутствием объединенной системы понятий; но оно может служить для предварительного ознакомления в самых общих чертах с такими методами; изложение далеко не всегда отличается ясностью и точностью, что легко заметить и из вышеприведенных рассуждений автора о задачах истории или о прогрессе и т. п.*

* *G. Monod*, *La méthode en histoire*; первоначально в «*Revue politique et littéraire*», 1908, t. 1, pp. 449–455; 486–493; вслед за тем, без существенных изменений, в сборнике «*La méthode dans les sciences*», изд. под ред. P. F. Thomas, P., 1909, pp. 319–362.

Само собою разумеется, что вышеуказанные направления в области методологии истории отразились и во многих других произведениях философской и исторической литературы; они отчасти еще будут приняты во внимание при изучении генезиса номотетического и идиографического понимания истории, а также при изложении методов исторического изучения*.

* В числе кратких общих руководств, кроме указанных выше, можно еще отметить: *Ch. et V. Mortet*, *La Science de l'histoire*, Par., 1894 (отдельный оттиск из «*La Grande Encyclopédie*», t. XX); *A. Meister*, *Grundriss der Geschichtswissenschaft zur Einführung in das Studium der Deutschen Geschichte des Mittelalters und der Neuzeit*, Ipr., 1906 и сл. *L. Brehier et Desdevizes du Dezert*, *Le travail historique*, Par., 1907.

Часть I. ТЕОРИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Главнейшие направления в теории исторического знания

С теоретико-познавательной точки зрения научное знание характеризуется его систематическим единством. Подобно нашему сознанию, отличающемуся единством, и наука должна быть объединенным знанием: в таком смысле всякое знание, претендующее на название науки, должно представлять единое целое нашего познания, приведенное на основании известных его принципов в систематический порядок. В самом деле, наука стремится соблюсти единство точки зрения, последовательно провести ее в области нашего знания, выдержать установленные благодаря ей основные положения в их последовательном раскрытии и т. п. Вместе с тем наука есть объединенная система понятий, охватывающих возможно больше данных нашего опыта; она пытается установить возможно меньшее число понятий, в каждое из которых укладывалось бы возможно большее число представлений о фактах. Такие же требования соответственно предъявляются и к отдельным наукам: и естествознание, и история одинаково стремятся выработать системы понятий, которые отличались бы единством и обнимали бы все объективно-данное их содержание.

Достижение абсолютного единства всех данных нашего опыта сопряжено, однако, с величайшими затруднениями. Ведь если бы человеческому сознанию и удалось формулировать единый закон, по которому мир существует, нельзя было бы вывести из такого закона самый факт действительного его существования. Вместе с тем наука не может получить единство в явный ущерб полноте нашего знания: она должна удовлетворять наш интерес не только к общему, но и к индивидуальному; она должна выяснить значение для нас и общих понятий, и самой действительности.

При таких условиях наука не может объединить все данные нашего опыта и достигнуть единства в нашем знании одним и тем же путем: она объединяет его и с обобщающей точки зрения, образуя общие понятия, под которые можно подводить частные, и с индивидуализирующей точки зрения, устанавливая понятие о едином целом и выясняя отношение к нему его частей. В самом деле, одну и ту же вещь можно изучать с двух различных точек зрения: или поскольку в

ней есть нечто общее с другими вещами, или поскольку она представляется нам частью некоего целого и в таком смысле единственной в своем роде и индивидуальной. В первом случае мы изучаем вещь с номотетической точки зрения, во втором — с идиографической. Эта терминология, кажется, в достаточной мере выражает упомянутое выше противоположение*. Слова «номотетическая точка зрения», очевидно, дают понять, что знание, строяемое с такой точки зрения, стремится к законам и притом «полагает», т. е. повторяет их; слова «идиографическая точка зрения» указывают на то, что знание подобного рода интересуется индивидуальными фактами и состоит в их описании.

Место, отводимое в системе наук истории, будет различно, смотря по тому, какой из вышеназванных точек зрения придерживаться.

Мыслители, занимавшиеся систематикой наук с номотетической точки зрения, различали их или по большей или меньшей степени их абстрактности (Конт, Спенсер⁹²), или по характеру изучаемых ими процессов и предметов (Бентам⁹³, Ампер⁹⁴, Вундт); преимущественно с последней точки зрения они стали располагать науки в один ряд и делить их на науки о природе и науки о духе («Naturwissenschaften» и «Geisteswissenschaften»). Впрочем, вскоре пришли к заключению, что для построения наук о духе нужны еще добавочные принципы, которыми естествознание не пользуется, но без которых нельзя установить понятие о явлениях духовного порядка: для их понимания приходится путем размышления догадываться о наличности особого

* W. Windelband, *Geschichte und Naturwissenschaft*, Strassburg, 1900, S. 12. Предлагая здесь эту терминологию, автор понимает вышеуказанные термины в несколько ином смысле, о чем см. ниже. Термин «номографический», которым предлагают заменить термин «номотетический», представляется мне еще менее удобным: νομογραφία — пишу, издаю законы; да и во второй своей части он плохо выражает задачу обобщения и совпадает с термином «идиографический», где то же слово употребляется уже в другом смысле. Термин «номологический» также оказывается не совсем удобным: номология — в буквальном смысле знание о законах (в смысле законодательства); тот же термин употребляется одним из современных мыслителей для обозначения особой «теоретической» науки, предмет которой — понятие о законе, не смешиваемое с понятием о тише и т. п.; она изучает «отношения зависимости, сами по себе взятые», и т. д. (См.: A. Naville, *Nouvelle classification des sciences*, Par., 1901, p. 40–44. Барт предлагает другую терминологию; см.: Th. Barth, *Darstellende und begriffliche Geschichte* в « *Vierteljahr. für Wis. Philosophie*». Bd. XXIII, p. 352 и др.; но она кажется мне менее удачной, чем терминология Виндельбанда.

рода факторов, действием которых такие явления и объясняются (Вундт); вместе с тем отличие их от явлений природы можно придавать разный смысл в зависимости от того, принимать ли теорию взаимодействия души с телом или теорию психофизического параллелизма (Зигварт, Вундт и др.). Только что указанная схема деления наук на науки о природе и науки о духе получила особенно широкое применение и к построению истории; в числе наук о духе почетное место было отведено психологии: она была положена в основу всех остальных наук о духе, а следовательно, и социологии, и истории; в системах подобного рода, значит, социология и история, преследуя одни и те же общенаучные цели, т. е. построение общих понятий и законов, отличаются только объектом своего исследования.

В позднейшее время (особенно с конца 80-х гг.) многие под наукой стали разуметь научно-объединенное или обоснованное знание, хотя бы оно и не состояло из обобщений, т. е. знание, строяемое или с номотетической, или с идиографической точки зрения. По теоретико-познавательным точкам зрения, целям познания, а не по познаваемым «предметам» или «процессам» познания стали различать науки обобщающие от наук индивидуализирующих. Таким образом получился двойной ряд наук: одни из них строятся с номотетической (натуралистической) точки зрения, характеризующей естествознание в широком смысле; другие — с точки зрения идиографической (чисто «исторической»; такова история в широком смысле, т. е. история природы и человечества (Навилль, Виндельбанд, Риккерт и др.).

Следует различать, конечно, вышеуказанные познавательные точки зрения, с которых что-либо изучается, от изучаемых объектов; но историки, и притом обоих лагерей, легко смешивают ту или другую принимаемую ими точку зрения на историю, например, с понятием о факторах исторического процесса. Историки-социологи часто рассуждают о методе «прежней» «индивидуалистической» исторической школы, представители которой преимущественно обращали внимание на единичное, на выдающиеся личности, — и о методе новейшей «коллективистической» исторической школы, охотно характеризую их различие не различием вышеуказанных точек зрения, а различной оценкою каждой школой «индивидуальных» и «коллективных» факторов истории (Лампрехт и др.). Историки, склоняющиеся к идиографической точке зрения, также иногда полагают, что

спор между обоими лагерями идет, главным образом, об относительном значении «индивидуальных и коллективных факторов в исторической жизни» (Гротенфельт и др.). В рассуждениях подобного рода гносеологическое построение смешивается с реалистическим.

В частности, смотря по тому, признавать ли «наукой» только одно научно-обобщенное знание или еще и такое, которое стремится к индивидуализированию, придется разное понимать соотношение между двумя науками, по предмету своего исследования (если не по точке зрения) во всяком случае близкими друг к другу: я разумею социологию и историю. С точки зрения научно-обобщенного знания между социологией и историей не должно быть принципиального различия: обе стремятся к обобщению и разнятся только по ближайшим объектам исследования: социология обобщает преимущественно явления постоянно повторяющиеся, а история — явления развития; в таком случае легко свести социологию — к социальной статике, а историю — к социальной динамике. С точки зрения научно-обоснованного знания, принимающего во внимание и наш интерес к индивидуальному, между социологией и историей нужно, напротив, признавать принципиальное различие. Социология стремится к построению общих понятий, история, напротив, к образованию понятий индивидуальных, например, понятия о едином целом, об отношении к нему частей, об историческом значении индивидуального и т. п.

Значит, и построение теории исторического знания может быть различным, смотря по тому, производится ли оно с номотетической или с идиографической точки зрения; в нижеследующем изложении я и остановлюсь на рассмотрении каждого из этих типов построения научно-исторического знания в отдельности.

Отдел первый. ПОСТРОЕНИЕ ТЕОРИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ С НОМОТЕТИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

В настоящем отделе, посвященном выяснению номотетического построения исторической науки, я несколько остановлюсь и на изучении его генезиса, и на рассмотрении его оснований.

Обстоятельства, обусловившие появление данной теории, не могут, конечно, служить для ее обоснования; но, изучая ее развитие, легче понять ее основания. Такое различие ближайших задач нашего исследования оправдывается еще тем, что номотетическая тео-

рия исторического знания до сих пор не получила своей окончательной формулировки: главнейшие ее представители обыкновенно переносят логические принципы «естествознания» в область исторической науки: они скорее пользуются готовыми понятиями, почерпаемыми из «науки о природе», для научной обработки исторического материала, чем самостоятельно строят систему собственно исторических понятий. Естественно, что при таких условиях генезис номотетического построения исторического знания имеет существенное значение для понимания его оснований; тем не менее рассмотрение последних должно быть сделано особо, в систематическом порядке; благодаря ему легче будет подвергнуть их и критической оценке.

Глава первая. Главнейшие моменты в развитии номотетического построения исторического знания

Номотетическое построение исторического знания имеет свою длинную историю: его зачатки можно было бы разыскать уже в литературе классической древности (напр., у Полибия); я не стану, однако, следить за постепенным его развитием и коснусь в самых общих чертах лишь главнейших и наиболее характерных его моментов.

В числе таких моментов достаточно отметить следующие: номотетическое направление складывалось в зависимости от развития понятия о законосообразности исторических явлений; но последнее стали формулировать в психологическом смысле, что обусловлено было образованием особой отрасли науки — психологии; ее выводы получили существенное значение и для построения «исторических законов» и для дальнейшей разработки отдельных отраслей исторической науки в духе того же номотетического направления.

§ 1. Развитие понятия о законосообразности исторических явлений

Провиденциальная точка зрения, с которой мыслители прежнего времени смотрели на историю человечества, хотя и придавала ей некоторое единство и порядок, но сохраняла за ними трансцендентный характер и все же задерживала развитие чисто научного понятия о законосообразности исторических явлений. Правда, у представите-

лей Возрождения, уже утративших цельность христианского миро-созерцания, можно встретить взгляды, близко подходящие к современному социологическому пониманию исторического процесса: Маккиавелли⁹⁵, например, писал, что «мир содержит одинаковую массу добра и зла», что одни и те же желания и страсти царствовали и царствуют при всякого рода правлениях и у всех народов и что они порождают одинаковые результаты; знаменитый флорентийский политик уже готов был признать, что известные циклы развития могут быть сходными; он полагал, что тому, кто углубится в изучение прошлых событий, легко предсказывать и то, что будущее принесет каждому государству*. Прежнее мировоззрение тем не менее долгое время оставалось в силе: еще Боссюэт⁹⁶ придерживался провиденциальной точки зрения в своей философии истории; лишь с начала XVIII века можно заметить более решительный поворот в сторону нового научного понимания истории.

В числе представителей такого переходного времени нельзя не упомянуть о Вико⁹⁷: он исходил из положения, что Божественный разум — носитель той вечной идеи истории, которая раскрывается в действительности, и что Божественный промысел действует помимо согласия людей и вопреки их планам; но он же пытается комбинировать богословие с социологией и историей: «новая наука», правда, подчеркивает особое призвание евреев, история которых не подводится под общие законы; она же занимается, однако, и изучением конкретно-данной истории остальных народов. С последней точки зрения, уже отличаемой от провиденциальной, новая наука изучает «общую природу наций», одинаковую в разных местах и в разное время; она устанавливает аналогии между детством человека и детством человеческого рода, а также между дикими народами и начальными стадиями развития цивилизованных наций; она стремится объяснить некоторую законосообразность их историй. Ввиду сходства в природе народов, истории их, протекающие независимо друг от друга, должны быть также сходными: такое сходство обнаруживается в развитии их идей, языка и религии, нравственности, семейного строя и общественного быта. В своей истории народы проходят три стадии: «век богов», «век героев» и «век людей»; следовательно, можно усматривать сходство и в проходимых ими циклах развития. Египет,

* N. Macchiavelli, Disc., l. I, cap. 39; l. II, intr.; l. III, cap. 43.

Греция и Рим одинаково прошли через цикл вышеупомянутых стадий. В позднейшее время, после падения Римской империи, народы снова оказались в состоянии, сходном с первоначальной стадией — «веком богов», а затем перешли в период «средних веков», сходный с героическим веком древней Греции, и в современный «век людей». Таким образом, можно сказать, что Вико во многих отношениях уже близок к тому социологическому пониманию истории, которое стремится установить ее законы. Впрочем, отмечая в общих чертах сходство в циклах развития, проходимых разными народами, автор «новой науки» не утверждал, однако, их тождества, а значит, и безусловной их повторяемости во времени*.

Последующая эволюция того же понятия о законосообразности исторических явлений, главным образом, поскольку оно состояло в высвобождении историков от исключительного преобладания провиденциальной точки зрения, смешиваемой с научной, находилась в тесной связи с именами Вольтера и Монтескье⁹⁸.

Ввиду рационалистических и моральных соображений Вольтер признавал существование Бога; но он не допускал, подобно Вико, каких-либо исключений из мирового порядка: Высшее Существо правит миром через посредство общих законов и не может путем произвольного вмешательства, т. е. чудес, нарушать их течение. Мало склонный к метафизике, Вольтер пытался освободить человеческий разум и от традиционных понятий: он высоко ценил английский эмпиризм, противопоставлял относительное абсолютному и критическую точку зрения — догматической; он стремился, без предвзятой системы, изучать «природу» и уже до появления своего «опыта о нравах» склонялся к отрицанию свободы воли.

Таким образом, Вольтер несколько приближался к естественно-научному пониманию истории; отвергая развитие видов, он, с точки зрения своего релятивизма, все же приходил к понятию об исторической эволюции и о прогрессе, совершающемся, хотя и не без колебаний, в области науки и нравственности, а значит, и, вообще, в жизни человечества. В своем «Опыте» Вольтер, действительно, обо-

* G. Vico, Principi di Scienza Nuova d'intorno alla comune natura delle nazioni. 1725 г., особенно книги I, IV и V; 3-е изд. 1744 г. См. B. Croce, Bibliographia Vichiana, Napoli, 1904 и Supplemento alla Bibliographia Vichiana, Napoli, 1907. R. Flint, Vico, Ed. and. Id., 1884 и др.; о сходстве героического века древней Греции с средневековым ср. E. Meyer, Geschichte des Alterthums, Bd. II, Zweites Buch.

зревает прогресс человеческого ума, зарождение и образование национальных нравов, и развитие общества со времени Карла Великого⁹⁹ до Людовика XIII¹⁰⁰. Со свойственным ему литературным талантом изображая «нравы и дух народов», Вольтер стремился дать очерк культурной истории человечества, выделив ее в особую отрасль научно-исторического ведения; при построении ее он из многообразия действительности выбирал такие факты, которые, по его мнению, имели значение для истории наций, т. е. затрагивали наибольшее число интересов и, следовательно, оказывались наиболее важными; с такой точки зрения он приписывал, однако, большое значение великим людям, особенно государям, и обращал внимание на мнения, обычаи, управление, финансы, науки, искусства и т. п. В теоретическом отношении построение Вольтера представляло, конечно, немало промахов: у него не было, например, ясного понимания исторического критерия выбора фактов, да и обобщения его не всегда удовлетворяли научным требованиям; но своим трудом он открыл целый ряд попыток построить историю человеческой культуры, разработкой которой, например, после него занимались Гердер и Геерен¹⁰¹.

Почти одновременно с «Опытом» Вольтера появился и «Дух Законов», его автор — Монтескье, подобно Бодену, но с большею основательностью, попытался применить обобщающую точку зрения в области истории. Монтескье сам несколько занимался изучением естественных наук и даже производил специальные исследования по физике, ботанике и анатомии; благодаря им он освоился с естественно-научным понятием «закона»: он полагал, что под законом в широком смысле следует разуметь необходимые отношения, проистекающие из естества вещей, и что в таком смысле и человек имеет свои законы; в своем сочинении он останавливался также на выяснении человеческих законов в узком смысле в отношении их к климату и почве данной страны, ее населенности, нравам, обычаям населения и т. п. «Монтескье, — по словам его биографа, — гений обобщающий: в обобщении его величие и слабость...» В своем «Духе Законов» он желал, чтобы тот, кто читает, например, страницы, по-

* Voltaire, Essai sur les moeurs et l'esprit des nations; автор начал свой «Опыт» в 1740 году, но он вышел только в 1756 г.; ср. его же сочинения «Le siècle de Louis XIII» и «Le siècle de Louis XIV». P. Sarmant, Probleme der historischen Methode und Geschichtsphilosophie Voltaire в «Hist. Zeit». 1906. B. 98, SS. 327–379 и др.

священные Англии или Версалию, говорил себе: «вот что случится всюду, где, при таких же условиях, будут поступать так же, как в Англии или Версале». Монтескье строил известные типы отношений и хотел, чтобы читатель мог подводить под них их разновидности; чтобы он (при чтении его книги) в сущности не знал, где происходило то, о чем идет речь, — в Афинах, Спарте или Риме, но только чтобы он чувствовал, что в случаях подобного рода он имеет дело с демократическим или республиканским строем; чтобы в других случаях, например, при изображении монархии, он узнавал знакомые ему черты испанского государственного строя наряду с чертами французского, но чтобы ему ни тот, ни другой конкретный случай не представлялся порознь во всей совокупности присущих каждому из них особенностей, а чтобы он усматривал в них лишь свойства, общие обоим. Таким образом, Монтескье стремится построить тип, общий республикам или монархиям, но не выводя его из идеала, а отвлекая от действительности черты, общие тем республикам и монархиям, которые были известны ему*.

Понятие о законосообразности явлений общественной жизни, уже обратившее на себя внимание Монтескье, было одновременно высказано Юмом¹⁰² и получило дальнейшее развитие в талантливых очерках Тюрго¹⁰³ и Кондорсэ¹⁰⁴, а также мало-помалу стало проникать и в немецкую литературу, например, в сочинения Вегелина и других представителей немецкого просвещения: но они чаще занимались «философией истории», чем историей культуры.

Значительное развитие, какое точные науки, и в особенности естествознание, получили в конце XVIII и начале XIX веков (Лаплас¹⁰⁵, Гаусс¹⁰⁶, Вольта¹⁰⁷, Дэви¹⁰⁸, Бертолле¹⁰⁹, Биша¹¹⁰, Кювье¹¹¹, Ламарк¹¹² и др.), должно было, конечно, породить надежду найти такие же законосообразности и в явлениях психической (Кабанис¹¹³) и общественной жизни: Конт, например, под обаянием открытий, сделанных в области естествознания, попытался установить начала «социальной физики»; его понятие о «развитии» и социологическое построение истории также оказало влияние на некоторых последующих социологов и историков.

* *Montesquieu*, *L'esprit des lois*, 1748; см. изд. 1851, т. 1 и др. *A. Sorel*, *Montesquieu*, pp. 86–87, 88. *H. Barckhausen*, *Montesquieu, l'Esprit des lois et les archives de la Brède*, Par., 1904; *Ego же*: *Montesquieu, les idées et les oeuvres d'après les papiers de la Brède*, Par., 1907.

Вместе с тем «социальная физика» получила возможность пользоваться и новым, статистическим методом: разработка цифровых данных о рождениях, браках, смертности людей и т. п. давала основание предполагать некоторое единообразие в явлениях общественной жизни. Зюсмилх¹¹⁴ впервые обратил внимание на тот «божественный» порядок, который обнаруживается в изменениях человеческого рода*. Тот самый «порядок», на который Зюсмилх указывал в своем сочинении, вскоре стали изучать и с чисто научной точки зрения, утвердившейся в области статистических исследований, благодаря трудам Кетле¹¹⁵ по «социальной физике**». Для того, чтобы судить о значении подобного рода исследований для развития номотетического построения исторического знания, достаточно припомнить, какое влияние они оказали, например, хотя бы на рассуждения Бокля¹¹⁶ о «законах истории».

Таким образом, провиденциализм постепенно утратил прежнее исключительное влияние на понимание истории и стал уступать свое место научному естествознанию: дальнейшая эволюция того же понятия о законосообразности исторических явлений, окончательно высвободившегося от провиденциализма, находилась в довольно близком отношении к развитию трех других понятий, а именно: понятия о естественной среде, о «естественной истории» человека как особого вида — *species homo* и «о культурной истории» человечества.

Понятие о естественной среде, в которой человеку приходится жить и действовать, конечно, давно уже обратило на себя внимание мыслителей и ученых: география, многим обязанный уже древнегреческим писателям, стала описывать природные условия человеческой жизнедеятельности; но после Страбона¹¹⁷ и Павсания¹¹⁸ прошло немало времени, прежде чем, вслед за Себастианом Мюнстером¹¹⁹, составившим «описание всех стран» (1544 г.), Варений¹²⁰ начал заниматься изучением физической, а Кловер¹²¹ — исторической географии; знаменитые представители геттингенской исторической

* *Süssmilch*, *Göttliche Ordnung in den Veränderungen des menschlichen Geschlechts aus der Geburt, dem Tode und Fortpflanzung desselben erwiesen*, Berlin, 1748; вслед за тем Зюсмилх переработал свой очерк в большое сочинение, вышедшее двумя изданиями в 1761 году.

** *A. Quetelet*, *Sur l'homme et le développement de ses facultés ou l'essai de physique sociale*, vv. 1–2, Par., 1835.

школы — Гаттерер и Шлецер установили тесную связь между географией и историей, а известный Риттер¹²² в начале прошлого века положил географию «в основу исторических наук» и попытался выяснить значение природы различных стран в их истории*. Такое «антропогеографическое» изучение постоянного действия природы на человека, ее влияния на расселения и поселения людей, на их жизнедеятельность и культуру вскрывало, конечно, некоторую закономерность исторического развития и обнаруживало известную зависимость от географических условий даже изменчивых форм государственного устройства**.

Понятие о естественной среде человеческой жизнедеятельности находилось в тесной связи и с понятием о «естественной истории человеческого рода»: оно стало выясняться, главным образом, с антрополого-этнографической точки зрения и видоизменилось под влиянием эволюционной теории, которая утвердилась в естествознании с середины прошлого века и, в таком виде, оказала воздействие на понимание исторического процесса.

В самом деле, уже Blumenbach¹²³, анатом и физиолог по специальности, интересовался «естественной историей человеческого рода», хотя еще и не употреблял термина «антропология». Анатом и физиолог Левелинг также стремился сделать антропологию доступной для студентов всех факультетов и вообще для каждого образованного человека; в 1799 г. он, например, читал лекции по антропологии***. В последующее время Брок¹²⁴ и Топинар¹²⁵, Вайц¹²⁶, Ранке¹²⁷ и др. немало сделали для ее разработки. Под антропологией первоначально разумели «естественную историю человеческого рода» (Blumenbach); но уже Кант поставил антропологию в связь с психологией, а Фихте

* K. Ritter, *Erdkunde im Verhältniss zur Natur und zur Geschichte des Menschen* и проч.; 19 B-de, Berl., 1822–1859.

** F. Ratzel, *Anthropogeographie*, 2 B-de Lpz., 1882–1891 (2-е изд. 1899). *Ego же*: *Politische Geographie*, 1897.

*** I. F. Blumenbach, *Naturgeschichte des Menschengeschlechts*, 1777. — Возникшее в Париже в 1799 году «Общество наблюдателей над человеком» (*des observateurs de l'homme*) предполагало с сравнительно-антропологической точки зрения изучать физические, умственные и нравственные способности человека, а также местные особенности его типа; взаимодействие между душой и телом и язык: психику глухонемых; жизнь дикарей, историю цивилизованных народов, их происхождение и переселения; мораль и законодательство и т. п.; но уже к 1805 г. общество закрылось; см. «*Rev. Scient.*», 1909, Octobre 23.

(I. H. Fichte)¹²⁸ в 1856 году издал свою известную «антропологию», обнимавшую «учение о человеческой душе». Другие ученые стали связывать антропологию, поскольку она занимается изучением свойств человека (преимущественно физических), с этнографией*. Несколько позднее лейпцигский профессор Шмидт¹²⁹ под общим названием «антропологии» читал и о физической природе человека, и о его положении в природе, «всеобщую этнологию» и проч., а Тейлор¹³⁰ включил в свою известную книгу («*Anthropology*») обзор всей первобытной культуры. Ввиду того, что антропология вмещала в себя столь разнообразные предметы, легко было переносить понятия, вырабатываемые естествознанием, в область социологии и истории: понятие о расе, например, получило с течением времени широкое применение в некоторых исторических построениях.

Антропология, выяснявшая понятие о естественной истории человеческого рода, развивалась однако в связи с разработкой этнографии. Антрополог Blumenbach уже пытался выяснить «природное разнообразие человеческого рода». Вслед за ним Притчард¹³¹ дал общее обозрение человеческого рода по племенам и народам с естественно-исторической точки зрения**. Вскоре затем, по мысли Мильна Эдварса (1829), в Париже возникло этнологическое общество, начавшее действовать с 1839 года. Вместе с тем этнография, первоначально смешиваемая с антропологией, стала постепенно обособляться от нее: антропология изучала человека в качестве зоологического вида (*species homo*), по природе своей отличающегося известными физическими и психическими свойствами, а этнография приступила к изучению человека, поскольку он принадлежит определенному обществу, объединенному происхождением и общим языком, а также подчиненному общим обычаям. Сравнительная этнография обнаружила, что в жизни самых разнообразных народностей можно встретить много сходных проявлений***.

Антропология уже давала понятие о естественно-историческом виде homo; но все же и антропология и этнография до середины про-

* Th. Waitz, *Antropologie der Naturvölker*, 6 B-de, Lpz., 1859–1872.

** I. F. Blumenbach, *De generis humani varietate nativa*, 3 ed, Gottingae, 1795. I. C. Prichard, *Natural history of man*, Ld., 1813.

*** F. Müller, *Allgemeine Ethnographie*, Wien, 1873, S. 1; ср. R. Andree, *Ethnographische Parallelen*, 1878. Neue Folge. 1889. F. Ratzel, *Völkerkunde*, 3 B-de, 1885–1886 и др.

шлого века слишком мало останавливались на понятии о его происхождении и о его развитии; последнее получило надлежащее биологическое обоснование лишь после того, как Дарвин¹³² (одновременно с Уоллэсом¹³³) представил в Линнеевское общество¹³⁴ свой знаменитый мемуар о естественном подборе (1858 г.); вслед за тем он систематически развил учение о факторах эволюции, об изменчивости видов, борьбе за существование и естественном отборе, а также о наследственности приобретенных свойств; благодаря таким факторам виды постепенно развиваются и приспособляются к внешней среде. Новое учение давало основание рассуждать с эволюционной точки зрения и о «естественной истории человека», его жизни в обществе, его учреждениях и т. п.: наряду с «естественной историей человеческого рода» стали изучать «эволюцию человеческих обществ». С такой точки зрения Спенсер, например, и воздвиг свои «Основания социологии»: широко пользуясь и этнографическим материалом, и выводами этнографии, он, подобно Конту, пытался с социологической точки зрения обобщать и историю; он объяснял исторический процесс при помощи своего известного «закона эволюции», изучал развитие учреждений и, подобно Боклю, указывал на смену «воинственного типа» общества «индустриальным типом»*.

Развитие понятий о «естественной истории человеческого рода» и об эволюции человеческих обществ вызвало в историках, интересовавшихся ими, надежду достигнуть соответствующих обобщений и в истории; они стали заниматься ими преимущественно в области истории культуры**.

* *H. Spencer, Principles of Sociology, 1876–1882*; впрочем, автор «Оснований психологии», конечно, принимал во внимание и ее выводы, а также пользовался историей культуры при построении социологии.

** *E. Schaumkell, Geschichte der deutschen Kulturgeschichtsschreibung von der Mitte des XVIII. J. bis zur Romantik im Zusammenhang mit der allgemeinen geistigen Entwicklung, Ipz., 1905*; автор находится под влиянием Лампрехта. *F. Jodl, Die Kulturgeschichtsschreibung, ihre Entwicklung und ihr Problem, Halle, 1878*. В своей книге Иодль делает краткий общий очерк важнейших попыток построения истории человеческой культуры не с философской, а с научно-исторической точки зрения; автор широко понимает слово «культура», включая в нее и духовную, и материальную, и социально-политическую жизнь: но в своем обозрении он принимает во внимание лишь наиболее общие труды и общие устанавливаемые в них положения. В его обозрении можно указать и на пробелы, иногда довольно существенные; напр., автор не останавливается на характеристике известного сочинения Буркгардта (*Burckhardt J. Die Kultur der Renaissance in Italien*,

Термин «культура» появился в Германии приблизительно в середине XVIII века и был поставлен в довольно тесную связь с понятием о «просвещении»; вышеуказанное развитие наук, близко соприкасавшихся с историей, конечно, оказало влияние на разработку истории культуры; в то время некоторые ученые, например, Мёзер (*Möser*)¹³⁵, начали также интересоваться изучением народа, что и историки культуры позднейшего времени продолжали считать одной из главнейших своих задач, а Гердер приступил к изложению своей философии истории с культурно-исторической точки зрения. В самом деле, в связи с философией истории Гердер в сущности занимался и историей культуры. В своем известном сочинении он обратил внимание на то, что нации изменяются в зависимости от места и времени, а также от их «внутреннего характера»; он даже полагал, что «главный закон исторических явлений» состоит в следующем обобщении: «всюду на земле происходит то, что может на ней произойти», в зависимости частью от условий местоположения, частью от обстоятельств и случайностей времени, частью от прирожденного или благоприобретенного характера народов; последний складывается под влиянием весьма разнообразных факторов — и «климата», и образа жизни, и воспитания, и первоначальных условий, и обычных занятий населения; помимо географических условий, и политические обстоятельства действуют на сложный ход истории человечества. Таким образом, в своей философии истории Гердер уже попытался формулировать «законы» исторических явлений и с вышеуказанной точки зрения приближался к научному пониманию исторического развития человечества. Почти в то же время Геерен пытался связать географию и этнографию с историей и приступил к научной разработке истории культуры*.

3-е издание ее вышло в 1878 году): кроме того, теперь это обозрение, конечно, несколько устарело; автор, например, не мог еще принять во внимание историю культуры Липперта, не говоря о позднейших популярных трудах Группе, Шурца, Швейгера-Лерхенфельда и др.

* *Herders's Sammtliche Werke, herausgegeben v. Suphan; Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit, см. т. XII (1887)*; новейшее критическое издание Th. Matthias'a. Ipz. u. Wien. Гердер оказал влияние и на французскую мысль: Де Жерандо (*De Gerando*) распространял его «Идеи» во Франции, а похитисе Китэ занялся их переводом. *A. Heeren, Ideen über die Politik, den Verkehr und den Handel der vornehmsten Völker der alten Welt, 1793* и др.

Помимо общего развития научного духа, проникавшего также в область исторических изысканий, выделение истории культуры в качестве самостоятельной отрасли исторической науки совершилось и под влиянием других причин: частью благодаря романтизму, а также усилившемуся интересу к народности и народным массам, частью в связи с появлением специальных отраслей культурной истории вроде, например, исторического языкознания и истории права.

Историко-лингвистические исследования уже производились Аделунгом¹³⁶ (1806–1816); он пытался путем сравнительного изучения языков выяснить родство племен индоевропейских, их общую родину, расселение и т. п.¹³⁷ Такие исследования получили твердое научное обоснование благодаря трудам Боппа¹³⁸, главным образом, его сравнительной грамматики (1833–1835 гг.). Вместе с тем Раск¹³⁹ и Гримм (J. Grimm)¹⁴⁰ установили известный «закон» перегласовки в германских наречиях и, следовательно, обнаружили такую законосообразность в истории языка, об открытии которой еще не мечтали в истории других отраслей культуры¹⁴¹.

Почти одновременно с трудами по лингвистической палеонтологии возникла и историческая школа правоведения, также способствовавшая утверждению понятия о законосообразном развитии общественной жизни. С точки зрения представителей исторической школы обычное право, ранее находившееся в пренебрежении, получило существенное значение; оно связывалось с понятием о массовой привычке, т. е. вело к понятию о повторяемости одних и тех же правоотношений; выводя к тому же право из народного духа, историки-юристы того времени стремились усмотреть закономерность в его развитии. Действительно, уже Гуго¹⁴² и его преемники любили сравнивать язык с правом, а Савиньи¹⁴³ и его последователи стремились выяснить закономерное развитие права*.

Самый термин «Kulturgeschichte», уже известный Клемму¹⁴⁴ в широком смысле слова, окончательно вошел в употребление в немецкой литературе благодаря Друманну¹⁴⁵ и Ваксмуту**; но термин «история культуры» понимался ими неодинаково.

* G. Hugo, Lehrbuch des Naturrechts als einer Philosophie des positiven Rechts, 1809 и др. F. K. v. Savigny, Von Beruf unserer Zeit für Gesetzgebung und Rechtswissenschaft, Heidelberg, 1814; System des heutigen Römischen Rechts, B. I, 1840 и др.

** W. Drumann, Grundriss der Culturgeschichte. 1847. W. Wachsmuth, Allgemeine Culturgeschichte, 3 B-de, 1850–1852.

Клемм, различая философию истории от истории культуры, стремился, например, при построении ее соединить этнографическую точку зрения с историко-культурной*. Этнографическая точка зрения Клемма ярко видна уже в самом плане всего сочинения; в нем он придерживается такой системы изложения, которую, с чисто исторической точки зрения нельзя признать удачной: много места уделяя изображению (преимущественно внешнего) быта первобытных народов, он затем дает представление о «культурных государствах» Америки, Египта, Китая, Японии и остальных культурных народов Востока и только в последних двух томах своего сочинения знакомит читателя с «языческой Европой» и с «христианским западом и востоком Европы». Аналогичная этнографическо-историческая точка зрения в наше время была положена Гельмольтом¹⁴⁶ в основу редактируемой им «всемирной истории» человечества**.

Влияние этнографической и историко-юридической школы сказалось и на трудах Ваксмута. В своих сочинениях по истории культуры Ваксмут обзревает ее по народностям и племенам и настаивает на тесной связи между историей народа и историей государства; он полагает, что без народности, национального духа государство лишено содержания — пустая форма; он обращает особое внимание на государственное устройство, право и законодательство, а также на отношение народа к государству, т. е. на развитие права, и в нем видит влияние духа народного***.

С только что указанной точки зрения можно было прийти к заключению, что история народа — главнейшая часть всякой истории; заключение подобного рода, действительно, было высказано Кольбом¹⁴⁷ в его известной истории человечества и особенно развито Рилем¹⁴⁸. Хорошо знакомый с современным ему народным бытом, Риль задался целью построить «естественную историю народа» и изучить его во всей полноте и разнообразии его культуры; он в особенности стремился понять жизнь низших слоев общества, жизнь крестьянскую и мещанскую, образующую как бы «подпочву нашей

* G. Klemm, Allgemeine Geschichte der Menschheit, 1–10 B-de, 1843–1852.

** H. F. Helmolt, Weltgeschichte. Lpz.; первый том этого сочинения вышел в 1899, а девятый — в 1907 году.

*** W. Wachsmuth, Europäische Sittengeschichte vom Ursprunge volksthümlicher Gestaltungen bis auf unsere Zeit, 6 B-de, 1831–1839, и Allgemeine Culturgeschichte, 3 B-de, 1850–1852.

культуры». Таким образом, включая «историю народа» в историю культуры, Риль и его единомышленники еще более расширяли область исторических наблюдений и находили в ней материал, легче поддающийся обобщению, чем факты «внешней истории».

Вместе с тем объект истории культуры получил несколько более широкое значение: заменяя немецкий термин своим собственным, французская, а отчасти и английская литературы стали связывать понятие о «цивилизации» с понятиями об известной степени развития «просвещения» и социального строя. Уже С.-Симон¹⁴⁹ рассуждал о социальном развитии, а Гизо построил свою «историю цивилизации» даже преимущественно с социально-исторической точки зрения. Цивилизация, по мнению Гизо, есть развитие социальных отношений, социальной деятельности, в связи с развитием человека, его души, его внутренней жизни, его индивидуальной деятельности; но сам Гизо изучал преимущественно лишь прогрессивное развитие общества. Впрочем, Ру-Ферран¹⁵⁰, один из ближайших преемников Гизо, включил в свой обзор и другие проявления культурной жизни народов**. Историки, занимавшиеся изучением развития цивилизации, также находили в ней материал для обобщений. Тьерри¹⁵¹ уже называл такие исторические труды чистою абстракцией фактов, что отчасти и оправдалось на примере некоторых представителей разбираемого направления.

В связи с развитием общей истории культуры находилось и развитие отдельных ее отраслей, наступившее главным образом с середины прошлого века. На подробном рассмотрении каждой из них я, однако, не могу останавливаться здесь и приведу лишь несколько примеров для того, чтобы показать, что и в разработке таких отраслей обобщение стало играть существенную роль.

С того времени, например, когда Буше де Перт¹⁵² стал производить свои раскопки (1836–1841 гг.) в долине р. Соммы***, а Ляйэлль¹⁵³

* G. F. Kolb, Geschichte der Menschheit und der Kultur als Supplement zu allen Werken über Weltgeschichte, 1843; новое значительно дополненное и отчасти измененное издание вышло в 1864–1870 гг. W. Riehl, Naturgeschichte des deutschen Volks, 4 B-de, с 1853 года.

** F. Guizot, Histoire de la civilisation en Europe, 1828–1830. H. Roux-Ferrand, Histoire des progrès de la civilisation en Europe depuis l'ère chrétienne jusqu'au XIX sc., 1-e изд., 1833–1841, 2-e — 1847.

*** J. Boucher de Perthes, Antiquités celtiques et antédiluviennes, 3 vv. Abbeville, 1847–1865. De l'homme antédiluvien et de ses oeuvres, Par., 1860.

вслед за тем представил геологические доказательства в пользу древности человека (1863 г.), между геологией и историей стали включать доисторическую археологию. Новой науке вскоре удалось обнаружить значительное однообразие форм подделок¹⁵⁴ из камня, отчасти из бронзы и железа, в разных местностях и у разных племен, а также некоторое однообразие в смене одного рода материала, подвергавшегося обработке, другим; впрочем, преждевременное обобщение делений, добытых французскими археологами, повело к распространению их на другие страны, что лишь в позднейшее время стало вызывать справедливую критику.

То же однообразие можно было наблюдать и в области истории духовной, и в области истории экономической культуры. Уже братья Гриммы полагали, что при одинаковых условиях и результаты творчества должны быть одинаковы, и ссылались на однообразие человеческой психики для того, чтобы объяснить сходство некоторых сказаний, возникших независимо друг от друга у разных народов*. Тэйлор, а в новейшее время Лэнг¹⁵⁵, Фрэзер¹⁵⁶ и многие другие продолжают развивать ту же точку зрения**. Изучение экономической истории также приводило к аналогичным выводам, но в другой сфере явлений, о чем уже отчасти свидетельствует известное сочинение Бека (Voeskh)¹⁵⁷ о народном и государственном хозяйстве афинян, основанное на внимательном изучении частных (1817 г.). Позднейшие работы в той же области возникали, частью пользуясь выводами исторической школы политической экономии (Рошер¹⁵⁸, Книс¹⁵⁹, Роджерс¹⁶⁰ и др.), частью под влиянием экономического материализма (Маркс¹⁶¹, Энгельс¹⁶² и др.). В противоположность идеологам немецкой исторической школы экономисты пытались строго провести обобщающую точку зрения; опираясь на принцип причинно-следственности, Маркс (его коммунистический манифест вышел в 1848 году), а за ним и Энгельс попытались формулировать законы связи между экономическим процессом и другими социальными явлениями в их историческом развитии. В таком методологическом смысле рассуждения Маркса о том, что способы производства обуславливают социальную жизнь, а

* Gebr. Grimm, Kinder und Hausmärchen (1819), 3 Aufl., Göttingen, 1856. Bd. III, SS. 405–406.

** E. Tylor, Primitive Culture. 2 ed. (есть русск. пер.). A. Lang, Mythes, Cultes et Religions, trad. Marillier, Par., 1896 и др. G. J. Frazer, The Golden bough, a study in magic and religion, 2 ed, 3 vol., Lond., 1900 и др.

также материальную, духовную и политическую, или установленное Марксом соответствие между производительными силами, экономической структурой и «надстройкой ее» — политико-правовой ее организацией, оказали существенное влияние и на номотетическое понимание исторического процесса. «Экономический материализм» послужил основанием для целого ряда номотетических построений в области истории: Каутский¹⁶³ и Лориа¹⁶⁴ (не говоря о многих других) развивали основоположения Маркса в своих работах по теории исторического процесса и в исторических монографиях. С точки зрения принятой им теории, Лориа, например, старался формулировать «законы социальной эволюции», «закон» роста населения, «параллельные законы» развития собственности и труда и т. п. Лампрехт первоначально также исходил из аналогичного понимания истории, но в позднейшее время изменил свою точку зрения*.

Кроме вышеуказанных областей истории культуры, многие другие обращали на себя внимание исследователей, стремившихся к обобщению исторического материала. Не перечисляя их здесь, я отмечу еще лишь историю учреждений, разработанную Мэном¹⁶⁵ и Стеббсом¹⁶⁶, Вайцем и Гнейстом¹⁶⁷, а также, не говоря о многих других, Фюстель-де-Куланжем¹⁶⁸. Мнение последнего довольно характерно: история, по его словам, не есть накопление известий о всякого рода событиях, происходивших в прошлой жизни человечества; она есть наука о человеческих обществах, задача ее состоит в том, чтобы познать, как эти общества образовались. История разыскивает, какие силы управляли ими, т. е. какие именно силы сплели каждое из них и придали ему единство; она изучает жизненные органы общества, т. е. его право, его хозяйство, его умственные и материальные привычки, все его мировоззрение. Каждое из таких обществ было живым существом; историк должен описывать его жизнь. С некоторого времени придумали слово «социология»; слово «история» имело тот же смысл и говорило то же, по крайней мере для тех, которые его понимали правильно. История есть наука о социальных фактах, она и есть сама «социология»**.

*L. Woltmann, Der historische Materialismus, 1900. *Tb. Massaryk*, Die philosophischen und sociologischen Grundlagen des Marxismus, 1899: дальнейшие указания на литературу см. в последнем труде, имеющемся и в русском переводе. Н. Кареев, Старые и новые этюды об экономическом материализме, СПб., 1896 г., ср. E. Hammacher, Das System des Marxismus, Lpz., 1909.

**Fustel de Coulanges, Histoire des institutions politiques de l'ancienne France. L'alleu et le domaine rural. Par., 1889, p. IV.

Таким образом, историки, изучавшие историю культуры вообще или развитие важнейших ее отраслей, находили здесь материал, поддававшийся некоторым обобщениям.

В самом деле, прежде всего можно заметить, что ученые, занимавшиеся сравнительным изучением не крупных событий, а мелких проявлений культурной жизни, например «домашнего быта», приближались к своего рода историческому атомизму: вместе с тем они имели дело с фактами, повторяющимися в известных пределах пространства и времени; будучи обыденными, последние оказываются и массовыми, что дает возможность прилагать к ним обобщающую точку зрения. В одном из своих трудов (Sittengeschichte) Ваксмут, например, при обозрении средневековой культуры, изучает ее проявления, общие многим европейским народностям (рыцарство), и интересуется не только тем, что придавало ей единство или в чем оно выражалось, но и теми состояниями, которые повторялись в данных пределах времени и пространства (gemeinsame Zustände).

Историки культуры также стараются группировать факты с точки зрения сходства (а не различия) между ними и, например, в пределах данного периода, изучают явления лишь общие людям того времени. Такая точка зрения уже обнаружилась в довольно ранних попытках историков культуры систематизировать изучаемый ими материал. Друмманн, например, систематически расчленяет проявления культуры на группы; то же в начале 50-х годов можно заметить и у Ваксмута (Allgemeine Culturgeschichte); последний принимает следующую группировку: а) религия, культ, церковь, нравственность; б) государственное устройство, право, военное дело, политика; в) материальная культура; г) искусство, наука и преподавание. Такая же тенденция наблюдается и у позднейших историков; но она, разумеется, тоньше проводится: Буркгардт¹⁶⁹, например, изучает не столько генезис, сколько результаты Возрождения, проектированные на одну плоскость; он определяет господствующие в нем культурные течения и, расчленив их, получает известное число категорий, под которые он соответственно и подводит даже деятельность самых видных представителей Возрождения; впрочем, в данном случае прием подобного рода, по мнению одного из позднейших представителей того же направления, оправдывается тем, что ни один из деятелей того времени не был настолько велик, чтобы повлиять

своей личностью на всю совокупность развития культуры*. Вышеуказанное стремление к обобщению вскоре обнаружилось и в попытках конструировать однородные серии исторических явлений. Иодль¹⁷⁰, например, рассуждая о методе, которого история культуры должна придерживаться, замечает, что, при пользовании им, дело сводится к тому, чтобы систематически выбрать из многочисленных «временно и пространственно разъединенных рядов развития» «однородное» и в целях «непосредственного сравнения» устранить всякое отношение и связь его с другими чужеродными, хотя бы и соприкасающимися с ним элементами. Современные представители истории культуры стремятся располагать ее проявления по однородным сериям развития. Мюллер-Лиер¹⁷¹ различает, например, историю развития «материальных средств» и работы; историю развития брака, семьи и т. п.; историю развития социальной жизни; историю духовного развития человечества: языка, знания и верований, нравственности, права и искусства**.

В числе требований, предъявляемых истории культуры, ученые нового времени ставят и обнаружение типического. Буркгардт изучал, например, тип итальянца времени Возрождения; Фрейтаг¹⁷² изображал немецкие типы прошлого времени и умел оттенять типическое, заключающееся в единичном случае. Риль также в сущности довольствовался построением типа немецкой культуры данного времени. Вообще, изучение каждой области, отдела культуры, по словам Иодля, например, должно завершаться установлением обнаружившихся в ней типов. Аналогичные взгляды можно встретить и у новейших ученых. Шнюрер еще недавно заметил, что история культуры есть наука об изменениях в типической деятельности. Готейн¹⁷³ в сущности придерживается той же точки зрения, когда говорит, что история культуры большею частью имеет дело с массовыми явлениями и что, если среди таких однородных явлений исследователю удастся разыскать один типичный случай, то

* J. Burckhardt, Die Kultur der Renaissance in Italien. 8-te Aufl., 1901. Автор устанавливает следующие группы: государство как произведение искусства (тирания и республика и их разновидности); развитие индивидуума; возрождение интереса к древности; открытие мира и человека; общественность и праздники; нравы и религия.

** Fr. Müller-Lyer, Entwicklungsstufen der Menschheit; первая часть под заглавием Phasen der Kultur, München, 1908, SS. 39–44.

он один имеет значение для всех. Наконец, и Лампрехт высказывается в таком же духе*.

Стремление изучать «типическое» находилось в связи и с отысканием законов истории; уже Риль, например, полагал, что история культуры должна будет «обосновать законы, по которым она зарождается, цветет, зреет и умирает». Почти одновременно, хотя и независимо от него, Бокль сделал попытку подобного рода в своем введении в историю цивилизации Англии**. Всякая наука, рассуждает он, стремится к обобщению конкретных фактов и к установлению законов образования вещей и бытия; история путем приложения сравнительного изучения и статистического метода также должна стремиться к обобщению. Действия людей обуславливаются лишь тем, что им предшествует; значит, при тождественных условиях они должны носить отпечаток однообразия и давать тождественные результаты. В частности, действия людей обусловлены, с одной стороны, внешними условиями, т. е. «природой», действующей на дух, с другой же стороны, воздействием его на природу; тем или иным соотношением этих факторов (реальным значением их в данном месте и в данное время) определяется и степень культурного развития. При изучении всемирной истории легко заметить, однако, «вне Европы — подчинение человека природе» и, напротив, преобладающее «подчинение природы человеку» «в Европе»; можно даже сказать, что в ее истории такое воздействие постоянно усиливается; но «быстрое движение вперед» замечается относительно «истин умственных», а не «нравственных», остающихся в «неподвижном состоянии»; значит, научное построение истории сводится к открытию законов человеческого духа, в сущности, человеческого интеллекта, ибо прогресс человечества зависит от успеха, с которым законы явлений (природы) исследуются, и от той степени, в какой знание их свободно распространяется в обществе. Таким образом, история культуры в лице Бокля уже признала необходимость установить «законы человеческого духа», что, казалось, можно было осуществить лишь после превращения интуитивно-психологической точки зрения в научно-психологическую.

* E. Gotheim, Die Aufgaben der Kulturgeschichte, Lpz., 1889, S. 16.

** Th. H. Buckle, Introduction to the History of civilisation in England, vol. I, 1857; vol. II. 1861; рус. пер. А. Буйницкого и Ф. Ненарокова. 2-е изд., сс. 21, 22, 171, 202–204, 253, 254.

После Бокля хотя и были попытки построить «законы» в области истории культуры в материалистическом смысле, но они оказались несостоятельными и только лишней раз показали, что без психологии история культуры не может привести к обобщениям. Под сильным влиянием материализма и трансформизма Гельвальд¹⁷⁴, например, составил свою «историю культуры»: он держится того мнения, что одна и та же законосообразность обнаруживается и в природе, и в истории; «всякий культурный процесс есть только процесс природы»: борьба за существование лежит в основе истории, и даже идеалы человечества служат для нее лишь средствами или орудиями. Во всяком естественном процессе, а значит, и в историческом можно усмотреть необходимую последовательность отдельных фазисов, не зависящую от воли человека; такая естественная механическая необходимость не только объясняется, но, поскольку она — необходимость, признается и должной; следовательно, сущее и должное, по мнению Гельвальда, одно и то же; объяснение сущего равносильно его оправданию. Подобно органической теории в социологии, такое направление нельзя было, однако, последовательно провести в истории. Действительно, вопреки своему «материализму», Гельвальд постоянно и при объяснении, и при изображении культурного развития человечества пользуется «духовными» факторами; вопреки отрицанию всякой телеологии, он вносит ее в собственное свое построение. Таким образом, история культуры Гельвальда обнаруживает всю слабость теории, отрицающей психологические предпосылки истории, поскольку она признается наукой обобщающей.

Последующие теоретики истории культуры уже вполне определенно выставляли необходимость связать ее, в качестве науки обобщающей, с психологией. В числе задач, к разрешению которых история культуры должна стремиться, Йодль, например, указывает и на открытие и объяснение всеобщих законов, обуславливающих общий ход ее; но работы в таком направлении стали давать плодотворные результаты лишь по мере того, как психологические законы, определяющие жизнь человечества, становились яснее; и если можно было бы рассчитывать на открытие законов исторического развития в общих его чертах, то все же чисто историческая обработка данного

* *Fr. v. Hellwald*, Die Kulturgeschichte in ihrer natürlichen Entwicklung, 1875; 3-te Aufl., 1883.

материала не была бы в состоянии (сама по себе) разрешить такую проблему: она нуждается в более глубоком психологическом основании; значит, лишь благодаря ему и история культуры могла бы надеяться на установление каких-либо законов исторического процесса*.

§ 2. Развитие понятия о законосообразности исторических явлений в психологическом смысле

С того времени, когда психология начала складываться в особую науку, ученые — приверженцы номотетического построения исторического знания все чаще стали прибегать к ней для того, чтобы обосновать свои научные обобщения и в области истории; лишь таким путем, казалось, можно было придать им характер законов; следовательно, дальнейшее развитие изучаемого нами направления должно было попасть в зависимость от развития психологических знаний; с их помощью историки пытались превратить историю в обобщающую науку.

Уже среди писателей классической древности можно было бы указать и на таких, которые с метафизической или с эмпирической точки зрения рассуждали о явлениях душевной жизни или же пытались совместить оба направления (Платон¹⁷⁵, Аристотель¹⁷⁶, Плотин¹⁷⁷ и др.); обозрение длинного пути, по которому прошла психология, прежде чем она стала заметно влиять на историю, однако, завлекло бы нас слишком далеко: ведь такое влияние начало явно обнаруживаться лишь в течение XIX столетия. С 1820-х годов Герbart¹⁷⁸ и Милль (James Mill)¹⁷⁹ много содействовали ее развитию. Герbart, правда, ставил психологию в зависимость от метафизики; но он полагал, что метафизика есть наука о «понятности опыта»; он также учил о равновесии и движении представлений, что давало ему возможность бороться против старой теории «о способностях души», и стремился выяснить закономерность явлений душевной жизни. Вскоре после появления «психологии» Гербарта психологическая литература обогатилась известным трудом Милля: вслед за Гэртли¹⁸⁰ и Юмом он содействовал развитию учения об ассоциации идей и устанавливал законы ассоциации между чувствами и идеями.

Новый период в развитии общей психологии можно начинать со времени выхода в свет капитальных трудов Фехнера¹⁸¹ и Лотце¹⁸²

* *F. Jodl*, Die Culturgeschichtschreibung etc., SS. 108, 110, 121.

(1851 и 1852 г.). С того времени ученые стали проводить различие между метафизикой и (эмпирической) психологией; они приступили к выработке более точных методов психологического изучения, проверяли самонаблюдение экспериментом и прибегали к самоанализу; настаивая на непрерывности «потока мышления», они вырабатывали учение о единстве сознания, о чувствованиях, о воле, о мотивации и проч. (ср. ниже); вместе с тем они начали обращать внимание на сложные явления душевной жизни, возникающие или развивающиеся в сознании индивидуума в зависимости от социального общения и характеризующиеся таким общением, а также указывали на значение психологии для социальных наук (Бенеке¹⁸³ и др., Вундт).

К середине 1850-х годов можно отнести и образование особой отрасли психологии, которую я назову «эволюционной». В своих известных «Основаниях психологии», появившихся в 1855 г., Спенсер систематически применил учение об эволюции к исследованию явлений душевной жизни; впрочем, и он еще обращал слишком мало внимания на развитие эмоций и волевых процессов. Специальная обработка эволюционной психологии продолжалась в разных областях: Вундт изучал, например, психологию животных; Прейер¹⁸⁴ — психологию ребенка; Тэйлор — психологию дикаря и т. п.

С иной точки зрения Дильтей¹⁸⁵ уже в наше время попытался наметить задачи особого рода психологии, занимающейся описанием и анализом душевной жизни «развитого человека» (ср. еще ниже).

В начале того же нового периода в истории психологии следует отметить появление новой дисциплины, которую можно назвать социальной психологией; впрочем, она возникла в виде особых разновидностей, получивших свои особые названия: этологии, народной психологии и коллективной психологии; они имели большое значение для попыток обосновать теорию исторического знания с номотетической точки зрения.

Основателем «этологии» можно признать автора и до сих пор известной логики — Милля (J. St. Mill).

Милль во многих отношениях близок к Конту и его позитивизму; признавая, что все явления без исключения управляются неизменными законами, он желает перенести методы естественных наук в том виде, в каком они употребляются в естествознании, в науки социальные, в том числе и в историю; тем не менее сам Милль много способствовал введению психологии в оборот социальных наук и истории.

«Конт — по его словам, — не сделал ровно ничего для установления позитивного метода в науке о духе»: «не поместивши психологии на настоящее место ее в позитивной философии», он впал в «важное заблуждение», которое «послужило источником серьезных ошибок в его попытке создать социальную науку». Конт не объясняет, например, «каким образом должны мы наблюдать умственное [т. е. психическое] действие других или истолковывать их проявления, не узнав через познание себя [т. е. путем самонаблюдения, отрицаемого Контом] значение этих проявлений»*.

Милль верил в возможность открытия законов душевной жизни и формулировал некоторые из них; хотя он мало сделал для дальнейшего построения общей психологии, но зато размышлял об особой отрасли психологии — средней между индивидуальной психологией и социальными науками с историей; он назвал такую отрасль психологии этологией.

Психология «указывает простые законы души вообще»; этология же «обнаруживает их действие в сложных сочетаниях обстоятельств»: она устанавливает собственно средние начала, *axiomata media* (как сказал бы Бекон) науки о душе, отличные и от самых высших обобщений, и от эмпирических законов, проистекающих из простого наблюдения. Такое формальное различие между психологией и этологией соответствует и различию в их более конкретных целях и содержании. «Если, как это обычно и удобно, мы обозначаем словом психология науку об элементарных законах души, то этология будет служить для обозначения дальнейшей науки, которая определяет род характера, образуемого соответственно этим общим законам какой-нибудь совокупностью обстоятельств физических и нравственных». Следовательно, этология, в обширнейшем смысле слова, изучает «образование национального или коллективного характера, точно так же как и индивидуального», и формулирует его законы. В самом деле, хотя не все люди чувствуют и действуют одинаково и в одинаковых обстоятельствах, но можно определить, почему одно лицо в данном положении чувствует и действует одним способом, а другое другим; каким путем данный образ чувств и действий, согласный с общими (физическими и душевными) законами человеческой природы, сложился или может сложиться; говоря иными словами, человечество не

* Д. С. Милль, О. Конт и позитивизм, русск. пер. 1897 г. стр. 68, 71.

имеет общего характера, тем не менее законы образования характера существуют. А так как этими законами, в сочетании с фактами каждого частного случая, порождается вся совокупность явлений человеческого действия и чувства, то от них и должна исходить всякая рациональная попытка построить конкретно и для практических целей науку о человеческой природе.

Цель новой отрасли психологии предопределяет, конечно, и ее метод: «общие законы различных составных элементов человеческой природы, — по словам Милля, — уже теперь достаточно выяснены, чтобы для компетентных мыслителей стало возможным (со значительной степенью приближенности) вывести из этих законов особый тип характера, который образовался бы в человечестве вообще при данном роде обстоятельств. Итак, наука “этология”, основанная на законах психологии, возможна, хотя для нее сделано еще мало, да и это немногое осуществлено вовсе не систематически. Успехи этой важной, но в высшей степени несовершенной науки, будут зависеть от двоякого процесса: во-первых, от теоретического вывода этологических следствий из данной совокупности обстоятельств и сравнения этих следствий с признанными результатами эмпирически обобщенного опыта; во-вторых, от обратного процесса, а именно, от усиленного изучения различных типов человеческой природы, находимых в мире изучения их лицами, не только способными анализировать и замечать обстоятельства, в которых эти типы отдельно господствуют, но также достаточно знакомых с психологическими законами, чтобы объяснить характерные черты данного типа особенными обстоятельствами: и только остаток, если он окажется, будет отнесен на счет прирожденных предрасположений»*.

Таким образом, в вышеприведенных отрывках Милль предлагал изучать человеческий характер не с физиологической, а с психологической точки зрения; вместе с тем он полагал, что выводы психологии благодаря этологии, могут пригодиться и для социолога, и для историка. Сам Милль лелеял мысль создать этологию; но ему не удалось осуществить свое намерение; оно было отчасти исполнено Бэнном¹⁸⁶, в его известном сочинении об изучении характера**.

* J. S. Mill, *Logic*, B. VI, ch. 5; шестая книга написана в 1840 году; но «Логика» вышла только в 1843 году; рус. пер. Ф. Резенера (под ред. П. Лаврова) — без добавлений, внесенных в последнее английское издание.

** A. Bain, *Study of character*, 1861.

Позднейшие ученые принялись за такую же работу: Полан¹⁸⁷, например, в своем труде об «умственной деятельности» и проч. уже пытался построить теорию «душевной жизни» и установить абстрактные законы «общей психологии», а затем приступил к изучению конкретной психологии в особом исследовании «о характерах», здесь Полан показал, «каким образом общие законы (психологии) обнаруживаются в действительности и каким образом они порождают (соответственно) различные категории психических типов»; итак, исходя из абстрактной психологии, Полан изучал, анализировал и систематизировал различные обнаружения ее элементов в данных типах*.

Выше мне уже приходилось указывать на то, что, по мнению Милля, этология — наука об образовании характера не только отдельных людей, но и целых народов; новейшие психологи занимались исследованиями подобного рода; таковы, например, не говоря об общих трудах Фулье¹⁸⁸, Лебона¹⁸⁹ и других, работы Бутми¹⁹⁰ о психологии англичан и американцев, Фулье о психологии французов и т. п.

Таким образом, мысль Милля о разработке особой отрасли знания — этологии была в известной мере осуществлена в последующей литературе, преимущественно французской; но почти одновременно с «этологией» в Германии возникла отрасль психологических исследований, получившая название «психологии народов». В своих рассуждениях об этологии Милль, главным образом, настаивал на изучении той законосообразной связи, которая существует между известными условиями и соответствующим характером; Лазарус и его приверженцы, напротив, занимаясь «психологией народов», имели в виду скорее выяснить отношение между психикой народа и соответствующими продуктами его культуры, в особенности, его языком, мифами и нравами.

После подъема национального духа, обнаружившегося в Германии со времени освободительных войн 1813–1815 гг., и оживления интереса к изучению народной жизни естественно было ожидать появления дисциплины, которая стала бы изучать «народный дух», нацию в наиболее интимных проявлениях ее психики; но такое настроение не могло, однако, дать руководящих начал для построения «психологии народов»: основатель ее, известный профессор Лазарус, попытался разыскать их в учении Гербарта.

* E. Paulban, *Les caractères*. P., 1894; указания на другие сочинения см. ниже.

Герbart смотрел на представления, как на своего рода центры сил. В его построении каждое представление не оказывалось в неразрывной связи с субъектом представляющим: оно являлось лишь атомом психической жизни; следовательно, и изучение психической жизни обращалось в изучение как бы механики представлений, независимо от их отношения к сознанию субъекта. Таким образом, не приурочивая к данному «я» его представлений и отрывая их от отдельных субъектов, Герbart придерживался своего рода атомизма в психологии; пользуясь такою конструкцией, можно было изучать движение представлений и в целом обществе. В самом деле, с указанной точки зрения Герbart устанавливал своего рода аналогию между взаимодействиями представлений в пределах данного индивидуального сознания и теми взаимодействиями, которые обнаруживаются между представителями разных индивидуальных сознаний в пределах данной социальной группы, а психология подобного рода могла служить основанием и для построения психологии народов. Впрочем, следует заметить, что Герbart признавал и влияние нации на составляющие ее индивидуальные сознания. «Нация, — по его словам, — имеет не только господствующий темперамент, но и свою историю; эту историю единичный человек застает до известного пункта уже протекающею; степень культуры, национального чувства и знания данного времени сильно направляют, возвышают или принижают индивидуума во всех пунктах его жизненного пути». С такой точки зрения можно было рассуждать о коллективном сознании и о влиянии данной общественной группы, ее настроений и т. п. на индивидуальное сознание каждого из ее членов — построение, также впоследствии развитое Лазарусом*.

Первоначально, однако, Лазарус был гегельянцем и лишь затем склонился к философии Гербарта; он убедился в том, что «философствование Гербарта гораздо удовлетворительнее и плодотворнее

* *J. Herbart*, Bruchstücke zur Statik und Mechanik des Staates в Werke (Kehrbach), Bd. VI, S. 24 ff. и др. Под влиянием учения Гумбольдта и Гербарта Лазарус развил и учение об «идеях» в применении их к истории: в метафизическом смысле идеи суть преимущественно нравственные силы, осуществляющиеся в истории и порождающие или формирующие ее; гении — олицетворенные, господствующие идеи и т. п.; впрочем, Лазарус понимал идеи и в смысле психологическом, т. е. в смысле представлений с общим значением, вызывающих в нас известные влечения; здесь достаточно коснуться учения Лазаруса об идеях лишь с точки зрения его значения для развития социальной психологии.

философствования Гегеля: следуя Гербарту, всегда стоишь на твердой почве опыта и даже тогда, когда возвышаешься над ним, не забываешь оглядываться на его результаты и держать их перед глазами».

Значение Лазаруса, как основателя особой отрасли психологического знания, оспаривается теми, которые считают творцом психологии народов Штейнталем¹⁹¹; сам Штейнталь, однако, писал, что «честь быть основателем психологии народов» принадлежит Лазарусу; в статье о нравственном оправдании значения Пруссии в Германии (*Die sittliche Berechtigung Preussens in Deutschland*. 1850) он «еще нетвердою рукою, точно ощупью, но все же вполне определенно наметил характер психологии народов», а затем установил понятие о ней в целом ряде других статей. Последние появлялись, главным образом, в основанном им (вместе с Штейнталем) журнале; вся научная деятельность по обоснованию новой школы сосредоточилась или в этом журнале, или вокруг него*.

В самых кратких чертах не мешает выяснить, что разумели основатели психологии народов под этим термином и как считали возможным прилагать ее к истории.

Социальная жизнь, по мнению Лазаруса, объясняется психологией и описывается историей. Это положение, если бы оно было развито им, могло бы дать и особого рода понимание применения психологии к истории; но Лазарус мало остановился на развитии своей мысли и слишком скоро перешел к установлению тесной связи между психологией и историей, поскольку последняя не только описывает прошлую жизнь человечества, но и устанавливает (в причинно-следственном смысле) законы, по которым исторические факты происходят.

К такой точке зрения Лазарус перешел, рассуждая о том значении, какое элементарные силы, т. е. чувствования и идеи, имеют в историческом процессе**. Чувствования и идеи порождают исторические факты, учреждения, внешние столкновения, войны: историк должен восходить к чувствованиям и идеям для того, чтобы объяснить, почему такое-то изобретение или такая-то война должны были иметь

* *M. Lazarus*, Lebenserinnerungen, bearbeitet von N. Lazarus und A. Leicht. Berl., 1906. «Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft», 1860–1870.

** Лазарус придавал весьма широкое значение термину «идея»; в понятие о ней он включал даже бессознательные процессы или, по крайней мере, мало опознанные процессы психической жизни.

успех, для того, чтобы понять, не только почему они были, но и почему они именно должны были иметь такие, а не иные последствия: следовательно, лишь законы, которые управляют чувствованиями и идеями, могут лежать в основании исторических обобщений: историк будет пользоваться ими для построения исторических законов.

Общая индивидуальная психология, однако, не в состоянии удовлетворить историка: индивидуум с точки зрения исторической представлялся Лазарусу скорее абстракцией, чем реальностью; ведь индивидуум всегда вставлен в данную общественную среду; в действительности индивидуум всегда находится под влиянием ее прошлого и настоящего; в таком смысле он оказывается продуктом общества и его истории. Значит, не столько индивидуум, сколько общество является реальностью, и не индивидуум объясняет общество, а скорее нужно исходить из общества для того, чтобы объяснять индивидуум; но такого именно объяснения нельзя найти в индивидуальной психологии: она изучает абстрактно отдельные психические процессы, могущие происходить в индивидуальном сознании, независимо от влияний существующих и взаимодействующих индивидуальных сознаний друг на друга; очевидно, нужно создать особую дисциплину, которая изучала бы групповые психические явления, тот продукт общества, который можно назвать его духом. Между индивидуальной психологией и историей надо, значит, построить социальную психологию, при помощи которой можно было бы объяснять историю народов или биографию человечества. С такой точки зрения, разумеется, можно изучать всякого рода общественные группы; но наиболее важной, устойчивой, кристаллизировавшейся общественной группой следует, конечно, признать нацию, народ; значит, и та отрасль психологии, которая изучает психологию общественной группы, должна будет обращать преимущественное внимание на народ; отсюда и название новой отрасли психологии — «психология народов» (*Völkerpsychologie*).

Психология народов, по мнению Лазаруса, изучает то, что общее индивидуальным сознаниям, входящим в состав данной общественной группы, данного народа и т. п.* Такая совокупность не простая

* С точки зрения учения об «идеях» Лазарус и Штейнталь рассуждали и о «народном духе» как носителе идей; они изучают в нем образы, характерные для данного народа; ср. выше с. 97 <Т. 1. С. 164>, прим.

сумма отдельных единиц: она оказывается «замкнутым» целым, обладающим особым родом свойствами; они не даны в каждом отдельном индивидууме, а проявляются в нем лишь в той мере, в какой он становится частью этого целого: каждое из таких сознаний относит свои состояния не к одному себе, а к тому целому, частью которого индивидуум является. Реальное единство социального целого можно понимать и в актуальном смысле: оно обнаруживается в простом сочетании индивидуальных действий, оказывающем воздействие на каждое из них, или в согласованности действий, выполняемых данной совокупностью индивидуумов, данной общественной группой ввиду более или менее общей им цели и т. п. С такой точки зрения можно говорить об общественном духе, понимая под ним не тот «объективный дух», который является стадией в диалектическом развитии абсолютного духа, а конкретные, реальные проявления психики данной общественной группы; поскольку же можно говорить об единстве общественного духа, можно говорить и о психологии народов.

Впрочем, стремясь к обоснованию исторического процесса на законах, устанавливаемых психологией народов, Лазарус, однако, несколько не отрицал значения в этом процессе отдельных личностей; наряду с обществом, содержащим элементы для личного творчества, он признавал и самостоятельное значение последнего: «массы» никогда не отличаются творчеством; «в более узком смысле слова» оно принадлежит отдельным личностям; но и они способны действовать на известную общественную группу лишь постольку, поскольку последняя в свою очередь способна воспринимать их действия, поскольку оно уже содержит элементы того творчества, которое действует на нее. Взаимодействие подобного рода и составляет предмет изучения психологии народов; с такой точки зрения она объясняет историческое прошлое, в особенности психические процессы образования продуктов культуры: языка, мифа и нравов*.

Вот в самых общих чертах то построение психологии народов, которое сложилось примерно между 1850–70 гг. в немецкой литературе: оно завладело довольно обширным кругом читателей и продолжателей, начиная с Штейнтала, который уже в 1852-м году присоединился к Лазарусу, и кончая Вундтом. Последний систе-

* *M. Lazarus, Ueber das Verhältniss des Einzelnen zur Gesamtheit* в «*Zeit*», IV, 393–453 и др.

матизировал учение Лазаруса и в своей логике, где он поставил психологию в основу всей группы наук о духе, в том числе и истории, и в своем монументальном труде по народной психологии, еще не законченном*.

В то время, однако, наряду с психологией народов уже складывалась новая отрасль психологии, также стоящая в близкой связи с номотетическим построением истории: я имею в виду «коллективную или социальную психологию». Последний термин прямо указывает на то, что эта новая отрасль психологии развилась не столько из индивидуальной психологии, сколько из приложения психологии к исследованию социальных явлений и проблем.

Следует заметить, что коллективная психология зародилась в связи с изучением простейших и элементарных соотношений, которые привлекали внимание мыслителей давно, хотя выводы их имели частный характер и не были своевременно оценены; достаточно припомнить здесь имя одного философа, на которого с такой точки зрения обращают слишком мало внимания — Малебранша¹⁹²: в своем рассуждении о «заразительности» некоторых представлений он уже в 1675 г. дал целую теорию подражания и пытался выяснить его условия и социальное значение; многие из его замечаний и до сих пор не утратили своей цены, но были основательно забыты позднейшими исследователями, даже соотечественником философа — известным Тардом¹⁹³, «открывшим» законы подражания**. А между тем, можно сказать, что путем изучения процесса подражания в значительной мере складывалась и та дисциплина, которая получила название коллективной психологии. Тард много сделал для ее развития в целом ряде трудов, главные идеи которых уже высказывались им (в частных беседах) с 1874–75 гг. Впрочем, самый термин «коллективная психология» появился сравнительно поздно, насколько мне известно, в трудах итальянской уголовно-антропологической школы. Уже Ферри¹⁹⁴ рассуждал о «коллективной психологии», и он, и его ученики содействовали ее разработке. Известный итальянский писатель

* W. Wundt, *Völkerpsychologie*, Lpz., 1900–1909, BB. I–III. В пяти томах. (Die Sprache: Mythos und Religion).

** N. Malebranche, *De la recherche de la vérité*; «Lettres patentes du roi» на издание книги были даны уже в январе 1674-го года, но книга вышла в 1675 году; см. L. II, troisième partie: *De la communication contagieuse des imaginations fortes*, особенно главы 1 и 2. G. Tarde, *Le lois de l'imitation*, 1890.

Сигеле¹⁹⁵, например, стал отчасти высказывать те же положения итальянской школы, но в расширенном виде, и, таким образом, уже затронул в общих чертах несколько проблем коллективной психологии. Тард продолжал работать в том же направлении; оно не замедлило обнаружиться и в сочинениях других ученых, например, Болдвина (Baldwin)¹⁹⁶; между прочим, в России, уже вскоре после известных событий начала восьмидесятых годов, Михайловский¹⁹⁷ стал печатать свои статьи о «героях и толпе», указывая на пагубное влияние смертной казни на зрителей, он с широкой естественно-научной точки зрения изучал явления миметизма¹⁹⁸, внушения, подражания и т. п. и выяснял их социологическое значение*.

Вообще, для того чтобы понять, почему ученые почувствовали необходимость наряду с вышеуказанными отраслями психологии, еще в особой отрасли психологии — «коллективной», надо иметь в виду, что последняя и по своей точке зрения, и по объекту исследования отличается от остальных психологических дисциплин.

Коллективная психология стремится подвергнуть анализу наиболее элементарные, обычные мелкие психические взаимодействия: Тард, например, посвятил целую работу исследованию простого «разговора» (*conversation*). Следовательно, можно разуметь под «коллективной психологией» научную дисциплину, которая (по словам Тарда) изучает «взаимные отношения душ» (*des esprits*) или одушевленных существ, их односторонние или обоюдосторонние влияния друг на друга; но в область коллективной психологии Тард преимущественно включал и изучение того действия, которое социальная среда оказывает на «взаимные отношения душ», или того давления, под которым элементарные психические взаимодействия происходят во всяком обществе. С такой точки зрения «психология толпы» получает особого рода интерес. Сигеле, Тард, Лебон и другие изучают, например, толпу с ее психическими свойствами, чувствами, идеями, с ее мнениями и верованиями, поскольку она влияет на вхо-

* S. Sighele, *La foule criminelle*, 1-е изд. 1892 (2-е изд. 1901); ср.: G. Tarde, *Les foules et les sectes criminelles* в «*Rev. des deux Mondes*», 1893 и др. H. Михайловский, *Герои и толпа*, 1882 г. и др. статьи в Соч., т. 2. См. еще F. Eulenburg, *Ueber die Möglichkeit und die Aufgaben einer Socialpsychologie* в «*G. Schmoller's Jahrb.*», 1900 г. В отличие от того широкого значения, какое выше придано термину «социальная психология» (см. с. 92 <160>), я предпочитаю называть рассматриваемую здесь отрасль психологии «коллективной психологией».

дящие в ее состав индивидуумы и на их взаимоотношения; при этом они часто понимают термин «толпа» в очень широком смысле; под понятие толпы они подводят, например, не только случайную совокупность собравшихся людей, охваченных известного рода настроением, а понимают и «публику» вообще, даже «публику», рассеянную по разным местам, поскольку путем разного рода искусственных средств (телеграфов, газет и т. п.) она объединяется в одно целое; может быть, несколько насилуя смысл самого понятия, они готовы называть «толпой» даже парламентские собрания (Лебон).

В числе более специальных задач коллективной психологии естественно поставить и выяснение психических свойств разных социальных образований. С такой точки зрения можно изучать, например, секты, в особенности, конечно, секты религиозные, сословные группы, разные круги общества, «салоны» и т. п. В исследованиях подобного рода «конкретная» психология привлекается наряду с «коллективной», нет нужды распространяться здесь о том важном значении, какое такие исследования имеют для надлежащего понимания очень многих исторических фактов.

В предшествующем изложении я указал на образование психологических дисциплин, имеющих наиболее близкое отношение к социологическим и историческим построениям. До сих пор, однако, я скорее предполагал теоретически возможным такое влияние, чем наблюдал его на самом деле; но многие ученые действительно прилагали психологию к построению истории с номотетической точки зрения; не входя в последовательное изучение всех относящихся сюда случаев, я остановлюсь лишь на некоторых из них, чтобы показать, каким образом историки стали пользоваться психологией для обобщений в области истории.

Прежде всего следует заметить, что номотетическая точка зрения в связи с познавательно-психологической внесла в построение истории особый оттенок. Историческое знание получило характер более сложный, чем то можно было бы предполагать, придерживаясь исключительно натуралистического понимания исторического процесса: с точки зрения номотетико-психологической приходилось устанавливать такие добавочные принципы знания, которыми социолог-историк пользуется в отличие от натуралиста; Штейнталь, например, указывал на то, что психология есть «специальное учение

о принципах», нужных для истории, и что лишь благодаря психологии история может получить научный характер, а Вундт попытался сформулировать принципы подобного рода*.

Историки, однако, очень мало останавливались на их выяснении и тем не менее пользовались ими для построения особого рода исторических категорий; опираясь на них, они стремились уловить «естественную» законосообразность исторического процесса. Среди ученых, с такой точки зрения изучавших историю, для примера достаточно указать хотя бы на Тэна. Тэн сам заявил, что он ничего другого не делал, как только занимался чистой психологией или психологией прикладной. И действительно, Тэн воспользовался психологическими понятиями для установления своих исторических категорий, т. е. для выработки известного своего учения о расе, о среде и о моменте: без психологических понятий Тэн не мог бы построить их. В самом деле, раса, например, по понятию Тэна, не только совокупность физических свойств, но и совокупность психических признаков, тех проявлений темперамента и характера, которые постепенно складывались и образовывали известного рода устойчивый психический тип, характеризующий данную совокупность людей. Среда, по мнению Тэна, также не только совокупность физических условий, которые влияют на тот или иной характер общества, но вместе с тем и само общество (*milieu humain*) по отношению к отдельным его частям, и политические обстоятельства; с такой точки зрения в понятие о среде он включает понятия о публике, о знаменитых французских салонах XVIII в., вырабатывавших классический дух, и пр. Наконец, под моментом Тэн понимает не отдельный индивидуальный факт во всей его конкретности, а скорее влияние, которое, например, разного рода произведения предшествующей литературы оказывают на последующих писателей, воспринимающих их в качестве образцов; в таком смысле, например, влияние библии на разного рода стили последующего времени, хотя бы XVI века, можно признать «моментом», в основу своего понятия о моменте, значит, Тэн клал психологическое понятие о процессе подражания, наступающем при известных условиях места и времени.

Историки также пользовались общей психологией для изучения «социально-психических факторов» исторического процесса и зако-

* W. Wundt, Logik, B. II, 2, 3-te Aufl., SS. 26–49.

носообразной связи между каждым из них и соответствующими продуктами культуры. Такое приложение часто делалось в историях культуры и за последнее время получило широкую известность, главным образом, благодаря трудам Лампрехта и вызванной ими полемики. В одном из последних своих сочинений он заявляет, что желает построить исторический процесс путем изучения значения социально-психических факторов истории в их отношении к индивидуально-психическим; в частности, Лампрехт находится под влиянием Липпса¹⁹⁹ и утверждает, «что история ничто иное, как прикладная психология и что она изучает развитие психических продуктов, общих данному человеческому обществу». С такой же точки зрения Лампрехт старается обосновать и свою периодизацию немецкой истории; он характеризует тип психики каждого периода преобладанием определенного социально-психического фактора, порождающего и соответствующие характерные продукты культуры: древнейший период, например, отличается «символизмом», следующие два «типизмом» и «конвенционализмом» (преобладанием условностей душевной жизни), современный период — «индивидуализмом», наконец, будущий период «идеализмом»*.

Такого рода общие приложения психологии к истории, с целью выяснить ее законосообразность, уже приводили ученых к некоторому обоснованию номотетического построения исторического знания; аналогичный процесс можно наблюдать и в области более специальных исторических работ.

Эта точка зрения давно же получила свое приложение в языкознании. Штейнталь, например, полагал, что самонаблюдение и детская психология дадут материал, из которого путем абстракции можно будет установить основные «законы общей психической механики», а народная психология воспользуется ими для истолкования различных проявлений исторической жизни, в частности, и языка. Новейшие лингвисты замечают, что в таких случаях речь идет не столько о психологии, сколько о приложениях ее к различным отраслям науки о духе; значит, надо вырабатывать на почве психологии особое учение об исторических принципах (Prinzipienlehre): оно должно состоять в изложении общих условий, при наличии которых психические и физические факторы изучаемых явлений,

* *K. Lamprecht, Moderne Geschichtswissenschaft, Lpz., 1905.*

согласно своеобразным законам их действия, совместно достигают осуществления общей им цели*.

Такое же конкретное приложение психология получила и в области истории культуры. Выше мне уже приходилось обращать внимание на то, что психология стала применяться здесь интуитивно; в позднейшее время попытки подобного рода в той же области приобрели более сознательный характер: Тэйлор и Спенсер, например, широко воспользовались психологией для построения общего психического типа первобытного человека, в частности, для объяснения крупнейшего явления его жизни — анимизма²⁰⁰. Даже те историки культуры, которые продолжали находиться под влиянием дарвинизма, все же не могли миновать психологии. В своей истории человеческой культуры Липперт²⁰¹, например, признает основным фактором ее желание сохранить свое «я», заботы каждого «я» о своей жизни в широком смысле слова и об ее полноте; высшая форма такого стремления — ее социальная форма. Хотя силы природы и действуют в ходе культурного развития, но в совокупности с «человеческими представлениями»; притом действие последних часто чрезвычайно велико и во всяком случае характерно для развития собственно человеческой культуры. Последняя изучается, главным образом, в ее «социальных проявлениях»**. Естественное, что в построении истории культуры позднейших периодов психологическая точка зрения получила еще большее развитие и приложение. Прекрасный пример ее применения можно найти в известном сочинении Буркхардта о ренессансе в Италии***.

Наконец, следует заметить, что та же тенденция воспользоваться психологией для обобщения в области истории, помимо многих других случаев, обнаружилась даже в конкретных исторических исследованиях XIX ст. В числе французских историков, придерживавшихся такого направления, можно указать, например, на Фюстель де Куланжа и на Токквилля²⁰². Сам Фюстель де Куланж заявляет, что основным предметом изучения истории является душа человека; история должна стремиться познать, что такое эта душа, чему она веровала, что она думала, что она чувствовала. В частности, в знаме-

* *N. Paul, Prinzipien der Sprachgeschichte, 3 Aufl., SS. 5, 7 и др.*

** *J. Lippert, Kulturgeschichte der Menschheit, 2 B-de, 1886.*

*** См. выше: с. 87 <Т. I. С. 155–156>.

нитом своем сочинении о гражданской общине античного мира Фюстель де Куланж делает блестящую попытку анализа того значения, какое религиозное чувство имеет в жизни человеческих обществ. Токквиль, один из самых глубоких историков, изучавших «старый режим» в его отношении к французской революции, в конечном итоге своих рассуждений о процессе, приведшем французов к революционному кризису, дает ему психологическую формулировку. Казалось бы, что здесь придется считаться преимущественно с социально-политическими факторами и выяснить, какие из них вызвали французскую революцию; Токквиль, действительно, внимательно изучает их; но в последней части своего труда он замечает, что для понимания французской революции надо, прежде всего, понять характер и свойства французского народа, и приходит к заключению, что революция находилась в тесной зависимости от развития двух его чувствований — страстей (*passions*): «ненависти к неравенству» и «любви к равенству»; ненависть к неравенству и страсть к равенству, к свободе, оказываются двумя самыми могучими рычагами, вызвавшими французскую революцию; возникшие до известной степени независимо друг от друга, эти страсти встретились при известных обстоятельствах, в известное время, а такая встреча и «воспламенила сердце Франции»*.

Вышеприведенных примеров достаточно для того, чтобы показать, каким образом общая психология действительно применялась и применяется историками изучаемого направления в области истории для обобщения наблюдаемых ими фактов. Нельзя не заметить, однако, что и специальные отрасли психологии стали оказывать влияние на исторические построения. Токквиль, в сущности, уже применял этологию, или «науку о национальном характере», к построению французской истории. Бутми также попытался приложить принципы той же науки к изучению политической истории английского и американского народов. Впрочем, задолго до появления его трудов, главнейшие представители истории культуры в пятидесятых и шестидесятых годах прошлого века уже строили свои культурно-исторические понятия, хотя и не без некоторого знакомства с учением об идеях, но и под влиянием психологии народов. Бургхардт,

* *Fustel de Coulanges*, La cité antique, 1864; *A. de Tocqueville*, L'ancien régime et la Révolution, 7 éd. pp. 306–308, 310.

правда, реже других говорил о «*Volksseele*» и указывал на то, что установить достаточно объективное понятие о ней затруднительно; но Фрейтаг признавал главной задачей своих трудов «дать картину почти двухтысячелетнего развития нашей народной души»; Риль также постоянно имел в виду изучение той же «народной души» в обыденных проявлениях ее жизни. Вообще, все они полагали, что история культуры должна поставить себе задачей исследовать «историю народной души»*. В новейшее время можно заметить, наконец, что и «коллективная психология» начинает обращать на себя внимание историков; психологическое направление в социологии стало через ее посредство также оказывать влияние и на исторические построения. После исследований Тарда и Болдвина, попытавшихся выяснить законы подражания, некоторые ученые, например, Вилла (*Villa*) стали указывать на то, что психология социального индивидуума дает объяснение истории человечества (вида).

Не останавливаясь здесь на подробном обсуждении далеко еще не сложившихся теорий подобного рода, я замечу только, что самое слово «объяснение» в свою очередь требовало бы некоторого объяснения.

В самом деле, можно прилагать психологию к построению исторической науки с принципиально различных точек зрения, а именно: в регулятивном или в конститутивном смысле.

Приложение психологии к истории в регулятивном смысле состоит в том, что ученый пользуется ею, т. е. принципами и понятиями, выработанными психологией, сознательно примышляя их к фактам для того, чтобы объяснять последние. С такой точки зрения я могу говорить только о психологических принципах или понятиях, поскольку я пользуюсь ими для того, чтобы конструировать те или другие данные мне в действительности факты: но без дальнейшего основания я еще не могу утверждать, что чисто-психологические факторы действительно существуют и действительно порождают соответствующие результаты. В таком приложении психологии я сознательно примышляю известного рода принципы (например, чужое одушевление) для того, чтобы объяснить себе данные моего чув-

* *G. Steinhausen*, Freytag, Burckhardt, Riehl und ihre Auffassung der Kulturgeschichte в «*Neue Jahrbücher für das Klass. Altertum*», 1898, Bd. 1, Ss. 451–454.

ственного восприятия, которые я механически объяснить не в состоянии; очевидно, в случаях подобного рода приложение психологии есть приложение ее с чисто регулятивной методологической точки зрения.

Приложение психологии к истории в конститутивном смысле, напротив, предполагает особого рода предпосылку: в таком случае психические факторы признаются реально-данными в действительности. Впрочем, и с последней точки зрения можно иметь в виду или научные интересы психологии, а не истории, или цели собственно исторического построения. В самом деле, психолог, занимающийся разысканием психологических законов, может пользоваться не только материалом, почерпаемым из самонаблюдения или из области экспериментальной психологии, но и наблюдать обнаружение психической жизни в конкретных фактах общественной жизни; тогда он будет пользоваться историческими фактами лишь в качестве материала, который он изучает с психологической точки зрения для того, чтобы проверить прежние свои выводы или открыть какой-либо новый закон психической жизни, действовавший в данном случае. Будет ли, однако, такого рода задача равносильна задаче построения законов истории? Очевидно, нет; я могу разыскивать в самой истории законы психологии и тем не менее еще не буду в состоянии построить собственно законы истории: ведь законы истории, если они существуют, бесконечно более сложны, чем законы психологии, и, по меньшей мере, должны представлять своеобразную комбинацию многих законов, в особенности, законов психологических. Итак, можно применять психологию к истории, имея в виду интересы психологии как науки, а не интересы истории, почему я и назову такого рода прием «психологическим изучением исторического материала». Наконец, если перенести центр научного интереса из области психологических изысканий в область истории, то и тут можно задаваться разными целями: можно пользоваться психологией (в только что указанном конститутивном смысле) или для построения собственно исторических законов, или для объяснения данных исторических фактов, всегда сложных и запутанных, но не с тем, чтобы проверить или открыть какие-либо законы, а для того, чтобы научно понять конкретно-данный исторический процесс. Лишь в том случае, если историк прибегает к психологии для того, чтобы построить собственно

«исторические законы», он прилагает ее с номотетической точки зрения к истории; что же касается применения психологии к объяснению исторической действительности, то оно получает свое значение и в идиографическом построении исторического знания, на что представители противоположного направления не всегда обращают внимание.

Глава вторая. Основания номотетического построения исторического знания

Лишь пользуясь основными предпосылками нашего разума, мы можем сделать из эмпирических данных такие выводы, которые имели бы характер логической необходимости и всеобщности. Сколько бы мы ни наблюдали факты, мы на основании наблюдаемых случаев логически не можем вывести необходимости и всеобщности сделанного нами вывода; мы можем только сказать, что, по мере увеличения числа наблюдаемых случаев, подтверждающих данный вывод, пропорционально возрастает вероятность того, что и не наблюдаемые случаи также подойдут под него; с такой точки зрения мы пользуемся наведением не только для построения, но и для проверки наших гипотез: оно также служит и для последующего установления степени вероятности наших заключений относительно новых случаев подобного же рода. Ввиду вышеозначенных соображений я обращаю преимущественное внимание на те общие понятия, которые лежат в основе номотетического построения, на их значение и логическую связь и не стану рассматривать попытки эмпирическим путем доказать законосообразность исторического процесса; в некоторых случаях имея в виду выводы историков, сделанные ими на основании конкретных наблюдений, я буду пользоваться ими лишь в качестве материала для только что указанной цели.

Номотетическое построение вообще стремится объединить данные нашего опыта (понимаемого, конечно, в широком смысле), т. е. его содержание при помощи общих понятий; оно устанавливает возможно меньшее число общих понятий, в каждое из которых укладывалось бы возможно большее число представлений об отдельных фактах. В таком случае объединенное знание отождествляется с обобщенным: ведь если ограничивать понятие «наука» только что

указанным его значением, то и можно сказать, что всякая наука состоит лишь в обобщении данных нашего опыта; значит, и естествознание, и история должны стремиться к обобщению.

Впрочем, можно попытаться оправдать понимание слова «наука» в обобщающем смысле, исходя и из обратного положения; т. е. из того, что нельзя научно познавать индивидуальное. Научное мышление имеет дело только с общим, и даже «индивидуальная» картина прошлого, воссозданная историком, «есть уже обобщение»; напротив, «это здесь» и «это — теперь» (Гегель) «именно потому и невыразимо, несказанно, что оно есть индивидуальное»; иными словами говоря, нельзя научно формулировать индивидуальное во всей конкретности его содержания; можно пережить его, но даже изображение его, научно ценное, не может обойтись без некоторого отвлечения от действительности, в данном случае смешиваемого с обобщением.

Итак, всякая наука, по мнению представителей номотетического направления, в сущности, должна стремиться к обобщению; значит, и историческая наука должна вырабатывать общие исторические понятия. В числе таких понятий можно различать: 1) основные принципы номотетического построения; 2) номологические обобщения; 3) типологические обобщения.

§ 1. Основные принципы номотетического построения исторического знания

Приверженцы номотетического направления обыкновенно пользуются принципом причинно-следственности и принципом единообразия психофизической природы человека, в силу которого они и утверждают, что установленная ими причинно-следственная зависимость между *a* и *b* повторяется в действительности. Понятия о причинно-следственном отношении между *a* и *b* и о повторении *ab* в действительности, однако, еще слишком мало дают историку; он интересуется зависимостью между элементами целых групп или серий, в пределах которых он усматривает законсообразный порядок отношений или изменений; в таких случаях он, сверх того, пользуется принципами «консензуса» и эволюции (в естественно-научном смысле) — для установления законов их соотношения или смены.

В эмпирических науках всякое обобщение стремится установить логически-необходимую и всеобщую связь между причиной *a* и следствием *b*, под которую можно было бы подводить реально данную последовательность, и формулирует закон такого соотношения в следующем виде: если *a* дано, то, при отсутствии противодействующих условий, *b* должно следовать за ним. Естествознание построит законы подобного рода; поскольку история — наука, и она должна стремиться к обобщению, т. е. (в конечном итоге) к формулированию законов в том же причинно-следственном смысле.

Дело, очевидно, обстоит бы вполне благополучно, если бы под механические законы естествознания можно было подводить и исторические факты (в узком смысле), т. е. если бы мы были в состоянии последовательно провести в области истории материалистическую точку зрения, что некоторые историки и пытались сделать. Давно уже, однако, выяснено, что материализм есть метафизическое построение и притом, с познавательной точки зрения, мало удовлетворительное: материалист совершенно игнорирует затруднения, испытываемые нашим разумом при отождествлении «материи» с «духом», и просто перескакивает из одной области в другую; не разрешая их и, в сущности, прикрывая материалистическими терминами понятия совсем иного рода, он устанавливает между ними чисто словесную связь. Во всяком случае, закрывать глаза на затруднения, возникающие при переходе из области материи в область духа, ненаучно. Вот почему попытки материалистического построения истории самопротиворечивы.

Некоторые представители номотетического построения, например, пытаются, хотя и в скрытой форме, придерживаться такого направления в психологии и в истории. В основе мирового процесса ученые вышеназванного направления признают движение; но из его анализа следует, что оно не безусловно отличается от ощущения; то, что органы наших чувств воспринимают в виде движения, сознание наше называет ощущениями; значит, из группы молекулярных движений можно было бы вывести «чувствование», «рассматриваемое снаружи» и признать, что подобно тому, как в теле нет ничего реального, кроме его движений, так и в данном «я» нет ничего реального, кроме ряда событий, которые, в сущности, одинаково сводятся к чувствованиям. Если иметь в виду вышеуказанную связь между движением и ощущением, можно было бы сказать, что с той же чистотой механи-

ческой точки зрения надо объяснять и «я». С такой точки зрения «все науки стремятся к тому, чтобы свестись к механике»*, значит, и история должна превратиться в механику социальной жизни. Сами представители механического понимания истории легко попадают, однако, в противоречие с основными своими положениями: они, в сущности, исходят из понятия об одном и том же явлении, но сами признают, что последнее «обречено на то, чтобы, ввиду двух различных способов, какими оно познается, представляться нам всегда двойным»; если же наше сознание никогда не может надеяться на то, чтобы превзойти такое затруднение, и «всегда» познает нечто двойное, откуда может оно получить понятие об одном и том же? и что такое сознание, с точки зрения которого «событие», представляющееся нашему «чувству» в виде движения, оказывается еще «внутренним»? Вместе с тем теоретики подобного рода, приступая к историческим построениям, сами выходят из узкого круга механических понятий, не способного охватить важнейшие части исторической действительности, и по меньшей мере принуждены обращаться к психологии для научного ее понимания: ученый, высказавший вышеприведенное механическое мировоззрение, например, очень и очень далек от него, когда рассуждает о классическом искусстве, об английской литературе, о «классическом духе» в дореволюционной Франции и т. п.

Аналогичные возражения можно было бы сделать и против того понимания исторического процесса, которое с точки зрения энергетики претендует объяснять важнейшие явления в области общей истории культуры: стремление заменить понятие о причинно-следственном отношении понятием об энергии и произвольное перенесение в область исторической науки энергетики не мешает ее приверженцам рассуждать о «психической» энергии; об «изобретении и о подражании»; о том, что человек «влияет» на внешний мир «сообразно своей воле» и даже «подчиняет» ей множество энергий в зависимости от поставленных себе «целей»; о работе ввиду «общей цели»; о взаимном приспособлении друг к другу благодаря «предвидению нужных для того действий»; об «интересе организованной совокупности»; о значении «предвидения» в жизни человеческих обществ; о «сознательной борьбе» «энергетических комплексов»; о зна-

* P. Nève, La philosophie de Taine, Par., 1908, pp. 72, 125, 126, 127.

чении «предводителя» и его «воли» в такой борьбе; о накоплении опыта в жизни данной социальной группы через посредство «общих понятий» и т. п. В случаях подобного рода такие термины употребляются без точного и ясного установления понятий, что, например, и дает возможность произвольно отождествлять понятие об «энергетически (т. е. технически) полезных свойствах» с «свойствами социальными» или из соотношения В к А, где В есть энергия, получаемая путем превращения в нее части энергии А (Güteverhältniss), выводить нравственный долг и т. п. Во всяком случае, приверженцы вышеуказанного направления, в сущности, еще не открыли каких-либо собственно «исторических» законов и, сами того не замечая, вместо их формулировки предлагают правила, которым люди или образуемые ими союзы должны следовать*.

Несколько менее элементарное понимание исторического закона (в причинно-следственном смысле) пытаются найти те ученые, которые придерживаются экономического материализма: но и предлагаемое ими учение не может дать нужной опоры для открытия «исторических» законов. В самом деле, против такого понимания можно все еще сделать возражение, которое относится и к предшествующим построениям. Научное объяснение предполагает установление логически-необходимой и всеобщей связи между ближайшей причиной и вызываемым ею следствием, т. е. своего рода дифференциальное изучение данной последовательности. Экономический материализм, указывая на «экономическую основу» («Oekonomische Grundlage») социальной жизни или на «материальное производство», как на основу социальной жизни, исключительно ими обусловливаемой, в сущности, слишком мало различает в них физические (физиологические) процессы от экономических в узком смысле слова. Между тем, физические факторы далеки от последствий, которые представляются нам в виде социальных явлений. А что касается до экономических факторов в узком смысле слова (напр., «технологии»), то они уж, конечно, не являются исключительно материальными; между физиологическими и экономическими процессами мы не можем уследить

* W. Ostwald, Energetische Grundlagen der Kulturwissenschaft, Lpz., 1909, SS. 67, 68, 70 ff., 72, 76, 78, 111–113, 121–122, 159, 164 и др. Ср. еще M. Weber, Energetische Kulturtheorien в «Archiv für Sozialwissenschaft», Bd. XXIX, 1909, SS. 575–598. Впрочем, приложение принципов энергетики, в регулятивном смысле, к пониманию истории техники имеет, конечно, большое научное значение.

непосредственной связи вне свойств сознания тех субъектов, через посредство которых они совершаются; а изучение последнего рода уже основано на психологических построениях. Нельзя не заметить, что, если строго придерживаться экономического материализма, пришлось бы также выводить исключительно из того, что есть, т. е. из «производственных отношений» и то, что должно быть, т. е. абсолютные ценности, нормы и т. п.; но научно обосновать такой вывод нет никакой возможности, да и сами представители «марксизма», в сущности, не в состоянии с чисто материалистической точки зрения установить этические предпосылки своего учения и решить поставленную ими проблему обновления социального строя.

Итак, номотетическое построение исторического знания не может довольствоваться понятиями механики, энергетики или экономического материализма: оно устанавливается, собственно говоря, с психологической точки зрения. Подобно остальным «наукам о духе», и история имеет дело, главным образом, с явлениями психического порядка; для своих обобщений она должна пользоваться психологией: все явления, обнаруживающиеся в людских отношениях, зависят от действий предполагаемых психических факторов; следовательно, причинно-следственную связь между ними и их продуктами приходится построить в психологическом смысле.

С такой познавательной-психологической точки зрения легко заметить, что при объяснении одного рода объектов можно довольствоваться, в качестве материала, данными чувственного восприятия, т. е. опыта в широком смысле слова: они не требуют особого рода конструирования их при помощи некоторых дополнительных принципов, например, понятия о человеческом сознании; но есть и такие объекты, которые поддаются пониманию только под условием предположения, что известные психические факторы действуют в неразрывной связи с физическими и вызывают процессы, подлежащие объективному наблюдению: я наблюдаю, например, лишь внешние действия людей, но для объяснения их мне приходится делать предположение о их психике. Таким образом, различие между процессами физическими и психическими не есть результат непосредственного восприятия, а плод размышления над реальным содержанием нашего опыта. Размышление приводит нас, по мнению одного из теоретиков разбираемого направления, к установлению общих «признаков», которых нет в явлениях физических, но которыми мы от-

личаем от них явления психические и которым мы придаем реальное значение. Прежде всего комбинация чувства, как субъективного условия известных состояний живых существ, с разумом, как способностью взвешивать степень ценности ими испытываемого, ведет к оценке последнего (*Wertbestimmung*); например, само по себе ни одно явление не хорошо и не худо, не красиво и не уродливо и т. п.; но оно становится таковым благодаря нашей оценке. Далее, в связи с оценкою следует поставить и полагание цели (*Zwecksetzung*); помимо того, что в субъективном смысле я, с предполагаемой мною цели, рассматриваю данное явление в природе, в объективном смысле — я приписываю данному субъекту им самим (независимо от моего целеполагания) поставляемую себе цель, и, значит, придаю принципу целесообразности объективное значение: существо, способное руководиться известными мотивами (оценками), связываемыми с известными целями, осуществляет его в своей целесообразной деятельности. Наконец, такая деятельность обнаруживает и наличность воли (*Willensthätigkeit*). Признак волевой деятельности есть последний, положительный, «закрывающий в себе два другие, как более близкие его определения»: явления духовного порядка — «царство воли». В построениях подобного рода разум (*Intelligenz*) принимается как признак психического лишь постольку, поскольку он объединяет в себе вышеуказанные три признака*. Таким образом, область наук о духе начинается там, где существенным «фактором» данного явления оказывается человек, как существо желающее и мыслящее; следовательно, нет возможности установить причинно-следственную связь между факторами подобного рода и их продуктами в чисто механическом смысле: надо построить ее с психологической, а не с механической точки зрения, т. е. изучать общие людям свойства, поскольку ими можно объяснять и сходные их действия; в той мере, в какой историк изучает человека в его общих с другими людьми, главным образом, психических свойствах (*l'homme général*), — он может объяснить и обусловленные ими сходства в соответственных действиях; но человек в его общих психических свойствах изучается психологией; следовательно, для того, чтобы объяснить наблюдаемое сходство,

* *W. Wundt*, *Logik*, B. II, 2; 3 Aufl., SS. 14–18; ср. *его же*: «Princip der subjektiven Beurteilung». В числе современных представителей психологизма в истории можно указать еще на Мейнонга, Липпса и др. ученых психологов, не говоря об историках вроде Лампрехта и др.

т. е. установить причинно-следственное отношение или закон в причинно-следственном смысле, историку придется обратиться к психологии: он может возвести наблюденное им сходство на степень научно исторической истины или закона истории в причинно-следственном смысле лишь с психологической (а не с чисто механической и т. п.) точки зрения*.

В психологическом построении понятия о причинно-следственности нельзя не заметить, однако, нескольких отличий от механического. В самом деле, причинно-следственное отношение, построенное с механической точки зрения, есть только научная конструкция, тогда как связь между психическими факторами и их результатами может непосредственно переживаться каждым из нас; ведь в одном случае я лишь проектирую во вне переживаемое мною, когда говорю, что «сила» порождает «действие»; в другом — я испытываю ее действие; поскольку и другие люди суть внешние для меня вещи, механические и психические построения и для меня с указанной точки зрения, правда, не имеют существенного отличия; но если исходить из признания чужого одушевления, надо будет признать и то, что каждый из нас в состоянии переживать такую связь. Далее, другая особенность причинно-следственной связи в психологическом смысле состоит в том, что взамен количественной эквивалентности между причиной и следствием приходится устанавливать качественную зависимость между ними, что и ведет к признанию принципа «творческого синтеза» и т. п.** Наконец, психология переносит изучение причинно-следственной связи из внешнего мира во внутренний психический мир человека и вводит понятие о внутреннем детерминизме. Человек может сам определять свои действия; его «желание само есть один из факторов образования его характера», а значит, и его действий; каждый может подчинять их известным требованиям и нормам, т. е. действовать сообразно с ними. Отсюда легко вывести и понятие о свободе, как о внутренней мотивации собственных действий, поскольку последние не находятся в прямой зависимости от внешних причин и поскольку человек «свободен» не вообще, а только от внешнего детерми-

* P. Lacombe, De l'histoire considérée comme science, pp. 2, 26, 27 и др.

** W. Wundt, Logik, B. II, 2, 3 Aufl., SS. 140–141; ср. «психическую химию» Милля и т. п.; P. Barth, Fragen der Geschichtswissenschaft in «Vierteljahresschr», B. XXIII, 1889, SS. 335, 355; K. Lamprecht, Was ist Kulturgeschichte? в «Deutsche Zeitschrift für Geschichtswiss». 1896–7, S. 90.

низма. С такой точки зрения нельзя смешивать понятие о «свободе» с понятием о «случайности»; «понятие о свободе, по словам одного из представителей разбираемого учения, не имеет никакого сходства с понятием о случайности: оно означает только свободу обдумывания, т. е. способность в определенный момент познавать наличные мотивы (своих действий) и выбирать между ними сообразно с характером собственного сознания, а, следовательно (и действовать), в направлении, обусловленном внутреннею причинностью».

Итак, с психологической точки зрения причины превращаются в мотивы; «мотивация (по словам Шопенгауэра²⁰³) есть каузальность, созерцаемая изнутри»; следствия же обращаются в «действия» или в поступки. С такой точки зрения надо сказать, что тождественные мотивы должны порождать, при одних и тех же условиях, одни и те же поступки и что законы психологии, имеющие значение для истории, должны, в качественном смысле, устанавливать такую именно логическую связь между определенным мотивом или комбинацией мотивов и соответствующим действием или поступком*.

Для дальнейшего понимания разбираемого построения следует прежде всего несколько остановиться на понятии о мотиве, тем более что его нельзя считать вполне установленным в науке. Под мотивом разумеют то реальное основание или то состояние сознания, которое обуславливает (вызывает, определяет) наше движение, или воление, или, в частности, волевое движение. В широком смысле под мотивом некоторые, действительно, понимают все то, что может вызывать известного рода движение (по словам Bentham'a, — «any thing»); с такой точки зрения, очевидно, слишком широкой, и чисто внешнее раздражение будет уже «мотивом». В несколько более узком смысле понимают это слово те, которые рассуждают о «потребностях», в сущности, мало различая «потребность» (Bedürfniss, besoin) от мотива. Всякий испытывает «потребность в том, что у него недостает, если такового у него нет в наличности» (Мейнонг²⁰⁴); «чувство недостатка» можно связывать и со «стремлением» устранить его; тогда «потребность» есть «чувство недостатка со стремлением устра-

* W. Wundt, Logik, B. II, 2, 3 Aufl., S. 141. «Jedes Gesetz auf geistigem Gebiete enthält ein qualitatives Abhängigkeitsverhältniss, das sobald das Gesetz zu einem kausalen wird, den Character eines psychologischen Motivs annimmt»²⁰⁵.

нить этот недостаток»*. В таких формулах слово «потребность» часто понимается уже не в одном только физиологическом смысле; физиологическая потребность принимается во внимание лишь в том случае, если она сознается тем, кто испытывает ее, и сопряжена со «стремлением» устранить чувствуемый им недостаток. От понятия о потребности (особенно в последнем смысле) легко, значит, перейти и к понятию именно о мотиве: один из сторонников номотетического построения истории называет, например, «потребностью» «все то, что внутренне побуждает человека действовать во вне» (*besoin* или *mobile*), а затем, устанавливая главные разновидности этих «движущих сил», подводит под них и мотивы в узком смысле. В последнем, тесном значении, под мотивом разумеют реальное основание воления, причем ставят его в связь с «интересом» также понимаемым «в узком смысле». Таким «интересом» для нас является все то, что при нормальных условиях «сообщает энергию представлению, а вследствие этого — и заключающемуся в последнем стремлению». Поскольку интерес обуславливает энергию стремления, он является побудительной причиной или мотивом. С волюнтаристической точки зрения легко назвать «интересом» и цель данного действия; вообще понятие о «мотиве-цели» (*Zweckmotiv*) играет весьма существенную роль в подобного рода построениях**.

Следует иметь в виду, наконец, что степень энергии или настойчивости мотива ведет и к соответствующим изменениям в степени напряженности, решительности, быстроты действия и т. п.; значит, можно исследовать такую связь с точки зрения ее интенсивности; но качественные различия между мотивами обуславливают и соответственные различия в действиях; преимущественно с последней точки зрения приходится изучать комбинации мотивов и порождаемых ими поступков или деятельностей.

В самом деле, социолог или историк имеют дело не с отвлеченно взятым мотивом и соответствующим действием, а с целыми группами или рядами мотивов, которые соответственно вызывают или поступки, или деятельности; он должен, например, принимать во внимание, кроме «обстоятельств», и характер действующего лица, а также

* F. B. W. Hermann, Staatswirtschaftliche Untersuchungen, 2. Aufl., S. 5.

** Th. Lipps, Leitfaden der Psychologie, 2. Aufl., 1903, S. 248 ff.; P. Lacombe, Op. cit., p. 35 et ss. Ср. выше с. 118–119 <Т. 1. С. 182–183>.

его настроение и мотивы в узком смысле для того, чтобы «предсказывать его поведение»*. Самое понятие о мотиве-цели уже предполагает сложную комбинацию мотивов, вызывающих тот поступок или ту деятельность, которые направлены к достижению цели. Следовательно, под условием представления о цели, к достижению которой данный субъект стремится, можно комбинировать целые группы или ряды мотивов, соответственно вызывающих те, а не иные поступки или деятельность, можно говорить об определенном ее направлении. С такой точки зрения, однако, сама комбинация изучается в зависимости от связанного с нею результата или факта.

В том же психологическом смысле приверженцы номотетического направления пользуются принципом причинно-следственности и для построения целого законосообразного ряда исторических фактов: только, в таких случаях, субъект мотивации — данная коллективность или социальная группа, обладающая «общей волей», а ее действия — ряд исторических фактов (см. ниже).

Сами приверженцы номотетического построения истории указывают, однако, на то, что принцип причинно-следственности прилагается к ней не без ограничений: они признают, например, что из данного мотива можно вывести данное действие лишь путем отвлечения от действительности: в действительности историк всегда встречается с комбинациями мотивов, при объяснении которых он должен исходить из данного факта; из окружающих объективно данных условий он, значит, не может вывести результат действия психических мотивов, в силу принципа творческого синтеза, всегда качественно отличающегося от суммы мотивов; следовательно, он должен судить о них лишь после того, как такое действие наступило на самом деле. Те из представителей разбираемого направления, которые не считают возможным признать личность только фокусом внешних условий, на которые она может быть разложена без остатка, готовы пойти на дальнейшие уступки: в данном факте, кроме общих свойств душевной жизни человека, по их мнению, надо иметь в виду и временные его свойства, и его индивидуальность; последняя, поскольку она вызывает данный факт, единична, да и такой факт тоже единичен, т. е. оказывается «событием», которое не поддается научно-обобщающему

* J. S. Mill, Logic, B. VI, ch. II, § 2; в «Exam. of Sir W. Hamilton's philosophy» автор рассуждает о «desires, aversions, habits and dispositions»; см. p. 561.

объяснению (*événement*). В последнем смысле событие есть случайность, которую нельзя предвидеть до ее появления и нельзя объяснить без остатка. Впрочем, можно с обобщающей точки зрения изучать и событие, поскольку оно принимается данной средой, вызывает подражание и, значит, повторяется в ней; в таком смысле событие превращается в «учреждение» (*institution*). Само собою разумеется, что возможно и обратное явление, т. е. превращение «учреждения» в «событие»: по мере его обветшания все меньшее число людей будет признавать его, подчиняться ему в своих действиях и т. п., пока круг таких людей не сузится до одного*.

С обобщающей точки зрения, характеризующей вышеприведенную теорию, можно все же сказать, что, если дан известный мотив, то он должен (в логическом смысле) порождать соответствующее действие, т. е. должен всегда вызывать, при одних и тех же условиях, одно и то же действие. С той же обобщающей точки зрения можно пользоваться известным учением о «заменимости» данного индивидуума другим, принимаемым статистикой, и сказать, что, когда дело идет об установлении общего (т. е. сходного) между людьми, действие одного из них, с обобщающей исторической точки зрения, признается равнозначимым действию любого из остальных**.

Для того, однако, чтобы иметь основание утверждать, что некое соотношение между причиной и следствием повторяется в действительности, т. е. не только повторялось, но и будет повторяться, историку-психологу нужно сделать еще одну предпосылку; кроме постоянства внешних физических условий человеческой жизни, ему надо признать, что и психофизическая природа человека вообще оказывается единообразной.

Если придавать понятию о единообразии природы безусловно общее значение, то оно, подобно понятию о необходимости законов природы, не выводимо из опыта, ибо в основе понятия о единообразии уже лежит понятие о «законах» психической жизни. В самом деле, наблюдения говорят нам только о том, что было доселе, а закон об единообразии природы имеет в виду не прошедший только, но и будущий порядок вещей; чтобы из прошедшего делать, однако, точные заключения о будущем, нужно уже иметь заранее уверенность в еди-

* W. Wundt, *Logik*, B. II, 2, 3 Aufl., S. 108. P. Lacombe, *Op. cit.*, pp. 10, 65, 249, 264.

** P. Lacombe, *Op. cit.*, p. 12.

нообразии порядка природы. Следовательно, «доказательство этой истины на точке зрения эмпиризма всегда предполагает ее же самую»; в частности то же, разумеется, следует сказать и относительно понятия о единообразии психической природы человека. Во всяком случае, даже относительно общего понятия об единообразии психофизической природы человека, хотя бы в известных пределах, есть своего рода предпосылка в том смысле, что не все ранее бывшие случаи действительно наблюдались исследователем и все будущие случаи им, конечно, еще не наблюдались; пользуясь статистическим методом подсчета наблюдаемых случаев, он может только установить степень вероятности того, что его предсказания оправдаются в действительности и относительно тех случаев, которых он не наблюдал. Тем не менее предпосылка о единообразии психофизической природы человека и повторяемости человеческих действий, по мнению приверженцев номотетического направления, подтверждается эмпирическим путем. С первого взгляда действительно кажется, что легко вывести из постоянного действия одной и той же внешней материальной среды единообразие физической природы человека, а следовательно, анатомических и физиологических его особенностей, в том числе и мозга; если последний окажется в известных пределах единообразным (т. е. отклонения от средней будут малозначительны), то в таком единообразии можно было бы усматривать существенный внешний признак единообразия человеческой природы и в психическом отношении. Утверждения подобного рода эмпирически, однако, все еще очень мало обоснованы*.

Следует заметить также, что и содержание нашего понятия о единообразии человеческой психики, в сущности, конструируется нами: ведь в понятие такого единообразия мы включаем умопостигаемые свойства человеческой природы, т. е. все то, что мы покрываем термином «одушевление», а самый термин употребляем в конститутивном смысле, т. е. приписываем его содержанию объективно-реальное значение; он получает такое значение тогда, когда мы понимаем его как постоянство известных объективно-данных и наследственно передаваемых общих признаков данного вида особей; но применять

* P. Topinard, *Eléments*, p. 571 и др.; автор располагал при определении веса человеческого мозга 11 000 случаями для европейских мозгов, затем 190 случаями для негров, 18 для ананитов и т. п.; да и вес мозга, даже относительный, едва ли можно признать вполне надежным признаком данной психики.

подобного рода конструкцию к понятию о единообразии психической природы человека затруднительно; даже физиологи рассуждают скорее о наследственности предрасположений, а не самих психических состояний и не признают наследственной передачи сознательных актов. В настоящее время наряду с наследственностью в органическом смысле ставят подражание, воспитание и т. п. процессы в мире психическом. Каковы бы ни были, однако, факторы и процессы подобного рода, они обуславливают длительное единообразие психических свойств человеческой природы, а значит, и повторяемость человеческих действий.

Впрочем, понятие о единообразии психофизической природы не безусловно связано с понятием о ее постоянстве, исключаящем всякое изменение: единообразие может быть и в изменении; историк с номотетической точки зрения стремится подменить сходство в повторяющихся рядах изменений и установить, в вышеуказанном смысле, общие законы образования однородных эволюционных серий*.

Таким образом, опираясь на понятие о единообразии психофизической природы человека, в сущности, очень мало выясненное представителями номотетического направления, можно рассуждать об осуществлении законов, т. е. о повторяемости установленных с психологической точки зрения причинно-следственных соотношений в исторической действительности. С такой точки зрения некоторые историки охотно говорят о повторяемости фактов, подлежащих их изучению**.

При номотетическом построении исторической науки историк не может, однако, ограничиться вышеуказанными принципами: он пользуется еще многими другими понятиями, в особенности, понятиями о «консензусе» и об эволюции; они давно уже получили существенное значение в социологии, а отсюда перешли и в историю; принцип причинно-следственности комбинируется в каждом из них с другими понятиями.

Понятие о целом, под условием которого мыслятся его части, например, находится в тесной связи с понятием о консензусе элементов данной системы***; но историки-социологи мало останавливают-

* См. ниже § 2.

** K. Breysig, Einzigkeit und Wiederholung geschichtlicher Tatsachen в «Jahrbuch für Gesetzgebung» и проч. В. XXIII, SS. 1–45.

*** A. Comte, Cours, t. IV, 2 éd., p. 260; Système de pol. pos., t. I, p. 641.

ся на выяснении таких предпосылок и обыкновенно пользуются понятием о консензусе с более реалистической точки зрения, опираясь, главным образом, на принцип причинно-следственности или взаимозависимости элементов данной системы.

В самом деле, понятие о консензусе, в наиболее элементарном, механическом его значении сводится к понятию о системе, все элементы которой находятся во взаимной зависимости друг от друга; с изменением одного из ее элементов, приводящего в разные комбинации с другими, происходит изменение и во всей системе.

Понятие о консензусе можно применять или со статической, или с динамической точки зрения. Со статической точки зрения равновесие такой системы характеризуется согласованностью координированных ее элементов, их соответствием друг с другом. С динамической точки зрения то же понятие обуславливает собою понятие о движении элементов *a, b, c, d... n*, не ведущем, однако, к разложению данной их группы: «без консензуса нельзя мыслить элементы данной системы движущимися, так как в противном случае движение их привело бы к полному разложению всей системы»*.

Понятие о консензусе, предложенное выше, давно уже получило свое приложение и для построения понятия об организме; в самом деле, «организованное существо, по словам одного из представителей естествознания начала прошлого века, есть единое целое, некая совокупность частей, которые воздействуют друг на друга: ни одна из частей организма не может быть подвергнута существенному изменению, без того чтобы оно не отразилось на состоянии всех остальных»; но такое понятие конструируется при помощи еще одного принципа — телеологического; части органического целого представляются нам воздействующими друг на друга «для того, чтобы произвести общее действие».

Органическая школа социологии, конечно, способствовала перенесению такого понятия и в социологию, и в историю; но и независимо от вышеуказанного направления, историки-социологи стали рассуждать о «солидарности между элементами данной социальной системы» и о «системе культуры». В самом деле, понятие консензуса получает широкое применение для построения понятия о системе культуры, части которой находятся во взаимозависимости и в извест-

* A. Comte, Cours, t. IV, 2 éd., p. 270.

ном соответствии друг с другом; но последнее понятие нуждается еще в одном принципе: лишь возводя его к понятию о единстве сознания данной социальной группы, т. е. к ее самосознанию, можно придавать ему значение для построения системы культуры.

Вместе с понятием консензуса историки-социологи постоянно пользуются и понятием эволюции для обобщений в области истории; несмотря на то, что понятие об эволюции играет весьма важную роль в их построениях, оно все еще остается очень мало выясненным.

В самом деле, сторонники исторических обобщений далеко не всегда придают термину «эволюция» одинаковое значение: обыкновенно слишком мало обращая внимание на понятие об эволюционном целом, они останавливаются лишь на понятии об эволюционном процессе; с такой точки зрения они вообще называют эволюцией непрерывный ряд изменений, связанных между собой в причинно-следственном смысле, поскольку каждое последующее зависит от предшествующего, и совершающихся в определенном направлении. Такое понятие получает, однако, различное специфическое значение, в зависимости от того, конструировать ли его с механической, биологической или психологической точки зрения.

Один из наиболее видных представителей эволюционизма, например, скорее рассуждает о «становлении» (*Werden*), чем об эволюции, и, ограничиваясь принципом причинно-следственности, пытается формулировать рассматриваемое понятие в механическом смысле: он признает причинно-следственное отношение между «силой», «пребывающей» в мире, и двумя процессами эволюции: перераспределением материи и перераспределением силы, удерживаемой в себе материей; каждое из таких перераспределений, представляющих соответственные и одинаково важные стороны одного и того же процесса, совершается тремя путями: путем интеграции и дифференциации, соотносительных между собою, а также путем перехода неопределенно-однородного к определенно-разнородному; следовательно, «эволюция есть интеграция материи, сопровождаемая расточением (*dissipation*) движения, причем материя переходит от неопределенной однородности к определенной разнородности, и удержанное ею движение подвергается такому же превращению»; обратный процесс можно назвать «диссолюцией»; автор вышеизложенной теории приходит к заключению, что мировой процесс состоит, собственно говоря, не в эволюции

или диссолюции, а в чередовании эволюции и диссолюции, т. е. в чередуемом повторении эволюций и диссолюций всего мира*.

Такое понятие об эволюции слишком мало удовлетворяет, однако, запросам наук, изучающих жизнь организмов или человеческих обществ. При пользовании понятием развития, применительно к изучению органической жизни, его конструируют не без помощи телеологического принципа; под условием как бы некоей цели, результата эволюции данные изменения и представляются нам в виде непрерывного ряда, каждое последующее звено которого находится в причинно-следственном отношении к предшествующему. Такая телеология получает даже конститутивное, а не одно только регулятивное значение, если уже в организованной материи признавать наличие «стремлений», т. е. зачатков «воли»: «воля» организма становится своего рода фактором его развития; она играет роль, например, в образовании действий, которые повторяются и становятся, вслед за тем, привычками и инстинктами**. Вместе с тем теория эволюции в биологическом смысле выдвигает еще понятие о факторах эволюционного процесса и об его стадиях; биологи рассуждают, например, о внутренних и внешних факторах развития, о значении в нем функциональной деятельности органов, упражнения и волевых стремлений, о наследственности прирожденных или приобретенных свойств; о роли среды или изменений в условиях существования организма, о борьбе за существование, об отборе; о приспособлении живого существа к условиям среды и т. п. Они также принимают во внимание стадии развития данного организма, что обнаруживается хотя бы в аналогии (теперь, впрочем, принимаемой не без ограничений) между онтогенезисом²⁰⁶ и филогенезисом²⁰⁷.

Вышеуказанные понятия в более или менее переработанном виде входят и в состав еще более сложного понятия об эволюции, а именно — исторической. Легко было бы указать на попытки применить даже чисто биологическое понимание эволюции и к историческому процессу: самый выдающийся представитель биометрических исследований, например, полагает, что «стадии социального развития»

* *H. Spencer*, *First Principles*, особенно §§ 60 и сл., 92–145, 183.

** *W. Wundt*, *Logik*, B. II, 1 (2 Aufl.), SS. 540, 550 ff., 579 ff.; впрочем, вместо терминологии, принятой в тексте, автор рассуждает о «субъективной» и «объективной» телеологии.

можно свести к двум «великим факторам эволюции: к борьбе за пищу и к половому инстинкту», но многие склоняются к построению столь сложного понятия с психогенетической точки зрения.

Впрочем, понятие психогенезиса получает разные оттенки в зависимости от того, изучает ли ученый происхождение сознания или его дальнейшее развитие; если происхождение сознания можно исследовать, то, очевидно, лишь с биологической или психофизической точки зрения: в таком случае происхождение жизни и органическое развитие признаются «подготовительными стадиями» духовного развития; но если исходить из понятия о данном, хотя бы в зачаточном виде, сознании, то и развитие его можно представить себе преимущественно с психологической точки зрения. В сущности те, которые пользуются далеко еще не установленными понятиями о «психической энергии» или о «психической работе» и т. п., уже приближаются к последнему пониманию; они допускают, что психическая энергия возрастает: с течением времени она вообще получает такую концентрацию и организацию, при которых ценность ее увеличивается, что, впрочем, еще не ведет к отрицанию возможности, в некоторых случаях, и ее убывания*. Такое понятие о психогенезисе, однако, слишком мало принимает во внимание особенности сознания; потребность выяснить их вызывает появление других схем. Можно характеризовать, например, развитие сознания тремя стадиями, а именно: «просективной, субъективной и эйективной», смотря по тому, обнаруживает ли его субъект в смутном еще различении одушевленных существ от остальной среды, или начинает противопоставлять себя другим, или пользуется своим внутренним опытом для понимания чужих «я», в отношении к которым он определяет и свое собственное «я», теперь уже получающее социальный характер**. В духе волюнтаристической психологии можно было бы характеризовать развитие сознания, главным образом, развитием воли, находящейся в тесной связи с целеполаганием, и, значит, с «объективно-телеологической» точки зрения конструировать ее эволюцию; а глав-

* *W. Wundt*, *Logik*, B. III, 3 Aufl., S. 421; впрочем, автор с волюнтаристической точки зрения дает целый ряд эволюционных схем и для отдельных проявлений сознания: для мышления, для языка, для нравственности и т. п.

** *J. M. Baldwin*, *Mental development in the child and race*, 2 ed., 1897, p. 335. *Social and Ethical interpretations in mental development*. N.—L., 1897, pp. 7—9, 514, 564.

нейшие моменты последней могли бы служить для характеристики главных стадий истории культуры.

Итак, можно сказать, что историк изучает историческую эволюцию с психогенетической, а не с чисто биологической точки зрения: он всегда предпосылает действительное существование одушевления той социальной группы, развитие которой он построит; он прежде всего и главным образом интересуется развитием ее «души»; значит, он, в сущности, устанавливает и принципы построения понятия об исторической эволюции с психогенетической точки зрения. Телеология в понятии об исторической эволюции получает, например, такое значение, в особенности, если понятию о цели данного процесса приписывать конститутивный, а не регулятивный характер: индивидуальный или коллективный субъект эволюции рассматривается в качестве целеполагающего, и с точки зрения его объективно данной цели (идеи) строится и ряд его действий, получающий вид эволюционной серии. В конструкциях подобного рода причинно-следственная зависимость между звеньями исторической эволюции характеризуется телеологической мотивацией, уже указанной выше: действия коллективного субъекта эволюции располагаются в ряд в отношении их к мотиву-цели, которую он себе поставил, благодаря чему и проявления общей данной социальной группе психики, т. е. ее действия, продукты культуры и т. п. получают соответствующее положение в эволюционной серии. Впрочем, вышеуказанная точка зрения не мешает представителям номотетического направления стремиться «возможно дальше» провести причинно-следственное понимание и в построении исторической эволюции*.

Итак, историко-социолог, пользующийся понятием исторической эволюции, вкладывает в него очень сложное содержание. В таком случае он имеет дело с коллективным субъектом эволюции: он изучает психогенезис социальной группы, народа, государства и т. п.; подобно биологу, он интересуется факторами и стадиями эволюционного процесса; он, конечно, подчеркивает преимущественное значение в нем коллективных «социально-психологических» факторов, сравнительно с индивидуальными или «индивидуально-психическими» и, соответственно главным моментам такого психогенезиса, устанавливает

* *K. Lamprecht*, *Alte und neue Richtungen in der Geschichtswissenschaft*, Berl., 1896, S. 9.

«типические» стадии культуры; он характеризует каждую из них присущей ей «психической механикой» и выясняет ее связь с предшествующей и с последующей в причинно-следственном смысле; он представляет себе «каждое последующее социальное состояние как необходимый результат предшествующего и столь же нужный двигатель последующего...»^{*}; не упуская из виду данных условий внешней среды, он изучает влияние, оказываемое субъектом эволюции (народом и т. п.) вместе с порожденными им продуктами культуры на образование последующего его состояния и т. п.

Сами представители разбираемого построения предпочитают рассуждать об эволюции, изучение которой оказывается наиболее характерным для «новейшего» понимания истории, и не признают понятия о прогрессе (и регрессе) «научной категорией» исторического знания: не выясняя понятий о ценности, отнесения к ценности и оценке, они усматривают в понятиях о прогрессе или регрессе лишь субъективные, научно не обоснованные построения. Можно указать, однако, и на таких ученых, которые ставят понятие о прогрессе в связь с принципом «возрастания психической энергии» или со стремлением «людей к счастью» и т. п., а значит, в обратном смысле конструируют и понятие о регрессе или даже придают понятию о прогрессе характер нравственного постулата, соответственно видоизменяя и понятие о регрессе^{**}.

Следует заметить, наконец, что понятие консенсуса можно комбинировать с понятием эволюции, предполагая его или между членами одной и той же эволюционной серии, или между несколькими эволюционными сериями. Согласованность членов одной и той же эволюции признается, например, в тех случаях, когда историки рассуждают о том, что «характер и дух расы» вместе с порожденными ею продуктами обуславливают появление какого-либо следующего за ними продукта: последний должен в некоторой

^{*} *A. Comte*, Cours, t. IV, 2 éd., pp. 263; cf. p. 282 et ss. *W. Wundt*, *Völkerpsychologie*, Bd. I, 1. S. 426; *K. Lamprecht*, *Die Kulturhistorische Methode*, SS. 27–28 и др.

^{**} *A. Comte*, Cours, t. IV, 2 éd., p. 261. В отличие от Тюрго, Кондорсе, Гердера и др. Конт уже рассуждает, по крайней мере, в общей теории, главным образом, о развитии (*développement*), а не о «совершенствовании» (*perfectionnement*). Лампрехт также высказывает аналогичные взгляды. Вундт говорит о возрастании психической энергии, Спенсер и Лакомб о стремлении людей к счастью; ср. *W. Wundt*, *Logik*, Bd. II, 2, 3-te Aufl., SS. 455 ff.

мере сообразоваться с предшествующими^{*}. Согласованность эволюционных серий принимается во внимание, когда историки признают влияние их друг на друга, например, влияние развития одной науки на развитие другой или влияние развития науки на развитие техники или обратно и т. п.

Приверженцы номотетического направления пользуются вышеуказанными понятиями для номологических и типологических обобщений, т. е. для построения исторических законов или эмпирических обобщений, а также для установления типов в области истории. В номологических обобщениях принцип причинно-следственности и понятие о единообразии человеческой природы служат, главным образом, для выяснения законосообразного отношения между данным племенным, в особенности национальным, или культурным типом и соответствующими продуктами культуры; понятия же о консенсусе и об эволюции нужны для формулировки «законов консенсуса» и «законов эволюции», а также имеются в виду при эмпирических обобщениях. В связи с понятием о типе (см. ниже) те же понятия о консенсусе и эволюции получают значение и для типологических обобщений.

§ 2. Номологические обобщения

В числе номологических исторических обобщений наиболее совершенными, конечно, следовало бы признать «исторические законы», если бы таковые были открыты. Под историческими законами сторонники разбираемого направления разумеют, однако, довольно различные понятия; некоторые из них рассуждают, например, скорее о перенесении законов психологии в историю, чем об «исторических законах» в строгом смысле слова; другие пытаются ближе подойти к построению собственно-исторических законов.

С психологической точки зрения изучая исторический материал, можно прийти к заключению, что «психологические законы человеческой природы общи всякому историческому бытию» и что психологические законосообразности лежат в основе тех «исторических законов», которые ученые будто бы открывали в истории. В сущности, можно в таком смысле понимать, например, законы Конта и

^{*} *H. Taine*, *Essais de critique*, 1866, Préf., pp. XX–XXI.

Бокля; то же следует сказать и относительно попытки Вундта «непосредственно» перенести свои психические «принципы» в область истории; с точки зрения общей психологии, а не «характерологии» (этологии Милля) или народной психологии, он строит три закона истории: закон исторических производных, закон взаимозависимости исторических явлений и закон исторических контрастов. Для примера я приведу формулировки первого и третьего «законов» Вундта. Первый получается путем приложения психологического принципа творческого синтеза к области истории и сводится к следующему положению: «каждый исторический продукт (Inhalt der Geschichte), будь то историческое событие, историческая личность или исторически образовавшееся состояние культуры, есть результат действия множества исторических условий, с которыми он находится в такой связи, что качественная природа каждого отдельного условия продолжает обнаруживать в нем свое действие; но вместе с тем он получает новый и своеобразный характер; последний, правда, можно вывести путем исторического анализа из комбинации этих исторических факторов, но нигде нельзя получить его путем их априорного синтеза». Благодаря «непосредственному» приложению другого принципа, а именно «принципа» взаимного усиления контрастов, к истории Вундт получает «закон», который он формулирует следующим образом: «в тех случаях, когда определенная историческая тенденция достигла, при господстве наличных условий и данных предрасположений, наивысшей степени (своего развития), сила, продолжающая действовать в том же направлении, побуждает противоположные ранее обнаружившейся тенденции стремления, что и ведет к образованию качественно-новых проявлений»*.

Нельзя не заметить, однако, что попытки подобного рода психологических обобщений еще не дают «исторических законов» в строгом смысле слова. В одном месте сам Вундт называет установленное им положение об «исторических производных» «принципом», а не законом; и действительно, не говоря о более широком приложении такого положения, его, конечно, можно признать методологическим принципом исторического исследования, но не законом исторических явлений. «Закон контрастов», в сущности, также нельзя назвать

* W. Wundt, Logik, Bd. II, 2, 3 Aufl., SS. 381 ff., 430 ff. Что же касается «закона взаимозависимости», то ср. о нем выше с. 128–129 <Т. 1. С. 191> и ниже.

законом; Вундт едва ли правильно устанавливает в нем причинно-следственную связь между определенной причиной и действием; да ее и нельзя установить, так как данная тенденция сама по себе еще не может вызвать реакции; причина последней, например, в отращении к прежнему состоянию, в усталости, им вызванной, и т. п., что не введено в формулу «закона»; он также не определяет степени «напряжения, нужной для того, чтобы ожидаемое следствие наступило: легко представить себе случаи, когда напряжение, достигшее высшей степени, ведет к кризису, к смерти и т. п., т. е. не к тому следствию, которое имеется в виду в «законе контрастов».

Впрочем, если даже и называть такие обобщения законами в строгом смысле слова, все же вопрос о том, можно ли признать их собственно «историческими законами» остается еще открытым; последние представляются, по меньшей мере, гораздо более сложными. Саприорно-психологической точки зрения хотя и можно рассуждать о законосообразности в области истории, но нельзя еще чисто психологические отвлечения называть собственно «историческими законами». В самом деле, если психология построит закономерность явлений душевной жизни — ее законы и если она действительно лежит в основе наук о духе, значит, и в основе истории, то, следовательно, закономерность должна быть и в области явлений исторических; но не чисто отвлеченные «законы» психологии (т. е. законы чувств, «идей» и проч.), а сложные комбинации их должны объяснять историю, и только если предполагать, что законы комбинаций подобного рода законов могут быть установлены, можно будет говорить о законах истории. С такой априорной точки зрения принципиально отрицать какую-либо возможность выработки исторических законов нельзя; можно только указывать на сложность комбинаций факторов, лишаящую нас возможности подводить под законы такие комбинации, а значит, и связь их с порождаемыми ими продуктами.

Законосообразное отношение между комбинацией факторов и ее результатом предполагает законосообразность самой комбинации, а не только простую данность ее, и законосообразность связи ее с порождаемым ею следствием или результатом, а также наличность гораздо более сложных условий, нужных для ее осуществления и для получения данного результата: для своего осуществления простой результат нуждается, очевидно, в меньшем количестве условий, чем сложный результат; последний, значит, реже повторяется.

Следовательно, установить законосообразность сложного отношения по меньшей мере гораздо труднее, чем усмотреть законосообразность простого причинно-следственного соотношения; но, в случае удачи, и такое обобщение, очевидно, будет менее отвлеченным, чем простое причинно-следственное отношение: даже если бы удалось установить его, едва ли можно было бы предполагать частую повторяемость его в действительности. Отсюда можно заключить, что понятие о сложном причинно-следственном отношении, в каком находится комбинация причин или факторов к их результату или продукту, будучи менее отвлеченным и обозначая последовательность, которая реже повторяется в действительности, в таком смысле будет более частным, чем понятие о простом причинно-следственном отношении.

В сущности, историк-социолог превращает законы комбинаций психологических факторов в типизацию их, но он придает типическим комбинациям значение реальных факторов. При помощи такого построения историк-социолог вырабатывает понятия, которые я назову понятием о племенном (или, в более узком смысле, о национальном) типе и понятием о культурном типе (данного периода); если приравнивать названные типы к реальным комбинациям причин, можно ставить их действия в связь с соответствующими культурными продуктами.

В основе обоих понятий лежит мысль о законосообразной комбинации психических факторов, соответственно производящей, при тождественности условий, одни и те же следствия: только постоянство такого соотношения в понятии о племенном типе строится преимущественно во времени, а в понятии о культурном типе — преимущественно в пространстве: в данный период времени культурный тип общественных групп, не принадлежащих к одному и тому же племени, может оказаться общим им*. Различие указанных точек зрения видно из того, что, рассуждая о племенном типе, мы говорим: все люди, принадлежащие данному племени, хотя бы они были разных поколений, должны иметь нечто общее между собой в психическом отношении, а рассуждая о культурном типе, мы говорим: все люди,

* J. S. Mill, Logic, B. VI, ch. 9, § 4; здесь автор уже заметил, что «политическая этиология» есть «теория причин, определяющих тип характера какого-либо народа или какой-либо эпохи».

находящиеся на данной стадии развития культуры, хотя бы они принадлежали к разным племенам (нациям), должны иметь нечто сходное или общее между собою в психическом отношении; комбинация же психических факторов, характеризующая данный племенной или культурный тип, до тех пор, пока условия ее действия остаются постоянными, должна вызывать и соответственно одинаковые последствия или продукты культуры. Познакомимся вкратце с каждым из этих построений в отдельности.

Историки-социологи охотно рассуждают о расе и ее влиянии на ход истории. Под «расой» некоторые из них разумеют врожденные и наследственные наклонности (dispositions), которые человек приносит с собою, когда является на свет» (Тэн). В расе следует различать, однако, понятие о единообразии физических свойств от понятия о единообразии психических признаков. По примеру старых и новых авторитетов я предпочитаю употреблять термин «раса» в смысле совокупности особей, обнаруживающих единообразие физических свойств, т. е. внешнего вида, анатомической структуры и физиологических отправлений, а для обозначения понятия о единообразии преимущественно психических признаков буду пользоваться термином «племенной тип» или описательным выражением — «психический тип данного племени»*. Такое различие основано на следующих соображениях. Даже с материалистической точки зрения нельзя без дальнейших доказательств отождествлять известные нам расовые признаки с какими-либо психическими особенностями данного племени или народа; правильнее отличать последние, называя преимущественно их совокупность особым термином; далее, чистых рас теперь, пожалуй, нет: особенности данной расы рассеяны в особях, принадлежащих разным народам; наконец, в «племенном типе» наследственность осложняется подражанием и т. п. (ср. выше). Итак, не следует смешивать понятие о единообразии физических признаков

* J. Herder, Ideen, IV, 5. F. Ratzel, Anthropogeographie; последний пишет: «Die Rassen werden immer nur auf die körperliche Uebereinstimmung zu gründen sein»²⁰⁸. Не говоря о более ранних историках (например, Тьерри), заметим, что Тэн придал тому же понятию главенствующее значение в своем известном построении; что Гобино чрезмерно преувеличил, а отчасти и извратил значение «рас», их «чистоты» или помесей в истории; что Гобино оказал влияние на Гумбольдта; что Ренан также увлекался рассуждениями о «гении» расы; что Лапуж (Lapouge) рассуждает о расе, преимущественно в зоологическом смысле, и т. п.

особей данной совокупности с понятием о единообразии их психических свойств; такие единообразия, правда, находятся в некоторой связи между собою, и известные нам расовые различия обуславливают некоторые различия в психике, а значит, отражаются и в продуктах культуры: в языке, религии, искусстве, материальном быте, нравах и т. п.; но они отражаются в подобного рода продуктах косвенно, через посредство данной психики; следовательно, можно оттенять ту точку зрения, с которой мы интересуемся совокупностью людей, главным образом, в той мере, в какой они обладают общими им психическими свойствами, отличающими ее (в данной комбинации) от других совокупностей; в таких случаях удобно говорить о «племенном типе» или, еще точнее, о «психическом типе данного племени», например, индо-европейского. В более узком смысле можно, конечно, для тех же целей пользоваться и термином «национальный тип»; но, оттеняя в понятии о нем наш интерес к его психике, еще правильнее рассуждать о «психическом типе данной нации» и т. п.

Подобно тому, как психолог устанавливает известные типы характеров отдельных индивидуумов, причем усматривает некоторые закономерности в соотношении между характером данного типа и соответствующими поступками, так и историк может стремиться построить психический тип данного племени или народа и его свойствами объяснять соответствующие массовые движения и продукты культуры. С такой точки зрения общие черты, характеризующие данный тип, признаются общими и постоянными причинами, обуславливающими данную культуру. Для теоретического построения такой комбинации и ее закономерности надо брать человека с теми основными чертами психики, которые оказываются общими данному племени или данной нации, и установить ту «систему чувствований и идей», которая предопределяет соответствующую культуру, например, религию, философию, поэзию, промышленность и формы общественной жизни данного племени или народа (Тэн).

Обыкновенно полагают, что расы образовались путем приспособления, отбора и наследственности; психические свойства рас развились, однако, не только под влиянием физической, но и социальной среды; последняя имеет значение в образовании племенных или национальных особенностей*. Попытки характеризовать расы таки-

* *H. Taine*, Histoire de la littérature anglaise, t. I, Préf.

ми психическими признаками до сих пор, однако, оказываются довольно шаткими и вызывают сомнения. Для черной расы указывают, например, следующие признаки: чувственность, подвижность, лень, отсутствие инициативы и подражательность, влечение к удовольствиям, страстную любовь к пению и танцам, к уборам и побрякушкам, легкомыслие, непредусмотрительность, отвращение от одиночества, влюбчивость, болтливость, способность к преданности, к ненависти и мести; в результате такие свойства, не способные образовать какие-либо выдающиеся продукты культуры, приводили к порабощению более «высокими расами» тех, кто обладает ими. «Долихокефалов» «желтой расы» также пытались характеризовать, указывая, например, на то, что они желчно-нервны (меланхоличны), с сильной волей, с большими умственными способностями, скупы и религиозны, и, с вышеуказанной точки зрения, считали возможным объяснять их роль в истории и т. п.* Впрочем, нельзя, конечно, отрицать, что между людьми одной и той же расы, даже рассеявшимися по лицу земного шара, могут быть общие черты психики и культуры. При всей своей разбросанности в пределах очень широкого пространства, индо-европейцы, например, по мнению некоторых ученых, все же представляют сходные черты в культуре — прежде всего, в языке**; но если между индо-европейскими языками можно установить родство в лингвистическом отношении, то, помня, что язык — уже своего рода психический продукт, позволительно предполагать, что индо-европейцы обнаруживали некоторую отпечатлевшуюся в их праязыке общность идей; сходство, вероятно, существовало и в некоторых других продуктах их культуры. Тем не менее к подобного рода выводам, касающимся глубокой древности, надо относиться с крайней осторожностью, да и прилагать их к последующему времени едва ли возможно без дальнейших ограничений: в таком случае приходится говорить не о «расе», а о народах, характер которых слагался под влиянием целого ряда исторических обстоятельств и мог обуславливать в известных пределах места и времени соответствующие продукты культуры.

* *A. Fouillée*, Tempérament et caractère, Par., 1895, pp. 326–331; ср. еще: *H. Taine*, Histoire de la littérature anglaise, t. I, Préf.

** *J. Herder*, Ideen, IX, 2; «In jeder Sprache ist der Verstand eines Volkes und sein Charaktergeprägt»²⁰⁹. *O. Schrader*, Sprachvergleichung und Urgeschichte, 3-te Aufl.

Тем не менее при постоянстве данной физической среды, влиянию которой данный народ подвергался долгое время, можно говорить о некотором единообразии его психического типа в известных пределах пространства и времени и с такой точки зрения объяснять образование относительно устойчивых элементов и форм культуры, которые в свою очередь поддерживают единообразие самого типа. В таком виде, например, китайцы и египтяне представляются некоторым историкам культуры; или недавно англичане были охарактеризованы как тип «деятельных», т. е. такой тип, главная характерная черта которого — стремление к деятельности, нуждающееся в каком-либо удовлетворении; при этом способы удовлетворения могут быть весьма разнообразны, начиная от спорта и кончая усиленным и выдержанным трудом, без которого нельзя достигнуть высокой культуры*.

Не мешает заметить, что особенности, прочно усвоенные данным народом, могут продолжать обнаруживаться и в изменившихся условиях физической среды; но длительное влияние новых условий не может, конечно, не отразиться и на «национальном типе»; стоит только сравнить хотя бы англичан с американцами.

Наконец, можно стремиться к выяснению психического типа не народа, а отдельного сословия или класса, иногда довольно резко отличающегося от других; ведь психика разных сословий может быть различной. Такой тип признается комбинацией главнейших факторов, порождающих явления сословной исключительности, борьбы классов и т. п.

Во всех вышеприведенных конструкциях данный групповой тип (племя, народ, общественный слой и т. п.) предполагается наделенным характерной для него психикой; основываясь на ее изучении, можно выводить из нее, в качестве соответствующих следствий, проявления культуры и даже пытаться предсказывать их в будущем, хотя бы ближайшем. Повторяемость таких продуктов можно понимать, однако, в различных смыслах: или в том смысле, что разные народы или разные люди, принадлежащие к одной и той же народности и сходные по типу, производят сходные продукты, сосуществующие в пространстве; или в том смысле, что одно и то же племя, один и тот же народ представляет достаточно устойчивый тип и порождает однородные продукты культуры, возникающие благодаря людям пре-

* *N. Boutmy*, Essai d'une psychologie politique du peuple anglais au XIX sc., pp. 9–10. «Le goût spontané la passion gratuite de l'effort pour l'effort»²¹⁰.

емственно следующих поколений и, значит, повторяющиеся во времени; вышеприведенные рассуждения о китайцах, египтянах, англичанах и т. п. ведутся с точки зрения повторяемости сходных продуктов китайской, египетской, английской и т. п. культуры или в пространстве, или во времени; но последний вывод всего более мог бы соответствовать задаче исторического обобщения.

Некоторые ученые смешивали понятие о национальном типе с понятием о культурном типе и придавали известным народностям значение постоянных культурно-исторических типов*. Не говоря уже о том, что естественно-научную предпосылку этой теории нельзя признать правильной, такое построение противоречит и собственно историческим фактам: ведь один и тот же народ в разные периоды своего развития может принадлежать разным культурным типам; вместе с тем нельзя не заметить, что и разные слои одного и того же общества могут оказаться разных культурных типов; стоит только припомнить хотя бы тип «первобытного человека» или тип «светского человека», не столько связанного со своим народом, сколько подчиняющегося условностям того международно-общественного круга, к которому он принадлежит.

Под культурным типом данной общественной группы можно разуметь то сочетание факторов ее психики и культуры, совокупным действием которых социальные течения или возникновение культурных продуктов известного периода объясняются. Понятие о культурном типе получает, однако, разные значения, смотря по тому, разуметь ли под ним только совокупность сходных сознаний, или общее данной группе состояние сознания; сходные сознания можно, конечно, ставить в связь со сходными продуктами культуры, хотя бы они и возникали независимо друг от друга, общее же данной группе состояние сознания — с однородностью продуктов культуры, хотя бы формы их были различны.

Ввиду одинаковых условий существования члены данной группы могут испытывать сходные состояния сознания, т. е. особого рода «систему чувствований, волнений, представлений» и т. п., присущую обыкновенно каждому из них или каждому из их большинства. Ученые пытались, например, характеризовать племена «дикарей» сравнительно меньшим единством сознания, еще слишком мало связывающего в

* *И. Данилевский*, Россия и Европа, 5-е изд., СПб., 1895, сс. 95 и сл.

одно целое все разнообразие острых чувственных восприятий, преобладанием импульсивных «стремлений» над волевыми актами, а также слишком малой устойчивостью всякого рода отношений, культурные же народы — большим единством сознания, способного образовывать общие понятия, и развитием воли, в особенности, нравственной воли, а также большею устойчивостью отношений, непрерывно развивающихся; можно, конечно, проводить и дальнейшие различия подобного рода между «дикими» не осевшими племенами охотников и рыболовов и «полудикими», между народами «полукультурными» и «вполне культурными» и т. п.*; в зависимости от такой группировки приходится ставить и соответствующие, сходные между собою продукты их культуры. В самом деле, культурные продукты народов даже разных рас, но стоящих на одном культурном уровне, могут быть одинаковы, например, произведения палеолитического человека и тасманийца. Однородные формы каменных орудий встречаются в самых разнообразных пунктах земного шара; многие из подделок, открытых в долинах европейских рек, сходны с теми, что найдены в одной из западноиндийских долин — нарбадской, и, пожалуй, принадлежат, приблизительно, одному и тому же периоду; другие, встречающиеся в разных европейских, африканских и азиатских странах, хотя и не одного времени, обнаруживают сходство; можно даже указать на оригинальные и весьма древние манзанаресские (мадридские) подделки, обнаруживающие, однако, значительное сходство с мадрасскими и т. п. Аналогичные примеры легко привести и из другой области: известная загадка, предложенная сфинксом Эдипу: какое животное, имея только одно название и будучи первоначально четвероногим, последовательно становится двуногим, а затем трехногим — встречается, по уверению ученых, не только у современных греков и испанцев, но и у финнов, бурят, армян и даже фиджийцев. С такой же точки зрения можно было бы указать на сходство многих учреждений у различных народов одинаковой культуры и т. п.** Нельзя не заметить, что и на более поздних стадиях развития «совпадения» продуктов культуры обнаруживаются даже в такой области, которая тесно связана с индивидуальным творчеством. История наук представляет немало примеров таких совпадений; Ньютон и Лейбниц, ве-

* A. Vierkanndt, *Naturvölker und Kulturvölker*, ein Beitrag zur Socialpsychologie, Lpz., 1896, SS. 1–5, 106 и сл.

** R. Köhler, *Kleinere Schriften* I, S. 115–116.

роятно, независимо друг от друга открыли дифференциальное исчисление²¹¹. Гаусс²¹² и Лежандр²¹³ — метод наименьших квадратов, Дарвин и Уоллэс (каждый из них независимо от другого наблюдал природу тропических стран и читал известную книгу Мальтуса²¹⁴) — естественный отбор²¹⁵, Госсен²¹⁶ и Стенли-Джевонс²¹⁷ — математическую теорию обмена товаров и т. п.

Впрочем, связь между культурным типом данной общественной группы и порождаемыми ею продуктами культуры получает несколько иное значение, если иметь в виду, что, благодаря общему группе состоянию сознания, одно и то же расположение духа («disposition d'esprit») сознается ее членами как общее, и вызывает однородные продукты культуры, хотя бы формы их были различны. В только что указанном смысле можно устанавливать некое типическое соотношение между состоянием сознания, а также характером данной группы и однородностью соответствующих продуктов культуры.

В основе ее (в качестве объединяющего ее фактора) лежит общее, как бы «сверх-индивидуальное настроение», получающее наибольшее единство в тех случаях, когда одна идея (идеал) и т. п. преобладает над остальными. В самом деле, когда множество людей испытывают чувства, представления, воления, общие всем им, «общее чувство, общее представление, общее воление не тождественно с суммой отдельных факторов, а содержит еще нечто, качественно отличное от них, нечто такое, что мы называем одобрением или порицанием, общественным мнением, патриотизмом, словом, социальным настроением тех общественных кругов, которые составляют большинство этих людей». Если в таком общем настроении одна идея преобладает над остальными, оно получает наибольшее единство. Один из современных ученых, например, в сущности пытался разыскать «душевную доминанту» для каждого периода немецкой истории; вся ее периодизация, типическая и для эволюции других народов, сделана им по таким доминантам (см. выше); другой также рассуждает о «доминирующих концепциях» (понятиях) в каждом периоде, причем **разумет** под ними, главным образом, идеалы данного времени; в **средние века**, например, он признает таковыми: идеалы рыцаря и монаха, а в период развития «классического духа» (age classique) в образованном обществе — идеалы придворного и красноречивого.

* W. Lamprecht, *Was ist Kulturgeschichte*, S. 81.

идеи подобного рода оказывают влияние во всех областях мысли и деятельности данного периода, но после известного периода господства уступают место новым идеям — идеалам, в свою очередь вызывающим и соответствующие продукты культуры, элементы которой, при таких условиях, находятся в определенной взаимозависимости*. На основании подобных соображений историки разбираемого направления приходят к заключению, что вообще данной группе состояние сознания, в особенности ее «общая воля» ведет к однородности порождаемых ею культурных продуктов; таким образом, можно объяснить, например, религиозно-церковный их характер в средние века и рационалистический, а также ложно-классический их характер в век просвещения и т. п., или «феодальный» характер средневековых учреждений и «государственно-полицейский» характер учреждений периода «просвещенного абсолютизма» и т. п.

Итак, на основании вышеуказанных обобщений при единообразии, в известных пределах времени, данного культурного типа можно говорить о сходстве или об однородности порождаемых им продуктов культуры; но понимать их повторяемость можно различно: или в смысле одновременно данных, или в смысле последовательно возникающих продуктов культуры.

В реалистических построениях психического типа данного племени или данной нации и «культурного» типа, поскольку они рассматриваются как сложная комбинация причин, порождающая соответствующие продукты культуры, можно, таким образом, усмотреть попытку установить некоторую законосообразность отношении в данной последовательности не с чисто психологической, а с историко-психологической точки зрения.

Впрочем, нельзя принимать во внимание только один из типов — или племенной, или культурный для объяснения из него данного продукта культуры; оба вместе, конечно, оказывают в известной мере влияние на данный продукт; известное учение о расе, среде и моменте, в совокупности обуславливающих соответствующие продукты культуры, уже показывает, что историк не может довольствоваться одним из вышеуказанных понятий для объяснения их возникновения; с такой точки зрения изучаемый писатель, например,

* *W. Lamprecht*, *Moderne Geschichtswissenschaft*, S. 83; ср. 119. *H. Taine*, *Hist. de la littérature anglaise*, t. I, 1873, Préf., p. XXXI.

Лафонтэн²¹⁸, рассматривается как продукт не только данной национальности, но и культуры данного времени, его произведения признаются выражением общества данного периода, его настроения, его вкусов, его стремлений и т. п.

При построении номологических обобщений историки-социологи пользуются не только принципом причинно-следственности, но и вышеуказанными понятиями консенсуса и эволюции: они говорят о законах консенсуса и о законах эволюции в истории.

В силу принципа консенсуса элементы данной социальной системы признаются взаимозависящими: они стремятся к солидарности друг с другом*. Историки-социологи, в сущности, рассуждают именно с такой точки зрения, когда говорят о согласованности продуктов данной культуры; в «идеальном человеке» и «человеке вообще» (*l'homme idéal et général*) они усматривают тот фактор, действиями которого они и объясняют согласованность продуктов культуры: один и тот же господствующий национальный или культурный тип человека, его способности или склонности отражаются во всех продуктах культуры; в таких случаях данные в одном и том же сознании способности или склонности, под влиянием какой-либо одной из них, господствующей над остальными, взаимно уравнивают друг друга и приходят в известную гармонию, отражающуюся и в различных его продуктах. Автор теории об основных факторах истории, «расе, среде, и моменте», формулирует «закон взаимозависимостей» (*loi des dépendances mutuelles*) следующим образом: культура данного периода во всех своих частях представляет нечто общее, придающее соответствие между ее проявлениями и единство ее ходу; «закон взаимозависимостей» комбинируется еще с «законом пропорциональных влияний», в силу которого ученый определяет степень влияния, оказываемого основными факторами на то, что общее частям данной культуры, а также на степень ее оригинальности: благодаря действию вышеуказанных факторов, общее между частями данной культуры получает известное своеобразие; значит, в той мере, в какой

* См. выше с. 128–129 и 149 <191 и 208–209>; понятие об известном соотношении между «культурным типом» (главным образом, в смысле общего в данной социальной группе состояния сознания) и соответствующими продуктами культуры уже находится в связи с понятием о некотором консенсусе между ними.

оно входит в состав частей, они должны измениться*. С указанной точки зрения можно подметить, например, в течение данного периода известную зависимость между философией и наукой, между науками и искусствами, между наукой и практикой, между состоянием цивилизации данного общества и соответствующим ей политическим режимом и т. п.; с той же точки зрения историк открывает связь между такими продуктами культуры, которые, казалось бы, очень далеки друг от друга: он усматривает некоторый консенсус между проявлениями культуры Возрождения, носящими на себе отпечаток индивидуализма, например, между тиранией, кондотьерством, образом мыслей писателей и художников, а также характером их произведений, произволом костюма, распушенностью нравов и т. п.; или между философским или богословским рассуждением Малебранша и аллеей в Версали, между сентенцией Боссюэта о царстве Божиим, правилом стихосложения у Буало²¹⁹, законом Кольбера²²⁰ о закладке недвижимых имуществ, и комплиментом, сказанным в Марли**.

Вместе с понятием консенсуса историк-социолог пользуется и понятием эволюции: оно служит ему для формулировки «законов» исторического развития. Впрочем, можно понимать их различно: или в смысле законов образования эволюционных рядов или в смысле законов их повторяемости.

«Закон» образования ряда, т. е. закон, по которому эволюционный ряд построится, иллюстрируется хотя бы на примере развития яйца согласно формуле 2^n , где n получает последовательные значения: 1, 2, 3... n ; таким образом можно представить процесс сегментации яйца на 2, на 4, 8 и т. д. частей. Историк-социолог может также интересоваться процессом образования ряда и с такой точки зрения формулировать его, например, в смысле возрастающей дифференциации индивидуумов, т. е., главным образом, их «духовной свободы»***.

Закон повторения эволюционного ряда формулируется или в виде повторяемости одного и того же цикла развития, или в виде спиралеобразного движения, в котором известные моменты одного цикла оказываются сходными с соответствующими моментами другого цикла.

* *H. Taine*, *Hist. de la littérature anglaise*, t. I, *Introd.* § I.

** *I. Burckhardt*, *Cultur der Renaissance*, 8-te Aufl., B. I, SS. 142 ff.; *H. Taine*, *Essais de Critique*, 2 éd., *Préf.*, p. IX.

*** *K. Lamprecht*, *Die Kulturhistorische Methode*, S. 28.

Закон повторяемости одного и того же цикла развития признается, например, в том случае, если допустить, что каждая особь одного и того же вида проходит в своем развитии в одном и том же порядке одни и те же стадии эволюции; с менее строгой точки зрения можно рассуждать о повторяемости филогенезиса в онтогенезисе и принимать, что стадии эволюции, представленные в развитии одного и того же дикого племени, действительно происходившем или научно-конструированном, повторяются в жизни ребенка цивилизованной нации. В аналогичном смысле историки-социологи рассуждают о повторяемости известного цикла развития, например, о чередовании периодов: органического и критического (С.-Симон), о повторяющейся в истории разных сфер культуры смене трех состояний: теологического, метафизического и позитивного (Конт); о последовательном прохождении разными народами известных стадий развития хозяйства: замкнутого домашнего, городского и национального и т. п.*

Впрочем, повторяемость эволюционного ряда понимается иногда лишь в том смысле, что известные моменты одного цикла развития оказываются сходными с соответствующими моментами другого цикла; с такой точки зрения некоторые историки говорят, например, о «средневековом» периоде в Греции времен Гомера и Гесиода²²¹, или усматривают соответствие между последующими периодами греческой истории и новым, а также новейшим периодами в развитии романо-германских народов**.

Закон повторяемости ряда, в сущности, предполагается и в тех случаях, когда историк-социолог старается построить общий тип того ряда, который он изучает, и представляет себе последний в виде частного его случая; некоторые ученые придают, например, типическое значение эволюции немецкого народа: она повторяется и в истории других народов; периодизация немецкой истории дает схему и для периодизации истории других народов; но такое построение уже близко подходит и к типологическим обобщениям.

* *K. Bücher*, *Die Entstehung der Wirtschaft*, 1 Aufl., 1893; позднейшие издания — с дополнениями. Автор прилагал свою схему к истории человечества, а не отдельных народов, что вызвало критику Э. Мейера и др.; Бюхер собственно устанавливает четыре стадии: период разрозненных индивидуальных поисков за средствами существования, далее период замкнутого домашнего хозяйства и т. д.; но первоначальная стадия кажется сомнительной Штейнметцу и др.

** См. выше с. 71 <Т. I. С. 142>.

Сами приверженцы подобного рода построений готовы признать, однако, что их трудно формулировать в виде законов, под которые можно было бы непосредственно подводить исторические факты. Впрочем, такое затруднительное положение исторической науки, по их мнению, не исключает возможности и для истории стремиться, по крайней мере, к эмпирическим обобщениям.

Не устанавливая логически необходимой и всеобщей причинно-следственной связи, эмпирическое обобщение только формулирует некое единообразие в последовательности или в сосуществовании такого отношения, которое обнаружилось во всех случаях, подвергшихся нашему наблюдению; эмпирическое обобщение, значит, утверждает, что в нашем опыте за данным явлением *a* следовало явление *b* или что явление *a* встречалось в нем именно с явлением *b*, но, в сущности, говорит лишь о вероятности такой же связи в будущем. Впрочем, предположение о существовании некоей причинно-следственной связи между элементами предшествующего — *a* и последующего — *b*, или о существовании некоей зависимости двух явлений *a* и *b* от какой-либо общей им причины, породившей их, включается в понятие об эмпирическом обобщении; но в таких случаях речь идет только о предположении, да и вопрос о том, какова именно предполагаемая связь, не получает ответа; значит, «на эмпирическое обобщение нельзя положиться за пределами времени, места и обстоятельств, в которых наблюдения производились»*.

Так как историк может принять пространство и связанное с ним действие физических факторов за условия постоянные, то при формулировке эмпирических обобщений он имеет ввиду преимущественно последовательность явлений только во времени. Сторонники номотетической точки зрения придают им, однако, большое значение; делая ударение на слове «закон» («законы эмпирические»), они забывают, что вывод, добытый на основании прошлых наблюдений над данной последовательностью, не имеет характера всеобщности и необходимости, а лишь указывает на некоторую вероятность повторения той же последовательности и в будущем. Таковы, например, эмпирические обобщения в истории языка (смена звуков, изменения в значении слов), понятие о социальной дифференциации, о смене форм семейной жизни (времен-

* J. S. Mill, Logic, B. III, ch. 16; B. V, ch. VI, § 1.

ное сожительство, полигамия и уклонения в сторону полиандрии, патриархат и проч.); о преемстве известных состояний в области культуры духовной (анимизм, натурализм, религиозная догма и церковь, религия, проистекающая из свободного индивидуального чувства); или в области истории культуры экономической (смена натурального хозяйства денежным, а денежного кредитным и т. п.); в истории политической (монархия, аристократия, демократия) и проч. Впрочем, историки пытаются делать эмпирические обобщения и относительно сосуществования некоторых явлений; например, они указывают на то, что расцвет культуры (по крайней мере, в некоторых странах) обнаруживается одновременно с начинающимся упадком «творческих общественных сил»*.

Даже предполагая, что такие обобщения сделаны правильно (предположение, далеко не всегда оправдывающееся в действительности), можно будет признать их законами лишь в том случае, если в каждом из них удастся установить логически необходимую и всеобщую причинно-следственную связь между предшествующим и последующим; но ввиду всего вышесказанного такое отношение придется строить не с чисто механической, а с психологической точки зрения; только тогда, когда комбинация психических факторов сама будет подведена под закон, и исторические обобщения, при объяснении которых мы пользуемся такой комбинацией, получают характер законов. Хотя попытки подобного рода относительно простейших из вышесказанных обобщений (например, относительно перегласовки в германских наречиях) были сделаны, но вообще можно сказать, что сложных «законов истории» в строгом смысле слова никому еще не удалось установить: историкам, стремящимся к открытию их, в лучшем случае приходится пока довольствоваться гадательными эмпирическими обобщениями.

§ 3. Типологические обобщения

В тех случаях, когда ученый не может формулировать ни закона в причинно-следственном смысле, ни эмпирического обобщения всех наблюдаемых им случаев, он принужден довольствоваться типологи-

* Н. Данилевский, Россия и Европа, сс. 175 и сл., 476; M. Hume, The Spanish people and проч., Ld., 1901, p. 403.

ческим их обобщением, т. е. образованием типов, под которые можно было бы подводить отдельные наблюдения.

Не будучи номологическим построением закона или даже эмпирического обобщения (в строгом смысле), тип вместе с тем, очевидно, не оказывается и единичным случаем; с логической точки зрения тип есть относительно общее понятие по преимуществу и занимает как бы среднее место между законом и единичным случаем: он не достигает всеобщности закона и даже полноты эмпирического обобщения, ибо допускает отклонение, но и не низводится до индивидуальности. С такой точки зрения можно, пожалуй, назвать тип «общим представлением»; по крайней мере, некоторые из сторонников изучаемого направления называют общим представлением всякое представление, поскольку содержание его оказывается общим многим отдельным предметам и поскольку такое представление сопровождается мыслью, что оно представляет собою целую группу однородных представлений (Вундт); но «общие представления» ребенка могут включать и случайные признаки, представляющиеся ребенку общими многим предметам, тогда как тип есть научно установленное общее представление, которое в таком именно смысле можно называть и относительно общим понятием; в последнем смысле понятие о типе близко подходит к понятию о «среднем».

Для выяснения логической природы типологических обобщений прибегнем к следующей схеме.

Вообразим несколько групп признаков, каждая из которых отличается от остальных, и обозначим каждую из них символами: $abcdef$, $a'bcdef$, $ab'cdef$, где a , a' , b , b' и т. д. — признаки; положим, что изучаемые группы можно представить себе в следующем виде и размещении:

$$\begin{array}{ccc} a'bcdef & & ab'cdef \\ abc'def & abcdef & abcd'ef \\ abcde'f & & abcdef \end{array}$$

Если мы, ввиду нашей познавательной цели, признаем, что разности: $a - a'$, $b - b'$ и т. д. малозначительны, то пренебрегая отличительным признаком каждой группы, мы можем обозначить наше общее понятие о всей совокупности изучаемых предметов символом: $ABCDEF$. Если в данной совокупности группы $abcdef$ не окажется, то и

общему понятию ничто не будет вполне соответствовать в действительности; тогда $ABCDEF$ будет «идеальным типом»; если группа $abcdef$, напротив, также дана, то понятию $ABCDEF$ будет в действительности соответствовать только центральная группа: $abcdef$; так как она при этом сходна с каждой из шести групп в пяти признаках, а каждая из окружных сходна с каждой из остальных окружных же только в четырех признаках, то, очевидно, что центральная группа $abcdef$ представляет свойства общего понятия лучше всех остальных групп, почему она и называется репрезентативным типом: все остальные группы менее ее соответствуют общему понятию.

Это несоответствие может усилиться, если в числе разновидностей $ABCDEF$ (в другой более разнообразной по своему составу совокупности) окажутся и такие: $a'b'cd'ef$, ... $a'b'c'd'ef$ и т. п. Положим, что в действительности мы встречаем (на таблице не означенные) формы вроде $a'b'c'd'ef$: в таком случае, однако, может явиться сомнение, причислять ли $a'b'c'd'ef$ к понятию $ABCDEF$ или к другому какому-нибудь понятию: $A'B'C'D'EF$. Итак, общее понятие $ABCDEF$ может оказаться или слишком широким, или слишком узким. Указанные затруднения увеличиваются, когда число признаков: a , b , c , ... возрастает, а различия между системами свойств, т. е. между $abcdef$, $ab'cdef$ и т. д. текучи и представляют множество переходных ступеней, т. е. когда каждая группа ($a'bcdef$ и т. д.) текучим образом переходит в другую ($ab'cdef$ и т. д.) и когда одна из этих совокупностей не обнаруживает соединения, исключительно отличающего ее от всех остальных совокупностей признаков и ни одна из них не представляет достаточно резких особенностей для того, чтобы на ней можно было бы остановиться, не переходя к следующей.

Ученые давно уже пользовались понятием «типа», даже в то время, когда теория эволюции еще не подорвала веры в устойчивость «видов», для обозначения таких «текучих» соотношений (Blainville²²²). «Естественные группы, — по словам одного из них, — твердо установлены, хотя и не резко отграничены: они даны, хотя и не обведены какою-нибудь чертою; они определены данным центром, а не извне проведенною предельною линиею, т. е. (содержание их выясняется) тем, что они преимущественно включают, а не тем, что они ясно выключают» (Whewell²²³). В настоящее время слово «тип» приобрело право гражданства в науке для обозначения «видов», находящихся в текучей взаимозависимости относительно друг друга (Hrdmann²²⁴).

Не останавливаясь здесь на изучении общих принципов систематики, приводящей к образованию типов, я только замечу, что мы пользуемся типологическими построениями и в таких случаях, когда нам не удастся установить основные различия между типами, т. е. когда трудно решить, признавать ли устойчивые и достаточно резко выделяющиеся признаки, пригодные так сказать для внешней характеристики изучаемой группы, вместе с тем и основными ее свойствами. В случаях подобного рода тип лишь вспомогательное средство, ведущее к дальнейшей работе обобщения.

Таким образом, пользуясь типологическим приемом обобщения, следует иметь в виду, что тип есть его построение, а не действительность; понятие типа, если он идеальный, не обозначает реально данной вещи; лишь репрезентативный тип может обозначать единичный конкретный факт; но и последний в отношении к остальным случаям данной группы все же будет только идеальным. В таком случае историк может прибегать к типологическим построениям для обобщения изучаемого им материала и рассуждать о племенных типах, о культурно-исторических типах, о типах культуры, о типах государств (например, о типе феодального государства), о типах их развития и т. п. в данных пределах пространства и времени. Типологическое построение нельзя, однако, приравнивать к построению закона или даже эмпирического обобщения какой-либо последовательности. Лишь в том случае, когда историк имеет в виду «морфогению»²²⁵, а не одну только морфологию изучаемых им объектов или стремится установить, что сходство экземпляров одного и того же типа объясняется общностью их происхождения, и построить «генеалогический» или «эволюционный» тип, он уже пользуется понятием о причинно-следственной связи; но и в таком объяснении он не должен смешивать принцип причинно-следственности с понятием о той конкретной связи, которою данное сходство между членами одной и той же группы объясняется, и, в сущности, обыкновенно довольствуется для установления родов и видов комбинацией достаточно устойчивых внешних признаков. В большинстве случаев историку, значит, приходится пользоваться «типами» не для объяснения материала (в номологическом смысле), а только для его систематики. С последней точки зрения историк стремится типизировать не некую комбинацию факторов, поскольку ее можно признать реальной сложной причиной соот-

ветствующего продукта культуры, а скорее пытается установить типы или самих этих комбинаций, или состояний и продуктов культуры; в вышесказанном смысле можно говорить даже о «племенном типе», поскольку он представляется некоторым результатом исторического процесса, о «культурном типе», о типах отдельных продуктов культуры и т. п.

Такие обобщения уже обнаруживаются, например, в употреблении терминов «восток», «классическая древность», «средние века», «новое время» и т. п.; под ними, очевидно, часто разумеют более или менее определенные типы и подводят под них несколько народов, находившихся или продолжающих находиться на соответствующей стадии развития. Впрочем, систематика подобного рода уже сама подготавливает индуктивное изучение систематизируемых объектов, выяснение законов, которые обнаруживаются в них, и т. п.: она дает, например, понятие о типах обществ, группируемых по степени их сходства, по степени сложности их состава (Durkheim²²⁶), по степени их культурного развития (Morgan²²⁷, Sutherland) и т. п.*

Итак, «тип» есть всегда относительное обобщение; последнее может быть более или менее широким смотря по задачам исследования; понятие типа, значит, есть понятие растяжимое и объем типа может быть разным. Если, например, иметь в виду лишь наиболее общие признаки, то под данную типическую совокупность их подойдет и большее число объектов: можно говорить, например, о типе первобытного хозяйства, или первобытной религии и т. п. Путем индивидуализирования данного типа можно достигнуть более тонкой характеристики объектов, но зато в более ограниченном их объеме; вместо вышеуказанных общих типов, например, можно попытаться построить более специализированные: тип древне-греческого ойкосного хозяйства²²⁸, или тип древне-греческого поклонения предкам и т. п.; в аналогичном широком смысле говорят и о феодальных отношениях у разных народов разных времен, даже у таких, как гавайцы²²⁹, зулусы²³⁰, тангуты²³¹ и проч.; но в узком смысле объем понятия о феодальном государстве ограничивается лишь европейскими народами в средние века, и даже не всеми ими, а преимущественно, только германо-романскими.

* M. Steinmetz, Classification des types sociaux et catalogue des peuples в сборнике «L'année sociologique» за 1898-1899, Par., 1900, pp. 55 и сл., 76-77 и др.

Впрочем, естественно различать несколько разновидностей типологических построений, главным образом, в зависимости от того, ввиду какой познавательной цели они производятся: можно, например, изучать данную совокупность предметов или в их устойчивых признаках, или некоторую последовательность, относительно которой нельзя еще формулировать даже эмпирического обобщения.

Вообще, изучая данную совокупность предметов в их устойчивых признаках, мы как бы накладываем наши представления о предметах друг на друга и получаем общее им содержание; тогда мы называем понятие о группе сходных между собою объектов (конкретных предметов) — типом; сюда можно отнести, например, типы животных видов и рас, национальный тип, культурный тип и т. п.; если принимать во внимание лишь понятие о группе формальных свойств, т. е. не объекты, целиком взятые, а только их внешнюю форму, служащую достаточно характерным признаком для систематики, то с такой точки зрения мы можем получить морфологические типы, например, типы кристаллов, растений (по форме листьев) или животных; типы языков изолирующих, агглютинирующих и флектирующих и т. п.²³² Морфологический тип* довольно важен; он сыграл заметную роль и в естествознании, и в языкознании; пользуясь тем же построением, социологи рассуждают о «типах общественного строения», о формах правления и т. п.

При изучении данной последовательности мы можем, наконец, стремиться установить и феноменологический тип данного превращения, хотя бы внутренний ход его оставался нам неизвестным; иными словами говоря, можно типизировать данную метаморфозу в тех ее стадиях, какие наблюдаются в данной совокупности сходных случаев. Ученые пользуются таким приемом, например, уже при построении многих химических формул; в них тип не что иное, как только средство придать некоторое единство нашим знаниям при сравнении между собою тел, которые обнаруживают аналогичные разложения или оказываются продуктами аналогичных разложений. С такой же точки зрения можно типизировать и органические, и социальные процессы. Наибольшая сложность их, разумеется, обнаруживается в длинных рядах перемен, которые также пытаются изучить с типологической точки зрения; в случаях подобного рода от постро-

* В. Erdmann называет их конструктивными типами.

ения типа простого превращения можно перейти к построению генеалогического или эволюционного типа, т. е. типического ряда последовательных стадий развития; ввиду указанной цели «история культуры, изучающая типические исторические явления» признается «основной» исторической наукой, устанавливающей «типические стадии» в развитии данной культуры (Лампрехт); Впрочем, такую операцию нельзя еще отождествлять с построением эволюционного типа, т. е. построением типа самого ряда.

Глава третья. Критическое рассмотрение номотетического построения исторического знания

Научно-объединенное или обоснованное знание может стремиться и к обобщению данных нашего опыта, и к их индивидуализированию; смотря по познавательным целям, которые мы себе ставим, или по той точке зрения, с которой мы изучаем эмпирические данные, можно в одной и той же вещи разыскивать или общее ей с другими вещами, или то, что именно ее характеризует, как таковую в ее конкретной индивидуальности. Следовательно, номотетическое построение, имеющее в виду одно только обобщение, не в состоянии удовлетворить нашего интереса к действительности: при помощи общих понятий оно не может обнять ее многообразие и своеобразие: слишком «редуцируя» и «стилизируя» действительность, оно не даст нам знания ее индивидуальных особенностей; оно не может установить и достаточно обоснованных принципов или критериев выбора конкретных исторических фактов, имеющих историческое значение: с номотетической точки зрения историк легко упускает из виду или произвольно исключает из круга своих наблюдений факты (личности, события и т. п.), которыми история не может пренебречь*. Сами приверженцы номотетического построения принуждены считаться с такими фактами, но не дают научного их построения: признавая, например, самостоятельное значение воздействия человеческого сознания на материю, они не обращают внимания на ценность его индивидуального характера; утверждая единичность всемирно-

* A. Aulard, Taine — historien de la Révolution française, Par., 1908. Автор приводит здесь много примеров таких упущений, сделанных Тэном; см. pp. 174, 177, 178–180, 222; Впрочем, общая оценка Олара уже вызвала возражения со стороны Nève'a и Coch'in'a.

исторического процесса, они все же готовы довольствоваться его типизацией; полагая, что «одна только индивидуальность порождает новые силы общезнания», они не определяют именно ее значение для истории и т. п.* Впрочем, помимо теоретических соображений, номотетическое построение оказывается недостаточным и с точки зрения практической: оно не дает понятия о той совокупности реально-данных условий пространства и времени, в которых протекает наша деятельность, и без надлежащего знания которых человек не в состоянии ни поступать правильно, ни действовать с успехом; и в таких случаях сторонники разбираемого направления не располагают принципами, на основании которых можно было бы подойти к решению проблем, столь важных в практическом отношении**. И так, можно сказать, что номотетическое, обобщенное знание не в состоянии дать удовлетворение нашему интересу к исторической действительности.

Приверженцы номотетического построения исторического знания отрицают, однако, возможность с идиографической точки зрения построить его научным образом; они полагают, что можно научно познавать только общее: наука, в настоящем смысле слова, должна состоять в построении общих понятий; индивидуальное, напротив, не может служить целью познания: оно не поддается научной обработке и формулировке. Впрочем, с аналогичной точки зрения легко было бы допустить, что в той мере, в какой индивидуальное переживается, оно уже в известном смысле познается; только оно познается в совокупности с данными ощущениями, чувствованиями и проч., также входящими в состав переживания, и, значит, познание о нем, поскольку оно лично переживается, не может быть научно установлено и передано другому в том именно сложном сочетании, в каком оно переживается. Можно сказать, однако, что понятие об индивидуальном есть предельное понятие: хотя наш разум не в состоянии обнять все многообразие и своеобразие действительности, но мы можем стремиться объединить наши представления о ней путем образования возможно более конкретных комбинаций общих понятий или отдельных признаков, отвлекаемых от действительности; мы

* W. Wundt, System der Philosophie, S. 600. K. Lamprecht, Die Kulturhistorische Methode, S. 44.

** Ср. ниже отд. II, гл. 2, § 1.

можем подвергать содержание такого понятия (в его реальном значении) анализу и с точки зрения генезиса его элементов (если не всей их совокупности, то, по крайней мере, некоторых из них), и с точки зрения влияния «индивидуального» на окружающую среду. Хотя понятие об индивидуальном и не может быть само по себе введено в логическое соотношение с каким-либо понятием, но научный его характер обнаруживается и из приемов конкретно-исторического исследования. В самом деле, историк, занимающийся построениями индивидуального, приступает к его изучению со скепсиса; он знает, что ему приходится иметь дело со своими или с чужими суждениями о вещах, что они могут не соответствовать действительности, и т. д.; он полагает, что ему можно будет выйти из своего скепсиса лишь путем критики, основанной на строго научном анализе своих и чужих суждений о данных фактах; в своей работе историк также выделяет из бесконечного многообразия действительности элементы, нужные ему для построения своего понятия об индивидуальном; если он и не обобщает их, то из этого еще не следует, чтобы он не занимался отвлечением нужных ему элементов своих представлений; вместе с тем он, в известном смысле, стремится комбинировать эти черты, т. е. дать научное построение действительности. И так, идиографическое построение истории может иметь научный характер; история, и не будучи наукой обобщающей, все же могла бы претендовать на научное значение.

Произвольно ограничивая задачу научного знания, приверженцы номотетического построения лишают себя, однако, возможности устанавливать его разновидности по различию основных познавательных целей: они различают науки лишь по их объектам, например, по «процессам» или по «предметам»; с указанной точки зрения, по словам одного из защитников номотетической теории, история признается такою же обобщающей наукой, как и естествознание, и отличается от него только «другою областью исследования» (Барт). Различать, однако, науки не по точкам зрения, а только или главным образом по объектам затруднительно: ведь разные науки могут заниматься одним и тем же объектом — последние можно принимать во внимание при систематике наук, но лишь в качестве подчиненного признака, для деления их на более мелкие группы. Аналогичное, хотя и более тонкое смешение, обнаруживается и в других рассуждениях представителей школы: едва ли строго различая гносеологиче-

скую проблему приложения психологии к истории от психологической, некоторые из них говорят, что область наук о духе начинается там, где существенным «фактором» данного явления оказывается человек как желающий и мыслящий субъект. Такие обобщения, однако, предпосылаются нами: чужое «я», чужие желания и мысли, как таковые, не даны в нашем чувственном восприятии. Выражения «wollendes und denkendes Subjekt» или «denkendes und handelndes Subjekt»²³³ (Вундт) не однородны, ибо «wollendes» — примышляется, а «handelndes» — дано в опыте. Следовательно, в вышеприведенной формуле две разные точки зрения смешиваются: в основе всякого исторического построения лежит, конечно, признание чужого одушевления, и притом переносимого на раньше бывших людей; но наше заключение о реальном существовании психических «факторов», порождающих известные продукты культуры, требует особого обоснования, а именно, обоснования признания реальности факторов чужой психики, а также причинно-следственной связи между ними и соответствующими продуктами культуры. Смешение подобного рода легко может привести к различению наук не по познавательным точкам зрения, а по объектам, что, в свою очередь, облегчает возможность признавать в науке вообще одну только обобщающую точку зрения, различая отрасли науки (например, естествознание и историю) лишь по «объектам» изучения.

Приверженцы номотетического построения делают свои обобщения, постоянно пользуясь принципом причинно-следственности. Стремление установить причинно-следственную связь между наблюдаемыми фактами, конечно, вполне научно, но в нем часто смешивают два понятия: понятие о логически необходимой и понятие о фактически необходимой связи между двумя фактами: предшествующим и последующим. Под логически необходимой связью между фактами мы разумеем связь, которая мыслится нами как логически необходимая и всеобщая (принцип причинно-следственности): если дано *a* (т. е. дано в том смысле, что действие его не встречает в действительности противодействующих ему условий), то за ним должно следовать *b*. Под фактически необходимой причинно-следственной связью между фактами можно разуметь связь, которая констатируется нами как конкретно-данная: дано *B*, вызванное *A*, причем *A* получается, благодаря «случайной» встрече или скрещиванию многих обстоятельств: $a_1, a_2, a_3, \dots, a_n$ в данное время и в данном месте. Сторонники

разбираемого направления признают причинно-следственность лишь в логическом смысле: «индивидуальное, — по словам одного из них, — не способно стать причиной в научном смысле слова». И действительно, мы с полным основанием можем говорить о необходимости и всеобщности причинно-следственной связи между *a* и *b*, лишь пользуясь принципом причинно-следственности; только на его основании мы в полной мере можем построить логически необходимое и всеобщее причинно-следственное отношение между *a* и *b*. Тем не менее, в действительности, каждому из нас приходится иметь дело с фактически необходимой связью, которую мы не в состоянии признать логически необходимой и всеобщей; такие случаи бывают, когда мы имеем дело с комбинациями причин, «случайно» столкнувшихся или совпавших; в сущности, лишь исходя из уже вызванного ими сложного продукта, мы в состоянии заключить о той совокупности обстоятельств, которая породила столь сложный результат (продукт): из взятых порознь причин нельзя еще вывести данной комбинации причин и придать ей таким образом логически необходимый и всеобщий характер; значит, с точки зрения логики данность такой комбинации — простая «случайность». Вместе с тем исторический «фактор», разложенный на его элементы (если нечто подобное осуществимо), уже не будет реально данным фактором, именно им, а не другим; да и из таких разложенных элементов, порознь взятых, нельзя вывести данного продукта, поскольку он фактически получился в результате «случайной» (с логической точки зрения) встречи множества обстоятельств в данное время и в данном месте. Далее, следует заметить, что из числа тех причин, которые в общей совокупности порождают данный продукт, лишь те из них, которые всего дальше отстоят от результата, поддаются научному анализу, например, физические условия, повлиявшие на данную личность или группу людей, а, значит (косвенно), и на их поступки или деятельность; но такими отдаленными причинами, отвлекаемыми от действительности, нет возможности удовлетворительно объяснить реально-данные продукты; надо взять непосредственно предшествующее им, а таковым придется признать весьма сложную совокупность условий, породивших данный результат. Положение, например, что кислород обуславливает жизнь животных, а значит, и жизнь людей, человеческих обществ и их историческое развитие, мало имеет значения для объяснения собственно исторического процесса: никто не станет на-

зывать кислород историческим фактором; причинно-следственное отношение нужно устанавливать между непосредственно предшествующим и следующим так, чтобы предшествующее непосредственно переходило в следующее; но такой непрерывной связи между предшествующим фактом и последующим в области истории установить нельзя, не исходя из заранее данного фактического отношения: ведь между элементом, отвлекаемым от действительности, и продуктом — множество посредствующих звеньев, не располагающихся в линейный ряд. Наконец, из таких соотношений нельзя еще с достоверностью предсказать, каков будет их продукт. Итак, не будучи в состоянии логически построить данную совокупность причин и вывести из нее данный продукт в его целом, нам остается только исходить из конкретно данного результата и пытаться объяснить, каким образом он возник в действительности; но рассуждать в таких случаях о «единичном законе» изучаемого процесса едва ли целесообразно*.

Последовательное применение принципа причинно-следственности в области истории представляет и другие затруднения. Сами приверженцы номотетического направления признают, например, что здесь нельзя говорить о чисто механической связи, а приходится рассуждать о причинно-следственности в психологическом смысле (т. е. о мотивах и действиях); но в таком построении нельзя говорить о количественной эквивалентности между причиной и следствием, а лишь о качественной зависимости. Далее, если бы можно было исходить из понятия о своего рода «механике представлений», то с такой атомистически-психологической точки зрения можно было бы устанавливать причинно-следственные отношения между отдельными представлениями; но в случаях подобного рода субъект, с его единством сознания, всегда предполагается, и может быть, даже в ассоциации двух идей каждая из них не находится в непосредственном отношении к другой, а только через представляющего их субъекта, что чрезвычайно осложняет их отношение. Наконец, такое психологическое построение (мотив-действие) легко ведет к превращению причинно-следственной связи в телеологическую (ср. *Zweckmotiv* Вундта). В тех случаях, однако, когда мы считаем цель мотивом своих поступков, а последние — действием ее, под понятие о таком соотношении мы можем

* Ср. выше с. 41 <Т. I. С. 119>.

подвести и совсем иное: ведь цель можно рассматривать как требование субъекта; нормативная оценка (мотивировка) лежит в основе наиболее ценных наших действий.

Приверженцы номотетического направления стремятся миновать это затруднение, рассматривая всякое воление с точки зрения его мотивации или ссылаясь на «законы» статистики; но такие построения вызывают новые возражения.

Если каждое наше действие мотивируется и мотивация приравнивается к причинению его известными (внешними) факторами, то нечего говорить и о свободе воли: она — простая фикция; но в таком случае нет различия между действием, вызванным стремлением к удовольствию или отвращением от страдания, и актом, совершаемым в силу требования сознания самого действующего лица; признавать свободу его воли можно лишь в последнем смысле: человек свободен не тогда, когда он — игральщик своих страстей, а тогда, когда он свободно подчиняет себя идее должного, которую он почерпает из собственного сознания; человек свободен от внешнего давления природы, когда он поступает не под впечатлением мгновенного аффекта, а на основании им самим предъявляемой себе нормы. Приверженцы номотетического направления легко забывают о нормативном характере нашего сознания и смешивают закон природы с законом в нормативном смысле; между тем история получает совершенно особое, самостоятельное по отношению к природе значение, если рассматривать ее как постоянное осуществление некоего долженствования; в нем всего ярче и обнаружится наиболее характерное воздействие человеческого сознания на материю.

Сторонники номотетической точки зрения ссылаются еще на взаимное ограничение свободной воли отдельных лиц, в итоге уничтожающее индивидуальные ее колебания, что будто бы и можно доказать статистикой. Статистические выводы («законы»), однако, в данном случае мало убедительны: статистическое среднее — научная фикция, а не действительность; даже если под нею разуметь тип и притом репрезентативный, за исключением одного случая (или нескольких), он все же будет идеальным по отношению ко всем остальным, т. е. фикцией; но для того, чтобы последняя имела некоторое научное значение, надо, чтобы исчисляемые объекты можно было признать совершенно однородными; далее, чтобы слагались были всех возможных значений между 0 и $\pm\infty$, иначе разности при их сло-

жении взаимно не уничтожатся, т. е., чтобы число их было бесконечно в математическом смысле, и, наконец, чтобы сравниваемые действия происходили одновременно. Ни одного из только что указанных условий мы, в сущности, не имеем в явлениях, изучаемых в моральной статистике. Следует также обратить внимание и на то, что статистический «закон» — просто эмпирическое обобщение, а выяснение причинно-следственной связи между данными последовательностями изменений приводит нас к затруднениям, уже изложенным выше: объяснение «коллективных» явлений все же сводится в конечном итоге к объяснению обнаруживающихся в них состояний индивидуальных сознаний, а без установления такой причинно-следственной связи нельзя говорить и о законе.

Во всяком случае, кроме вышеуказанных теоретических соображений, следует заметить с научно-практической точки зрения, что в действительности в сложной душевной жизни данная причина (мотив) может очень часто встречать «противодействие» со стороны другой, и, значит, «закон» здесь будет гораздо более фиктивным. В области сложных явлений подобного рода оговорка, неразрывно соединяемая со всяким естественно-научным законом — «если нет препятствий» — повторяется гораздо чаще и в более сгущенном виде: поскольку в душевной жизни скрещивание разных причин бывает чаще, чем в области «мертвой» природы, постольку законосообразность психических явлений реже обнаруживается. По мнению некоторых мыслителей, за исключением области психофизических исследований, в области собственно душевной жизни, пожалуй, и не удастся установить «точных всеобщих законов» (Зигварт). Таким образом, уже в психологии конкретного индивидуума приходится говорить о фактически необходимой связи между субъектом и его продуктами.

Впрочем, если бы даже психологические законы были вполне установлены, все же «непосредственное» перенесение их в область истории не могло бы еще дать исторических законов, ибо, подобно тому как разложение комбинации причин на отдельные причины уничтожает самую комбинацию или фактор в его целостности, так и выискивание психологических законов возможно лишь при разложении исторического процесса на его элементы, а отвлечение последних от действительности упраздняет наличность самого процесса, поскольку он представляется нам индивидуально данным.

Некоторые из таких психолого-исторических законов, например, «принцип творческого синтеза» или «закон гетерогонии целей»²³⁴ — просто принципы истолкования социальных явлений; но в таком случае из них нельзя выводить закона роста духовной энергии; или они, в лучшем случае, эмпирические обобщения — например, «закон контрастов», — ибо следование одной тенденции за другой, хотя бы между ними и существовал контраст, еще не объясняет, почему такое следование имело место: ведь одна из них сама по себе не в состоянии вызвать другую; первый момент может быть условием, благоприятным для наступления второго, но между ними нужно вставить посредствующие звенья. Наконец, некоторые из таких исторических законов, выведенных психологическим путем, представляют из себя обобщения, с психологической точки зрения скорее указывающие на иррациональность исторического процесса, на его непредвиденность, чем на его законосообразность; таков, например, принцип гетерогонии целей: человек ставит себе определенную цель; но ему не всегда возможно рассчитать средства, вполне пригодные для ее достижения, и легко натолкнуться на неожиданный для него результат; представление о нем, при положительном отношении к нему, может в свою очередь стать целью, что и приводит к «гетерогонии» целей*.

Перейдем к рассмотрению тех номологических обобщений номотетической школы, которые сводятся прежде всего к попытке усмотреть относительно-устойчивую комбинацию причин в племенном или культурном типе, порождающих соответственные продукты.

Построения подобного рода, в сущности, слишком мало различают номологическое обобщение от типологического и приписывают «типу» значение реальной комбинации факторов, порождающих соответственные продукты культуры. Между тем, всякий тип — есть наше построение, а всякий продукт культуры — есть результат индивидуальной деятельности; но в данной личности черты данного типа комбинируются с личными, и только пренебрегая последними и оставляя без внимания отражение их в продукте, можно говорить о нем вообще, как о продукте целой группы; с такой точки

* W. Wundt, Logik, Bd. II, 2, 3-te Aufl., SS. 281 ff.; ср. выше его же рассуждение о «единичном законе».

зрения, однако, легко упустить из виду наиболее характерные особенности самого продукта.

Впрочем, понятие племенного типа имеет некоторое значение, но в пределах данного времени и пространства, строго установленных путем наблюдения; последнее должно выяснить, в каких именно пределах можно говорить о некоторой устойчивости данного племенного типа, а тогда уже можно пользоваться им в вышеуказанном смысле. В противном случае, понятие племенного типа может ввести исследователя в заблуждение: ведь даже у ученых, склонных к обобщению в номотетическом смысле, оно весьма условно; один из них, например, сам указывал, что социология — история, и придерживался теории расы; но затем он пришел к заключению, что «раса» — продукт истории, а не природы. По его мнению, чем дальше мы углубляемся в древность, тем более мы замечаем сходства между народами; время устанавливает между ними различия и свойства, которые мы видим в них, не врожденные, а приобретенные. Ни один из них сам по себе не отличается ни воинственностью, ни миролюбием: «склонность к миру или к войне одерживает в них верх, смотря по тому политическому устройству, при котором им приходится жить». Если в настоящее время существуют народы, имеющие, по-видимому, особую склонность к тому или другому образу правления, к тому или другому виду деятельности, то этим они обязаны долговременному влиянию тяготеющих над ними веков*.

Таким образом, понятие о племенном типе суживается и само еще недостаточно для объяснения причинно-следственной связи; даже в данных пределах времени и пространства племенной тип не является причиной, постоянно действующей единообразно; он — скорее типологическое построение**.

Понятие о «культурном типе» как комбинации факторов, порождающих соответственные продукты культуры, по мнению историков-социологов, допустимо в качестве предварительного и приближенного обобщения в области культурной истории; но и им можно пользоваться лишь в строго ограниченных пределах пространства и времени, которые далеко не всегда можно установить с желательной точностью, а при таких условиях легко образовать культурный тип из

* *Fustel de Coulanges*, *La Gaule romaine*, pp. 8, 134–135 и др.

** *J. Finot*, *Le préjugé des races*, Par., 1905.

признаков, характеризующих различные периоды, и придавать ему произвольное значение.

Во всяком случае, соотношение между типом данной нации или культуры и соответственными продуктами культуры, ввиду вышеуказанных соображений, не отличается той логической необходимостью и всеобщностью, которая характеризует понятие закона в строгом смысле.

Номологические обобщения, опирающиеся на понятие о консензусе и эволюции, в области истории также оказываются недостаточными и вызывают некоторые сомнения. Эти термины можно употреблять различно, придавая им или общее, или индивидуальное значение; но представители разбираемого направления упускают из виду последнее: они слишком мало останавливаются на понятии о данной системе культуры, или о данной эволюции, как о некоем целом; они не дают конструкции субъекта консензуса или эволюции и не выясняют, какова логическая природа той связи, которая устанавливается между целым и его частями, т. е. элементами культуры или звеньями эволюции, хотя сами иногда готовы признать, что «всемирная история есть единичный и единственный в своем роде процесс»*. Вообще, стремление к обобщению сильно затрудняет его построение: не обращая внимания на те единичные конкретные факты, влиянием которых один исторический момент отличается от другого, историк-социолог, например, часто ограничивается изучением истории со статической точки зрения: в таком случае он легко смешивает факты, случившиеся в разное время, и забывает, что, в зависимости от разного положения во времени, факт может получить и разное значение; он останавливает ход истории и не в силах представить ее в движении. Впрочем, и историк-социолог, казалось бы, может дать о нем надлежащее понятие путем построения эволюционных серий; но и тут стремление к обобщению ведет к образованию отвлеченно взятых, типических серий, а такая конструкция может удовлетворить собственно историческое понимание лишь при смешении логически-конструируемого (с номотетической точки зрения) ряда с действительным историческим рядом; в последнем нельзя элиминировать индивидуальное (лица, события); нельзя без него понять, почему в

* *K. Lamprecht*, *Die kulturhistorische Methode*, S. 44: «Die Weltgeschichte ist ein einziger, singulärer Prozess...».

данном пункте пространства и в данный момент времени одно состояние общества сменилось другим; нельзя подвергнуть такую связь дифференциальному изучению. Наконец, при построении понятий о прогрессе и регрессе историк-социолог встречает не менее, если не более затруднений; он либо отрицательно относится к научности таких понятий, придавая им чисто субъективный характер, либо ставит в связь понятие о прогрессе с нравственным постулатом, соответственно изменяя и свое понятие о регрессе, и, таким образом, в сущности, исходит из принципов, не находящих себе места в номотетическом построении.

Во многих случаях приверженцы номотетического построения тем не менее считают возможным рассуждать об «исторических законах» благодаря тому, что они этим термином обозначают лишь эмпирические или даже типологические обобщения. Некоторые из них, например, или слишком мало различают закон от эмпирического обобщения, или последнему придают слишком большое обобщающее значение; но смешивать закон, устанавливающий логически необходимое и всеобщее причинно-следственное отношение между предшествующим и последующим, с установлением простой последовательности их, наблюдаемой в опыте, конечно, нет никакого основания. Попытки установить причинно-следственную связь между эмпирически необходимыми последовательностями производились, но таких случаев очень немного, даже в языкознании*.

Если не все исторические обобщения, то, во всяком случае, большинство их представляется нам даже не строго эмпирическими: в действительности, отступления от них встречаются; а потому такие обобщения скорее могут быть названы феноменологическими или эволюционными типами, чем настоящими эмпирическими обобщениями; таков, например, «закон» смен форм правления и т. п.

С социологическо-исторической точки зрения такие типологические построения можно признавать, главным образом, подходящими техническими средствами для систематики материала; но более широкое употребление их может вызвать целый ряд возражений.

Нельзя забывать, например, что история человечества, взятая в целом, — единственная в своем роде; между тем факторы ее играют

* W. Wundt, *Völkerpsychologie*, Bd. I, 1, SS. 413 и сл.; здесь автор делает попытку объяснить «закон» Гримма.

роль и в образовании типов. С такой точки зрения генезис их сам не имеет типического значения*.

Далее, если с одной стороны, тип — понятие относительно общее, по отношению к тем «экземплярам» которые субсуммируются под него, то с другой, поскольку данный тип противопоставляется остальным, он уже индивидуален; мы приписываем ему, в отличие от других типов, некоторые, свойственные ему, особенности, что и придает ему индивидуальный характер. Построение «социальных типов», например, ограничивает некоторые обобщения пределами данного типа; с такой точки зрения можно говорить о разных типах развития культуры и, значит, приходиться к заключению, что далеко не все народы проходили одни и те же стадии эволюции; но в случаях подобного рода понятие типа уже употребляется для некоторой индивидуализации исторических данных. В своем стремлении к обобщению сторонники разбираемого направления легко забывают, однако, ограниченное значение своих выводов: они произвольно распространяют объем типа за пределы места и времени, в которых он только и имеет; значение, часто не различают типического от случайного и т. п.**

Наконец, приверженцы номотетического направления упускают из виду то значение, какое тип получает в зависимости от отнесения его к данной ценности и в качестве средства для индивидуализации наших исторических знаний. Такие ученые забывают, что можно образовывать известный тип и не в естественно-историческом смысле слова: в естествознании он употребляется в качестве относительно общего понятия, обозначающего такую совокупность экземпляров, которую можно характеризовать общими им признаками; в истории тип может получить определенное значение путем отнесения его к известной ценности и может стать нормой; тогда речь идет уже не о том, что общее, а что должно быть общим; это — типы, образуемые в зависимости от понятия о должном: нравственная или правовая норма, например, не есть тип поведения, а тип должного поведения. В номотетических построениях тип иногда явно образуется путем

* O. Hintze, Ueber individualistische und kollektivistische Geschichtsauffassung in «Hist. Zeit», Bd. 78 (1897), S. 67.

** A. Aulard, Op. cit. Здесь можно найти много примеров таких именно ошибочных заключений, сделанных Тэном в его известном труде о французской революции: см. pp. 32, 52–53, 83, 111, 113, 125, 286–287, 296, 325–326 и др.

отнесения к ценности или к какому-либо единичному факту с крупным историческим значением «маленьких фактов, имеющих значение» (*petits faits significatifs*); в таких случаях «значение» последних, однако, уже признается, но тот критерий, в силу которого оно признается и который обуславливает построение именно данного типа, не устанавливается*.

Вместе с тем, представители номотетического направления не оттеняют значения типологических обобщений в качестве средства для изучения индивидуального; тип может служить как бы штемпелем, приложение которого к данной индивидуальности обнаруживает, в чем именно она отличается от типа, а такие отличия, в свою очередь, требуют объяснения, что и ведет к индивидуализированию данного случая.

С такой точки зрения приверженцы идиографической точки зрения готовы даже прямо отрицать самостоятельное значение типологических построений**.

Критическое рассмотрение номотетического построения исторического знания уже обнаруживает законность и другой точки зрения на историю — идиографической; приступим к ее изучению.

Отдел второй. ПОСТРОЕНИЕ ТЕОРИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ С ИДИОГРАФИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

При изучении построения теории исторического знания с идиографической точки зрения следует также различать его генезис от его оснований. Помимо общих соображений, уже высказанных в пользу такого различения в предшествующем отделе (с. 68 <139–140>), достаточно заметить здесь, что разбираемое построение сложилось не сразу: оно почти бессознательно применялось задолго до его обоснования и обнаружилось в довольно разнообразных попытках выяснить значение некоторых из его основоположений, прежде чем

* Индивидуализм, например (в качестве типа), имел религиозное значение у средневековых мистиков, прежде чем секуляризировался в эпоху Возрождения; или, положим, образ жизни парижан во время осады столицы прусскими войсками в декабре 1870-го и в январе 1871-го годов в зависимости от такого именно факта, можно характеризовать «маленькими фактами, имеющими значение», и т. п.

** O. Ritschl, *Die Causalbetrachtung in den Geisteswissenschaften*, Bonn, 1901, S. 32: «Das typische gehört... nicht mehr in die Geschichte selbst hinein»²³⁵.

получило более систематическую формулировку и стало сознательно применяться к научной обработке исторического материала. Предварительное знакомство с главнейшими из таких попыток несколько выяснит разнообразные точки зрения, с которых наша проблема обсуждалась, и облегчит усвоение именно той точки зрения, с которой идиографическое понимание может быть систематически установлено в его применении к задачам собственно исторического знания. Впрочем, такую систему нельзя еще признать окончательно установленной, что и дает основание подвергнуть ее критическому рассмотрению.

Глава первая. Главнейшие моменты в развитии идиографического построения исторического знания

Развитие теории исторического знания, построенной с идиографической точки зрения, можно было бы начинать с классической древности. Древние мыслители, много рассуждавшие о бытии и бывании, правда, высказывались в том смысле, что наука трактует только об общем и что нет науки о частном, об индивидуальном или о случайном; но греки умели постигнуть ценность жизни, и античная историография уже внесла в ее понимание несколько идей, оказавших влияние и на идиографическое ее построение; не задаваясь целью подвергнуть их всестороннему рассмотрению, я ограничусь указанием на две из них, тесно связанные с понятием об исторической действительности. Историки того времени уже стали сознательно сосредоточивать свой интерес на том, что действительно было и, в сущности, выбирали из известных им фактов то, что казалось им важным для истории преимущественно греческой цивилизации; естественно, что при таких условиях элементы идиографического построения можно уже встретить у некоторых из наиболее выдающихся представителей античной историографии (например, у Фукидида); после водворения римского господства они не чуждались и универсально-исторической точки зрения (например, Полибий²³⁶).

Такая универсально-историческая точка зрения перешла и к отцам церкви, переработавшим ее согласно с христианским мировоззрением, а через их посредство и к составителям средневековых хроник (св. Иероним²³⁷, св. Августин²³⁸, Исидор Севильский²³⁹ и др.).

С религиозно-трансцендентной точки зрения, которой придерживались христианские мыслители даже позднейшего времени, история человечества получала особого рода единство: Божественный промысел руководит ею, «воспитывает» человечество в его истории и т. п.; вместе с тем, Боговоплощение — центральный ее момент; люди предуготовляются к нему, или пользуются его плодами (Боссюэт).

После падения исключительного авторитета церкви и по мере секуляризации человеческой мысли, религиозно-философское влияние на понимание истории стало сменяться, однако, влиянием философским. В самом деле, тот эмпиризм²⁴⁰, который возник почти одновременно с основанием знаменитой иезуитской конгрегации²⁴¹, уже исходил из противоположных ей начал и оказал заметное влияние на идиографическое понимание истории; вслед за тем и другие философские системы начали влиять на такое же понимание и даже (например, в виде учения об идеях) несколько отразились в современной им историографии. Вместе с тем, и интерес к индивидуальному вообще усилился, главным образом, в эпоху Возрождения, а затем и в эпоху романтизма; романтики уже пытались выяснить основания своего интереса к индивидуальности: они ценили ее преимущественно с эстетической точки зрения. Впрочем, нельзя упускать из виду, что развитие конкретно-исторических построений последующего времени находилось в связи не только с культурными, но и с политическими условиями действительной жизни: отвлеченность принципов французской революции и наполеоновские войны, грозившие стереть многие нации с лица земли, — вызвали реакцию; она обнаруживалась в сильном подъеме национального духа: целый ряд крупных исторических трудов, главным образом, немецкой школы, написанных согласно идиографическому пониманию истории, возникли под влиянием такого именно построения; связь подобного рода заметна и в позднейшее время, время политического объединения Германии. Под влиянием вышесказанных условий понятие об исторической действительности получило в новое время и новую формулировку, в известной мере объединявшую прежние понятия о ней: ученые стали понимать под историческою действительностью все важное для истории человечества: вместо всемирной истории они стали преимущественно говорить об истории всеобщей, не всегда, впрочем, сознавая смысл такой терминологической перемены (Ранке).

Подробное изучение генезиса идиографического понимания истории не входит, однако, в задачи настоящего очерка; я укажу лишь на главнейшие моменты в развитии систематического построения исторического знания в новое время, т. е. на те попытки, которые характеризуются стремлением выяснить его основания и, опираясь на них, выработать целую систему исторических понятий.

Такие системы конструировались преимущественно с философской точки зрения; значит, главнейшие попытки подобного рода построений естественно различать в зависимости от того именно направления в развитии философии, к которому они примыкали: можно последовательно остановиться на характеристике, хотя бы в самых общих чертах, попыток дать идиографическое построение, главным образом, с точки зрения эмпиризма и рационализма, далее, с точки зрения этического и метафизического идеализма, а также позитивизма и пробабиллизма²⁴² и, наконец, с точки зрения теоретико-познавательного идеализма.

§ 1. Идиографическое построение с точки зрения эмпиризма и рационализма

После падения исключительного авторитета церкви и благодаря секуляризации человеческой мысли, интерес к науке и преимущественно к эмпирическим знаниям усилился; под его влиянием, а также ввиду развития некоторых эмпирических наук, в особенности астрономии и естествознания, мыслители XVII—XVIII вв. приступили и к систематике наук; с такой точки зрения они должны были заинтересоваться и историческим знанием; выясняя его положение в системе наук, они пришли к эмпирическому построению исторического знания в идиографическом смысле; историю его можно начинать со времени появления известного сочинения Бакона²⁴³: «De dignitate et augmentis scientiarum»²⁴⁴.

Занятый мыслью улучшить то соотношение, какое философия устанавливает между человеческим умом и вещами, и желая выяснить взаимную связь между науками, Бакон попытался отвести в системе их особое место наукам историческим.

В своей системе Бакон исходил из известного деления «способностей человеческой души» (познающего субъекта) на три главные: разум, память и воображение (ratio, memoria, phantasia), причём притино-

полагал науки, основанные на «разуме», наукам, пользующимся «памятью и воображением»*. Разум лежит в основе наук обобщающих, в совокупности называемых «философией»: «философия» пренебрегает индивидуумами и понятиями, через посредство которых мы представляем только их; она обнимает лишь такие понятия, которые отвлекаются (абстрагируются) от них, и занимается тем, что соединяет или разделяет понятия подобного рода, согласно законам природы и очевидности самих вещей. «Наука», пользующаяся памятью и воображением, противоположна «философии» в том смысле, что она интересуется не общим, а индивидуумами; история, основанная на «памяти», в отличие от «поэзии», пользующейся «воображением», есть все же эмпирическая наука; «история и опыт одно и то же»; историк изучает действительных индивидуумов, а не воображаемых, свободно строяемых (художественным) творчеством человека; воображение, напротив, «имеет отношение к поэзии», она — не что иное, как «мнимая история».

Таким образом, определив место, которое история занимает в системе наук, Бакон переходит далее к выяснению ее содержания. «Индивидуумы, поскольку они отграничены временем и пространством» — «настоящий предмет истории». Под такое понятие легко подвести и «естественную историю» (*historia naturalis*), и «гражданскую историю» (*historia civilis*). В самом деле, хотя кому-либо и может показаться, что естественная история занимается изучением «видов», а не индивидуумов, но такое впечатление получается лишь от того, что под видом разумеют совокупность предметов во многих отношениях сходных между собою, так что, кто знает один из них, знает и все остальные; тем не менее, и в природе мы можем наблюдать индивидуумы, единственные в своем роде, например, солнце или луну, или такие индивидуумы, которые сильно уклоняются от данного вида; с не меньшим основанием можно описывать их в естественной истории, чем и «человеческих индивидуумов» в истории гражданской. Таким образом, к области естественной истории можно отнести изучение действий и подвигов природы, а к области гражданской — действия и подвиги человека.

В область истории природы должны войти три рода предметов. Первый отдел истории природы изучает генезис тел и форм приро-

* Бакон перечисляет способности в обратном порядке (память, воображение, разум).

ды (*historia generationum*), связанный изучением самой природы вещей; сюда можно отнести, например, историю небесных тел, метеоров, в том числе и комет, а также историю ветров, дождей, бурь и т. п. (исключительных, единичных) феноменов; историю (образования) земли и моря, гор, рек, приливов и отливов, песков, лесов, островов, самой конфигурации материков и их очертаний; историю основных элементов (*massae sive collegia, majores; vulgo elementa*): огня, воздуха, воды и земли, их движений, действий (*operibus*) и влияний (*impressionibus*); историю таких соединений (*collegia sive massae minores*), которые известны под названием «видов» (*species*). Второй отдел истории природы составляет изучение более или менее значительных уклонений или «errores» природы (*historia praetergenerationum*), т. е. тех произведений природы, которые представляют уклонения от обычного ее хода; сюда можно причислять: произведения (*productiones*), свойственные только известным областям и местностям, исключительные происшествия, случившиеся в данное время, такие события, которые историки иногда называют игрою случая; следствия действия скрытых сил (*proprietary effectus*); вещи, единственные в своем роде, встречающиеся в природе. Наконец, третий отдел истории природы (*historia artium, sive mechanica experimentalis*) обнимает изучение техники, т. е. вещей, возникших благодаря искусству человека; они отличаются от произведений природы по причинам, вызвавшим их, но не по существу и не по форме; в таких случаях к действию природы прибавляется действие человека; но он может только перемещать тела природы, сблизить их друг с другом или удалять их друг от друга, а не создавать что-либо новое по существу. История природы, во всех трех ее областях, рассмотренных выше, должна не только рассказывать, т. е. удовлетворять потребности знать то, что было, но должна стремиться сделаться индуктивной, т. е. должна готовить материал для «философии» и питать ее своим «молоком».

История гражданская изучает действия и подвиги человека не вообще, а взятого в его индивидуальности; она стремится к изучению специфических особенностей и характера данной личности; нельзя, однако, достигнуть научного построения такой действительности без изучения причинно-следственной связи событий. Душа гражданской истории состоит в том, чтобы выяснять, какие именно причины произвели данное событие, чтобы углубиться в изучение движения

веков, характера деятелей, свойств подземных течений, вызвавших их действия», и истинных их мотивов, а не одних только внешних, которыми они прикрывались, и т. п.; она выясняет принципы, которыми они руководились, — совокупности обстоятельств, обусловивших возможность совершения их действий, и т. п. Следовательно, история «специфицирует» природу народов, действовавших в данных пределах времени и пространства, и, таким образом, достигает понимания данного периода времени или какой-либо личности, какого-либо действия или подвига, достойных внимания, что возможно лишь при известном «выборе фактов»*.

Теория Бакона не вполне исчезла из оборота европейской научной мысли. Лейбниц, уже в молодости ознакомившийся с его трудом, относился с сочувствием к предложенному им делению наук. Бакон оказал довольно сильное влияние и на французскую философию XVIII-го века, о чем свидетельствует известная французская энциклопедия Дидро²⁴⁵ и Даламбера. Последний в своей системе наук, в сущности, придерживается основных положений Бакона и, подобно ему, рассуждает об истории, которая, по его мнению, делится на историю природы (с ее разновидностями) и историю гражданскую.

В то же время, однако, под влиянием развития эмпирических наук, мыслители-ученые стали яснее сознавать, что из научно-рационалистической конструкции нельзя еще вывести реально-данного мира и что всякой эмпирической науке, конструирующей действительность, приходится считаться с ее данностью, по крайней мере, в один какой-либо момент ее существования. В своем известном введении к французской энциклопедии Даламбер, кажется, уже выразил нечто подобное: «вселенная, — по его словам, — представлялась бы тому, кто сумел бы обнять ее с одной точки зрения, великой истиной и единым фактом». Во всяком случае, успешное приложение точных наук к разработке эмпирических данных не давало еще ученым права пренебрегать действительностью: напротив, один из великих математиков нового времени, Лаплас, приступая к изложению теории вероятностей, сам признал, что вместе со знанием законов (les forces) надо еще принять данное состояние системы тел, т. е. не-

* F. Bacon, De dignitate et augmentis, Lib. II. pp. 1–12; издание 1605 г. в дополненном виде вышло в 1623 г. Бакон перечислял «способности» души в ином порядке, а именно: память, воображение, разум.

которое положение их в пространстве под условием времени, хотя бы в один какой-либо момент ее существования, для того чтобы достигнуть полноты научного знания и иметь возможность не только понимать прошедшее, но и предсказывать будущее*.

Вышеизложенные эмпирические построения не давали, однако, прочных оснований для идиографического понимания исторической действительности: они все еще очень мало выясняли ту теоретико-познавательную точку зрения, с которой наука может интересоваться индивидуальным, и скорее довольствовались указанием на особого рода объекты, подлежащие такому исследованию. Перемещение нашей проблемы в область теории познания совершалось не без некоторого влияния рационализма.

Универсальный гений «века просвещения» Лейбниц старался примирить религию с наукой и различал рациональное от эмпирического, но придавал значение обоим; он попытался выяснить различие между истинами логическими и фактическими и, таким образом, дал основание проводить грань между философией и историей, не отрицая последней. Лейбниц полагал, что есть два рода истин: «вечные» истины, основанные на рассуждении, и фактические истины, представляющиеся нам в виде «действительного бытия существ». «Вечные» истины абсолютно необходимы, и понятия, им противоположные, невозможны; фактические же истины суть истины случайные (vérités contingentes), и их противоположность возможна**; они оказываются как бы реальными скрещиваниями «истин необходимых», но нельзя вывести их из таких истин: реальные факты никогда не проистекают из одних законов, а всегда предполагают другие реальные факты, которыми они необходимо обусловлены, и т. д. до бесконечности.

Вместе с тем Лейбниц пытался выяснить и значение индивидуального. В своем рассуждении о принципе индивидуальности (Disputatio de principio individui, 1663), облеченном еще в схоластическую форму, Лейбниц выступил на защиту индивидуального; он отвергнул средневековое учение о том, что универсальное имеет высшую степень ре-

* J. D'Alembert, Discours prélim. в Encycl. t. I, 1751 г. P. S. Laplace, Oeuvres, t. VII, pp. VI–VII.

** G. W. Leibnitz, Phil. Schriften, hrsg. v. C. J. Gerhardt. Bd. VI, S. 612 (Monad., § 33). Монадология сочинена в 1714 г. (напечатана в 1720 г.); см.: L. Davillé, Leibnitz historien, Par., 1909, pp. 337–340; ср., впрочем, о провиденциализме Лейбница: Ib., pp. 375, 703, 720.

альности, чем единичное (singulare): напротив, *individuum* есть «ens positivum»; его нельзя конституировать путем отрицания (*negatio non potest producere accidentia individualia*) — положение, разумеется, получившее дальнейшее развитие в учении о монадах. Отсюда Лейбниц делает заключение, что мир (*Universum*) в его действительности есть существование определенного случая общих истин; «цель такого осуществления (руководимая божественным выбором) есть индивидуация; через ее посредство возможно большее число всех форм и стадий индивидуального бытия получает свое осуществление. Вместе с тем, представляя себе мир в виде целого, Лейбниц указывал и на то, что каждый человек «должен понимать другого в качестве как бы его части» («*velut partem universi...*»).

Такие же начала Лейбниц пытался применить и к изображению конкретной истории. В числе целей исторического знания главные, по его мнению, состоят в нашем интересе к индивидуальному (*voluptas noscendi res singulares*), а при выборе исторических фактов следует отдавать преимущество тем, которые имеют всеобщее значение; впрочем, в силу «закона непрерывности» или всеобщей связи фактов между собою, даже мелкий факт получает свое значение в историческом процессе*.

Под влиянием Лейбница и Вольф определял философию, как науку о возможном, поскольку оно может быть (*die Wissenschaft des Möglichen liefern es sein kann*); а возможным он признавал то, что не содержит в себе никакого противоречия, независимо от того, есть ли оно в действительности, или нет. Философии Вольф противопоставлял знание историческое; последнее обнимает лишь то, что случилось или есть в действительности**. Возможно, что под тем же влиянием Лейбница, виттенбергский профессор Хладениус уже развил целое учение об «индивидуальных понятиях» в их применении к историческому знанию***.

Итак, идеалистическое обоснование идиографической точки зрения было уже подготовлено Лейбницем и Вольфом; но Лейбниц

* E. Bodeman, Leibnizens Entwürfe zu seinen Annalen, Ham., 1885, SS. 7, 18, 26; «j'a taché surtout de meler [т. е. включить в "Annales Imperii Occidentis Brunswicensis"] des choses qui tirent sur l'universel et qui puissent contenter un peu la curiosité générale»²⁴⁶.

** Вольф, впрочем, утверждал, что «*essentia entis possibilitate eius absolvitur*»²⁴⁷.

*** См. выше, сс. 31–33 <Т. 1. С. 111–113>.

и Вольф (а отчасти еще и Кант), в сущности, противопоставляли рациональное — эмпирическому, с которым они и отождествляли «историческое»; следовательно, они смешивали историю — бывание с историей — наукой. Такое построение не могло оставаться в силе после того, как основные начала критической философии, установленные Кантом, получили дальнейшее развитие, и тем более с того времени, когда Фихте попытался выяснить особенности собственно исторического знания.

§ 2. Идиографическое построение с точки зрения этического и метафизического идеализма

В конце XVIII-го века стремление приложить научную концепцию, выработанную в естествознании, к истории, правда, несколько задержало дальнейшее развитие идиографического построения; но представители немецкой романтической школы не замедлили высказаться против натуралистического понимания истории.

Критика Фр. Шлегеля²⁴⁸ на известное сочинение Кондорсе может послужить довольно яркой иллюстрацией такого протеста. В своей «*Esquisse d'un tableau historique des progrès de l'esprit humain*» Кондорсе постарался возвести историю на степень «науки». Талантливый очерк Кондорсе вызвал глубокое сочувствие многих мыслителей, и с того времени окончательно обозначилось стремление их с естественно-научной точки зрения построить историческую науку. Между тем, в философском журнале Нитгаммера²⁴⁹ за 1795 год уже появилась критика одного из известных представителей немецкой романтической школы Фр. Шлегеля на труд Кондорсе. В своей статье Фр. Шлегель выразил совсем иную точку зрения на задачи истории и высказался против того естественно-научного ее понимания, какого придерживался Кондорсе. «Постоянные свойства людей, — писал критик его очерка, — составляют предмет чистой науки, тогда как задачей научной истории человечества должно признать изучение перемен, происходящих и в отдельных личностях, и в целой их массе*». Поскольку Шлегель противопоставлял в вышеприведенном отрывке общие и частные («*reine*») понятия о законах природы человеческой, а следова-

* Fr. Schlegel, Рецензия на сочинение Condorcet в «*Niethammers Philosophisches Journal*», 1795; Heft 10, S. 164.

тельно, и о законах повторяющихся явлений человеческого общения, изображению перемен, происходящих в человеческой жизни, он, по видимому, готов был признать, что история занимается изучением единичных фактов. Впрочем, и другие романтики придерживались аналогичных взглядов. Шлейермахер²⁵⁰, например, полагал, что «Разум» («die Vernunft») проникает собою природу и что задача исторического знания состоит в понимании единичного путем определения того положения, какое оно занимает в целом*.

Новая точка зрения установилась однако не сразу. Кант, например, лишь подготовил ее обоснование, но не обратил на нее достаточного внимания. Великий основатель «критицизма» стремился выяснить рациональные основы нашего знания, его формы, общие понятия, законы и принципы и отличал их от иррациональности того, что просто дано в чувственном восприятии, т. е. от того, чего нельзя вывести из таких рациональных оснований и что оказывается для нашего разума «случайным»; он также желал «рационально отграничить иррациональный остаток действительности», но все еще слишком мало принимал в расчет ее значение для нас; впрочем, он уже стал оттенять ту регулятивно-телеологическую точку зрения, с которой «как бы» ввиду цели, преследуемой творческим разумом, можно объяснять себе единичное в природе; вместе с тем он дал развитое учение о нравственном достоинстве человеческой личности и о свободе ее воли, в силу которой она самопроизвольно предписывает себе закон, который должен иметь всеобщее значение. Таким образом, Кант уже установил те общие основания, в силу которых можно было рассуждать о значении индивидуального; но все же он еще слишком мало останавливался на выяснении теории собственно исторического знания и на логике исторических наук; придавая ценность единичному в истории лишь постольку, поскольку оно содержит нечто общее и разумное, он не мог установить принципиального различия между знанием «естественно-научным» и знанием «научно-историческим». Тем не менее, с Канта можно начинать новый период в развитии идиографического построения истории: главные методологические принципы критического идеа-

* F. Schleiermacher, Geschichte der Philosophie, Berl., 1839, S. 16; ср.: H. Mulert, Schleiermacher-Studien, I: Schleiermachers geschichtsphilosophische Ansichten in ihrer Bedeutung für seine Theologie, Giessen, 1907.

лизма легли в основу последующих теорий об идиографическом характере исторического знания. Сам Кант указал также и на то, что построение истории человечества нуждается в какой-либо руководящей точке зрения (Leitfaden) и в каком-либо масштабе: он разыскивал их в разумной природе человека, которая может вполне развернуться только в совершенном государстве; в сущности, он полагал, что с точки зрения моральной можно построить философию истории, как целесообразное осуществление нравственности. В одном из своих рассуждений, между прочим, задавая себе вопрос о том, каким критерием историки позднейшего времени будут руководствоваться при выборе фактов, Кант отвечает, что они, без сомнения, будут интересоваться теми из них, которые оказали полезное или вредное влияние на ход всемирной истории*.

Дальнейшее движение немецкой философско-исторической концепции характеризуется, напротив, стремлением придать ценность индивидуальному в истории, как таковому. «Вместе с развитием великого исторического мировоззрения — идеализма интерес к истории усилился; благодаря романтизму он распространился среди образованных кругов общества и приобрел такую серьезность и глубину, о которых ранее люди и не мечтали»; философам предстояло обосновать и развить такое настроение: историки были слишком заняты специально-научной разработкой своего предмета в его конкретном содержании.

Во главе таких мыслителей можно поставить Фихте; по его словам, он придерживался в сущности «той же точки зрения, что и Кант»; но он пытался вывести из сущности мышления принцип, который объединял бы теоретическую и практическую философию, и шел своим путем; он также близко сошелся с романтиками, с братьями Шлегелями²⁵¹ и другими. Вообще Фихте хотел дать систему, которую справедливо называют «этическим идеализмом».

За несколько лет до своей смерти Фихте, правда, стал резче подчеркивать понимание «абсолютного» в метафизическом, а не в теоретико-познавательном смысле; он стал признавать Божество или Абсолютное «Я» единственным абсолютным бытием, обнару-

* I. Kant, Idee zu einer allgemeinen Geschichte in weltbürgerlicher Absicht in Werke, B. IV (1838), S. 39. Влияние Канта уже обнаружилось в сочинении C. Föhlitz'a: Geschichte der Kultur der Menschheit nach kritischen Prinzipien, 1795.

живающимся в каждом эмпирическом «я», в его свободной деятельности и придающим единство множественности сознаний; с такой точки зрения, он представлял себе исторический процесс — непосредственным осуществлением Абсолютной Ценности в действительности, и пытался построить «философию истории», но главное значение Фихте для развития идиографического построения состоит не в трансцендентных его предпосылках, а в том учении, которое привело его к этическому идеализму и к новой теории исторического знания.

С последней точки зрения Фихте исходит из телеологического построения понятия о сознании, высшая цель которого состоит в том, чтобы мыслить самого себя, т. е. из понятия о «чистом я, изначально безусловно полагающем свое собственное бытие»; значит, свободная деятельность чистого «я», его акт самосознания обуславливает собою «бытие»; наше «я», в качестве «теоретического я» или познающего субъекта, правда, определяет себя в отношении к объекту, т. е. противопоставляет себя «не — я» и таким образом ограничивает себя в каждом отдельном акте сознания его содержанием; но, в сущности, наше «я» становится теоретическим для того, чтобы быть практическим: ведь оно стремится сделать чувственный мир лишь материалом для своей свободной деятельности, а последняя, в качестве самоцели, может быть только нравственной деятельностью. Ни из теоретического, ни из практического разума нельзя, однако, вывести данность единичного его содержания: наше «я» переживает последнее благодаря бессознательной и свободной деятельности представления; она глубже заложена в надъиндивидуальном «я», чем сознательная деятельность.

Такой момент имеет тем большее значение, что свободная деятельность нашего «я» может обнаруживаться только через индивидуальное посредство: она проявляется в каждом отдельном индивидууме, в каждом в совсем новой, никогда ранее не бывшей форме («die ideale Individualität oder, wie es richtiger heisst, die Originalität»). Каждый без исключения должен участвовать в планомерном осуществлении нравственной цели, «но в ему одному присущем и ни одному другому индивидууму не доступном виде; такое соучастие раз и навсегда развивается в нем так, как оно не может развиваться ни в каком другом индивидууме, и обнаруживается в постоянной деятельности его (духа), что и можно было бы назвать индивидуальным характером

его высшего определения». Итак, в силу присущей каждому «я» свободы и его «оригинальности», каждый человек должен реализовать идею долга, заложенную в его сознании, лишь ему одному свойственным путем; совесть повелевает: «мысли и действуй, согласно твоему назначению»; таким образом, нравственная свобода становится и основным принципом индивидуальности.

Вместе с тем, понятие об отдельной личности получает полноту своего значения только в отношении к чужим «я»; каждое «я» побуждается к свободной деятельности под условием признания таких же свободных чужих «я», во взаимодействии с которыми оно только и способно реализовать себя, т. е. обнаруживать свободу своей деятельности в действительности. Таким образом, общество оказывается необходимым условием осуществления человеческой деятельности и само получает форму государства.

Учение о «нравственном определении» приводило Фихте и к изучению логических особенностей понятия об историческом: сам он говорит, что философия должна позаботиться о выяснении «логики исторической истины». Вместо того, чтобы противопоставлять, в сущности, рациональное (философию) — эмпирическому (истории-бытию), Фихте, напротив, стремился выяснить логические особенности науки о действительности, т. е. исторического знания о ней или научного построения осуществления всеобщего должностования (абсолютной ценности) в историческом процессе; поскольку каждый должен мыслить и действовать согласно своему назначению, момент «индивидуально-нравственного определения» в действительности становится необходимым; само понятие о должностовании, в вышеуказанном его смысле, требует конкретной реализации формально-должного в действительности.

В той мере, однако, в какой конкретное содержание индивидуального и каждое такое осуществление — единичное и единственное в своем роде, оно — иррационально; его нельзя подвести под общие понятия; человеческую жизнь нельзя исчерпать ими; в человеческой жизни получается остаток, нечто, что должно быть непосредственно пережито. Эмпирически данное единичное должно, однако, иметь положительный смысл: оно получает его не путем рационалистической дедукции, а с телеологической, этической точки зрения, благодаря своему значению или ценности; то единичное и (в теоретико-познавательном смысле) «случайное», которое нельзя

подвести под рациональные «общие законы», но которое само по себе получает в наших глазах значение или ценность, благодаря его собственному самоопределению, называется «свободой» и становится историческим. С такой точки зрения нельзя смешивать историю-бывание с нашим построением ее: история-бывание — нечто иррациональное; она только переживается; но поскольку она оценивается нами, мы можем построить ее. В самом деле, так как «откровение нашего индивидуального, нравственного определения» или осуществление ценностей совершается лишь в конкретной действительности, то с такой точки зрения следует признать и ценность конкретно-данного исторического процесса. Хотя индивидуальность получает ценность лишь в той мере, в какой она представляется частью ценного реального целого, осуществляющего абсолютную ценность, но такая часть должна стать «единственным в своем роде членом целого», т. е. незаменимым для него членом; значит, она сохраняет свое самостоятельное значение (ценность), поскольку она незаменима никакою другой. Впрочем, человеческая личность делается незаменимым членом целого лишь через посредство нации; в самом деле, нация воплощает в себе государство; она характеризуется единством и целостностью, которые реализуются в ее индивидуальности и ее истории; вместе с тем она получает присущее ей одной значение в качестве части еще более крупного целого — человечества. Таким образом, и личности, и нации, развертывающие свою свободную деятельность ввиду этической цели, получают ценность и становятся историческими, если они делают свой способ осуществления ценностей длительною составною частью последующего развития человечества. Этот процесс, в его целом, совершается однажды и единственный в своем роде*.

Метафизическая конструкция, к которой Фихте склонялся в последние годы своей жизни, не прибавила ничего особенно ценного к вышеприведенному пониманию познавательной цели исторической науки и главной задачи исторического построения; тем не менее его метафизика оказала существенное влияние на последующее развитие немецкого идеализма, получившего преимущественно метафи-

* J. G. Fichte, Grundlage der gesammten Wissenschaftslehre, 1794 и сл. годов; Naturrecht, 1796; System der Sittenlehre, 1798 и др. в S. W., Bd. I, III u. IV; E. Lask, Fichtes Idealismus und die Geschichte, Tüb., 1902. M. Wiener, J. G. Fichtes Lehre vom Wesen und Inhalt der Geschichte, Kirchhain, 1906.

зический характер. Шеллинг²⁵², например, смотрел на историю в ее целом как на непрерывное раскрытие Абсолютного и в нем искал примирения между субъективной свободой и объективной необходимостью; оно достигается в государственном правопорядке; но с точки зрения субъективно свободной действительности человеческого духа Шеллинг не мог сочувствовать перенесению понятия о законе в механическом смысле в область истории; он писал: «Возможна ли философия истории? невозможна; можно ли представить себе историю часов, никогда не нарушающих своего правильного хода? Поэтом и человек, превратившийся в машину (он ел, пил, был женат и умер), не представляет достойного объекта даже для простого рассказа; то, что можно рассчитать а priori, что происходит по необходимым законам, не есть объект истории; наоборот, все, что составляет объект истории, не должно принадлежать априорному умозрению». Таким образом, Шеллинг полагал, что задача исторического знания не состоит в обобщении.

Дальнейшая эволюция идиографического построения стала в некоторую зависимость и от философии Гегеля: в его системе можно указать несколько существенных положений, которыми приверженцы идиографического построения воспользовались.

Гегель понимал историю в смысле процесса, которым Мировой Дух достигает сознания самого себя, а таким образом и свободы («Drang des Geistes das Absolute, d. h. Sich selbst zu finden»²⁵³); эта свобода конкретно осуществляется в государстве.

Следовательно, поскольку Мировой Дух раскрывается в мировом историческом процессе, последний получает значение единого целого; но если Дух раскрывается в истории в самой конкретной своей действительности*, то и задача исторической науки состоит в изучении действительности как целого, в котором каждая вещь, являясь моментом одного и того же процесса раскрытия идеи, не есть случайность и может иметь в нем только одной этой вещи присущее место; историк, занимающийся ее изучением, должен раскрывать разумное, даже в мельчайших частях бывания**.

* G. W. F. Hegel, Werke, Bd. IX (Philosophie der Geschichte), 3-te Aufl., S. 21. «Der Geist ist in der Weltgeschichte in seiner concretesten Wirklichkeit»²⁵⁴.

** Впрочем, сам Гегель различал «существование» (Existenz) от действительности и строил свое понятие о разумной действительности не без оценки ее значения; см., например: G. W. F. Hegel, Werke, Bd. VI, 2-te Aufl., SS. 9-10.

Согласно учению Гегеля, Дух, выходя из стадии чистой субъективности, на которой он отождествляется только с психическим, противопоставляется природе и становится объективным в праве, морали и нравственности, абсолютным — в искусстве, религии и философии (ср. *Geisteswissenschaften* Гегеля с современной *Kulturwissenschaft*): но поскольку Дух объективировался в «культуре», она представляется целым, имеющим ценность. С такой точки зрения, исходя из учения Гегеля об абсолютном духе, поскольку он раскрывается в мировом историческом процессе, можно было придавать последнему ценность и в его целостности, и в его частях: они ценны и отличаются от «несущественного», случайного в той мере, в какой мировой дух через их посредство (путем «отрицания») достигает сознания своей свободы*. В самом деле, Гегель признавал ценность того целого, частями которого он считает отдельные народности: единый Мировой Дух «в необходимой последовательности» раскрывается в их истории; подобно личности, и каждый народ есть часть, в которой Дух обнаруживает одну из своих сторон; с такой точки зрения индивидуальность отдельных народов получает свое значение; культурное целое представляется ценным реальным целым, части которого — индивидуальности находятся не в логическом, а в реальном отношении к целому и тоже имеют ценность.

В связи с вышеуказанными положениями, Гегель выдвинул и теорию развития: его понятие о «диалектическом» развитии все же получило значение, правда, преимущественно методологическое. «Диалектическая философия указывает на необходимость движения и перехода, разрушающих замкнутость отвлеченных понятий. В отрицании (антитезис) она видит принцип движения мысли и приветствует противоположность суждений, как залог конкретной полноты описываемых определений...». Благодаря такому приему, Гегель в своих известных курсах умел ценить конкретное в его деталях. В своей характеристике процесса диалектического развития Гегель также обратил внимание на то, что он совершается через посредство живых индивидуальных сил; ведь индивидуум дан не в виде человека вообще, а в виде определенного человека, с присущими ему индивидуальными особенностями; такая реализация совершается, значит, через посредство отдельных людей со свойственными им интереса-

* G. W. F. Hegel, Werke, IX, 3-te Aufl., SS. 80–81.

ми и страстями, служащими, тем не менее, для раскрытия Мирового Духа в истории; из них «великим» человеком оказывается тот, воля которого «содержит» волю Мирового Духа и который действует сообразно с ней; то же, разумеется, следует сказать и о целых народах, играющих роль в едином всемирноисторическом процессе*.

Следует заметить, однако, что Гегель в сущности ценил всеобщее (абсолютное) в индивидуальном, а не последнее само по себе взятое; что он диалектическим путем строил мировой процесс; и что, настаивая на разумности действительности и вместе с тем утверждая, что только то и действительно, что разумно (а остальное — случайность), он слишком мало выяснил иррациональность истории.

Гегель имел огромное влияние не только в Германии, но и за пределами ее; косвенно оно отразилось и в других направлениях. Ученые, принадлежащие к весьма разнообразным лагерям, считали исторический процесс откровением абсолютно-ценных идей. Под влиянием вышеозначенного учения историки стремились понять существенную связь событий и вообще господствующие над нею духовные силы — «идеи».

В числе мыслителей, подвергшихся обаянию немецкого идеализма, можно, кажется, указать и на Гумбольдта; нередко его связывали лишь с романтиками; но он, в сущности, с метафизической точки зрения, рассуждал об идеях, «лежащих вне конечных пределов», в качестве движущих сил и целей истории, и полагал, что каждый человек — момент их осуществления; историк должен сознавать «внутреннюю духовную свободу» (действующих лиц); действительность, несмотря на ее кажущуюся случайность, все же представляется ему «связанной внутреннею необходимостью». Историк, заслуживающий это название, должен изображать каждое событие как часть целого или общее значение ее для истории. С последней точки зрения историк не может разлагать данную часть на составные элементы, ибо характер ее в таком случае теряется из виду и нельзя определить соотношение ее к целому. Установление причинно-следственной связи между фактами, хотя бы оно было принципиально возможно, не достигает основной цели, преследуемой историком, и даже, в известном смысле, отдаляет его от исполнения главной его задачи: настоящие творческие силы, обнаруживающиеся в живых существах, не

* G. W. F. Hegel, Werke, Bd. IX, SS. 29, 30, 37, 38.

поддаются такому объяснению; оно оказывается бессильным перед явлениями, в которых не механически, а свободно действующие импульсы получают главенствующее значение. Это заключение в особенности относится к понятию об индивидууме; разложение его на элементы не дает понятия о его единстве и глубине, собственно о его существе: в «индивидуальности лежит тайна всякого существования». В аналогичном смысле можно говорить и об индивидуальности целых народов. Эти индивидуальности — носители идей. «Идеи могут довериться только духовной индивидуальной силе»; они не существуют сами по себе, а осуществляются в каждом отдельном индивидууме. Каждый человек — проявление, коренящееся в идее, и ясно, что она принимает лишь форму индивидуума, чтобы в нем открыться*.

Немецкий идеализм оказал влияние и на немецкую историографию, а через ее посредство и на некоторых других историков. Ранке уже находился под некоторым влиянием Шеллинга и в особенности Гумбольдта; по словам одного из новейших историков, Гумбольдт — «великий теоретик», а Ранке «великий практик» учения об идеях. Гервинус²⁵⁵ также придерживался, в сущности, взглядов Гумбольдта, а Дройзен — склонялся к метафизике Гегеля**.

В несколько позднее время влияние того же направления отразилось и в социологической литературе, прежде всего в русской школе социологов. Лавров²⁵⁶, по словам одного из его друзей, пытался совместить «субъективизм» Канта и его преемников, философию Гегеля, на изучении которой он особенно долго остановился, а также антропологизм Фейербаха²⁵⁷ и теорию Прудона²⁵⁸ о человеческой личности, если не о прогрессе. Во всяком случае, принимая во внимание свойства познающего субъекта, наделенного нравственным сознанием, и свойство изучаемых явлений, особенно «по-

* *W. Humboldt*, Ueber die Aufgabe des Geschichtsschreibers 1820–1821 в *Gesammelte Werke*, Bd. I, Berl. (1841), SS. 1–25. См. выше с. 35–36 <114–115>; на с. 35 <114>, стр. 11 <7> снизу вместо слов: «статью и под впечатлением...» следует читать: «статью под влиянием романтиков и, в частности, под впечатлением...».

** *A. Winckler*, Leopold von Ranke, Lichtstrahlen aus seiner Perken, Berl., 1885. Впрочем, Ранке не дал развитого учения об идеях; он энергически высказался против учения Гегеля и не всегда выдерживал свою точку зрения; он рассуждал, например, об «allgemeine Tendenzen» (общих тенденциях) о «moralische Kräfte» (моральных силах), о «Kampf der Ideen» (борьбе идей), об «Invasion und Expansion der Ideen» (проникновении и распространении идей) и т. п. В последнем выражении Ранке даже сходится с Ламп्रेхтом. См. еще выше с. 35–39 <Т. I. С. 114–118>.

ставление целей и стремление к ним», Лавров, в сущности, признавал момент оценки в выборе и в построении всякого социального или исторического факта; таким образом он и пришел к известному «субъективному методу», в силу которого этика и психология получают существенное значение для постановки и разрешения социальных и исторических проблем; с той же точки зрения Лавров настаивал и на значении цельной личности в истории: она действует на общество «на основании научного знания, необходимого и нравственного убеждения о справедливейшем» и оказывается «источником истории», вообще, история представляет процесс, в котором требуется определить последовательную связь явлений, один лишь раз представляющихся историку в данной совокупности, в каждый момент процесса; такие факты располагаются по их «важности», т. е. в перспективе, по которой они «содействовали или противодействовали нравственному идеалу»; с той же точки зрения можно построить теорию прогресса или установить смысл истории, но не ее «закон». Аналогичного направления, в сущности, придерживался и Михайловский; подобно Лаврову, он стремился найти такую точку зрения, с которой «правда-истина и правда-справедливость являлись бы рука об руку, одна другую пополняя», и прилагал «субъективный метод» к социологии и истории, «контролируя» им «объективный метод»; последний не должен быть совершенно удален из области таких исследований***. Впрочем, представители русской школы все еще смешивали теоретико-познавательную точку зрения с психологической, а также отнесение к ценности с оценкой, и продолжали рассуждать с естественно-научной, психолого-этической точки зрения о «возможности» наступления тех, а не иных человеческих действий; с принятой ими точки зрения они также не различали социологических исследований от исторических. Позднейшие представители критицизма пытаются устранить такое смешение в своих

* *П. Лавров*, Очерк вопросов практической философии, отд. изд. 1860 г.; Исторические письма (1870 г.); 4-е изд., СПб., 1906 г. и др.; *Х. Раттонорт*, Социальная философия П. Лаврова, рус. пер., СПб., 1906 г. *Н. Русанов*, *П. Л. Лавров*, в жур. «Былое» 1907 г., февраль, сс. 243–287.

** *Н. Михайловский*, Сочинения, Т. I, СПб., 1896 г.; ср. *Н. Кареев*, О субъективизме в социологии в его «Историко-философские и социологические этюды», СПб., 1895, сс. 114–134 и выше, с. 46 <123–124>. *Б. Кистяковский*, Русская социологическая школа и проч. В сборнике «Проблемы идеализма», СПб., 1902, сс. 297–393.

социально-философских построениях, существенно отличающихся от позитивной социологии*.

Впрочем, влияние того же идеалистического направления обнаружилось и в новой школе историков, продолжавших исходить от Ранке: они признают историю наукой индивидуализирующей действительность и, подобно ему, отрицательно относятся к мысли о законах истории; Мейер, например, отчасти высказался в таком смысле уже во введении к своей древней истории**; к тому же направлению можно причислить Рахфала, Белова, Сореля²⁵⁹, Эктона и др; воззрения некоторых из них слагались уже и под влиянием теоретико-познавательного идеализма (см. ниже).

Таким образом, в этическом и метафизическом идеализме можно усмотреть немало элементов последующего идиографического построения: без Фихте не могло бы возникнуть и того теоретико-познавательного идеализма, с точки зрения которого идиографическое построение получило наиболее систематическое свое развитие; Фихте, а затем и Гегель перешли, однако, в область метафизики и все еще мало выяснили значение «случайности» в истории; реакция «метафизики» не замедлила обнаружиться в позитивизме, но теория «случайности» еще не получила в нем надлежащего места; такое понятие обратило, наконец, на себя внимание в философской теории, которую можно назвать «пробабилизмом».

§ 3. Идиографическое построение с точки зрения позитивизма и пробабилизма

Главнейшие представители позитивизма и пробабилизма — Конт и Курно²⁶⁰ уже придавали значение той познавательной точке зрения, с которой можно изучать конкретно-данную историческую действительность; но их теория познания, однако, противоположна критическому идеализму; Конт называл «попытку» Канта «призрачной» и ограничился догматическим констатированием самого факта относительности познания, а Курно полагал, что «наши представления устанавливаются соответственно феноменам (se règlent sur les phénomènes), а не феномены — соответственно

* R. Stammler, *Wirtschaft und Recht*, Lpz., 1896. P. Natorp, *Sozialpädagogik*, 3-te Aufl., Stuttgart, 1899. Ср. ниже: отд. II, гл. 2, § 4.

** E. Meyer, *Geschichte des Alterthums*, Bd. I (1884).

нашим представлениям», т. е. что «порядок, который имеется в наших представлениях, происходит от порядка, который есть в феноменах, а не обратно»*.

Конт еще тесно примыкал к французской научной философии XVIII-го века; но он уже различал два рода наук: 1) науки обобщающие и абстрактные; они занимаются открытием законов явлений, приложимых ко всем возможным случаям; 2) науки частные и конкретные; они описывают факты и прилагают законы (добытые науками обобщающими и абстрактными) к объяснению истории действительно «существующих существ»; изучать, например, вообще законы жизни или определять способы существования каждого живого существа в частности — две совершенно различные задачи**. Сам Конт занялся, однако, только философией обобщающих, а не описательных наук, соответственно чему и его философия истории есть, в сущности философия обобщающей истории — социальной динамики (ср. динамическую социологию и т. п.).

Впрочем, и в своем социологическом построении Конт (под влиянием Паскаля²⁶¹) пришел к пониманию исторического процесса как единого эволюционного целого, части которого получают значение в их отношении к нему. «Вся совокупность человеческого рода и в его настоящем, и в будущем» представляется Конту в виде все более осуществляющейся «социальной единицы, различные органы которой (индивидуальные или национальные), постоянно связываемые внутренней и всеобщей солидарностью между собою, неизбежно содействуют, каждый согласно определенному способу и в известной степени, основному развитию человечества***. Таким образом, Конт приходит к заключению, что возрастающая солидарность между элементами социальной системы, как бы они ни были сложны сами по себе, приводит к образованию «коллективного организма», элементы которого получают значение лишь постольку, поскольку они

* A. Cournot, *Essai sur les fondements de nos connaissances etc.*, t. II, p. 380. Сам автор заявляет, что он высказывает такое положение «contrairement à l'assertion de Kant».

** A. Comte, *Cours*, t. I, 2 éd., pp. 56–60.

*** A. Comte, *Cours*, t. IV, 2 éd., p. 293; ср. А. Лаппо-Данилевский, Основные принципы социологической доктрины О. Конта в сбор. «Проблемы идеализма», сс. 394–490.

оказываются частями данного целого: последнее приобретает все более индивидуальный характер, а следовательно, и все большее единство: оно достигается не только механическим процессом, но и сознанием общей цели, которую преемственно следующие поколения достигают в человечестве.

В своем научно-историческом построении сам Конт, однако, сосредоточился преимущественно на исторических обобщениях и, отрицательно относясь к теории вероятностей²⁶², не остановился на понятии о случайности в истории; вместе с тем он не находил в своей естественно-научной теории достаточно твердых принципов для того, чтобы удовлетворить им же самим глубоко чувствуемым запросам практической философии.

Только что указанный пробел в теоретическом построении позитивизма вскоре был отчасти заполнен: Курно попытался выяснить значение индивидуального, главным образом, с научной точки зрения теории вероятностей; с такой именно точки зрения оно оказывается «случайным»; Курно, специально занимавшийся теорией вероятностей, преимущественно и указывал не на ценность индивидуального, а на его случайность и, в духе пробабиллизма, хотел установить значение «случая» в истории.

Курно находился, собственно говоря, под влиянием двух течений, скрестившихся в его сознании: учения «Средней академии»²⁶³ об относительности нашего знания и теории вероятностей. Учение Средней академии, в особенности Карнеада²⁶⁴, о пробабиллизме наших знаний и о его степенях, а также о том, что в практической жизни нам приходится довольствоваться известною верою в правдоподобность наших представлений, возродилось благодаря аббату Фуше²⁶⁵, шануану в Дижоне; он также рассуждал о вероятности наших знаний; во второй половине XVII в. он пользовался некоторою славою; его воззрения были известны ректору Дижонской академии — Курно. Теория вероятностей (Паскаль и Ферма²⁶⁶ заинтересовались ею в 1654 г.) также не осталась без влияния и на философские течения того времени: с точки зрения пробабиллизма уже Лейбниц высказывал понимание истории в некоторых отношениях аналогичное с тем, которое вслед затем развивал Курно, знакомый с учением Лейбница: в одном из своих трудов Курно попытался выяснить философское значение понятий о случайности и вероятности (*chance, hasard, probabilité*), ко-

торыми он впоследствии широко воспользовался и в своих рассуждениях об истории*.

Случай, по убеждению Курно, есть нечто данное в природе, а не исключительно только наше построение. В действительности мы встречаемся с реально-данными «системами вещей» независимыми друг от друга. Пока мы остаемся в пределах одной из них, мы можем построить замкнутую серию причинно-следственных соотношений; в ней мы из первой причины выводим ее следствие, из него, поскольку оно в свою очередь получает значение причины, дальнейшего следствия и т. д. Нельзя не признать, однако, что в действительности много замкнутых рядов дано одновременно; их скрещивания нет возможности аналитически вывести из одного такого ряда; «встречи» подобного рода также представляются нам данными в действительности, а поскольку они даны — случайными. В историческом процессе Курно усматривает постоянные случайности подобного рода; их нельзя вывести из законов образования одного из рядов. Таким образом, в истории приходится считаться со случайным: никакой закон не объяснит случайной встречи двух серий причин, не «солидарных» между собою; такая встреча — просто факт**; случай, как бы вмешивающийся в образование изучаемого ряда, внешние «иррегулярные» влияния, вызывающие в нем пертурбации, можно назвать «историческими данными». Следовательно, история не может обобщать изучаемых ею явлений действительности; историк должен обращать свое внимание на индивидуальное, на частные факты с характерными их особенностями; в его науке такие частности («великие индивидуальности», «удары судьбы» и т. п.) — выступают даже на первый план***.

* *A. Cournot*, Exposition de la théorie des chances et des probabilités, 1843. Курно находился под влиянием Александра фон Гумбольдта: в своем «Космосе» последний развивал учение о том, что существующий мир в его характерных особенностях нельзя вывести из законов; некоторые фактические данные надо принять; ср. *P. Mentré*, Cournot et la Renaissance du Probabilisme au XIX sc., Par., 1908.

** *A. Cournot*, Traité de l'enchaînement des idées fondamentales dans les sciences et dans l'histoire (1861), t. I, p. 94: «un pur fait».

*** *A. Cournot*, Essai, t. I, p. 49 и след. В своей группировке «человеческих познаний» автор различает три серии: теоретическую, «космологическую и историческую» и «техническую или практическую»; но, проводя различие между социологией и историей, он не признает последнюю «наукой»; историческое знание — не наука, хотя может быть «философией», когда занимается «этиоло-

Возможно ли, однако, при таких условиях объяснять действительность и если возможно, то в каком именно смысле? Не представляется ли исторический процесс с указанной точки зрения, напротив, своего рода лотереей, в которой события наступают совершенно случайно, без всякой связи друг с другом? Курно отвечает на эти вопросы сопоставлением исторической случайности не с лотереей, а с шахматной игрой, положим, между А и В. Допустим, что А играет идеально последовательно. Если бы его ходы не зависели от ходов В, то его игру можно было бы признать замкнутой серией ходов, каждый из которых выводился бы из предшествующего. Нельзя, однако, утверждать, что такое построение исполнимо, так как каждый последующий ход А зависит не только от его соображений, но и от хода В, который нет возможности вывести из игры А: каждый из шагов последнего надо учитывать в зависимости от соответствующего хода В. Следовательно, в данном соотношении мы не имеем дела с лотереей; в лотерее каждый случай не зависит от предшествующих ему, в шахматной же игре, напротив, ход каждого партнера зависит от предшествующих ходов противника, от тех идей, которые возникают в его уме при скрещивании его комбинаций с комбинациями его противника. Таким образом, следует отличать случайную последовательность фактов от той, которая получается путем некоего непрерывного «сцепления случаев»; последняя обнаруживается в историческом процессе*.

Изучение его с только что указанной точки зрения вообще имеет, по мнению Курно, логический интерес: проводя различие между «существенным» и «случайным», историк вырабатывает самое понятие о существенном, в отличие от понятия о «случайном», такие понятия логически зависят друг от друга: понятие о «существенном» устанавливается под условием понятия о «случайном». Изучение «простых фактов» представляет логический интерес и в другом отношении: оно состоит в переходе от частного к частному, в установлении связи между такими фактами, данной в действительности.

С такой точки зрения Курно выясняет и основные задачи исторического изучения: оно состоит в исторической этиологии. Благодаря

гическими» исследованиями (см. ниже); по приемам изображения, которого она достигает при помощи воображения, а не графическим путем, история близка к поэзии. См.: *Essai*, t. II, p. 270 и сл., 211–213.

* *A. Cournot*, *Essai*, t. II, p. 201–202.

«вмешательству случая» историк имеет дело с фактами, которые не поддаются выведению: значит, он должен объяснять последующий факт влиянием предшествующего факта, пока не дойдет до первоначального факта, который принимается без объяснения его каким-либо предшествующим. Итак, историческая этиология состоит в изучении не только тех явлений, которые совершаются в пределах данного замкнутого ряда, но и фактов скрещивания его с другими рядами; в подобного рода соотношениях она исходит из понятия о законах явлений, но рассматривает, каким образом действие их подвергается случайным влияниям; она стремится учесть влияние общих и влияние частных фактов (*faits généraux*, *faits subordonnés*). Историческая этиология не только различает необходимое от случайного, но и важное от незначительного; она устанавливает не только, в каких случаях серии причин, встретившихся и произведших явление, зависели от более общей системы и были солидарны и в каких они были, напротив, действительно независимы, но отмечает и те из последствий данной встречи подобного рода серий, которые сохраняют свое значение, и те, которые преходящи. Благодаря влиянию одного факта на другие, данный факт может породить обширные и длительные последствия и получить столь же большое значение, какое приписывается и какому-либо закону. Следовательно, историческим фактом мы называем случайный факт, теоретически непредвидимый, но последствия которого продолжают обнаруживаться в течение времени, не имеющего предела (*indéfiniment dans le temps*); напротив, факт, не оказавший такого влияния, позволительно, в историческом отношении, признать незначительным, могущим вызвать одно только «смутное любопытство».

Впрочем, историк должен помнить, что нигде нет в отдельности ни общих, ни частных причин, а существует лишь смешение их; они осуществляются в личностях. Теоретически различая причины существенные от случайностей, он усматривает действительную нераздельную комбинацию их в отдельных личностях, воплощающих в себе такое смешение, и лишь производит учет тем общим причинам, которые содействовали или препятствовали исполнению воли отдельных лиц. Тем не менее, историк может составить себе понятие об «общем ходе событий».

Нельзя отождествлять, однако, понятие о действительности с понятием об истории. Настоящая область собственно исторических ис-

следований лежит между до-исторической и по-исторической эпохами: в до-исторической эпохе скорее действуют биологические законы, чем собственно исторические случайности; в по-исторической эпохе — общество механизмуется и вместе с тем достигает «цивилизации», которая все более и более дает преобладание тому, что называется «общим» в человеческой природе (*ce qu'il y a d'universel dans la nature humaine*); тогда история мало-помалу будет поглощена «научной социальной экономии»*.

Итак, Курно попытался приложить начала пробабиллизма к построению теории исторического знания; но он все же придерживался эмпирического реализма и не принял во внимание ценности индивидуального, в сущности, рассуждая только о его случайности.

Влияние Курно на своих современников было очень ограничено; для примера можно, пожалуй, указать на известного социолога — Тарда; подобно Курно, произведения которого ему были известны, он рассуждал об исторических фактах: факты «новые» и единичные он называл историческими по преимуществу**. Впрочем, можно сказать, что в настоящее время вышеизложенное учение обращает на себя все большее внимание.

§ 4. Идиографическое построение с точки зрения теоретико-познавательного идеализма

Немецкий идеализм тридцатых годов прошлого века преимущественно выдвинул понятие о той абсолютной ценности, в отношении к которой историческая действительность получает значение, а французский пробабиллизм в особенности настаивал на значении случайности в историческом процессе; но оба направления, в сущности, отличались метафизическим характером: абсолютная цен-

* Сам Курно, впрочем, в реалистическом духе, делал типологические построения, например, в своих рассуждениях о соотношении между протестантским типом христианства и англосаксонским темпераментом или между католическим типом и темпераментом латинских рас, или в своих замечаниях об общем ходе политического развития, поскольку оно обнаруживается в «политической морфологии», но такие рассуждения не характеризуют его основной точки зрения собственно на историю. См.: *A. Cournot, Traité*, t. II, p. 196.

** *G. Tarde, Les Lois de l'imitation*, 2 éd. (1895), p. 14 ; ср. *ego же* Fragment d'histoire future, 2 éd.

ность понималась в смысле Божества или Мирового Духа, а случайность представлялась реально данной в действительности.

Критика подобного рода построений с теоретико-познавательной точки зрения наступила, однако, не сразу. Современное увлечение естествознанием и его новейшими открытиями в области трансформизма породило во многих стремление всецело применить естественно-научную точку зрения к истории; но и такое стремление, в свою очередь, вызвало протест и призыв к построению «критики исторического разума», в духе того философского критицизма, который отошел на задний план в построениях позднейших идеалистов и пробабилистов.

В новейших попытках идиографического построения исторического знания теоретико-познавательная точка зрения, действительно, получила преобладание над остальными. В 1870-х годах Сигварт уже попытался установить те принципы познания, которые обуславливают правильность дискурсивного мышления, а также обратил внимание на ту зависимость, в какой его методы находятся от объектов нашего изучения; с той же точки зрения он подошел и к выяснению особенностей исторического познания*. Такое направление не осталось без продолжателей: Дильтей, известный биограф Шлейермахера, высказался против смешения познавательных принципов естествознания с познавательными принципами «наук о духе»: «условия познания» природы далеко не тождественны с условиями познания тех явлений, которые изучаются в «науках о духе»; да и объект последних «понимается еще прежде, чем он познан», и переживается нашим сознанием во всей целостности нашего духа; в науках подобного рода «факт, закон, чувство оценки и правило» стоят в особой внутренней связи. С такой гносеологической точки зрения Дильтей проводил резкое различие между науками о природе и «науками о духе» имеющими целью «познание исторически-социальной действительности» в ее целом (*die geschichtlich-gesellschaftliche Wirklichkeit*); следовательно, та социология, которая стремится изучать ее с естественно-научной точки зрения, ошибочна и, преследуя такую цель, впадает в логическое противоречие с ею же употребляемыми средствами; и социологические, и историко-философские теории, усматривающие в единичном один только сырой материал для

* См. выше сс. 42–44 <Т. I. С. 120–121>.

своих обобщений, заблуждаются; история, хотя и пользуется общими понятиями для объяснения действительности, должна, однако, «устремлять свои взоры не на то, что оказывается общим разным эпохам, а на то, что отличает изучаемую эпоху от остальных, на единичное», ибо в сознании историка, отображающем в себе весь исторический мир, однажды случающееся и единичное имеет совсем иное значение, чем во внешней природе. С такой точки зрения историк изучает человека, действующего на природу, сообразно им же самим свободно полагаемым себе целям, и стремится изобразить «исторический мир, в котором над объективной необходимостью природы во многих его пунктах сверкает свобода»*.

Таким образом, Дильтей уже наметил, правда, лишь в самых общих и беглых чертах, ту «критику исторического разума», разработка которой стояла на очереди; но сам он все еще слишком мало различал логическую противоположность познавательных точек зрения от противопоставления объектов научного исследования и последнее ставил в основу своей группировки наук, в которой «науки о духе» сливаются с историей.

Впрочем, за несколько лет до появления вышеназванного труда, берлинский профессор Гармс²⁶⁷, в некоторых отношениях довольно близко стоявший к Фихте, выступил с более ясным делением «частей философии»: с теоретико-познавательной точки зрения он различал не науки о природе и «науки о духе», а науки естественные и исторические («Naturwissenschaften» и «geschichtliche» Wissenschaften) по действительному различию «между формами и методами их познания»; в отличие от обобщающего естествознания, признающего индивидуумы только экземплярами, исторические науки имеют дело с индивидуальными и личными отличиями; то же самое, что мы понимаем как природу, можно понимать и как «историю»; она может избрать своим объектом хотя бы «целый мир». Следует заметить, однако, что Гармс ставил «форму познания» в тесную зависимость от его

* W. Dilthey, Einleitung in die Geisteswissenschaften, Bd. I, Lpz., 1883; на с. 147 сам автор указывает на значение Сигварта, а в своей полемике против социологии имеет в виду главным образом Конта и Милля. С 1905 года Дильтей стал печатать статьи, служащие как бы продолжением названного труда: впрочем, отсюда значение описания «психической структуры», он уже находится под влиянием Гуссерля; см. W. Dilthey, Studien zur Grundlegung der Geisteswissenschaften in Sitzungsberichte der K. Preussischen Akademie der Wissenschaften, 1905 г. и сл.

«содержания»; он полагал, что каждая наука обладает истиной лишь в согласованности (Uebereinstimmung) формы познания с его «предметом»; он различал «содержание природы» от «содержания истории» и противопоставлял «природе» — «историю»*.

В дальнейшем развитии того же направления, представители которого уже строже придерживались теоретико-познавательной точки зрения, можно различать несколько оттенков. Навилль, например, выступивший вскоре после Дильтея с трудом по классификации наук, еще находился скорее под влиянием рационализма и пробабиллизма, чем критицизма; Виндельбанд и Риккерт, напротив, исходят из его начал и принимают во внимание этический идеализм; наконец, Ксенополь придерживается довольно смешанных воззрений, в которых эмпирический реализм играет не последнюю роль. В дальнейшем изложении главнейших оснований разбираемого построения мне придется часто иметь в виду их учения, почему я и ограничусь здесь лишь несколькими краткими указаниями.

В своем рассуждении «новой классификации наук»** Навилль заявляет, что оно более похоже на известный трактат «De dignitate et augmentis scientiarum», чем на «Novum Organon»²⁶⁸, и обращает внимание на деление наук в зависимости от познавательной точки зрения, уже предложенной Контом (науки абстрактные, конкретные и прикладные) и Курно (три серии наук — теоретическая, историческая и техническая): но у Навилля, пожалуй, можно еще заметить следы старинного противопоставления рационального эмпирическому.

Навилль, в сущности, с идиографической точки зрения, рассуждает об исторических науках: история, по его мнению, изучает не то, что может быть, а то, что есть (или было) в действительности. Вопросы о том, «что может быть», решаются «теорематическими» науками (математикой, физикой, биологией, психологией, социологией) путем формулирования законов, «противоположное которым

* O. Harms, Geschichte der Psychologie, 1878; указание на сходство взглядов Гармса с учением Виндельбанда принадлежит Г. Ительсону, см. D. Koigen, Jahresbericht über die Literatur zur Metaphysik in Arch. für System. Phil. Bd. XIV, 1908 г., SS. 555, 560–564.

** A. Naville, De la classification des sciences в журнале «Critique philosophique». Париж, 1888 г. и отдельно; 2-е, значительно измененное издание: «Nouvelle classification des sciences», Par., 1901.

признается невозможным»; законы высказываются в виде теорем; многие из них устанавливают «необходимые отношения между возможностями». Вопросы о том, что действительно есть (или было), решаются историческими науками (минералогией [описательной], астрономией, геологией, историей); они изучают «реальные существа или такие же события, занимающие известное положение во времени и в пространстве, совокупность их особенностей и их превращения. Впрочем, то же различие можно формулировать и с точки зрения формальной логики: науки теорематические высказывают суждения условные и всеобщие; науки же исторические — суждения категорические и частные. Возьмем, например, открытие пшеничных зерен в египетских саркофагах и испытание их способности произрастания. Относительно указанного факта можно поставить два вопроса, а именно: 1) могут ли зерна пшеницы сохранять такую способность в течение 2000 лет; 2) правда ли, что зерна пшеницы, найденные в египетских саркофагах, действительно дали ростки и породили новые колосья? Или относительно процесса централизации управления можно также поставить два вопроса: 1) какие результаты могла бы произвести централизация управления у народа, который был бы такого, а не иного характера, находился бы на известной стадии развития культуры и т. п.; 2) какие результаты действительно произвела централизация управления во Франции в XVII–XVIII вв.? Ответы на первого рода вопросы даются теорематическими науками, а ответы на второго рода вопросы — историческими; следовательно, история по самому существу той познавательной точки зрения, которой она придерживается, не задается целью формулировать законы. Тем не менее Навиль признает историю наукой лишь в той мере, в какой она образует относительно общие понятия (о действительности), подводит факт под приближенные обобщения, средние, типы и т. п.

Таким образом, Навиль стоит уже на познавательной точке зрения; но он не вполне выяснил ее: под влиянием, может быть, противоположения рационального эмпирическому, он едва ли достаточно ясно различает вопрос о том, что должно мыслить, от вопроса о том, что может быть, и еще не выясняет того критерия, с точки зрения которого определяется то, что заслуживает исторических изысканий: изучение «возможностей, которые хорошо было бы реализовать», принадлежит совершенно особой группе наук об «идеальных прави-

лах действия» (canonique); в области же исторических изысканий он считает возможным ограничиться другим признаком; важным оказывается то, что повторяется; но такой критерий нельзя признать достаточным (см. ниже).

Новейшие приверженцы теоретико-познавательной точки зрения исходят из более строго выдержанной системы трансцендентального идеализма; под влиянием Канта и Фихте, они пытаются объединить теоретическую философию с практической, в отношении к проблемам познания, и вводят в идиографическое построение учение об абсолютных ценностях в теоретико-познавательном смысле*.

В живом и общедоступном изложении Виндельбанд пользуется такими именно понятиями для построения своей теории. В чисто «теоретическом» отношении следует различать то, что соединяется на практике, и обратно. Познавательное значение естественных и исторических наук различно: «формальный характер познавательных целей» естественных наук принципиально отличается от таких же целей исторических наук; хотя и те и другие, в противоположность «рациональным» наукам (философии и математике), стремятся к эмпирическому знанию, но каждая группа пользуется им различно: естественные науки — с номотетической точки зрения, исторические — с точки зрения идиографической; одна имеет в виду как бы обобщение нашего опыта путем отвлечения, другая как бы его индивидуализацию.

В силу номотетической точки зрения, естественные науки стремятся к познанию отвлеченных законов бытия (Gesetze des Geschehens); в силу идиографической точки зрения, исторические науки, напротив, пытаются «ясным и исчерпывающим образом изобразить единичное более или менее отграниченное в пространстве бытие или перемену однажды случающейся и ограниченной во времени действительности»; иными словами говоря, историческое познание имеет в виду воспроизведение и понимание данного факта в его действительности. Итак, принцип деления вышеуказанных групп наук должен иметь гносеологический характер: естественные науки строят общие, аподиктические суждения²⁶⁹; исторические

* Теория ценности (Werttheorie), но не в чисто познавательном смысле, была систематически развита Мейнгомом (1894), Эренфельсом (1887, 1897–1898 гг.) и другими учеными, например, Урбаном (Urban, 1909 г.).

науки — суждения частные (singuläre) и ассерторические^{*270}. Следует иметь в виду, однако, что историк интересуется индивидуальным в той мере, в какой оно имеет ценность; значит, в сущности, этика лежит в основе истории.

Теория Виндельбанда требовала пересмотра и развития, чем и занялся его талантливый ученик — Риккерт.

Риккерт строго различает теорию познания и логику от психологии, форму от содержания: свое понятие о сознании вообще, «не могущем быть объектом», он противопоставляет всему эмпирически данному бытию; последнее и есть то содержание сознания, которому мы приписываем реальность и которое мы признаем эмпирической действительностью; но наше познание или наши суждения о ней, в сущности всегда утвердительные или отрицательные, истинны или ложны, смотря по тому, соответствуют ли они тому «логическому идеалу» суждения, к достижению которого оно должно стремиться для того, чтобы получить значение истинного, или не соответствуют. С такой точки зрения, наши суждения о действительности имеют познавательный смысл лишь в отношении к ценности; ведь суждение наше получает характер безусловной необходимости, если мы сознаем, что мы «должны» судить так, а не иначе. С такой точки зрения, Риккерт приходит к заключению, что «признание трансцендентных норм» «долженствование», или «понятие долга» лежит в основе тех суждений о действительности, которые мы считаем истинными, в отличие от тех, которые «должны быть» отклонены в качестве ложных^{**}. Действительность представляется нам, однако, в экстенсивном и интенсивном многообразии черт; естествознание и история изучают ее с принципиально различных, противоположных познавательных точек зрения или целей. В самом деле, естествознание есть «генерализирующее понимание действительности», а историческая наука — «индивидуализирующее понимание действительности». Естествознание стремится к научному ее познанию «в отношении к общему»; оно вырабатывает понятия, выражающие то общее, что множество отдельных вещей заключает в себе; логическое содержание каждого

* W. Windelband, *Geschichte und Naturwissenschaft* (Rektoratsrede der Un. Strassburg) 1894; 2-te Aufl., 1900 (без перемен); рус. перевод в «Прелюдиях». Ср. еще его доклад на Женевском конгрессе; фр. перевод: «La science et l'histoire devant la logique contemporaine» в *Rev. de Synth. hist.*, 1904.

** H. Rickert, *Der Gegenstand der Erkenntnis*, 2 Aufl.; особенно Kap. III.

из таких понятий характеризуется его определенностью и общезначимостью; такое общезначимое понятие, в сущности, состоит из суждений, выражающих какой-либо закон природы; благодаря вышеуказанным свойствам естественно-научных понятий, естествознание приводит их в систему, т. е. образует систему общих понятий, в которой представление о любой вещи или любом процессе находит себе соответственное место. История, напротив, стремится удовлетворить наш интерес к действительности в ее индивидуальных особенностях; она есть «наука об индивидуальном, о том, что происходит только один раз»; она не стремится изучить то, что происходит всюду и всегда, а только точно изобразить частное, поскольку оно действительно существует, с его индивидуальными чертами в различных точках пространства и различных моментах времени. Всякое индивидуализирующее понимание действительности возможно, однако, лишь под условием отнесения к ценности; понятие об «историческом индивидууме» также образуется в зависимости от отнесения его к известной ценности; историк упрощает бесконечно разнообразное содержание данных своего исторического опыта и должен иметь критерий для такого упрощения; последний находится в связи с отнесением индивидуального к общеобязательной ценности; лишь то индивидуальное, своеобразная единичность которого признается ценной, получает всеобщее значение, т. е. «значение для всех»; «культура» и представляет в истории «ту ценность, по отношению к которой вещи получают свое индивидуальное значение». Впрочем, историк пользуется, конечно, и общими понятиями (законами и проч.), вырабатываемыми обобщающими науками, например, антропологией, психологией и социологией, но, в сущности, только для объяснения индивидуального, для построения индивидуальной причинно-следственной связи между историческими фактами и т. п.* Вообще, хотя «при разработке одного и того же материала различные методы бывают тесно сплетены между собою», но все же, принимая во внимание конечную

* H. Rickert, *Die Grenzen der naturwissenschaftlichen Begriffsbildung* (eine logische Einleitung in die historische Wissenschaft). Tüb. und Lpz., 1902 г., русский перевод Водена. Краткое изложение тех же основоположений см. также в статье «Les quatre modes de l'universel» в *Rev. de Synth. hist.*, 1901, II, № 2, и особенно в статье «Geschichtsphilosophie». Она была напечатана в сборнике: «Die Philosophie im Beginn des zwanzigsten Jahrhunderts», Bd. II, (1905), SS. 51–136; 2-е доп. изд. 1907; пер. С. Гессена, СПб., 1908 г. Там же указания на литературу: сс. 149–154.

цель исторического знания, можно сказать, что история есть «индивидуализирующая наука о культуре».

В цельном мировоззрении, характеризованном мною лишь в самых общих чертах, Риккерт имеет в виду однако преимущественно философию, а не историческую науку, и интересуется лишь формой наших понятий, а не их содержанием, хотя, в редких случаях, рассуждает и о содержании исторических понятий, а именно о нации. В сущности, сводя философию к теории познания, он основания ее усматривает в ценности истины: но, отождествляя понятие о «требовании» или нормативности сознания с «понятием долга», он приходит к заключению, что «ценность истины основана на понятии долга» и, таким образом, склоняется к признанию этических оснований наших суждений о действительности и о ее историческом значении. В своих рассуждениях об индивидуальном, получающем значение в отношении к ценности, Риккерт едва ли достаточно останавливается на выяснении индивидуального, в смысле индивидуального положения чего-либо данного, хотя бы, например, материальной точки, и в учении об отнесении к культурным или к общепризнанным ценностям, может быть, не всегда достаточно различает между отнесением к абсолютной или обоснованной ценности и отнесением к общепризнанной ценности. Нельзя не заметить, что и понятие об историческом значении Риккерт устанавливает в зависимости от одного только понятия о ценности индивидуального; но собственно историческое значение ценной своеобразной единичности тесно связано и с понятием о действительности индивидуального, в его реальном отношении как части к историческому целому.

В числе новейших мыслителей, на рассуждениях которых новое учение уже оказало некоторое влияние, можно указать на Зиммеля²⁷¹; в первом издании своего труда он еще не вполне придерживался идиографической точки зрения; во втором — теоретико-познавательное построение, в духе теоретико-познавательного идеализма и идиографического направления, уже оттеснило прежний психологизм на задний план; но и в таком виде автор не выработал еще полной системы; он не выясняет конечных ее оснований и не делает из нее последних выводов. Задача сочинения: выяснить, каким образом наш разум достигает того теоретического построения непосредственно переживаемой нами действительно-

сти, которое мы называем историей. Зиммель пытается установить те априорные понятия (признание чужого одушевления, объяснимое им и с генетической точки зрения), которыми историк пользуется, и степень их априорности, а также и понятие об истории как «науке о действительном» и «установлении» индивидуального; самое осуществление закона в данном месте и в данное время — есть исторический факт. Лишь такие факты, которые представляют интерес, подлежат историческому изучению. Впрочем, построение Зиммеля нельзя признать чисто-идиографическим; он, например, рассуждает о приближенных обобщениях истории и о некоторых философско-исторических законах; последние представляются ему особого рода «познавательными формами» того направления, в каком, положим, дух или нравственность раскрывается в мировом целом*.

Влияние того же идиографического построения стало обнаруживаться и в области новейшей историографии, но не без некоторых колебаний. Мейер, например, готов признать задачей исторической науки индивидуальное, но его значение он определяет главным образом тем, продолжает ли данный факт действовать и в последующее время**. Другой историк, специально занявшийся «теорией истории», — Ксенополь, питает некоторую склонность к метафизическому гипостазированию законов, что видно, например, из его рассуждений о времени и о «силах эволюции», и еще менее выясняет свою теоретико-познавательную точку зрения; хотя в принципиальном отношении Ксенополь отчасти примыкает к учению Виндельбанда, но он отклоняет его учение о ценности применительно к истории; полагая возможным заменить понятие о ней понятием об «исторической серии», он готов перейти прямо к эмпирическому реализму: история, по его мнению, изучает данный процесс, реальность которого он, в сущности, бессознательно принимает. Главнейшие положения Ксенополя следующие: в действительности существуют два рода явлений: явления повторяющиеся и явления, следующие друг за другом (единичные); «мы рассматриваем это раз-

* G. Simmel, Die Probleme der Geistesphilosophie, Lpz., 1892; 3 Aufl., Lpz., 1907.

** E. Meyer, Zur Theorie und Methodik der Geschichte, Halle, 1902; ср. выше: с. 51–52 <128–129>; еще Ch. Seignobos, La méthode historique appliquée aux sciences sociales, Par., 1901.

личие между явлениями сосуществования и преемства как даннос самими явлениями, а не тою точкою зрения, с которой мы их изучаем». Отсюда два ряда наук: естествознание, изучающее явления повторяющиеся, и исторические науки, объектом которых служит последовательная смена единичных явлений, изучаемых в их причинно-следственной зависимости. Вообще можно сказать, что достоинство работ Ксенополя, особенно его главного труда, состоит в обилии библиографических данных и в подборе исторических примеров, но обоснование его взглядов в теоретико-познавательном отношении представляется мне довольно слабым*.

Вышеизложенные теории показывают, что философия и наука стремились обосновать наш интерес к конкретной действительности; но для того, чтобы выяснить принципы, которые с идиографической точки зрения полагаются в основу научного ее построения, следует более внимательно остановиться на систематическом их рассмотрении.

Глава вторая. Основания идиографического построения исторического знания

Идиографическое построение стремится к объединению наших исторических знаний с той познавательной точки зрения, которая обнаруживается в нашем «интересе» к конкретной действительности. Ввиду такой именно познавательной цели, историк не может довольствоваться обобщением и образует особого рода индивидуальные понятия. Во главе их можно, конечно, поставить понятия об индивидуальном и его историческом значении; благодаря им, множество представлений об отдельных чертах действительности уже получает некоторое единство. Этих понятий, однако, недостаточно для того, чтобы установить реальное отношение между историческими фактами: оно конструируется при помощи понятия о фактически необходимой причинно-следственной связи между ними. Впрочем, и последнее понятие слишком мало охватывает сложную историческую действительность: в сущности, лишь понимая ее как целое, в котором

* *A. D. Xénopol, Les principes fondamentaux de l'histoire, Par., 1889*; ср. еще несколько его статей, преимущественно в журналах: *Revue Philosophique* и *Rev. de Synth. hist.*, подготовивших и новое, переработанное издание его книги под заглавием: «*La théorie de l'histoire*», Par., 1908.

отдельные факты получают значение частей и занимают определенное положение, можно достигнуть высшей степени объединения изучаемых нами исторических данных.

§ 1. Основная задача идиографического построения

В обыденном мышлении легко вскрыть тот интерес, удовлетворения которого мы стремимся достигнуть путем идиографического построения: человек интересуется не одними только научными обобщениями; сам будучи индивидуальностью, он питает интерес и к конкретной действительности. Правда, человек ценит не всякого рода действительность, а только ту, которой он придает какое-либо значение; но если бы он не мог признать действительность того, чему он же придает значение, то и смысл последнего изменился бы для него; он мог бы ценить лишь свои идеи; а между тем всякому известно, что многие идеи получают интерес или приобретают особого рода интерес, лишь под условием мыслить действительное существование их содержания; например: иное дело сознавать, что слушаешь сказку, и иное дело принимать рассказ за изложение действительно бывшего; между тем, последний и называется «историческим». Итак, можно сказать, что познавательная цель идиографического построения уже обнаруживается в нашем интересе к конкретной действительности; «настоящий» историк лишь ярче других переживает такое настроение: он «вообще должен испытывать непосредственное участие и радость к единичному, самому по себе взятому; он должен чувствовать влечение к живым проявлениям каждого отдельного человека и, даже без всякого отношения к ходу вещей, радуется тому, как человек во всякое время пытался жить...»*.

Ввиду нашего интереса к конкретной действительности, мы и стремимся к научному ее познанию: оно имеет для нас и теоретическое, и практическое значение. В самом деле, с теоретической точки зрения мы придаем значение идиографическому построению прежде всего в той мере, в какой оно вообще объединяет наше знание; нельзя объединить совокупность наших знаний, хотя бы об одном данном объекте, при помощи принципов одного только номотетического построения: ведь в состав такой совокупности мы должны включить зна-

* *L. v. Ranke, Weltgeschichte, Bd. IX, Abt. II, (1888). Vorw., SS. IX ff.*

ние индивидуальных особенностей данного объекта. Далее, если признать, что без данности исходного момента научного построения действительности, эмпирические науки не мыслимы, то и такой момент, т. е. конкретно данная, хотя бы в один известный момент, действительность требует самостоятельного обследования. Наконец, легко заметить, что мы интересуемся не только законом, но и его осуществлением в зависимости от действительности: лишь идиографическое построение, однако, может ответить на вопрос о том, где именно и когда именно он осуществлялся. С практической точки зрения мы также испытываем потребность не в одном только обобщающем знании, но и в его коррективе, каковым можно признать знание «историческое» в идиографическом смысле. В самом деле, если придавать категорическому императиву ту индивидуализирующую форму, которая уже была установлена основателем идиографического построения, то и осуществление ее предполагает наличие такого же индивидуализирующего знания и не только в качестве логического требования, но и нравственного постулата. С такой точки зрения этика находит существенную поддержку в истории, занимающейся построением понятий с индивидуальным содержанием. В самом деле, при выработке этики с вышеуказанной точки зрения, нельзя довольствоваться формальными свойствами должноствования вообще; она должна определять должное в отношении его к человеку как индивидуальности в ее социально-историческом значении. Сказать: поступай так, как должно, — слишком мало; надо еще добавить: «если ты хочешь поступать хорошо, ты должен исполнить то, что, в силу твоей индивидуальности и условий места и времени, т. е. того определенного положения, какое ты занимаешь в действительности, ты один только в состоянии исполнить»*. Впрочем, такое же знание получает значение и в чисто утилитарном смысле: вся наша практическая действительность, в сущности, сводится к совершению определенных действий в данное время и в данном месте; следовательно, она требует знания тех именно условий пространства и времени, в которых мы действуем: с такой точки зрения, без точного знания, например, того, а не иного распределения минералов, растений, животных, человеческих обществ и их учреждений, а также степени их развития во времени, нет возможности действовать с наименьшей затратой сил и с надеждой

* *H. Rickert*, *Grenzen*, SS. 716–717; ср. выше сс. 192–193 <Т. 1. С. 244–245>.

на успех. Итак, в совокупность нашего знания мы должны (и с теоретической, и с практической точки зрения) включать знание индивидуального; но для такого именно знания номотетической точки зрения недостаточно: надо прибегнуть к идиографическому построению; оно должно дать научное удовлетворение нашему интересу к конкретной действительности.

Познавательная цель, уже обнаруживающаяся в нашем интересе к конкретной действительности, еще яснее определяется при научном его удовлетворении.

В противоположность номотетическому построению, которое все более отдаляет нас от действительности, идиографическое построение стремится возможно более приблизиться к ней: оно изучает объекты как таковые; тогда как во всяком номотетическом построении ученый отвлекает от объекта черты, общие ему с другими объектами, и, значит, не имеет в виду изучать его в его индивидуальности, а пользуется им лишь в качестве материала, пригодного для обобщения, историк, в своем идиографическом построении, признает индивидуальное целью своего изучения. Следовательно, идиографическая (или историческая в идиографическом смысле) точка зрения тем и отличается от номотетической, что, с идиографической точки зрения, ученый интересуется индивидуальным целым или единичными составными частями действительности не как познавательными средствами, а как такими ее частями, каждая из которых сама по себе уже заслуживает внимания в качестве объекта познания*.

Таким образом, идиографическое построение ставит себе особое рода познавательную цель, а не особого рода объекты исследования: напротив, один и тот же объект можно рассматривать не только с номотетической точки зрения, но и с идиографической. Значит, в случае, если наш интерес направлен именно к данному объекту, не поскольку у него есть общие с другими объектами свойства, а поскольку сама его индивидуальность представляет интерес, естественно прибегнуть и к особому рода построению — идиографическому; оно должно получить преобладающее значение и предопределить собою весь характер исследования, предпринимаемого для того, чтобы удовлетворить интерес подобного рода.

* *G. Simmel*, *Probleme...* SS. 139 ff.; *M. Weber*, *Kritische Studien* и проч. в «*Arch. für Social-Wiss.*», Bd. XXII, S. 162.

Научное удовлетворение нашего интереса к конкретной действительности и дается особого рода науками: науками историческими в широком смысле слова. С логической точки зрения можно говорить даже об истории физических процессов: например, об истории света, о том, всегда ли был свет; когда и где он впервые появился, сколько существует очагов света и в каких местах они существуют и т. п.; то же можно сказать и относительно истории химических элементов (ср. генетическое значение периодизации элементов), а также небесных тел и земли (космогония, геология), органических тел (биогенетические исследования, происхождение видов и проч.), и, наконец, человечества, т. е. его культуры*.

Следует заметить, однако, что, поскольку действительность нам дана, она представляется нам конкретно данной. В самом деле, действительность всегда представляется нам в данной нам конкретности; значит, если история занимается научным построением действительности, она должна заниматься таким построением ее в ее конкретности: «только частное и есть то, что действительно происходит». Следовательно, историю, в таком именно смысле, можно назвать наукой о действительности, рассматривающей ее в отношении ее к конкретному**.

Если, однако, основная задача исторического знания состоит в научном знании действительности в ее конкретности, то историк не может довольствоваться не только обобщением фактов, но и отвлечением от нее таких фактов; он не может ограничиваться изучением однородных серий явлений. С такой точки зрения, «история» элементов и т. п. есть уже своего рода абстракция. То же можно сказать и относительно истории в узком смысле; историк человечества не может ограничиваться изучением, например, истории хозяйства или истории идей, истории нравов, учреждений и т. п.: ведь каждая из таких серий — абстракция; в действительности — нет отдельных серий, а только сплетения их. Мало того: реальную связь их надо искать в реальных людях, т. е. в индивидуумах, каждый из которых, однако, обладает еще своею индивидуальностью, или в событиях, про которые можно сказать то же самое; принимая во внимание такие

* *H. Rickert*, *Crenzen...* S. 274 и др. Ср. ограничительные замечания *F. Gottl'a*: *Die Grenzen der Geschichte*, Lpz., 1904; особенно SS. 16–29.

** *H. Rickert*, *Crenzen...* S. 250–251, 255, 277.

«индивидуальности», можно говорить и о конкретно-данной исторической действительности.

Вышеуказанная познавательная цель идиографического построения обнаруживается и в том значении, какое историк-идиограф приписывает обобщению: ввиду научного удовлетворения нашего интереса к конкретной действительности, он стремится возможно больше воспользоваться выводами обобщающих наук для научного ее понимания; нет сомнения, что в своих построениях он пользуется и номологическими, и типологическими обобщениями; но их установление не составляет цели исторического знания: историк прибегает к готовым обобщениям в качестве средств, пригодных для понимания конкретно данной ему действительности.

В самом деле, «тот факт, что всякая наука нуждается в общих понятиях, еще не доказывает, что каждая наука одинаково должна стремиться к построению системы общих понятий». Хотя естествознание и история нуждаются в общих понятиях, но они делают из них разное употребление. Для естествознания — образование общих понятий есть цель, для истории они служат средством, а целью оказывается понимание индивидуального. История достигает такой цели обходным путем, сообразуясь с требованиями нашего мышления и нашего языка; ведь и в последнем мы постоянно пользуемся общими терминами для изображения индивидуального; в истории они также употребляются для обозначения действительно бывшего*. С такой точки зрения, историк широко пользуется законами и в особенности «законами душевной жизни», поскольку таковые действительно установлены**. Законами ритма историк объясняет, например, производство и организацию хозяйственных работ у древних египтян (*Бюхер*²⁷²); законами ассоциации (положим, ассоциации идеи движения с идеей одушевления) — анимизм первобытных верований данного древне-германского или древнеславянского племени (*Тейлор*) и т. п.; историк может пользоваться

* *H. Rickert*, *Le quatre modes de l'universel* в *Rev. de S. N.* 1901, II, № 2, p. 124–126; ср. его книгу: *Die Grenzen*, S. 340 ff.

** *W. Windelband*, *Nat-w und Gesch.-w.*, S. 23; автор, однако, сомневается в возможности для историка подобных знаний, по крайней мере, до нынешнего времени; он также сомневается в научности большинства так называемых законов душевной жизни и возлагает, может быть слишком поспешно, много надежд на интуицию историков. Ср. выше: отд. I, гл. II, сс. 112–161 <Т. I. С. 177–219>.

общими законами психической мотивации и для объяснения действий определенных исторических деятелей, например, Петра Великого²⁷³, Наполеона²⁷⁴ и т. п.; или, принимая во внимание психологию толпы, объяснять отдельные эпизоды из французской революции, революции 1848 г. (напр., последствия выстрела на дворцовой площади в Берлине...) и т. п.

В аналогичном смысле историк может пользоваться и типологическими обобщениями.

Какая-нибудь программа уроков, дающая понятие о том, чему и как кантор XII-го века учил своих воспитанников, или какой-нибудь кухонный счет XIV-го века сами по себе, положим, не оказали существенного влияния на исторический процесс; но, поскольку они могут служить для познавательных целей, такие типические для данного времени факты (если они типичны), получают значение и с идиографической точки зрения; можно пользоваться знанием таких «типов» для истолкования индивидуальных фактов, характеризующих позднее средневековье, о чем иногда забывают даже приверженцы изучаемого понимания истории. Возьмем еще один пример, на котором легче показать различие между познавательным значением типа и реальным значением конкретного факта. Положим, например, что при изучении возникновения государства у Тлинкитов²⁷⁵ и Ирокезов²⁷⁶, мы обнаружим такие процессы возникновения государства из родового устройства, которые имеют репрезентативно-типическое значение. Такое их значение нельзя, однако, смешивать с реальным значением типизируемых фактов, поскольку они важны с причинно-следственной точки зрения: факту возникновения вышеупомянутых государств, процессу их образования нельзя приписывать «почти всемирно историческое значение», так как они в действительности оказали очень мало влияния на всемирно историческое развитие человечества: ведь они существенно не повлияли на позднейшую культурную или политическую историю человечества, т. е. в качестве причины, фактора — не играли в ней заметной роли. Следовательно, познавательное значение подобного рода фактов нельзя смешивать с реально-историческим влиянием их; факты, подобные вышеприведенным, очевидно, важны для познания хода образования государств, т. е. тех процессов, путем которых они вообще возникают; их познание, независимо от общего учения о государстве, может весьма пригодиться и для историка, поскольку он будет поль-

зоваться им для истолкования конкретно-данного случая возникновения известного государства; следовательно, такое знание может иметь для него познавательное значение, но не играет роли реального основания (т. е. причины), которым с причинно-следственной точки зрения объяснялось бы возникновение другого государства, например, Северо-Американских соединенных штатов. С точки зрения реального значения несравненно большее (собственно историческое) значение можно приписать, например, хотя бы известному решению Фемистокла²⁷⁷, действительно повлиявшему не только на ход древне-греческой истории, но (через ее посредство) и на развитие всемирной истории*.

Итак, историк может пользоваться понятием «типа» в только что указанном познавательном его значении, и с идиографической точки зрения. Историк принимает его, например, во внимание в тех случаях, когда он употребляет «тип» как своего рода критерий для установления степени отклонения от него данной индивидуальности, что, в свою очередь, указывает ему и задачу: выяснить, почему в данном конкретном случае такие отклонения действительности имели место. С только что указанной точки зрения, пользуясь, например, понятием о типе, положим, французского солдата революционной эпохи, он с большою легкостью отметит индивидуальные особенности Гоша (Hoche)²⁷⁸ или Наполеона. В аналогичном смысле можно применять научно установленный для данного периода тип материальной или духовной культуры (типы хозяйства, религии и т. п.), общественного строя, учреждений и т. п., для выяснения индивидуальных особенностей культуры данного народа в тот же (или иной соответственный) период времени. В средневековой Германии, например, сословный ландшафт обыкновенно состоял из прелатов, рыцарей и горожан (тип); но на вюртембергских ландтагах рыцарей не оказывается**; такой факт сам по себе (с историко-идиографической точки зрения) требует объяснения, а объясняя его, историк лучше входит и в изучение тех индивидуальных особенностей социально-политического устройства, которые именно для Вюртемберга и характерны.

* K. Breysig, Die Entstehung des Staates bei Tlinkit und Irokesen in Schmollers Jahrb. 1904 г. S. 483 f.; ср. M. Weber, Op. cit. в Arch. für Sozialw., Bd. XXII, S. 159–160.

** G. v. Below, Territorium und Stadt, Münch., 1900, SS. 214, 278–282.

Всякий раз, однако, когда историк имеет дело с каким-либо общим комплексом, «средою», или коллективным существом, он, казалось бы, должен прибегать к образованию общих понятий, обнимающих их общее содержание (а не только значение); в таком случае, он должен был бы признавать отдельные элементы подобного рода комплексов экземплярами, представления о которых обобщаются им в понятие о самом комплексе. Если, однако, историк рассматривает каждый из таких элементов, как индивидуальную (в историческом смысле) часть данного целого, то, очевидно, он не выходит из идиографического построения, и в сущности, не оперирует над общими понятиями; правда, не все элементы, взятые порознь, могут и должны обращать на себя внимание историка, почему он и располагает их по группам, образующим данное целое, но каждой группе он приписывает индивидуальное значение», как особой части целого комплекса.

В самом деле, понятие об этих группах имеет для историка лишь относительно общее значение; сравнивая относительно общее понятие с более общим понятием, мы, в сущности, тем самым получаем понятие о некоем индивидуальном объекте, т. е., по отношению к более общему, можем рассматривать его, поскольку оно своими относительно индивидуальными чертами отличается от последнего: сравнительно с общими понятиями естествознания, вышеуказанное понятие о группе, занимающее определенное место в пространстве и времени, уже можно считать частным. Выше было уже указано и на то, что в идиографическом построении такое понятие употребляется с целью выразить индивидуальность самой группы, а не общую природу вида, т. е. с целью выяснить ее значение как части данного целого, занимающей определенное положение, по отношению к остальным частям данного комплекса; следовательно, понятие о данном государстве, народе, обществе, городе и т. п. группах может получить, смотря по точке зрения, не только относительно общее, но и относительно индивидуальное значение. Впрочем, во многих случаях то, что важно для данной группы (т. е. имеет общее значение), совпадает с тем, что встречается во всех элементах данной группы (т. е. с тем, что имеет общее содержание; ср. ниже). В таких случаях, понятие о группе может получить общее содержание; но совпадения подобного рода с логической точки зрения должно признать простой случайностью: они не вызваны сознательным стремлением историка к образованию общих понятий, а тем паче к построению целой их системы.

Таким образом, и историк, придерживающийся идиографической точки зрения, постоянно обращается к общим понятиям; но он пользуется ими не для обобщения, а для индивидуализирующего понимания действительности.

Итак, основная задача исторической науки в идиографическом смысле состоит в том, чтобы с индивидуализирующей точки зрения достигнуть научного понимания конкретно-данной нам действительности: история, хотя и пользуется общими понятиями, но стремится изучить не то, что происходит всюду и всегда, а индивидуальное; она желает дать научное построение данных в различных точках пространства и различных моментах времени «индивидуальностей», в их реально-индивидуальном отношении к целостной исторической действительности, и таким образом пытается конструировать понятие об историческом целом.

§ 2. Понятие об индивидуальном и его историческом значении

Научное удовлетворение нашего интереса к конкретной действительности достигается прежде всего путем образования индивидуальных понятий, объединяющих наше знание о ней.

Каждое из таких понятий есть понятие, содержание которого рассматривается с точки зрения его отличия от содержания других понятий, и признается единичным; значит, такое понятие характеризуется ограниченностью своего объема: в предельном смысле можно сказать, что каждое индивидуальное понятие годится лишь для обозначения одного объекта.

Понятие об индивидуальном, однако, шире понятия об индивидуальности: ведь под понятием об индивидуальном можно разуметь и понятие об индивидуальном положении, и понятие об индивидуальности, занимающей такое положение. Данная материальная точка, например, может занимать индивидуальное положение в данной системе, определяемое методом координат; но, взятая сама по себе, не в отношении (по ее положению) ко всем остальным элементам той же совокупности, она может быть заменена любой другой материальной же точкой, также самой по себе взятой, и, значит, не представляется нам индивидуальностью; субъект, занимающий определенное положение в обществе, напротив, признается нами индивидуальностью в той мере, в какой он, в силу присущего ему своеобразия, не

заменяем другим субъектом, и должен занять то, а не иное положение в целом. С такой точки зрения понятие об индивидуальности уже связывается и с понятием о ее значении.

Действительно, можно сказать, что понятие об индивидуальности — есть понятие о некоем единстве своеобразия, характеризуемом известной совокупностью признаков и, значит, незаменимым другим каким-либо комплексом в его значении; следовательно, оно есть наше построение, производимое нами с точки зрения того значения, какое мы приписываем данной индивидуальности; в таком же смысле можно сказать, что историческая индивидуальность конструируется с точки зрения ее исторического значения.

Впрочем, и под индивидуальностью можно разуметь или понятие о целом, поскольку его содержание единично, или понятие о части целого, незаменимой никакой другой его частью; в последнем смысле можно также рассуждать о значении индивидуальности в ее отношении к целому и соответственно формулировать понятие о ее историческом значении (см. ниже).

Понятие об индивидуальности характеризуется богатством своего содержания и ограниченностью своего объема: оно содержит множество представлений о разнообразных элементах конкретной действительности, объединяемых в одну совокупность, что отражается и в словоупотреблении*: под индивидуальностью, в более частном значении слова, можно разуметь и личность, и событие, и социальную группу, и народ, в той мере, в какой они отличаются от других личностей, событий, социальных групп, народов и т. п. Человеческое сознание, однако, не в состоянии объять всю множественность конкретно данных элементов: сама по себе конкретная действительность настолько многосложна, что исчерпать ее до дна нет возможности. Ведь каждая мельчайшая частица данного тела, поскольку она занимает определенное место в нем и непроницаема для другой, представляется нам уже частью, материальной точкой данной массы; но представить себе реальную совокупность такого бесчисленного множества мельчайших частиц и, таким образом, воспроизвести данную массу в ее конкретности, нет возможности; с указанной точки зрения

* M. S. Newcomb, L'univers comme organisme. Rev. Scient. 1903. Mars 14, p. 323: «Parmi les milliers d'étoiles qui ont été examinées spectroscopiquement il n'y en a pas deux, pour lesquelles ont ait trouvé absolument la même constitution physique»²⁷³.

нельзя представить себе материальной массы во всей ее конкретности: мы затерялись бы в ней. То же заключение, с тем большим основанием, можно сделать, если обратиться к изучению данного целого с качественно разнородными частями. Положение исследователя оказалось бы безвыходным, если бы он, ввиду своих познавательных целей, не имел возможности упрощать, т. е. схематизировать содержание действительности, особенно в тех случаях, когда оно рассматривается не с количественной, а с качественной точки зрения.

Итак, действительность слишком разнородна для того, чтобы можно было изобразить ее во всей полноте ее индивидуальных черт; то же, разумеется с тем большим основанием, можно сказать и о той действительности, которую мы называем психической. Даже ограничивая свои наблюдения какой-нибудь мелкою частью человеческого рода, историк принужден сознаться, что содержание ее все же слишком разнообразно для того, чтобы он был в состоянии выразить все входящие в ее состав индивидуальные черты; при изображении исторических личностей и событий, он, в сущности, должен отказаться от полного воспроизведения индивидуального во всей его совокупности и пользуется некоторым отвлечением для упрощения действительности: какое-нибудь сражение или осада представляются ему только в сокращенном виде, в основных своих чертах; иной раз он даже довольствуется простым регистрированием данного факта (в таком-то году происходила такая-то война и т. п.), не входя в подробное его описание*. Следовательно, историк, подобно естествоведцу, очевидно, нуждается в упрощении конкретного содержания данных своего исторического опыта; он образует своего рода «исторические понятия»; он не берет, например, всех людей или событий со всеми индивидуальными чертами, а принимает во внимание лишь некоторых людей и некоторые события в их индивидуальности. Впрочем, и последнюю он представляет не в совокупности всех ее черт, а выбирает из них известные черты, которые он и соединяет в индивидуальный образ.

Итак, построение действительности уже обнаруживается в процессе ее упрощения. Нельзя, однако, признать всякое упрощение чувственно воспринятого особенно характерным процессом научного знания; ведь таким же стремлением характеризуется и вся наша деятельность, и даже, пожалуй, в еще большей мере практическая, чем

* G. W. F. Hegel, Werke, IX, 3-te Aufl., S. 8.

теоретическая; без него мы не могли бы действовать. В данном случае следует рассуждать не об упрощении вообще, а о научном упрощении, т. е. квалифицировать процесс: научный характер построения действительности зависит не столько от упрощения ее, сколько от научно-критического обоснования той точки зрения, с которой оно производится.

На каком же основании историк «упрощает» действительность и признает, что одно событие имеет историческое значение, а другое его не имеет?

Вообще, для того, чтобы распознать в данной многосложности те индивидуальные состояния, события, комплексы или серии, которые должны быть признаны существенными, историк нуждается в критерии, с помощью которого он мог бы выбирать из многосложной действительности то, что имеет историческое значение. Так как научное построение истории, условием которого оказывается такой принцип, должно быть принято всеми, то последний не может иметь индивидуального характера; надобно, чтобы он был одинаково признаваем «всеми» и в таком смысле отличался бы общим значением.

Правда, что и естествознание нуждается в принципе выбора; но здесь принципом подобного рода служит общее содержание образуемого понятия; с такой точки зрения объекты рассматриваются лишь постольку, поскольку они содержат общие между собою черты. Указанный принцип пригоден для социологических исследований, но не для идиографического построения истории. Ведь история в идиографическом смысле придает значение не тому, что в данном объекте оказывается у него общим с другими, а самому объекту, поскольку он представляет особенности, ему одному свойственные, и поскольку с телеологической точки зрения, для сохранения его индивидуальности (в целом ее виде принимаемой в расчет), ее должно признать единственной в своем роде. С такой индивидуализирующей точки зрения, объект, рассматриваемый, поскольку он имеет индивидуальный характер, а не общее с другими содержание, тем не менее может получить всеобщее значение; мало того: по мере возрастания индивидуального характера объекта, особенностей, отличающих его от остальных и лишаящих историка возможности заменить его другим объектом, всеобщее значение его возрастает.

Следовательно, различая понятие об общем содержании от понятия о всеобщем значении, можно сказать, что с историко-

идиографической точки зрения, общность содержания данного объекта не может еще служить критерием для исторического выбора: историк должен принимать во внимание индивидуальный характер изучаемых им объектов; между тем, если он будет придавать значение общему с другими содержанию объекта, он именно лишен будет возможности с такой точки зрения придавать значение самому объекту в его индивидуальности.

Впрочем, оставляя в стороне критерий «общности содержания» и имея в виду лишь всеобщее значение данного объекта, можно еще попытаться судить о нем по объективно-данному признаку, а именно: по числу вызванных данным фактом последствий. Положим, что чем больше (в количественном смысле) данный факт вызовет последствий, тем он будет иметь большее значение. Можно ли с идиографической точки зрения принять такой количественный критерий всеобщего значения факта по числу его последствий?

При ответе на этот вопрос следует прежде всего иметь в виду, что историк может или исходить из данного факта и выяснять его последствия, или, наоборот, начинать с изучения его последствий и восходить к тому факту, влиянием которого они были вызваны.

Если исходить из факта (причины), то уже надо иметь критерий для выбора того, а не иного факта; раз историк остановился на одном из них, значит он уже выбрал его (хотя бы гипотетически), по его (предполагаемому) значению для всей общественной группы, которая им изучается. С указанной точки зрения историк принимает во внимание не всякий факт, а такой, который, по его мнению, сам по себе уже имеет значение и мог оказать реальное влияние на данную общественную группу, и только проверяет свою гипотезу путем индуктивного наблюдения над численностью последствий; но в таком случае критерий численности последствий не определяет всеобщего значения данного факта, а играет только контролирующую роль при установлении его исторического значения. Следовательно, критерий по числу последствий не дает еще основания для исторического выбора данного факта, если исходить из него при выяснении его значения. Нельзя применять его и в том случае, когда на основании всеобщего значения какого-нибудь «выдающегося» факта предпринимаются разыскания таких его последствий, которые сами по себе, в качественном отношении, могут быть малозначительны и ускользают от внимания историка; иными словами говоря, иногда ему удоб-

нее исходить из ярко-бросающегося в глаза факта, чем из его последствий, часто рассыпанных по разным периодам и как бы затерянных в многообразии действительности; но и в данном случае он уже признает его значение и пользуется таким понятием для того, чтобы разыскать и выяснить его последствия.

Если историк исходит не из данного факта, а из его последствий, то все же на основании числа их он не достигнет цели. В самом деле, приступая к изучению таких последствий, он уже делает предпосылку: с идиографической точки зрения он должен принимать во внимание последствия такого факта (предполагаемого), который (в смысле логического предела) оказывается единственным в своем роде, а потому и получает особое значение; но в таком случае последнее должно обнаруживаться и в его последствиях; иначе самая связь между данным фактом (в его индивидуальной целостности) и его последствиями утрачивается и последние становятся обособленными фактами, по которым нельзя судить об их причине, поскольку ее характерные особенности отразились на ее последствиях. Вместе с тем, следует иметь в виду, что каждый факт — причина, в сущности порождает беспредельное число последствий: Аустерлицкое сражение²⁸⁰, например, вызвало массу сотрясений воздуха; каждая новая волна воздуха являлась одним из следствий, порожденных выстрелами; историк не принимает, однако, во внимание этих последствий: он интересуется Аустерлицким сражением с точки зрения его влияния на судьбу священной Римской Империи, на падение политического значения Австрии, на русско-французские отношения и т. п., словом он выбирает из бесчисленного множества следствий данного факта те, которые уже имеют (или имели), по его мнению, всеобщее значение; а для такого выбора он, очевидно, уже должен пользоваться некоторым критерием. Если же он будет выбирать следствия по их качественному значению, то он уже выйдет за пределы количественной их оценки: или поскольку она дает ему возможность выяснить всеобщее значение вызвавшего их факта, или поскольку он каждому из таких последствий будет придавать всеобщее значение для новой группы результатов. Итак, в том случае, если историк будет исходить из последствий данного факта, он не окажется в состоянии, пользуясь одним только критерием численности (объема) последствий, построить историческую действительность. Наконец, при определении всеобщего значения данного факта по числу его следствий, всегда

будет возникать вопрос о том, какое именно число их признать достаточным для того, чтобы данный факт причислить к тем, которые имеют всеобщее значение; но трудно подыскать объективный критерий для такого определения. Ведь можно признавать «всеобщее значение» за таким фактом, который имел относительно меньшее число последствий, если только они были важны; «важность» последствий, однако, уже предполагает качественную их оценку. В сражении при Лютцене²⁸¹, например, шведы одержали победу над немцами; тем не менее «Валленштейн был доволен исходом дня, потому что, хотя ему пришлось отступить, но Густава Адольфа уже больше не было в живых, и он считал, что теперь никто не может померяться с его армией».

Итак, всеобщее значение факта нельзя установить с точки зрения количественного критерия — численности его последствий; надобно принять во внимание качественный критерий: данный факт приобретает всеобщее значение, когда «важность» его должна быть признана или одинаково признается всеми; а историческое значение он получает лишь в том случае, если он имеет не только всеобщее, но и действительное значение, т. е. если он в своих характерных особенностях оказал действительное влияние на развитие человечества.

С только что указанной точки зрения нельзя смешивать два разных понятия, а именно: ценность индивидуальности и ее историческое значение. Личность, например, получает значение в истории не только как ценная сама по себе, но и с причинно-следственной точки зрения, поскольку она становится фактором исторического процесса; данная личность может иметь очень большую ценность, но в то же время может быть совсем лишена или почти лишена исторического значения. Следовательно, личность получает значение в истории не во всей полноте ее содержания, а в тех ее проявлениях (действиях), которые фактически оказывали влияние на исторический процесс; то же можно сказать, конечно, и относительно события. Лишь комбинируя понятия о ценности и о действительности индивидуального, историк получает основание признать за ним историческое значение; такое сочетание и служит ему в качестве критерия выбора исторических фактов.

Итак, для того, чтобы признать всеобщее значение данного факта, надобно, прежде всего, признать его ценность; но такое признание получает разный смысл в зависимости от того, придерживаться ли историко-познавательной или психологической точки зрения.

С теоретико-познавательной точки зрения мы называем «ценностью» то значение, которое сознание вообще приписывает данному переживанию. Нельзя не заметить, что сознание вообще опознает такие состояния, которые сами по себе имеют для него определяющее значение и характеризуются моментом некоего требования, предъявляемого нашим «я» к собственному сознанию; такие «ценности» имеют для него абсолютное значение и, смотря по характеру требования, оказываются или познавательными, или этическими, или эстетическими. В зависимости, однако, от соблюдения или нарушения подобного рода требований или общезначимых норм и их характера мы образуем понятия, имеющие положительное или противоположное ему отрицательное значение: истину, добро, красоту; или ложь, зло, безобразие; мы, конечно, легко переносим понятия подобного рода на самые объекты, которые и получают в наших глазах соответствующее значение; в таком смысле, т. е. путем отнесения к ценности мы и признаем за ними положительное или отрицательное значение.

С психологической точки зрения, мы, в сущности, рассуждаем об оценке. Простое переживание эмоциональных состояний нельзя еще назвать оценкой вызывающего их объекта или самих этих состояний в качестве объектов: ведь оценка вообще характеризуется волевым отношением нашего «я» к данному объекту; в таком случае субъект испытывает некоторое влечение к объекту или обратно; он сознает, что данный объект нравится или противен ему, что он его хочет или не хочет, что он хочет своего хотения или не хочет его. Волевой характер оценки обнаруживается и в главнейших ее видах. В самом деле, в основе евдемонической²⁸² оценки всегда лежит целеполагание; при оценке подобного рода субъект всегда ценит данный объект с телеологической точки зрения как средство для достижения удовольствия или пользы. В основе нормативной оценки, т. е. оценки, производимой на основании какой-либо нормы, всегда лежит признание нормы как высшей цели; само признание нормы, как чего-то должного, предполагает волевой акт, направленный на осуществление должествующего быть.

Уже из вышеприведенных положений легко вывести, что аксиологическое суждение нельзя смешивать с обобщением. В самом деле, под оценочным суждением надо разуметь не субсуммирование под какое-либо общее понятие (например, понятия: государство, религия, искусство и т. п.), а определенное отношение моего «я» к определенному объекту, взятому в его конкретности; основанием такого моего

отношения, моей оценочной точки зрения оказывается не общее понятие, а понятие о ценности в качестве критерия оценки. Общие ценности, правда, вместе с тем оказываются и общими понятиями; но для историка общие ценности, как, например, государство и т. п., не имеют значения таких общих понятий, которые содержали бы то, что общее индивидуальным ценностям и не придавали бы значения индивидуальным объектам: историк лишь относит к ценностям индивидуальные объекты для выяснения того, какое значение приписать им, в силу именно их индивидуальности, признать ли их существенными или нет и т. п. С такой точки зрения и следует различать подведение под общее понятие или под закон (без всякого отношения к ценности) от «подведения» под общую ценность, путем отнесения к ней индивидуального объекта: последнее лучше называть просто отнесением к общей ценности*; оно, очевидно, служит не для того, чтобы отвлечь от объекта черты, общие ему с другими объектами, а для того, чтобы, напротив, построить его индивидуальность, т. е. ту именно комбинацию его особенностей, которая и получает ценность.

Самая законность приложения аксиологических суждений к научному построению действительности может вызвать некоторые сомнения**; но большинство приверженцев идиографического построения истории указывает на то, что понятие ценности вообще лежит в основе науки. Уже сама истина как таковая (т. е. независимо от практического ее значения) представляется нам чем-то ценным; следовательно, момент отнесения к ценности есть и в естествознании, и в истории. Впрочем оно применяется в естествознании лишь к конечной его цели, а не к объектам изучения и не получает значения критерия для выбора материала, т. е. не кладется в основу научного исследования, что, напротив, имеет место в истории; в самом деле естествознание вовсе не подвергает самих реально данных объектов своего изучения как таковых, — отнесению к ценности; оно ценит объект своего знания лишь в качестве материала, пригодного или непригодного для своей ценной в познавательном отношении задачи, состоящей в обобщении; история, напротив, стремится определить

* *H. Rickert*, *Geschichtspphil.*, SS. 80–81.

** *A. Xénopol*, *Op. Cit.*, и сл.; ср. *La notion de «valeur» en Histoire Rev. de S. H.* t. XI (1905) и сл.; автор отрицательно относится к включению понятия об отнесении к ценности в историческую конструкцию, но без достаточно убедительной аргументации.

ценность самого объекта для целого, и только такие объекты и подвергает дальнейшему собственно-историческому изучению. Далее, отнесение к ценности не знания об объектах, а самих объектов, представляющихся субъекту реально данными в их конкретной индивидуальности, допускает со стороны историка признание их ценности не с одной только познавательной, но и с других точек зрения; такая операция и производится путем отнесения данного объекта к познавательным, этическим и эстетическим ценностям, и т. п. Наконец, историк, в узком смысле слова, имеет дело (в отличие от естествоиспытателя) с такими индивидуальными объектами, которые он признает одновременно и субъектами, способными опознавать ценности, в отношении к которым данный факт получает свое значение.

Установление ценностей или их обоснование, в сущности, есть дело философии (в частности философии истории), а не собственно научно-исторического построения. Действительно, философское размышление стремится опознать критерий ценностей и обосновать их путем нормативных оценок: оно вырабатывает систему абсолютных ценностей, т. е. с логической, этической или эстетической точки зрения признает абсолютную ценность истины, добра и красоты; полагая их в основу, оно может указать, какое значение (положительное или отрицательное) данные в сознании людей известного времени ценности имеют по отношению к такой системе, какое место они должны занимать в ней и т. п. Поскольку философ-историк или историк-философ, например, признает ценность научного знания, он будет признавать и ценность свободной мысли, «свободы совести», «свободы печати» и т. п. и с такой точки зрения оценивает государство; поскольку он опирается на абсолютную ценность нравственного начала, он с этической точки зрения может обосновать положительную ценность (идеального) государства: последнее становится в его глазах наилучшим формально-политическим условием для осуществления нравственности в человеческом обществе; с такой же точки зрения он будет придавать отрицательное значение общественно-политической дезорганизации и т. п.*; поскольку он ценит «об-

* Виндельбанд и другие идут еще дальше, когда утверждают, что «этика составляет теорию исторического знания», что она должна проводить анализ принципов, без которых историческое разыскание шагу ступить не может для того, чтобы разобраться в выборе фактов из среды того множества их, которые случаются в действительности.

лагораживающее» значение искусства, он будет соответственно рассуждать о функциях государства и т. п.

В таких случаях историк-философ прибегает к операции, которую можно назвать аксиологическим анализом: он стремится прежде всего выяснить, к какой именно ценности он может отнести изучаемый им объект, в отношении к какой из ценностей его индивидуальность получает наибольшее значение. Возьмем пример из области аксиологических суждений хотя бы о «Полтаве» Пушкина: можно изучать ее не с какой-либо обобщающей точки зрения, а с точки зрения ценности данного единственного в своем роде продукта культуры. Следует заметить, что ценность его связана с его единственностью в своем роде, т. е. с его индивидуальностью; что такая его ценность служит и основанием для того, чтобы данный факт стал достойным для нас предметом размышления и истолкования. Последнее может прежде всего состоять в опознании тех возможных точек зрения, с которых данный объект представляется ценностью, расчленением их и т. п.; при чтении «Полтавы», например, мы переживаем известные впечатления, но темно и неясно; задача истолкования может состоять просто в том, чтобы выяснить такое переживаемое нами или другими настроение, разъяснить его и опознать критерии оценки; в таком истолковании мы не имеем в виду придумывать какие-либо новые критерии или точки зрения, с которых можно было бы судить о факте; они только констатируются путем анализа; на основании его можно, например в вышеприведенном случае, смотря по принятой нами точке зрения, отнести «Полтаву» или к логической (правда художественного изображения действительности), или к этической, или к эстетической ценности; но лишь с последней точки зрения индивидуальный ее характер получает наибольшее значение. Таким образом, установив аксиологический критерий, можно вслед за тем выяснить степень ценности изучаемого объекта, например, степень художественной ценности данного продукта культуры и т. п.

Такой аксиологический анализ не направлен ни на установление причинно-следственной связи между данным фактом и другими, ни на выяснение его реального значения для истории человечества; следовательно, аксиологический анализ, занимающийся истолкованием ценности для нас данных объектов, рассматривает их с иной точки зрения, чем специально историческое исследование; правда, аксио-

логический анализ для понимания ценности, приписываемой нами объекту, должен обращаться к историческому его изучению; но последнее служит лишь средством для аксиологического анализа. С такой точки зрения переживание и понимание ценности объекта становится необходимой предпосылкой всякого исторического объяснения и построения; путем аксиологического анализа мы и определяем, какие именно объекты подлежат научно-историческому объяснению и построению.

Итак, историк-ученый в специальных своих исследованиях не занимается обоснованием ценностей: он признает, положим, ценность государства — обоснованную, и только относит к такой «культурной ценности» отдельные факты; каждый из них получает большее или меньшее значение (положительное или отрицательное) в его отношении к подобного рода культурной ценности; само индивидуальное нельзя признать существенным вне отношения его к какой-либо ценности: чем, например, человек приносит больше пользы или больше вреда государству (понятие, которое, разумеется, следует отличать от понятия о правительстве), тем он, в глазах историка, принимающего ценность государства, получает большее положительное или отрицательное значение; значит, история изучает человека, поскольку он содействует (или препятствует) реализации социальных, политических ценностей и т. п.; то же самое можно сказать и про событие.

Таким образом, в отнесении данного факта к данной ему культурной ценности историк-ученый получает критерий для выбора тех, а не иных фактов из многосложной действительности: он оценивает объект путем отнесения его к таким культурным ценностям, как наука, нравственность и искусство, церковь и государство, социальная организация и политический строй и т. п. В частности, признавая, например, ценность государства, он, смотря по значению для него (т. е. государства) данной индивидуальности, придает ей соответствующую ценность, но не подвергает самой индивидуальности, взятой вне такого соотношения, (как таковую) одобрению или порицанию и т. п.

Самая обоснованность культурных ценностей может, однако, не быть для историка данной. Само собою разумеется, что культурные ценности, обоснование которых принимается историком-ученым в качестве уже данного, на самом деле могут оказаться еще не обоснованными; тогда и отнесение к ним фактов будет также не обоснован-

ным, а только гипотетическим или относительным. В таких случаях или историк принимается за обоснование тех культурных ценностей, к которым он будет относить отдельные факты, т. е. сам занимается задачей философской, логически отличной от простого отнесения к принятой уже культурной ценности, производимой историком-ученым; или, не пускаясь в ее обоснование, он просто ограничивается констатированием относительной ценности, т. е. той культурной ценности, которую данная общественная группа признавала тогда-то и там-то (например, ценность венецианского государственного устройства в XVI–XVII вв.), и занимается отнесением к ней изучаемых фактов с точки зрения людей того времени; но подобного рода историческую работу нельзя, конечно, признать окончательной.

Впрочем, если бы историк даже располагал обоснованными ценностями, то все же путем отнесения к ним изучаемых фактов, он еще не мог бы достигнуть научного построения исторической действительности: с точки зрения принимаемого им критерия он выдергивал бы из нее известные факты. Историк, пользующийся обоснованными ценностями, должен, кроме того, выяснить, в какой мере они стали исторической действительностью, т. е. в какой мере они действительно признавались той общественной группой, которую он изучает. Следовательно, даже при обоснованности принимаемых им культурных ценностей, историк не может устраниваться и от отнесения изучаемых им фактов к общепризнанным ценностям: лишь с последней точки зрения он будет вправе говорить о реализации данных ценностей в действительности. Реализация получает, однако, своеобразный характер, если принять во внимание, что объекты исторического исследования оказываются одновременно субъектами, которые могут сами признавать некие ценности, и что последние, значит, объективно даны историку в психике изучаемой им социальной группы; в отношении к ним он может придавать значение и тем, а не иным фактам. С такой точки зрения ему приходится отличать вышеуказанные виды отнесения к обоснованной ценности от отнесения к общепризнанной ценности: отнесение к обоснованной ценности требует обоснования той производной ценности, в отношении к которой отдельным фактам приписывается известное значение, а отнесение к общепризнанной данным обществом ценности предполагает только наличность ее признания в той самой общественной группе, которая изучается историком; общепризнанная ценность,

значит, может не совпадать с обоснованной и в таком смысле признается лишь относительной.

Во всяком случае, если сам историк не устанавливает ценности целей и не обосновывает ее, а принимает их за ценные, поскольку ценность их уже дана в сознании людей, действующих из-за их достижения, он в таком случае судит о значении фактов в их отношении к уже данным ему, специалисту-историку, ценностям, поскольку они признаются данными людьми. Таким образом, «действительность становится историей», когда мы рассматриваем ее с точки зрения того значения, какое частное получает благодаря своей единичности для существ, наделенных волей и способных к действию*. Понятие об общепризнанной ценности легко разъяснить хотя бы на следующем примере. Возьмем один из крупных фактов новейшей политической истории: объединение Германии под гегемонией Пруссии. Можно оценивать самую цель этого объединения и признавать «важным» или «неважным» вытеснение Австрии из Германии, на что Бисмарк²⁸³ и решился; но можно не входить в оценку данной цели, а принимать ее во внимание, поскольку она представлялась ценной немцам 1860-х годов, и только изучать, было ли решение Пруссии объявить войну Австрии в тот именно момент пригодным средством для достижения вышеуказанной цели, т. е. для объединения Германии, и если история ответит на такой вопрос утвердительно, то почему это решение действительно оказалось таким средством. С последней точки зрения историк и будет выбирать данный факт (положим, решение Бисмарка касательно разрыва с Австрией) путем отнесения его к общепризнанной ценности (т. е. к объединению Германии).

Итак, отнесение к общепризнанной данной общественной группой ценности сводится прежде всего к психологическому анализу тех критериев оценки, которыми данное общество действительно руководилось или руководится для того, чтобы выяснить, какой из них оказывался общепризнанным или в большей или меньшей мере признанным**. По выяснении той именно ценности, которая оказывается в данной общественной группе общепризнанной, историк и

* H. Rickert, Grenzen... SS. 349, 355, 359, 372.

** W. Dilthey, Ideen über eine beschreibende und zergliedernde Psychologie in Sitz.-Ber. der Ber. Akad. d. Wiss. 1894.

будет выбирать факты, путем отнесения их к такой ценности, эмпирически данной, т. е. к ценности, которую вообще люди признавали в данное время. Словом, историк будет пользоваться найденным таким образом критерием для того, чтобы с точки зрения самого общества судить о значении фактов, его касающихся.

Следует заметить, однако, что историк не может ограничиться изучением одних общепризнанных ценностей, хотя они одни, казалось бы, имеют объективное значение. Без обоснования их, такие ценности все же оказываются результатами субъективной оценки, только с тем различием, что она произведена целою группой, а не отдельною личностью; но коллективная оценка может быть гораздо более субъективной, чем личная: психический уровень массы часто бывает ниже среднего, особенно в области отвлеченной мысли; без обоснования их такие ценности, в сущности, становятся, значит, проявлениями психики данной общественной группы, т. е. психическими фактами; а для выбора из них историк все же будет нуждаться в критерии, на основании которого он мог бы признать их значение и который, очевидно, он не может почерпать из самих фактов. Следовательно, историк-идиограф отказывается от установления какой-либо связи между обоснованными и общепризнанными ценностями лишь в том случае, если фактически лишен возможности приступить к такой работе и принужден, в качестве критерия, довольствоваться относительной по своему значению общепризнанной ценностью.

Впрочем, различие между отнесением к обоснованной ценности и отнесением к общепризнанной ценности может сглаживаться. Если исходить из того положения, что сознание человеческое способно опознавать абсолютные ценности, то можно допустить и такие случаи, когда критерий нормативной оценки у историка и у той общественной группы, которую он изучает, окажется общим. Люди не только подлежат отнесению к ценности в индивидуальном значении каждого из них, но и сами могут становиться в определенное отношение к той именно ценности, с точки зрения которой они и получают значение. В самом деле, хотя историк-ученый не занимается обоснованием ценностей и признает их данными, но он все же опирается на абсолютную ценность, по отношению к которой данная культура (положим, государство) и получает (производную) ценность, а если та же ценность признается (или признавалась) и обще-

ственной группой, изучаемой историком, то принимаемая им обоснованная ценность может совпасть с объективно-данной, и, следовательно, сама будучи обоснованной, вместе с тем становится объективной и общепризнанной.

В таком совпадении следует различать по крайней мере два вида. В известных случаях обоснованный критерий историка может совпасть с общепризнанной ценностью; в таком случае данный исторический деятель (личность, группа и т. п.) не сознает или, может быть лучше сказать, смутно сознает связь между некоей абсолютной ценностью и общепризнанной, но не обосновывает ее: припомним, например, хотя бы борьбу греков с персами²⁸⁴; или объединение Германии, в смысле процессов, нужных для сохранения и развития общечеловеческой культуры. Возможно, однако, представить себе, что обоснованный критерий историка совпадает с таким же обоснованным критерием исторического деятеля; для примера можно указать, положим, на историю Гусса²⁸⁵ или Галилея²⁸⁶, на борьбу французов с коалицией из-за общечеловеческих начал и т. п.

Во всяком случае, следует всегда отличать отнесение к ценности от субъективной оценки фактов, производимой самим историком; последняя отличается тем, что ее критерий не обоснован, и тем, что он не научно-эмпирического характера, поскольку он действительно признается «всеми». В субъективно исторической оценке критерий обыкновенно берется под влиянием какой-либо субъективно-индивидуальной точки зрения — национальной, сословной, научно-цеховой (с точки зрения данного ученого направления, школы) и т. п.

Таким образом, историк получает возможность установить всеобщее значение индивидуального, путем отнесения его к ценности, которая получает наибольшее объективное значение в том случае, если она может быть обоснована; впрочем, и общепризнанная ценность, в качестве относительной, может служить для предварительного выбора фактов; как бы то ни было, отнесение к ценности следует строго отличать от субъективно-индивидуальной оценки; тем не менее в действительности отнесение к ценности и субъективная оценка, разумеется, часто смешиваются в одном и том же субъекте — историке.

Понятие об историческом значении индивидуального нельзя, однако, ограничивать понятием о его ценности; ведь понятие об общепризнанной ценности уже находится в тесной связи с понятием

о действительности индивидуального: историк интересуется вневременной ценностью в процессе ее реализации; а ценность тем полнее реализуется, чем более факт, в котором она воплотилась, имеет последствий.

В самом деле, если без признания индивидуального — имеющим значение в его отношении к данной культурной ценности, «настоящий» историк не примется за его изучение, ибо, в противном случае, выбор фактов будет иметь случайный характер, то и без наличности реальных последствий такого факта для развития человечества (данной группы его и т. п.), он не станет изучать его; индивидуальность, сама по себе очень ценная, но не оказавшая, в качестве таковой, фактического воздействия на данный процесс, в сущности, лишена полноты своего значения и во всяком случае еще не имеет того значения, которое можно назвать собственно «историческим»*. Факт, сам по себе важный, но не имевший никаких исторических последствий, может, конечно, получить познавательное значение и в глазах историка, но поскольку он, благодаря такому его значению, обратит внимание не на него самого, а на значение вызвавших его причин; даже в том случае, если этот факт сам по себе имеет обоснованную ценность, историк еще не будет иметь достаточных оснований для того, чтобы признать в полной мере его реально-историческое значение. Лишь в том случае, если факт окажет реальное действие на развитие человечества, и его последствия (путем отнесения к данной культурной ценности) будут признаны имеющими некоторую ценность, он получит и собственно историческое значение. В самом деле, если данный факт не имел заметных исторических последствий, то, даже при самой высокой его ценности, нет возможности вставить его в основной эволюционный ряд, и таким образом выяснить его реальное значение для всего целого; и чем выше его ценность, тем вероятнее, что при отсутствии дальнейших исторических следствий, вызванных им, эволюция, приведшая к нему, есть особая боковая отрасль основного эволюционного ряда. Наоборот, если факт представляется исторiku не только следствием, (но с другой точки зрения) и причиной новых результатов, он может так или иначе вставить его в основной эволюционный ряд; а такое его значение он

* Ср., например, характеристику ученого Ментелли у *Tb. Ribot, La psychologie des sentiments*, pp. 364–365.

устанавливает лишь путем исторического исследования его действительности; оно может получить даже социологический характер; поскольку историк будет задаваться изучением объединяющего и уравновешивающего влияния данного факта на последующие поколения.

Нельзя, однако, назвать факт историческим, принимая во внимание лишь то, что он имел вообще какие-нибудь последствия: сотрясения воздуха, производимые при представлении в определенном месте и в определенное время известной трагедии Шекспира на сцене, например, тоже своего рода последствия его; но факт, уже признанный ценным, поскольку он, как таковой, имел последствия, получает особого рода историческое значение, именно благодаря своим последствиям; последствия чтения или представления трагедии Шекспира, если они последствия ее, как таковой, ввиду признания ее ценности, также признаются ценными и оказываются производными ценностями: историческое исследование устанавливает лишь действительность и объем такого влияния и его дальнейшие результаты*.

Понятие о действительности индивидуального с последней точки зрения уже обусловлено понятием о человеческом обществе. В самом деле, ценная индивидуальность получает историческое значение только под условием ее действительности; но последняя мыслима лишь в обществе, ибо специфический характер такого действия, также ценного, может обнаружиться только в том случае, когда оно будет обращено на среду, способную воспринимать его в его специфичности, что в свою очередь предполагает наличность некоего общества.

С точки зрения социальной сферы влияния индивидуального и индивидуальное его положение получает значение. Историк должен принимать во внимание такое положение, т. е. местные и временные условия действия. Личность сама по себе и не особенно ценная, но, благодаря данным обстоятельствам, оказавшаяся в известном по-

ложении, обнаруживает большую действительность и получает иногда сравнительно большее историческое значение (например, Робеспьер²⁸⁸, если принять характеристику его, сделанную Сорелем). Исторический факт также имеет тем большее историческое значение, чем сфера его действия больше; вот почему в истории данного периода факт, сам по себе важный (например, открытие дифференциального исчисления Ньютоном не позднее 1665 г.²⁸⁹), тем не менее может занять относительно менее видное место, чем другой факт, сфера влияния которого в данное время оказалась гораздо шире (например, английская революция 1688 г.).

Коррективом к только что указанному понятию о сфере действия можно признать понятие о длительности последствий. С такой точки зрения, например, открытие дифференциального исчисления (и притом скорее в той форме обозначения, какая принадлежит Лейбницу, открывшему самый метод, по-видимому, независимо от Ньютона) может получить весьма важное значение.

С той же точки зрения, индивидуальность или факт, своевременно не оказавшие действия, могут тем не менее начать влиять или сильно влиять на людей позднейшего времени и, следовательно, тогда и получают или приобретают новое историческое значение. Такое явление можно назвать зарождением или возрождением действительности данной индивидуальности или факта. Под понятием о зарождении или возрождении действительности данного продукта можно подвести и такие случаи, когда некая ценность становится общепризнанной не в то время, или не только в то время, когда она возникла, а и в последующее время. Известно, например, что целый период европейской истории получил название «Возрождения» именно потому, что в нем указанный процесс возрождения действительности данной индивидуальности (т. е. античной культуры, в частности, положим, влияние философии Платона) обнаружился очень рельефно.

Таким образом, историк судит об историческом значении индивидуального не только по ценному его содержанию, но и по его действительности, т. е. по объему его влияния: принимая во внимание реализацию ценности в действительности, он получает возможность рассматривать вневременную ценность в данных условиях пространства и времени. Историк, в узком смысле слова, изучает, однако, лишь часть вселенной — человечество; значит, он всегда может понимать влияние индивидуального, в смысле, воздействия части на целое; с

* E. Meyer, Geschichte des Altertums, 2 Aufl. Bd. I, Einl., S. 186: «historisch ist derjenige Vorgang der Vergangenheit, dessen Wirksamkeit sich nicht in dem Moment seines Eintretens erschöpft, sondern auf die folgende Zeit weiter wirkt und in dieser neue u Vorgänge erzeugt»²⁸⁷; нельзя, однако, согласиться с автором, что достаточно действительности факта для того, чтобы признать его «историческим». Ср. еще рассуждения Карлейля, Зибеля, Готейна и др. об «успехе» (Erfolg) или успешности последствий как критерии исторического значения факта; в таких рассуждениях они едва ли не смешивают понятия о ценности с понятием о действительности факта; см. также изложение их учений о прогрессе и т. п. в соч. A. Grotenfell, Geschichtliche Wertmasstäbe и проч., Lpz., 1905, SS. 170–178.

последней точки зрения, интересуясь сферой влияния индивидуального, он должен иметь в виду и общее содержание элементов данного целого или той группы, которая испытывает на себе данное действие: это содержание становится объективно-данным критерием действительности индивидуального. В той мере, например, в которой человеческое сознание (человечество) влияет на историю мира, в нем есть нечто общее; в той мере, в какой данная индивидуальность, — личность или событие, оказывает влияние на социальную группу, в ней оказывается общее ее членам содержание; а в таком содержании историк находит объективно данный критерий для того, чтобы судить о действительности индивидуального.

Следует иметь в виду, что понятие об историческом значении индивидуального, выясненное выше, служит не только для упрощения, но и для объединения наших представлений об исторической действительности. В самом деле, историк образует свое понятие об исторической индивидуальности в ее отношении к ее историческому значению; таким образом он достигает «обозримости» или некоторого объединения своих представлений о разрозненных ее чертах; с той же точки зрения историк устанавливает и те важнейшие центральные факты, с высоты которых он может усмотреть группы и ряды второстепенных фактов и разместить их вокруг главных.

Следовательно, можно сказать, что понятие об историческом значении индивидуального уже служит для объединения наших знаний об эмпирически данной действительности и обуславливает возможность научно-исторического ее построения; но для достижения такой цели историк нуждается и в других понятиях; перейдем к рассмотрению одного из них, тесно связанного с только что установленным: я разумею понятие об исторической связи.

§ 3. Понятие об исторической связи

Понятие об историческом значении индивидуального, в сущности, легко комбинировать с понятием об исторической связи. В самом деле, отнесение к ценности несколько не устраняет изучение тех именно фактов, которые путем такого отнесения признаны нами ценными, с точки зрения связи их с вызвавшими их причинами или порожденными теми же фактами следствиями. Отнесение к ценности лишь дает основание выбрать из многообразия действительности те

факты, которые затем подлежат изучению с причинно-следственной точки зрения; признавая данные цели ценными, историк-ученый может выяснять и причины, почему данные средства (действия и т. п.) привели или не привели к осуществлению таких целей. Изучение действительности данной индивидуальности, длительности ее последствий и возрождения ее действительности также приводит историка к изучению причинно-следственной связи между историческими фактами; лишь понявши, почему изучаемый факт оказался в данном месте и случился в данное время, можно объяснить себе, почему он, в качестве части, получил такое, а не иное реальное значение для данного целого: ведь один и тот же факт может иметь разные значения, в зависимости от его индивидуального положения, т. е. в зависимости от места, где он возник, и времени, когда он произошел; и только представивши его в определенном индивидуальном положении в пространстве и во времени, можно судить о его реальном значении для того целого, частью которого он оказывается.

Понятие об исторической связи тем не менее заслуживает особого рассмотрения: оно имеет большое объединяющее значение; благодаря ему, мы связываем между собою исторические факты и получаем возможность представить себе непрерывность исторического процесса.

Ввиду познавательной цели идиографического построения, историк не может, однако, ограничиться вышеуказанным понятием о причинно-следственном отношении*; ведь он должен объяснить, с причинно-следственной точки зрения, не то, что у данного объекта оказывается общим с другими объектами и обусловлено общими ему с ними условиями, а то, что именно характеризует его и что может быть объяснено только тою именно комбинацией условий в данном месте и в данное время, благодаря которой возникновение данного индивидуального объекта в таком именно его индивидуальном положении и становится понятным; следовательно, он интересуется не обобщением отвлеченно взятых и дифференциально изученных причинно-следственных отношений, а данною в действительности индивидуальной связью между сложным комплек-

* Ср. выше сс. 114–128 <Т. I. С. 178–190>; об «исторической причинности», кроме сочинений Курно и Риккерта, см. еще написанные под его влиянием «этюды» С. Гессена: *S. Hessen, Individuelle Kausalität*, Berl., 1909.

сом условий и их результатом; он не может, значит, удовлетвориться общим суждением вроде: «если a дано, то, при отсутствии противодействующих условий, b должно следовать за ним (во времени)», а стремится определить, какова именно та совокупность условий и обстоятельств $a_1, a_2, \dots, a_n$, которая вызвала данный конкретный результат b_x ; но он не в состоянии ни заключать о нем по каждой из причин, взятых в отдельности, ни логически вывести фактическое их соотношение и такую же связь с данным конкретным результатом; словом, он должен принимать во внимание данность их встречи в их отношении к результату, уже данному в действительности.

С такой точки зрения понятие об исторической связи тесно связано с понятием о «случае»^{*}; но последнее может иметь разные значения: понятие о случае в метафизическом смысле нельзя смешивать с понятием о случае в теоретико-познавательном смысле.

С метафизической точки зрения можно рассуждать о действительности, ничем не вызванной, и называть ее абсолютной случайностью; разумеется, с таким понятием о случае в науке не приходится иметь дело.

С теоретико-познавательной точки зрения мы вообще называем случаем то, причину чему мы не знаем; но такое утверждение можно понимать двояко: в абсолютном и относительном смысле.

В теоретико-познавательном смысле мы говорим об «абсолютном» случае, когда утверждаем абсолютную невозможность для нашего разума установить причинно-следственную связь, что имеет место, например, если такая предпосылка принимается в числе самих условий задания: в теории вероятностей мы принципиально считаем невозможным познать причины уклонений; они признаются нами абсолютно-случайными и чем их больше, тем больше вероятность взаимного уничтожения таких уклонений в конечном итоге.

В теоретико-познавательном смысле можно, однако, рассуждать и об «относительном случае» или об относительно-случайном с причинно-следственной точки зрения: если ученый не может на основании принципа причинно-следственности логически вывести из предшествующего последующее и построит совокупность причин только как данную в отношении их к уже данному результату, он пользуется понятием об относительном случае. Подобно тому как из свойств дан-

ной прямой линии, например, можно вывести, что, если она будет продолжена, то она пересечет известную точку, но нельзя вывести, что она будет пересечена другой линией, и, значит, с такой (относительной) точки зрения, исходя из свойств одной прямой линии, приходится признать это пересечение ее другой (в действительности) случаем, так и факт пересечения действия одной причины другой — представляется нашему разуму относительно случайным; а между тем его надо принимать в расчет для объяснения данного результата.

Идиографическая теория знания принимает во внимание понятие об «относительной случайности» в теоретико-познавательном смысле слова при объяснении исторических фактов; его я и буду иметь в виду при изложении учения об объяснении действительности с идиографической точки зрения.

Иногда с понятием о случайности (в причинно-следственном смысле) смешивают, однако, понятие о маловажности данного факта; или, различая понятие о случайности в причинно-следственном смысле от понятия о случайности в телеологическом смысле, последнее приравнивают к понятию о маловажности. При образовании, например, ввиду данной познавательной цели, какого-либо понятия, когда нам приходится от существенных составных частей действительности различать части или признаки не существенные, последние мы называем «случайными». Такое словоупотребление применяется и в практическом отношении: при обсуждении средств, пригодных для осуществления данной цели, известные вещи или свойства вещей, безразличные в практическом отношении, называются в указанном смысле случайными. Во избежание недоразумений, я, однако, не стану называть таких «несущественных» или «безразличных» фактов «случайными». Ведь они признаются нами «случайными» или безразличными с какой-либо аксиологической точки зрения; их лучше называть маловажными, причем они могут оказаться таковыми или в теоретическом, или в практическом отношении (см. выше).

Итак, вышепоставленный вопрос сводится к вопросу о том, каково познавательное значение понятия об относительном случае для историка, желающего объяснить действительность. Попытаемся выяснить, в каком смысле он все же может стремиться к ее объяснению, несмотря на то, что признает относительную случайность конкретных фактов.

Если бы в конце концов нам и удалось возвести к единому мировому целому данные замкнутые «системы вещей», его реальность все

* W. Windelband, Die Lehren vom Zufall, Berl., 1870.

же представлялась бы нашему разуму данной и в таком смысле относительно случайной; да и самое направление движения его частей, поскольку оно дано, признавалось бы нами относительно случайным: теория происхождения нашей планетной системы уже принимает в качестве данного — направление, в котором родившая ее туманность вращалась; мало того: наша наука, в сущности, имеет дело не с мировым целым, а с разрозненными его частями, действия которых скрещиваются. Такое понятие о данном скрещивании замкнутых рядов причинно-следственных соотношений, представляющемся нашему разуму относительно случайным, и видимо затрудняет научное объяснение исторической действительности.

Для того, чтобы лучше выяснить себе такое понятие, вообразим, что данный шар A (масса), получивши толчок с известной скоростью (и в однородной среде), движется по плоскости; тогда, зная в какой-либо момент движения шара его положение, а также скорость его движения и принимая во внимание трение и т. п. условия, можно будет вывести определение того места, которое в известный момент шар занимал или займет на плоскости, а также соответственную его скорость, вплоть до того момента, когда он окажется в состоянии покоя, и, таким образом, действием данной причины объяснить ее результат (следствие); но если в скорости или в направлении движения произошло видоизменение, вызванное, положим, столкновением шара A с шаром B ,двигающимся по линии, пересекающей линию, по которой шар A следует, то видоизменение в скорости и направлении движения последнего, очевидно, нельзя вывести из закона его собственного движения; если факт столкновения между шарами A и B , оказавший влияние на последующее движение A (движение B само по себе взятое, можно оставить без внимания), нельзя возвести к какой-либо общей причине, объясняющей его возникновение, и обратно, из нее вывести этот факт, то последний и представляется нам относительно случайным: движение каждого шара по известной линии можно вывести независимо от движения другого, но интересующие нас изменения в их движении можно объяснить, лишь принимая данность обоих и их столкновения, притом в точно определенном смысле. Если, однако, нельзя предвидеть действительного наступления их встречи (хотя бы вероятность ее и можно было установить), то реальный факт такой встречи представится нам относительно случайным. В таком случае пересечение причин, действу-

ющих независимо друг от друга, придется признать относительно случайным; а так как сама встреча подобного рода в свою очередь оказывается одним из условий, влияющих на дальнейшую «историю» шара A (и шара B), то последняя (в качестве следствий результата встречи A с B) представится нам относительно случайной. Возьмем другой пример: кирпич, отвалившийся от карниза высокого дома, падает на голову проходящего мимо человека и пробивает ему череп. Можно установить причины, вызвавшие падение кирпича: плохая кладка карниза, влияние бури, расшатавшей кладку и т. п., положим, обусловили падение кирпича. Можно установить причины, вызвавшие то, что человек пересек линию падения кирпича: ему нужно было пройти по данной улице, положим, потому, что он привык проходить по ней, когда идет в университет, и т. п. Можно, наконец, установить причины, вызвавшие при «встрече» кирпича с черепом человека его поранение. Сколько бы мы, однако, ни восходили в каждом ряде причин от ближайших к более отдаленным причинам, вызвавшим падение кирпича (в отдельности взятом), мы не будем в состоянии вывести из них тот факт, что он должен был ранить именно данного человека, и из причин, вызвавших его прохождение мимо данного места, — что данный кирпич должен был упасть именно на него. Словом, ни из одного ряда, в отдельности взятого, нельзя вывести, что именно этот кирпич должен был ранить именно этого человека. Поскольку и кирпич, и человек даны в их конкретной индивидуальности, поскольку направления их движений даны, постольку дано и пересечение их в данном месте, в данное время; данность совокупности подобного рода условий представляется нам относительно случайной: таковою мы и считаем действительно происшедшую встречу*. А между тем последняя (например, если проходивший — гениальный ученый) могла повлечь за собою (в случае его смерти) весьма «важные» последствия для истории человеческой культуры. С формальной точки зрения подобное же рассуждение можно применить и в том случае, если говорить о реальном соотношении двух индивидуумов: I_1 и I_2 . Положим, что I_1 наделен настолько развитым разумом и характером, что из них можно было бы вывести ряд его действий; последние зависят, однако, не только от его психических свойств, но и от встречи его с действиями I_2 , I_3 ; по-

* *E. Meyer*, *Op. cit.*, S. 18 и сл.

скольку нельзя предвидеть наступление конкретно-данной их встречи в данном месте и в данное время, встреча с ними, оказывающая влияние на последующую деятельность I, представляется нам относительно случайной.

Между тем, «встречи» подобного рода и должны быть, в сущности, признаны теми историческими событиями, которые оказывают влияние на ход истории, иногда весьма существенное, и которые, значит, нельзя выбросить из ее научного построения. «Встречу» двух или большего числа причинно-следственных рядов — «относительный случай» мы называем событием. Политическая история и занимается, главным образом, событиями; их нельзя исключить из исторического построения, ибо они оказывают влияние на дальнейший ход истории. С такой точки зрения историку приходится считаться, например, с фактами, что Рафаэль²⁹⁰ и Шиллер²⁹¹ рано умерли, а Микель-Анджело²⁹² и Гёте²⁹³ достигли глубокой старости; что Александр Великий²⁹⁴ или император Фридрих III²⁹⁵ — умерли от болезни во цвете лет; что в обеих ветвях Габсбургского дома²⁹⁶ мужская линия быстро прекратилась; что семейство Лотаря²⁹⁷ вымерло и что то срединное царство, которое составляло как бы переход от Франции к Германии, упразднилось, а исчезновение такого царства оказало решительное влияние на образование двух обособленных наций: французской и немецкой; что посягательства на жизнь Вильгельма I²⁹⁸ и Бисмарка не удались, а посягательства на жизнь Филиппа Македонского²⁹⁹, Цезаря³⁰⁰ и Александра II³⁰¹ — удались, и т. п.

Для выяснения понятия об исторической случайности не мешает указать на отличие его от понятия о свободе воли, тем более, что такие понятия иногда смешиваются. С идиографической точки зрения нет нужды прибегать к отождествлению свободной воли человека с обусловленной ею иррациональностью действий. Только сумасшедший отличается специфической непредвиденностью своих действий, столь же впрочем, большой (но не большей), как и непредвиденность «слепых сил природы». Каждый из нас, напротив, испытывает наибольшее чувство свободы, при совершении тех именно действий, которые представляются нашему сознанию рациональными, т. е. исполненными не под влиянием физического и психического «принуждения», страстных аффектов или «случайно» замутившихся суждений, а ввиду ясно сознанный «цели», кото-

рую мы преследуем, применяя к тому наиболее адекватные средства. Если бы науке истории приходилось иметь дело лишь с «рациональным» и в таком именно смысле «свободным» действием, то задача ее была бы значительно облегчена: она могла бы по средствам, примененным данным деятелем, заключить о его цели, о «максиме» или о мотиве действующего лица. Так как всякое строго телеологическое действие есть применение правил, добытых путем опыта и указывающих на наиболее пригодные средства для достижения данной цели, то история (т. е. реально протекающий процесс) была бы ничем иным, как применением таких правил*. Итак, нельзя смешивать понятие о случайности с понятием о свободе воли, по крайней мере в том смысле, в каком оно только что употреблялось. Вообще, можно сказать, что, поскольку историк исходит из действительности, он не может не принимать во внимание и волевого воздействия данного индивидуума на возникновение какого-либо факта, но и такие явления он может рассматривать с точки зрения относительно случайной «встречи» данных условий и обстоятельств с волей данного индивидуума. Даже в том случае, если бы историку удалось доказать, что данный факт мог возникнуть без такого воздействия, нельзя отрицать, что в действительности он «случился» при наличии этого воздействия; оно, значит, должно быть включено в число причин, случайная встреча которых породила данный факт. В таком смысле историк и рассуждает, говоря, например, что вторая пуническая война разразилась благодаря решению Ганнибала³⁰², семилетняя война³⁰³ — благодаря решению Фридриха Великого³⁰⁴, австро-прусская 1866 г. — благодаря решению Бисмарка. С такой же точки зрения можно рассуждать и о «случайной» встрече данных обстоятельств с нравственной волей лица, которое, при наличии этих условий, признало за должное поступать соответствующим образом, что в совокупности и повело к известным результатам; припомним хотя бы появление Иоанна Гусса на Констанцком соборе³⁰⁵ или Лютера³⁰⁶ на Вормском сейме³⁰⁷.

На основании вышеприведенных соображений, уже можно прийти к заключению, что историк должен исходить из конкретно-данной действительности, поскольку она дана ему в его чувственном вос-

* M. Weber, Op. cit., в Arch. für Soziol., Bd. XXII, S. 153.

приятии или переживается им; значит, историк не предсказывает факт, а исходит из совершившегося уже факта; но он пытается возможно дальше углубить анализ фактов в причинно-следственном смысле: он стремится выяснить, какого рода причины встретились в данном месте и в данное время и какие последствия имела данная встреча. Иными словами говоря, историк дает научное объяснение действительности, поскольку он объясняет соотношение элементов, в совокупности вызвавших данный результат.

Такое объяснение сводится прежде всего к тому, что историк должен определить, какие из причин, в совокупности породивших данный факт, зависят от более общей или друг от друга и какие, напротив, не могут быть поставлены им в такую зависимость и, значит, представляются ему данными независимо от других; к числу последних можно относить, например, и самый факт скрещивания или встречи действия одной причины (или нескольких) с другой (или несколькими), поскольку она не выводится из какого-либо закона и просто признается данной в действительности. С такой точки зрения естественно, например, различать общие условия и причины, долженствовавшие вызвать известный факт, при наличии подходящей индивидуальности, и данность последней в данном месте и в данное время; встреча обеих групп обстоятельств и ведет к тому результату, возникновение которого объясняется.

Если историку удалось в данной совокупности обстоятельств различить зависимые от независимых, то он может пойти еще далее и попытаться выяснить значение в данной группе причин тех из них, которые он назвал случайными. В действительности вся совокупность условий с фактической необходимостью вызвала, конечно, данный факт и только; но историк может пользоваться категорией возможности при взвешивании относительного значения данной исторической причины, в совокупности с другими, породившей данный результат. С такой точки зрения он может задаваться, например, вопросом, что было бы, если бы данной причины не было или если бы она была заменена другою, т. е. могла ли бы она быть заменена другою, равнозначимой или нет, изменился ли бы при таких условиях результат или, точнее, собственно то его значение, которое мы признаем историческим и т. п. Лишь в последнем смысле данная причина приобретает чисто исторический характер. Категория возможности может, значит, служить своего рода критерием

прием для определения значения причин, вызвавших интересующий нас результат; таким путем можно выяснить, в какой мере данное обстоятельство было действительно исторической причиной данного события и т. п. Ответ на вопрос подобного рода можно дать, однако, лишь пользуясь отвлечением и обобщением исторического материала: отвлекая данную причину или отвлеченно рассматривая другую, мы, на основании общих понятий, установленных антропологией, психологией, социологией и т. п., рассуждаем о том, какое действие она могла бы иметь.

Таким образом, историк может обсуждать степень вероятности исторического события, поскольку отвлеченно рассматриваемые условия вообще признаются в большей или меньшей степени благоприятными для ожидания наступления известного (а не данного единичного) события. Вообще, если событие y порождено совокупностью (x, w) , причем x сложное и не зависит от w , а w можно заменить и другим обстоятельством, то x уже можно считать совокупностью условий, в значительной степени благоприятствующих наступлению y . Если при присоединении к x какого-либо условия (w или другого) нам представляется, что вероятность иного по его историческому значению результата, чем y , очень ограничена или мала, то такое причинение y можно назвать адекватным; и обратно, если без w результат (в историческом смысле) получился бы другой, то причинение, поскольку оно уже прямо зависит и от w , можно назвать «случайным». Смотря по тому, например, какое из вышеуказанных значений приписывать двум выстрелам перед замком, в совокупности с другими условиями, вызвавшим мартовскую революцию в Берлине, придется и наступление ее признать результатом адекватного или «случайного» причинения*.

Уже в вышеприведенных операциях историк постоянно пользуется понятием о причинно-следственной связи для выяснения того комплекса причин, который породил данный результат; но он может попытаться уразуметь и ту связь, которая обнаруживается между таким комплексом и его результатом. В самом деле, понятие о причинно-следственной связи (но не о законе в причинно-следственном смысле) и об относительно-случайной встрече двух (или нескольких) фактов, из которых один оказал реальное влия-

* M. Weber, Op. cit. в Arch. für Soziol., Bd. XXII, S. 203.

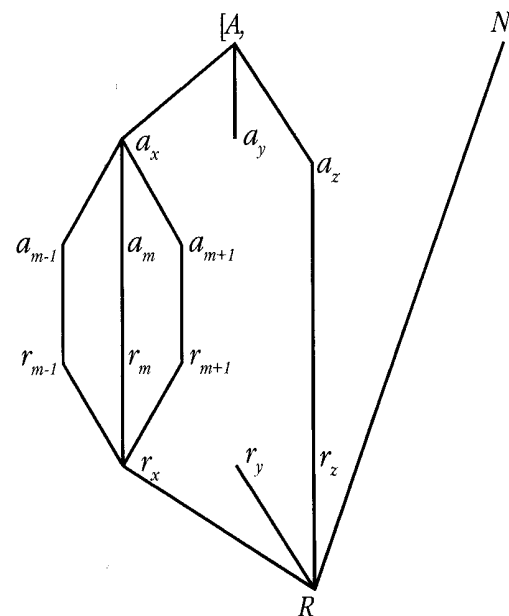
ние на другой, — соединимы между собою, поскольку мы пытаемся объяснить фактически необходимую причинно-следственную связь между такими фактами. Для достижения указанной цели историк обращается к анализу своего понятия об индивидуальном объекте, который представляется ему фактически необходимым последствием действия на него другого индивидуального объекта; он разлагает такое понятие на его элементы, всегда остающиеся общими; далее он совершает подобную же операцию относительно индивидуальной причины и, наконец, устанавливает связь между общими элементами своего понятия об индивидуальном объекте — следствии и соответствующими такими же элементами своего понятия об индивидуальном объекте — причине. Если историку удастся совершить ряд таких операций, он затем снова соединяет общие элементы своего понятия о причине в одно понятие, представляющее ему индивидуальность этой причины, и таким образом, как бы обходным путем, достигает научного понимания той фактически необходимой связи, в которой данная индивидуальная причина находится с порожденным ею индивидуальным объектом — следствием. Таким образом, историк выясняет, какого рода обстоятельства совпали и в совокупности произвели данный результат; самое стечение таких, а не иных обстоятельств в данном месте и в данное время остается для него относительно случайным, но он может объяснить себе, каким образом возник тот, а не иной результат.

Само собою разумеется, что идеальная цель, преследуемая путем подобного рода исследований, может и не быть достигнута в действительности. В самом деле, историку обыкновенно приходится констатировать в изучаемом им результате такой остаток, который он не может разложить на элементы и, путем логической конструкции, возвести к соответствующим элементам причины*.

Вышеизложенную операцию можно представить себе в виде следующей схемы, где $[A, N]$ индивидуальная сложная причина (данное стечение обстоятельств, а не только стечение данных обстоятельств), а R — находящийся с ней в связи сложный результат.

Вообще разыскивая, какие обстоятельства вызвали R , и найдя $[A, N]$, историк мысленно разлагает R и $[A, N]$ на составные их элемен-

ты и пытается порознь установить связь между ними; различая зависимость R от A и от N , которое не зависит от A , он стремится выяснить зависимость R от A и зависимость R от N , каждую в отдельности.

Положим, что, восходя от R к A , исследователь сразу усматривает соотношение между r_z и a_z ; но так как он не может сделать того же относительно r_x и a_x , то, подвергнув их дальнейшему разложению и получив таким образом r_{m-1} , r_m , r_{m+1} и a_{m-1} , a_m , a_{m+1} , он устанавливает между ними искомое соотношение и т. п.; очевидно, что в вышеприведенной схеме причинно-следственное соотношение между r_y и a_y совсем не удалось установить.

Вместе с тем, однако, историк констатирует, что R зависит не от одного только A , но и от N , причем строит такую комбинацию $[A, N]$ в отношении к уже данному в действительности результату R .

Итак, этиологическое исследование начинается с R ; от него историк последовательно восходит к $[A, N]$, поскольку и R , и $[A, N]$ его понятия, разлагаемые на их элементы; а затем он снова идет от $[A, N]$ к R , что и объясняет ему причинно-следственную зависимость между $[A, N]$ и R . Такое построение, разумеется, далеко не всегда удастся сделать в полной мере.

Всякое историческое объяснение и состоит в том, чтобы возможно далее проследить историческую связь последующего факта с предшествующим, последнего с его предшествующим и т. д., пока историк не дойдет до первоначального факта, который принимается в качестве данного, без объяснения его влиянием какого-либо предшествующего факта.

*H. Rickert, Geschichtsphilosophie. S. 73.

Для наглядной иллюстрации вышеуказанного хода мыслей, возьмем несколько частных примеров, при разборе которых можно будет высказать и несколько дополнительных замечаний, касательно существа дела.

Открытия, представляющиеся с первого взгляда актами индивидуального творчества, тем не менее могут подлежать некоторому объяснению. Открытие закона тяготения, например, сделано в сущности последовательными работами двух рядов ученых: «система небесной геометрии» была создана Коперником³⁰⁸, Тихо-Браге³⁰⁹, Кеплером³¹⁰ и Ньютоном; а математическая теория движения, впоследствии приложенная и к движению небесных тел, — Галилеем, Гюйгенсом³¹¹ и Ньютоном. Оба ряда работ привели Ньютона к открытию закона тяготения; но при изучении истории открытия закона тяготения, очевидно, нельзя не принять в расчет самого Ньютона; между тем Ньютона, как Ньютона, во всей полноте его творческой индивидуальности, конечно, нельзя логически вывести из вышеуказанных отдельно взятых рядов. Таким образом, при разложении понятия о полученном им результате (т. е. закона тяготения) историк замечает, что он включает в себя два понятия: систему небесной геометрии и математическую теорию движения и что оба понятия встретились и взаимно оплодотворили друг друга в творческом уме Ньютона. Аналогичное рассуждение можно применить и к другим проявлениям творческой мысли человека. Большинство сложных изобретений имели свою длинную историю, в созидании которой многие участвовали. Автор истории паровой машины (R. Thurston) пришел, например, к следующему заключению: «великие изобретения никогда не являются созданием одного человека; они — результат накопленных усилий целого ряда работников». Обыкновенная машина не есть результат размышлений одного человека; многие исследователи содействовали ее построению; каждый из них приносил свой камень для постройки общего здания, например: Frey, Dufay, Wilke, Canton, Franklin; но каждый из них являлся творческой индивидуальностью, комбинировавшей предшествующие течения мысли; ее, значит, также надо принимать во внимание, при объяснении уже данного в действительности результата.

Возьмем еще один пример из другой области: положим, что историк встречается с фактом «декларации прав человека и гражданина», сделанной французским учредительным собранием 26 августа 1789 года (дальнейшие ссылки — на §§ декларации)³¹². Для объясне-

ния факта «декларации», историк исходит из нее как из данного факта; он подвергает свое понятие о нем анализу и добытые таким образом элементы он старается поставить в связь с соответствующими элементами своего понятия о той сложной совокупности факторов, которая породила декларацию. Историк обращает внимание, например, на наиболее общие черты, характеризующие декларацию: на ее рационализм и естественно-правовую конструкцию (§ 2 и др.), на ее индивидуализм и эгалитаризм (§ 1, 2, 7, 17), на выдвинутое ею понятие о народном суверенитете и теорию «общей воли» (§ 3, 6 и др.), а отчасти также на упоминаемое в ней учение о представительстве (§ 6) и о разделении властей (§ 16). Перечисленные общие элементы он пытается поставить в связь с такими же факторами, объясняющими их наличность в декларации, например: с картезианской философией³¹³, со взглядами и деятельностью «философов века просвещения»³¹⁴, с появлением известной французской энциклопедии и т. п.; с распространением учений Гроция, Локка³¹⁵, Руссо³¹⁶ и других о естественном праве среди французского общества; с увлечением многих из его членов известными политическими теориями Монтескье, Руссо, Мабли и других писателей и т. п. Нельзя, однако, признать такое объяснение факта «декларации» достаточным; историк должен принять во внимание и более частные его особенности; он должен объяснить, почему данный факт произошел именно во Франции XVIII-го века, а не в другой стране и в другое время; кроме некоторых из указанных выше обстоятельств, он замечает, например, что сама декларация говорит о «презрении прав человека» (в связи с «незнанием» и «забвением» их) как о причине «общественных бедствий и порчи правительств»; это утверждение он ставит в связь с социальным и политическим строем «старого режима» и с признанием декларацией права человека «сопротивляться угнетению» (§ 2); вместе с тем он принимает в расчет и то влияние, которое недавно возникшая американская конституция³¹⁷, частные «declarations of rights» и проч. оказывали на французов того времени. Тем не менее и такого объяснения будет еще недостаточно для понимания того, почему «декларация» состоялась именно в данном месте и в данный момент французской жизни XVIII-го века: для полного его исторического понимания, историку нужно еще будет выяснять, каким образом все вышеуказанные факторы реализовались в данном месте и в данное время, т. е. каким образом они, в совокупности, встретились с людьми, реально синтезировавшими их в

себе, что и повело к самому факту декларации. С такой точки зрения историк припоминает, например, что Париж был центром Франции, в котором вся политическая жизнь страны была сосредоточена, что некоторые указы 1789 года требовали провозглашения «декларации», что определенные члены собрания: Сийес³¹⁸, составитель проекта декларации, Лафайэт³¹⁹, увлекавшийся декларацией 1776 г.³²⁰, и другие, встречались в национальном собрании, произносили там речи или участвовали в прениях, словом, что они способствовали осуществлению того самого факта, который называется «декларацией прав человека и гражданина» и т. п. И только после такого исследования, дальнейшие подробности которого можно оставить здесь без рассмотрения, объявление ее во французском учредительном собрании 26 августа 1789 года станет понятным для историка.

Таким образом, при объяснении исторической связи историк исходит из конкретного факта, интересующего его ввиду его исторического значения, и от него восходит к той конкретной совокупности условий и обстоятельств, которыми, в такой именно комбинации, он затем и объясняет уже данный в действительности результат, т. е. тот самый индивидуальный факт, который его интересует.

Следует заметить, однако, что вышеуказанная операция, состоящая в расчленении наших понятий о сложном комплексе причин и элементов результата для того, чтобы, по возможности, усмотреть законосообразность связи между порознь взятыми причинно-следственными отношениями, не может еще удовлетворить идиографическое понимание действительности: выясняя генезис явления, т. е. то, каким образом данный факт возник, почему он оказался на данном месте и появился в данное время, она еще не дает построения данного факта в его конкретности; а без такого построения нельзя рассуждать и о влиянии его, в его целостности, на окружающую его действительность; лишь благодаря научному построению факта в его целостности, а не одному только объяснению его с точки зрения причинно-следственной связи, можно достигнуть понимания его влияния на данный процесс, его последствий и его «исторического» значения для данного целого.

В самом деле, сколько ни разлагать факт на составные его элементы, путем такого анализа, нельзя еще установить его в его целостности. Как бы ни был совершен, например, исторический анализ Сикстинской Мадонны³²¹, как бы ни объясняли ее возникновение и:

общих условий культуры того времени, в частности из религиозного настроения рафаэлевской эпохи и самого Рафаэля, из художественной школы, к которой он принадлежал, из его художественного развития и т. д., все же такой анализ не заменит «Сикстинской Мадонны» в ее целостности, да и не объяснит того влияния, которое она, именно в ее целостности, оказывает на зрителя. Как бы совершенно не были объяснены причины, вызвавшие сражения при Марафоне³²² или при Ватерлоо³²³, эти факты должны быть приняты во внимание в их целостности, поскольку один оказал влияние на последующее возвышение Афин и на развитие античной греческой культуры, а другой повлиял на образование германской империи и породил другие политические последствия. Следует также заметить, что и практически, обыкновенно, нет возможности в полной мере провести такой анализ до конца и получить чисто научный синтез добытых элементов.

Таким образом, при изучении действительности, историк не может ограничиться ее разложением: для воспроизведения ее в ее целостности, поскольку последнее имеет историческое значение, историк должен научно построить ее путем синтеза, совершаемого с известной, критически установленной точки зрения и зависящего от данности в действительности того, по отношению к чему он производится. Поскольку задача исторической науки состоит в научном построении действительности, историк не может ограничиться тем, что он исходит из действительности и путем анализа разлагает ее на те составные элементы, из которых она образовалась; историк не только исходит из действительности, но он стремится возвратиться к ней: разложив ее на элементы, он пытается представить их себе в известном синтезе.

Понятие об исторической связи между смежными фактами уже дает, однако, возможность производить такой синтез, т. е. объединять множество представлений о разрозненных элементах действительности.

В самом деле, сложная совокупность многих условий и обстоятельств получает некоторое единство в отношении к уже данному в действительности конкретному результату; но, даже если рассматривать последний как своего рода «случайный взрыв», все же можно изучать его последствия: в отношении к нему совокупность их также получает некоторое единство.

Вообще для того, чтобы с исторической точки зрения рассуждать о встрече двух или нескольких причинно-следственных рядов и о последующем влиянии ее на них, нужно признать реальность такой встречи; значит, надобно, чтобы она предварительно реализовалась в действительности, т. е. в данном индивидууме или в данном «событии». В только что указанном смысле значение индивидуума состоит в том, что он является реализацией элементов «встречи», признаваемых нами за действительность. В сущности, можно уже самый индивидуум назвать своего рода событием, поскольку каждый индивидуум представляется нашему разуму относительно случайной встречей множества причинно-следственных рядов, реальным центром скрещивания между собой нескольких серий, каждая из которых может быть построена согласно закону в причинно-следственном смысле. Мало того: благодаря своему волевому воздействию на внешний мир (ср. выше), личность может соединить воедино данные, но разрозненные условия, и, таким образом, породив их встречу, вызвать новое событие, которое, в свою очередь, может повести к новым результатам. В таком смысле, например, Юлий Цезарь, Лютер, Петр Великий, Наполеон оказывали влияние на ход истории. Люди, даже те, которые называются «великими», правда реализуют в себе в значительной степени лишь синтез уже данных социальных сил; но подбор социальных сил, да и самый синтез их может быть произведен весьма различными способами; пользование того, а не иного из них в действительности зависит от той индивидуальности, в которой он получит осуществление; сама индивидуальность, в качестве таковой, обладает ей одной присущими свойствами; введенная в совокупность данных условий, она содействует образованию того синтеза, который происходит через ее посредство и благодаря ей.

В качестве иллюстрации к положению, высказанному выше, возьмем несколько примеров из истории наук. Все условия и факторы синтезируются в акте индивидуального творчества, привносящего от себя нечто новое, объединяющее и оживотворяющее их совокупность. В действительности факторы производят данный результат все вместе, а не каждый порознь; реальный синтез их получается в индивидуальности или, точнее, в самом акте индивидуального творчества. Всякая научная теория, открытие или изобретение, может возникнуть лишь путем индивидуального научного творчества; нельзя учесть все факторы последнего, если не иметь научного, т. е. впол-

не точного понятия о данном и едином мировом целом; нельзя, напр., логически вывести Ньютона из окружающей его среды; да если бы и можно было это сделать, нельзя было бы не говорить о Ньютоне; фактически приходится считаться с индивидуальностью Ньютона и признавать индивидуальность его научного творчества. Само собою разумеется, что чем выше индивидуальное творчество, тем менее оно зависит от обстоятельств и тем больше масса нуждается в нем, а не оно в ней. Нельзя, например, заменить Дарвина некоторым количеством второстепенных естествоиспытателей; из суммы их индивидуальных творчеств мы не получим индивидуального творчества Дарвина, ибо индивидуальности не экземпляры, которые поддаются подсчету, а сама индивидуальность не есть простая сумма элементов; последняя не даст еще единичной комбинации, известной нам из истории. Данная индивидуальность и проистекающий из ее существа акт научного творчества — есть факт, данный в действительности; некоторые из его элементов, раз он дан, можно объяснить и вывести из окружающих условий; общие последствия такого факта можно также предвидеть, если иметь понятие о свойствах среды, в которой он имел место; но историк не может предсказать появление в данный момент и в данном месте данной, именно этой, а не иной ученой индивидуальности или данного ее акта индивидуального научного творчества, а, значит, и его последствий в данном месте и в данный момент. Существо вышеизложенного рассуждения не изменится, если применить его не к гениальным ученым, а к средним людям науки; правда, в посредственном ученом всегда больше элементов, общих у него с другими посредственными учеными, но комбинация всех элементов, представляемая данною личностью, фактически все же остается единственной в своем роде. Заметим еще, что индивидуальное творчество обнаруживается уже в той именно комбинации, для которой ученый из массы элементов производит выбор некоторых из них; эта масса все возрастает; тем больше творчества нужно в самом выборе их; и тут есть творчество: только характер и направление его изменились. Если, однако, в истории науки индивидуальное творчество всегда будет иметь значение, и логическое раскрытие существа ее в действительности будет зависеть от такого творчества, то и наука должна будет иметь свое реальное, а не одно только логическое развитие, причем реальное ее развитие далеко не всегда будет совпадать с логическим уже

по тому одному, что оно будет зависеть от всех «случайностей», которым подвергнуто индивидуальное его осуществление.

В аналогичном смысле можно рассуждать и о целых народах, поскольку они в известном месте и в известное время выступали деятелями в истории: например, о греках (в частности афинянах) в эпоху греко-персидских войн; о французах в эпоху великой революции и т. п.

Историку приходится, однако, обыкновенно иметь дело не с относительно случайной встречей обстоятельств, поскольку она стоит в связи с появлением данной индивидуальности, или встречей данных обстоятельств с данной индивидуальностью, а с встречей нескольких данных индивидуальностей (или точнее, их действий), что он и называет событием в более узком, историческом смысле слова; под «событием» можно, следовательно, разуметь индивидуальное понятие, объединяющее множество представлений о разнородных фактах, образующих конкретное сцепление, в состав которого входит встреча последнего рода, причем совокупность их действительно дана и действительно влияет (или влияла) на ход развития человечества; поскольку такая совокупность представляется нашему разуму данной и, значит, относительно случайной, она и называется событием в узком смысле слова.

Итак, синтетическое построение действительности прежде всего сводится к установлению реализации встречи данных элементов в данной индивидуальности (личности, события). Подобно индивидуальности, и «событие» в качестве такового, может оказывать влияние на дальнейший ход истории, т. е. на последующее развитие каждой из тех серий, которые сплелись в нем. Данное событие, например, переселение, открытие или изобретение, война, революция, — влияет на людей: они, все вместе, подвергаются влиянию такого события; оно становится общою причиной перемен, происходящих в специальных эволюциях разнородных серий явлений и становится как бы связывающим их узлом. Изобретение паровой машины, например, оказало влияние на развитие хозяйства (применение ее в разных отраслях фабричной промышленности, быстрое распространение товаров и проч.), на развитие просвещения (легкое передвижение и общение людей друг с другом, распространение известий, корреспонденции и проч.), на политическое развитие (стратегическое значение железных дорог и т. п.); или фран-

цузская революция оказала влияние на подъем национального духа французов (ср. войны из-за «естественных границ»³²⁴), на социально-политический строй (а в связи с ним и на некоторые другие стороны культуры) во Франции, на территориальные захваты, некоторыми другими державами во время революционных войн, на последующую историю их политики и т. д.

«Всеобщая» история и занимается, главным образом, изучением событий, оказавших влияние на развитие человечества, и его результатами. С указанной точки зрения, «политическая» история получает особого рода смысл: ведь она стремится выяснить значение воздействия индивидуумов на общий ход развития и событий, отразившихся на жизни всех людей (данной группы, народа, человечества) и на разных проявлениях их жизни, т. е. событий, касавшихся массы населения и видоизменивших ее жизнь.

Таким образом, понятие об исторической связи между смежными фактами уже служит для объединения наших представлений о действительности; вместе с тем оно, в сущности, лежит в основе понятия о непрерывности исторического процесса: помимо взаимозависимости фактов между собою в данном состоянии культуры, историк получает возможность пользоваться им для установления непрерывной связи между фактами, следующими во времени: лишь принимая во внимание историческую связь между индивидуальными событиями и развитием культуры, можно представить себе непрерывную цепь соотношений; в противном случае между ее звеньями оказывается разрыв, который остается реально не заполненным. Такая связь часто обнаруживается, например, между историей учреждений и событиями «внешней истории»; случаи подобного рода можно припомнить и из древней, и из новой истории. По словам одного из древних мыслителей-политиков, «Саламинская победа, виновником которой был народ, служивший на кораблях, доставила Афинам гегемонию и, вместе с развитием морского могущества государства, усилила в нем демократический элемент»³²⁵; и наоборот, «в Аргосе знатные граждане, прославившись битвой с Лакедемонянами при Мантинее»³²⁶, тотчас приступили к ослаблению национальной демократии...» и т. п.; или история французских политических учреждений времени революции не может быть надлежащим образом построена в виде непрерывного процесса, если не принять во внимание влияние на них ев-

ропейской коалиции, и т. п.* Итак, не пользуясь понятием об исторической связи в вышеуказанном смысле, историк не может установить и понятие о непрерывности исторического процесса; но понятие об исторической связи получает еще более широкое значение для объединения исторических данных при комбинации его с понятием об историческом целом.

§ 4. Понятие об историческом целом

Нельзя достигнуть научно-исторического построения конкретной действительности путем одного только ее объяснения с точки зрения исторической связи между смежными ее элементами. Хотя такое объяснение есть уже своего рода построение, объединяющее наше знание о ней, но оно еще не дает возможности охватить ее во всей ее целостности, т. е. по возможности достигнуть того предела, к которому идиографическое знание стремится, а не от которого оно удаляется, подобно номотетическому; для того, чтобы приблизиться к такому пределу, историк пытается образовать понятие о целом: он признает, что каждый отдельно взятый исторический объект входит в одно целое, вместе с другими такими же объектами; и что каждый из них тем самым определяется в своей индивидуальности как незаменимая часть целого.

В сущности понятие о целом, т. е. о некотором реальном единстве многообразия, тесно связано с понятием об индивидуальном: ведь своеобразное целое есть уже нечто индивидуальное, а с исторической точки зрения в узком смысле слова его единство существует лишь в данной индивидуальности, в субъекте консензуса или эволюции: он полагает себе цель, общую для всех по своему значению, обладает общей волей и самоопределяется в объединенной деятельности членов целого; но такое понятие все же получает особого рода смысл, если рассматривать данное целое не в отношении его к другим целым, а в отношении его к своим частям, только в нем приобретающим полноту своего значения. С последней точки зрения можно рассуждать о том, в какой мере понятие о целом обуславливает собою понятие об индивидуальном характере его частей.

Предельное понятие о целом, т. е. о таком целом, которое уже не мыслится в качестве части другого более обширного целого, заключает все эмпирически данные нам представления в качестве его частей; оно есть понятие о мировом целом; оно представляется нам целостной действительностью, части которой, однако, мы можем, в свою очередь, называть относительными целыми; мы называем их относительными в том смысле, что мы или не в силах довести объем нашего понятия до конечного предела, и довольствуемся его частями в качестве своего рода целых, или, ввиду цели данного исследования, считаем возможным пренебречь значением данного комплекса, в качестве части вселенной, а берем его в качестве целого. Наша солнечная система, например, есть целое в отношении к образующим ее планетам; человечество есть целое в отношении к составляющим его народам и т. п. С такой точки зрения, чем часть дробнее и чем она менее рассматривается в отношении к целому, тем она оказывается более отвлеченной, и можно сказать, что отдельно взятый индивидуум — есть абстракция. В исторической действительности, например, (понимая ее в узком смысле), каждый индивидуум (поскольку он признается именно индивидуумом), — есть часть некоего целого: он житель данной страны, член семьи, общества, государства, человечества. То же самое можно сказать и про событие; и оно представляется нам в полноте его реальности, лишь если вставить его в действительность, частью которой оно оказывается.

Выше мы, правда, признали как бы некоторую общность между историческими объектами данной реальной совокупности, поскольку все они входят в состав ее одной; с такой точки зрения можно было бы заметить, что включение индивидуальности в данное целое грозит уничтожением ее особенностей; но тут следует различать отношение между экземпляром и общим понятием от отношения между частью и целым, ее обнимающим. Смешение между такими отношениями ведет к ошибке, известной в логике под названием *quaternio terminorum*³²⁷. В самом деле, представление о каждом экземпляре, мыслимом независимо от остальных, суммируется под общее понятие об их совокупности, тогда как каждая из частей данного целого в своем реальном положении зависит также от остальных и занимает определенное место в данном целом; из того, что историк вставляет индивидуальный объект в качестве части целого в такое целое, также индивидуальное, вовсе не следует,

* *Aristot.*, *Pol.*, I. VIII, c. 3; *A. Aulard*, *Op. cit.*, pp. 170, 174, 177.

что он подчиняет представление об этом индивидуальном объекте общему понятию; историк не выделяет мысленно свойства или процессы изучаемых им объектов, а, напротив, рассматривает последние как индивидуальные части данного целого; каждая из них становится именно частью данного целого лишь в той мере, в какой она незаменима другой, и, следовательно, получает в нем свое индивидуальное значение.

Легко было бы, конечно, возразить, что едва ли каждый индивидуум имеет настолько значения в обществе, чтобы быть признанным особою самостоятельной частью этого общества как целого; но такое возражение, в сущности, касается не формальных признаков понятия о части, а только его содержания. Действительно, в понятие части можно включать группу из нескольких индивидуумов, приблизительно одинаковых по своему значению для данного целого. Тем не менее, сравнивая «группу» с тем целым, в состав которого она входит, историк придает понятию о ней индивидуальный характер; он пользуется относительно общим содержанием своего понятия о группе только для того, чтобы представить индивидуальный характер данной группы, отличающий ее от остальных групп как частей данного целого.

Вообще можно сказать, что идиографическое объединение нашего знания стоит в тесной связи с его индивидуализированием: составной элемент данного целого мы признаем частью его тем с большим основанием, чем в меньшей мере можно заменить его другим элементом, т. е. чем в большей степени он обладает индивидуальным характером.

С такой точки зрения историк, например, может изучать все (культурное) человечество как единственное в своем роде целое, частями которого он признает отдельные (исторические) народы; данный народ — государство, с его культурой, общественными слоями, провинциями, городами и т. п., каждый или каждая из которых представляется ему частью данного целого; или данный город, в индивидуальном облике которого он также различает отдельные его части и т. п. Впрочем, то же самое можно сказать и об эволюционных сериях. Каждая из исторических серий представляется историку в виде части единой эволюции человечества и в таком смысле также получает наибольшее значение при наибольшей степени ее индивидуализации как части, незаменимой никакой другой частью данной эволюции.

На основании только что сделанных замечаний естественно прийти к заключению, что под «целым» можно разуметь два разных понятия: за отсутствием лучших терминов, я назову одно — коэкзистенциальным целым, а другое — эволюционным целым. Под понятием о коэкзистенциальном целом я разумею такое понятие, которое строится со статической точки зрения: оно относится к устойчивой системе элементов, каждый из которых занимает определенное положение в пространстве, т. е. место в топографических пределах данного целого. Под понятием об эволюционном целом я разумею такое понятие, которое строится с динамической точки зрения; оно относится к последовательной смене элементов, каждый из которых занимает определенное положение во времени, т. е. момент в хронологических пределах данного целого. Реальное соотношение в каждом из таких целых понимается различно. Положим, что некое целое S имеет значение S_k в качестве коэкзистенциального целого, и значение S_e в качестве эволюционного целого; и что $S_k = \sum_k (A, B, C, D...)$ и $S_e = \sum_e (A, B, C, D...)$. Тогда объяснение реального соотношения $A, B, C, D...$ в S_k и S_e будет разным: в S_k элементы $A, B, C, D...$, как данные, мыслятся независимо друг от друга; в S_e — те же элементы мыслятся, напротив, в необратимой зависимости друг от друга. В S_k достаточно выявить причины, вызывающие $A, B, C, D...$ порознь, а также взаимное влияние A на $B, C, D...$, B на $A, C, D...$ и т. п. и обратно ($S_k - A$) на A , ($S_k - B$) на B и т. д. Здесь, хотя $A, B, C, D...$ приводятся в зависимость друг от друга, но, поскольку каждый из них мыслится независимо друг от друга, и зависимость их обратима. В S_e соотношение элементов иное. Здесь, в числе причин, вызвавших B , приходится иметь в виду и предшествовавшее ему во времени A ; в числе причин, вызвавших C , предшествовавшие ему во времени B , а, может быть, и A и т. д.; таким образом, элементы системы S_e , предшествующие данному, могут влиять на него, что ведет к изучению зависимости между B и [$S_e - (B, C, D...)$], между C и [$S_e - (C, D...)$] и т. д.* Достаточно принять во внимание только что указанное различие между коэкзистенциальным целым S_k и эволюционным целым S_e , чтобы прийти к заключению, что изучение реального соотношения между частью и целым будет различным, смотря по тому, какое значение приписывать самому целому: строить ли его в виде коэкзистенциального или эволюционного целого.

* См. выше сс. 128–135 <Т. I. С. 190–197> и с. 277 <Т. I. С. 316–317>.

При образовании понятий об одном из таких целых историк пользуется, конечно, вышерассмотренными принципами консензуса и эволюции, но с идиографической, а не с номотетической точки зрения*: он не упускает из виду ни понятия о субъекте, ни понятия об индивидуальной целостности консензуса или эволюции, благодаря которым совокупность элементов каждого из них и получает наибольшее свое единство и значение, а понятие о ней — наилучшее приложение к построению исторической действительности; впрочем, интерес собственно исторического построения сосредоточивается, главным образом, на установлении понятия об эволюционном целом.

Понятие об эволюционном целом, разумеется, находится в тесной связи с понятием о развитии; как указано было выше, последнее конструируется не без помощи телеологического принципа, но только в регулятивном его значении.

В самом деле, понятие о развитии строится ученым под условием понятия о некоем телеологическом единстве; в его формальном значении, оно оказывается и для историка логическим *prius*³²⁹, под условием которого он устанавливает причинно-следственную связь между звеньями и располагает их в необратимый ряд; части этого целого он представляет себе в качестве причинно-связанных между собою непрерывно сменяющихся во времени стадий данного процесса, как бы направленного к осуществлению известной цели; с собственно исторической точки зрения, он признает, однако, такой данный в действительности процесс единичным и единственным в своем роде.

Понятие о развитии, как видно, связывается с понятием об общем направлении или «общей тенденции», которая в нем предполагается; всякий ряд представляет известную планомерность; значит, между его звеньями можно установить нечто общее, поскольку данная тенденция обнаруживается в них и как бы сводится к достижению некоего общего результата; тем не менее, в историческом развитии каждая из таких стадий сохраняет свое индивидуальное значение, поскольку она в ее реальном отношении к целому незаменима никакой другой и способствует реализации в регулятивном смысле приписываемой ему цели.

* *B. Pascal*, *Pensées*, 1843, p. 68: «Toute la suite des hommes, pendant le cours de tant de siècles, doit être considérée comme un même homme qui subsiste toujours et apprend continuellement»³²⁸; о разных понятиях исторического развития см. еще *H. Rickert*, *Grenzen*, SS. 436–480 и с. 281.

Общее понятие о развитии можно, конечно, вообще прилагать к действительности, поскольку она изменяется; но понятие об индивидуальном историческом развитии уже содержит понятие о фактах с историческим значением; кроме того, такое развитие само представляется историком ценным, поскольку он относит его цель к ценности, а значит, и процессу ее реализации также придает историческое значение.

Понятие об историческом развитии, например, о развитии человечества, служит историком для объединения своего знания об отдельных фактах (хотя и не для обобщения их): изучая, каким образом то, что есть, стало именно тем, что оно есть, он размещает факты, по их историческому значению и в их реальной связи, в данном эволюционном целом; но он может понимать историческую эволюцию и в качестве целого, в состав которого частные эволюции входят в виде частей; тогда последние представляются ему как бы продольными разрезами или нитями, из которых сплелась общая эволюция. С такой точки зрения историк может изучать, например, историю религии, историю хозяйства, историю учреждений и т. п., хотя и знает, что ни одна из таких «историй» сама по себе, отдельно от других, не существует в действительности. Понятие о частной эволюции, иногда называемое «исторической серией», служит для таких же познавательных целей, как и понятие об общей эволюции человечества (или данной общественной группы и т. п.), но разумеется, применительно к более узкой области исторического материала.

В таких рассуждениях, однако, легко преступить границы, за которыми теоретико-познавательное построение превращается в метафизическое: гипостазировав цель исторического развития, историк уже признает ее объективно-данной в действительности ценностью. Впрочем, понятие о прогрессе образуется не без некоторого субъективизма и в том случае, если оно связывается с понятием о непрерывном возрастании ценности; придерживаясь такого понимания, историк, в сущности, забывает об эволюционном целом, состоящем из частей, и обезличивает стадии эволюции: он придает им значение одних только средств для достижения ценного результата и считает каждую последующую стадию более ценной, чем предшествующую, так как она по времени своего возникновения ближе к конечной цели и т. п. Понятие о регрессе, строяемое с такой же субъективной, но соответственно обратной точки зрения, вызывает те же замечания.

В зависимости от степени субъективности избранного историком критерия оценки, значение таких понятий о непрерывном совершенствовании или упадке, улучшении или ухудшении для объединения исторических фактов в серии, конечно, умалывается: оно может оказаться совсем непригодным для научного построения исторической действительности.

На основании вышеприведенных соображений можно прийти к заключению, что историк интересуется, главным образом, не индивидуальным, самим по себе взятым, а индивидуальным как целым или индивидуальным как частью: историк в узком смысле слова сосредоточивает свое внимание лишь на той части мирового целого, которую мы называем человечеством, и преимущественно изучает ее в качестве относительного эволюционного целого, выясняя, какое именно реальное значение каждая его часть имела или имеет в историческом процессе его образования.

В таких построениях историк заменяет обобщающее понятие о законе объединяющим понятием об историческом развитии, хотя бы оно было понятием о единичном и единственном в своем роде процессе (например, о развитии человечества). С эволюционной точки зрения он, конечно, в состоянии будет указать на то общее направление, которое примут факты, но он не может говорить о его реализации в действительности (т. е. именно об истории осуществления такого направления) прежде, чем факты действительно не наступят и прежде, чем предполагаемое общее направление, которое без них будет голой схемой, не осуществится в действительности.

Глава третья. Критическое рассмотрение идиографического построения исторического знания

В предшествующем отделе я попытался систематически изложить то построение теории исторического знания, которое получается, если придерживаться идиографической точки зрения; мне казалось желательным развить систему основных ее принципов в том виде, в каком я понимаю их, не стесняя себя ни изложением одного какого-либо построения, предложенного данным мыслителем, ни критикой его выводов. Теперь не мешает, однако, войти в рассмотрение некоторых отдельных положений, вызывающих разногласие даже среди самих приверженцев идиографического построения истории.

Сами основатели разбираемой теории, например, слишком мало обращают внимания на то общее, что оказывается между знанием в номотетическом смысле и знанием в идиографическом смысле. Выше мне уже пришлось заметить, что научное знание стремится к объединению разрозненных эмпирических данных, и что такая задача должна быть общей для обоих видов нашего знания, хотя и достигается нами разными путями. Приверженцы идиографического направления, однако, слишком увлекшись логическим противоположением «естествознания» — истории, преимущественно настаивают на различии тех познавательных задач и точек зрения, с которых такое объединение производится.

В теории задача, преследуемая научным знанием вообще, и общая обеим его областям, остается в тени, что уже дает не совсем правильное понимание собственно идиографического построения: увлечение тем же противоположением оттесняет на задний план и ту объединительную функцию, которую история должна отправлять с идиографической точки зрения, а пренебрежение ею ведет и к дальнейшим последствиям.

В самом деле, если история в идиографическом смысле объединяет наше знание о действительности, то, поскольку она научно строит не только целое, но и реальное соотношение между частью и целым, она должна представлять себе последнее в виде такой индивидуальности, которая вместе с тем состоит из частей; историк, значит, должен научно устанавливать их значение для индивидуального целого, принимаемого им в качестве данного. С последней точки зрения, если бы историк стал рассматривать хотя бы весь мир или весь мировой процесс как данное индивидуальное целое, он должен был бы признать своей задачей, в самом широком смысле слова, и изучение реального соотношения между частями и таким целым; само собою разумеется, что ту же точку зрения он может применять и к более узкому содержанию, например к истории человечества и т. п.

В только что указанном, чисто формальном смысле все же можно, пожалуй, сказать, что история занимается изучением «индивидуального»: ведь связь между частями и целым в известном смысле также признается «индивидуальным». Не следует забывать, однако, что, упуская из виду объединительную функцию исторического знания, легко придать понятию «индивидуального» гораздо более узкое значение, отчасти уже поставленное в зависимость от его содержания: под ин-

дивидуальным в последнем смысле можно разумеать конкретно данные в действительности индивидуальности, т. е. личности и события; но уже на основании вышеприведенных соображений естественно прийти к заключению, что, за исключением разве предельного случая, нельзя ограничивать область истории изучением таких «индивидуальностей» (т. е. личностей и событий), отдельно взятых, вне их отношения к данному целому. Вышеприведенные соображения, однако, не всегда достаточно принимаются во внимание приверженцами идиографической теории; напротив, они слишком мало настаивают на том, что само целое представляется историку такую индивидуальностью, которая мыслится в качестве состоящего из частей целого, и что с последней точки зрения задача истории-науки и состоит в объяснении того реально-индивидуального отношения, которое обнаруживается между частями и данным историческим целым.

В связи с только что приведенными рассуждениями можно рассмотреть и другое положение основателей теории: в задачу истории-науки они включают «изображение единичного», или «изображение индивидуального» и т. п.; но мне не раз приходилось уже указывать на то, что история-наука занимается прежде всего научным построением конкретной действительности, а не ее «изображением». Научное ее построение обнаруживается, например, и в установлении исторического значения фактов, и в аналитическом изучении ее с точки зрения причинно-следственной связи, и в синтетической ее конструкции, хотя бы положим, в образовании понятия об историческом целом. Итак, лучше отличать научно-историческое построение от изображения действительности, легко смешиваемого с художественным воспроизведением ее с чисто эстетической точки зрения.

В сущности, сводя понятия о требованиях сознания вообще и о системе абсолютных ценностей в области исторических построений к понятию об этической ценности, основатели идиографической теории полагают, что самое установление системы абсолютных ценностей не входит в специально-историческое изучение, что историк исходит из «данного ему» (и, значит, не чисто личного) «интереса» к той действительности, которую он изучает, и что самый процесс ее изучения производится путем научно-исторического метода, который (в специально-научном его значении) можно применять к какому угодно объекту; следовательно, историк может выбрать его и путем отнесения его к одной только общепризнанной

ценности, объективно-данной ему в опыте. Такое положение, однако, нисколько не устраняет необходимости и для того, кто занимается исторической работой, сознательно различать отнесение данного объекта к обоснованной ценности от отнесения его к ценности общепризнанной, а не довольствоваться лишь простой интуицией. Ведь в случае отнесения объекта к ценности, без ее обоснования, историк будет признавать общепризнанную ценность только фактом, критерий выбора которого нельзя почерпнуть из него самого; такой факт можно подвергать лишь «психологическому анализу». Итак, вышеприведенная конструкция, в сущности, предполагает опознание со стороны историка абсолютных ценностей, с точки зрения которых он мог бы обосновать ценность общепризнанную. Слишком мало останавливаясь на выяснении этой связи, представители разбираемого направления также мало обращают внимания и на совпадение между отнесением к обоснованной ценности и отнесением к общепризнанной ценности.

Недостаточно оттеняя только что указанное положение, основатели идиографической теории также пренебрегают различием между всеобщим значением данной индивидуальности (личности, события) и ее историческим значением; последнее связано с вышеуказанным понятием о действительности индивидуального, и, значит, с понятиями о численности и о длительности его последствий. История, действительно, должна считаться с индивидуальным; она должна научно построить его, т. е. объяснить, каким образом из общего возникло частное; но историк не может остановиться на такой стадии своей работы. Индивидуальное получает историческое значение в его глазах, поскольку оно становится «общим достоянием», следовательно, поскольку оно впечатлевается, или повторяется в других индивидуумах. И чем число таких повторений больше, тем и «всеобщее значение» факта, уже за ним признанное, становится важнее (в положительном или отрицательном смысле) и в историческом отношении. Таким образом, с точки зрения действительности индивидуального, следует признать, что объективный признак общего значения данного конкретного факта, отнесенного к ценности, состоит в общем содержании данной общественной группы, поскольку оно характеризуется именно этим фактом.

Вообще, несколько упуская из виду понятия о численности и длительности последствий, основатели идиографической теории не

могут отметить и связь между этими понятиями и понятиями о консензусе и об эволюции; они также едва ли достаточно заботятся о том, чтобы в понятие свое об историческом развитии включить понятие об историческом значении звеньев данного необратимого эволюционного ряда, мыслимых как части одного эволюционного целого, да и слишком мало останавливаются на выяснении того, каким образом понятие о человеческом развитии конструируется в зависимости от такого именно его значения.

При оценке разбираемой теории следует еще иметь в виду, что она мало интересуется свойствами объектов, изучаемых историей. В самом деле, с чисто логической точки зрения, из нашего научного знания легко выделить целую группу исторических наук, занимающихся изучением конкретно данной действительности; но с такой точки зрения, в противоположность «естествознанию», включающему и психологию, и социологию, к группе исторических наук придется причислить, например, и геологию, и историю культуры. Деление наук, производимое с указанной точки зрения, вовсе не считается со свойствами изучаемого объекта: принимая его во внимание, можно сказать, однако, что социология, например, все же ближе к истории, чем геология и т. п.: геолог может свободно игнорировать принцип чужого одушевления; социолог и историк, напротив, исходят из такого принципа в своих построениях, что обуславливает и сходство в некоторых методах их исследования; геолог пользуется исключительно законами физики (в широком смысле), а социолог и историк — в значительной степени законами психики для научного построения действительности.

Такие перекрестные соотношения часто слишком мало принимаются во внимание основателями идиографического построения: резко различая «естествознание» от исторической науки, они забывают, что некоторые отрасли «естествознания» пользуются принципами, общими с теми, которые употребляются историками, не говоря о том, что вышеуказанная терминология («естествознание» и «история-наука») представляется во многих отношениях искусственной.

Ввиду только что указанного перекрестного соотношения между науками, изучающими более или менее общие им объекты, логическое противоположение между общим и частным трудно осуществить на практике в полной его исключительности: ведь термины естествознание и история давно уже ассоциировались с фактическим

содержанием сложившихся наук, каждая из которых фактически занимается частью обобщением, частью индивидуализированием, и, значит, по своему содержанию, не может быть резко противопоставлена другой, а характеризуется разве только преобладанием одной из таких точек зрения. Следовательно, принимая во внимание фактическое содержание наук, можно сказать, что история, подобно естествознанию, в сущности, может иметь дело с относительными обобщениями, хотя бы потому, что историк, за отсутствием нужных ему относительно общих понятий, сам вырабатывает их, применительно к изучаемым им объектам и в зависимости от тех именно познавательных целей, которые он преследует.

Понятие о процессе образования «группы», например, представляется историку относительно общим, поскольку он изучает возникновение ее путем установления общих между ее элементами черт, хотя бы, например, в тех случаях, когда он следит за повторением в сознаниях индивидуумов данной группы одного и того же индивидуального факта, открытия, изобретения, за его постепенным распространением в данной общественной среде и т. п.

Историк может образовывать относительно общие понятия, поскольку он рассуждает о чем-то общем между частями одного и того же целого (коэзистенциального или эволюционного).

Следует иметь в виду, что такие же понятия с относительно общим содержанием историк может конструировать и с чисто эволюционной точки зрения. Трудно представить себе возможность построения эволюционного ряда, обыкновенно предполагающего известную степень отвлечения, без «закона» образования такого ряда (см. выше); каждое из звеньев его может отличаться от остальных, и тем не менее, в процессе образования их, одного из другого, должно оказаться нечто общее, некая «общая тенденция», обнаруживающаяся в данном ряде. Далее, изучение совпадения логического построения некоторых рядов с объективно-данной последовательностью исторических фактов (например, в истории наук) тоже может выяснить то общее, что в данном ряде заключается, хотя бы он в действительности и был известен нам лишь по одному данному случаю. Наконец, самое понятие непрерывного развития данного ряда предполагает построение относительно общего понятия о повторяемости данного культурного фонда в целом ряде поколений.

Таким образом, фактически историк может сам вырабатывать и относительно общие исторические понятия. В логическом отношении сознательно различая номотетическую точку зрения от идиографической, он, конечно, не должен смешивать их, но в действительности он может соединять их в своей исторической работе.

Само собою разумеется, что практические условия такой работы над сырым материалом (напр., трата времени и сил, сопряженная с изучением его, совершенно раздельно с каждой из указанных точек зрения разными исследователями и т. п.) естественно приводят к тому, что один и тот же исследователь обрабатывает его и с номотетической, и с идиографической точек зрения.

Впрочем, теория исторического знания, построенная с идиографической точки зрения, ничего не имеет против такой фактической комбинации; но она не должна приводить к смешению двух принципиально разных точек зрения, с которых один и тот же ученый может изучать эмпирически данную ему действительность*.

Отдел третий. ОБЪЕКТ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

С познавательной точки зрения, принятой выше, историк, интересующийся действительностью, может, конечно, приступать к изучению весьма разнообразных объектов: ведь он уже занимается историей, когда задается вопросом о том, каким образом нечто, данное в действительности, возникло в определенном месте и в определенное время. В указанном смысле, свет, химический элемент, наша планетная система, земля, какой-либо естественно-исторический вид, человечество и т. п. могут служить объектами исторического изучения. Все ли они, однако, в одной и той же мере заслуживают названия «исторических»? и не чувствует ли каждый из нас, что человечество можно назвать с большим основанием историческим объектом, чем, например, свет?

Действительно, историк, признающий «историческое значение» индивидуального, не может с одинаковым вниманием относиться ко всякого рода объектам и преимущественно интересуется историей человечества; благодаря вышеизложенному учению, он может обо-

* *Примечание.* Отдел третий — об объекте исторического познания (не читанный в нынешнем академическом году) будет напечатан во втором выпуске курса.

сноваť свое предпочтение: убежденный в том, что человеческая культура имеет особенно важное историческое значение, он, ввиду последнего, и изучает, главным образом, историю человечества.

Такое решение проблемы, в сущности, уже вытекающее из предшествующих рассуждений, не дает, однако, достаточного понятия об объекте собственно исторического познания; для того чтобы выяснить его содержание, я попытаюсь наметить, хотя бы в самых общих чертах, характер явлений, изучаемых историком, и выделить из них факты, преимущественно интересующие его, а затем укажу и на главный объект исторической науки, включающий все остальные, т. е. на историю человечества.

Глава первая. Общий характер явлений, изучаемых историком

При выяснении понятия об объекте исторического познания я буду исходить из представления о действительности, содержание которого каждый из нас строит из эмпирических данных. В том случае, когда я высказываю ассерторическое экзистенциальное суждение о построенном мною из таких данных содержании моего представления, я и рассуждаю о действительности. В самом деле, если я стану высказывать суждение только о действительном существовании своего представления, а не о действительном существовании его содержания, я должен буду иметь представление о своем представлении и приписывать действительное существование последнему; во всяком случае в таком суждении я еще не буду утверждать действительное существование чего-либо, имеющего для меня объективно-реальное значение и «данного» моему сознанию, я не буду формулировать суждение о действительном существовании объекта внешнего мира: поскольку я испытываю свое представление, я, конечно, всегда имею основание утверждать его существование в своем сознании, но отсюда до утверждения действительного существования того, что именно я себе представляю, т. е. до утверждения действительного существования содержания моего представления, еще далеко: лишь обоснование такого утверждения ведет к правильному понятию о действительности.

Итак, для того, чтобы признать, что данное представление обозначает действительность, я должен признать его содержание — реально существующим: я должен иметь основание высказать относи-

тельно такого содержания экзистенциальное суждение, т. е. асерторическое суждение, что оно действительно существует (или существовало). Следовательно, мое знание о действительности есть прежде всего обоснованное экзистенциальное суждение о содержании моего представления, т. е. о том именно, что в нем содержится.

С номотетической точки зрения только что приведенная формула, однако, не может быть раскрыта до конца: придерживаясь ее, я принимаю во внимание реальное существование только общего содержания моего представления; но с идиографической точки зрения я могу говорить о реальном существовании содержания своего представления в полной мере, не упуская из виду и его индивидуальных черт. В самом деле, утверждая реальное существование чего-либо, я в сущности, всегда включаю в такое утверждение представление о существовании данного определенного конкретного содержания в данном месте и в данное время.

Какое именно содержание моего представления о действительности я, однако, должен признать реально существующим для того, чтобы назвать ее исторической?

Приступить к решению такой проблемы можно, лишь исходя из различия между бытием и быванием и несколько выяснив себе понятие об изменении.

В вышеуказанном широком смысле всякое бытие представляется мне действительностью: все то, о чем я имею основания говорить, что оно существует, я могу назвать действительным фактом; но можно употреблять тот же термин, придавая ему более узкое значение, относя его не к бытию, а к быванию, не к тому, что пребывает, а к тому, что бывает, к тому, что происходит или случается в действительности.

В таком случае мое знание о действительности состоит в экзистенциальном суждении не о всяком содержании моего представления, а, прежде всего, о том его содержании, которое называется изменением.

Понятие об изменении можно формулировать следующим образом: в том случае, если я (на основании принципа тождества) отношу к одному и тому же объекту два различаемых мною (на основании принципа противоречия) содержания моего сознания и признаю такие содержания объективно существующими и сменяющимися друг друга во времени, я, в сущности, и говорю об «изменении».

Таким образом, изменение, в объективно-реальном его значении, т. е. в качестве факта, происходящего (или происходившего) в действительности, мыслится во времени. Впрочем, передвижение вещи в пространстве мы также называем «изменением»; но в таком случае мы или не приписываем «изменению» объективно-реального значения (ибо сама «вещь» не изменилась) и рассуждаем о нем только в смысле преемства испытываемых нами при наблюдении за ее движением состояний нашего собственного сознания; или должны приписывать его той среде, часть которой перемещается на наших глазах; но в последнем случае, говоря об изменении в размещении частей данного целого, мы представляем его себе изменяющимся во времени, т. е. в объективно данной последовательности состояний этого целого: мы различаем предшествующее его состояние от последующего, так как размещение его частей в предшествующем было иное, чем в последующем.

Итак, историк интересуется не понятием о постоянном пребывании того, что изменяется, а понятием об изменении в состояниях того, что пребывает, т. е. понятием об изменении, действительно происходящем (или происходившем) во времени*.

Вышеуказанное понятие об изменении или о факте в смысле изменения входит и в понятие об историческом объекте: хотя и в него, разумеется, должно включить понятие о том, что именно изменяется, например, понятие о совокупности живых существ, обнаруживающих признаки психической жизни, о человечестве, о народе, о госу-

* I. Kant, Kritik der R. V., 2-te Aufl., S. 230. Кант писал: «Возникновение и прекращение не есть изменение того, что возникает и прекращается, а изменение только его состояния». В своем рассуждении о границах истории Готтль пытается доказать, что такие науки, как космография, геология и эволюционная биология существенно отличаются от истории, ссылаясь на то, что она изучает не бытие, а преходящее во времени (Geschehen); геология, например, пользуется последним, положим, происхождением слоев для того, чтобы представить их себе в известном порядке, она «интерполирует» преходящее во времени для того, чтобы понять порядок расположения бытия в пространстве; история, напротив, «интерпретирует» бытие для того, чтобы из него заключить о некоем процессе изменения (Geschehen). Не входя в обсуждение, правильна ли вышеприведенная характеристика историзирующих дисциплин естествознания, можно во всяком случае сказать, что, хотя Готтль и не всегда выдерживает принятую им познавательную точку зрения, но все же решительно признает «Geschehen», т. е. изменение или некий процесс изменения объектом исторического познания; см.: *Fr. Gottl, Die Grenzen der Geschichte*, Lpz., 1904, особенно SS. 25 и др.

дарстве и т. п., но то, что пребывает, поскольку оно не изменяется, очевидно, не составляет предмета собственно исторического изучения; в сущности, только бытие, изменение того, что пребывает, интересует историка: он обращает внимание не столько на то, что есть, сколько на то, что было в его отношении к тому, что есть; он изучает «судьбы» человечества, народов, государств и т. п.

Можно, однако, интересоваться изменением или с номотетической или с идиографической точки зрения. С номотетической точки зрения историк изучает то, что есть общего между изменениями, с идиографической — то, что характеризует данное изменение, отличает его от других и, таким образом, придает ему индивидуальное значение в данном процессе. Следовательно, в объективно-реалистическом смысле можно сказать, что историк-номотетик интересуется лишь теми изменениями, которые повторяются в действительности, а историк-идиограф, напротив, обращает внимание, главным образом, на изменения единичные, если они имели или имеют историческое значение.

В зависимости от той точки зрения, которой историк придерживается, значит, он интересуется фактами, поскольку он может мыслить их повторяющимися во времени или в пространстве, или же случающимися один раз. В нижеследующем изложении я попытаюсь выяснить то значение, какое они могут иметь для историка, причем, не забывая только что сказанного, для упрощения терминологии, я уже буду говорить просто о повторяемости или единичности фактов, а не о том, что я мыслю их повторяющимися или случающимися один раз*.

Можно представить себе такие факты, которые повторяются во времени, а не в пространстве: факт прохождения данной кометы данной точки небесного меридиана или ее орбиты в данный момент времени, например, может повторяться бесконечное число раз, хотя бы интервалы повторения были велики; но он будет происходить только в одной точке мирового пространства.

Такие факты, однако, не могут интересовать историка, поскольку он имеет в виду, главным образом, построение эволюционного цело-

* А. Хенроп, *La théorie de l'histoire*, 2 éd., pp. 381–483. Автор придерживается, однако, реалистической точки зрения и допускает ряд ошибок в дальнейшей своей конструкции.

го: факт, постоянно повторяющийся во времени (а не в пространстве), не может быть помещен в эволюционную серию, в которой факты следуют один за другим именно во времени же (а не в пространстве). Историк не имеет основания признать факт, постоянно повторяющийся во времени, именно этою, а не иною определенной частью данного эволюционного целого; значит, он не будет в состоянии поместить такой факт именно в это, а не в иное положение в целом. В самом деле, если представить себе, положим, что данная совокупность S образована из ряда элементов, расположенных во времени, например $A, B, C, D...N$ и если $A, C...$ повторяются, то историк не будет в состоянии точно расположить их, самих по себе взятых, во времени; такой ряд будет постоянно пересекаться повторением одних и тех же фактов. Только принимая во внимание элементы $B, D...$, которые, положим не повторяются, историк получит основание, предварительно построив ряд $...B...D...$ и усмотрев в нем пробелы, расположить группы ($A, A, A...$) и ($C, C, C...$) относительно $...B...D...$ и т. п.; но в таком случае историк будет, в сущности, оперировать для построения интересующего его целого не над фактами, повторяющимися во времени, а наоборот, над фактами, которым он не приписывает такой именно повторяемости. Возможно, однако, что историку не удастся сделать подобного размещения; тогда вышеуказанный ряд представится ему, положим, в следующем виде:

$A, B, C, A, D, C, E...$

При таких условиях изучаемый ряд будет прерываться повторением $A, C...$, и историку придется отказаться от построения одного линейного ряда: он, может быть, даже не окажется в состоянии усмотреть в нем единство и будет рассуждать только об отдельно взятых последовательностях вроде A, B, C , далее E, F, G и т. п.

Впрочем, повторяемость во времени может интересовать историка с точки зрения действенности и «длительности последствий» данного факта: но в таком случае, он не может приписывать всем $A, A, A...$ или C, C, C и т. п. равнозначного значения; он может говорить только об относительной повторяемости во времени в том смысле, что индивидуальный факт влияет на последующий процесс и, в силу подражания и т. п., повторяется более или менее продолжительное время в жизни данной общественной группы.

Можно представить себе, однако, факты, которые повторяются в пространстве, а не во времени, но в другом смысле, чем мы мыслим

факты, повторяющиеся во времени, а не в пространстве. В сущности, нельзя мыслить один и тот же факт повторяющимся в пространстве, а не во времени. Ведь одновременное возникновение одного и того же факта в разных местах, собственно говоря, нельзя себе представить: в таком случае мы мыслим несколько фактов, возникающих одновременно ввиду тождества или сходства условий, тождественных или более или менее сходных между собою; то сходное, что данный факт имеет с другими, мы и называем повторяющимся в пространстве, а не во времени, т. е. обнаруживающимся в каждом из фактов, одновременно возникающих в разных пунктах пространства; но в таких случаях мы всегда имеем дело с несколькими фактами, хотя бы и вполне сходными, а не с одним. Тем не менее, в известном смысле, можно мыслить повторяемость «одного и того же факта» в пространстве, но только под условием, что пределы времени, в течение которых он повторяется, не велики и что мы, признавая их не важными, можем пренебречь ими. Действие, возникшее в данной среде, например, вызывает подражание. Если историк полагает, что такой процесс заслуживает внимания лишь с точки зрения его распространения в данный период времени, причем он считает возможным пренебречь временем, потребным на его распространение, то он в таком именно смысле и признает факт повторяющимся в пространстве, а не во времени.

Факты подобного рода историк, очевидно, легко может расположить и в эволюционный ряд: раз они представляются ему повторяющимися в пространстве, а не во времени, они могут быть расположены друг за другом во времени; значит, они могут представляться ему в виде частей одного и того же эволюционного целого; следовательно, с относительно идиографической точки зрения историк может интересоваться ими, но, главным образом, лишь в том смысле, что данный оригинальный факт оказывает влияние на окружающую среду, что он распространяется в пространстве, хотя бы, например, путем подражания и т. п.

Следует заметить, однако, что при изучении изменений, повторяющихся в действительности, ученый все же преимущественно интересуется лишь тем, что есть между ними сходного, значит, тем, что относительно-постоянно, поскольку оно повторяется в каждом изменении; но с такой точки зрения интерес, в сущности, перемещается на то общее, что оказывается между изменениями, на их повторяе-

мость и т. п., а не на самый процесс изменения; следовательно, если последний преимущественно считать объектом собственно исторического изучения, то историк и должен иметь, главным образом, в виду не изменения, повторяющиеся в действительности, а единственный процесс изменения как таковой, хотя бы историческое значение отдельных изменений и выяснялось путем исследования их повторяемости или влияния их во времени и в пространстве*. Во всяком случае положение таких фактов в данном эволюционном целом, очевидно, может быть только одно, и историк, конечно, займется его определением, если он может признать за фактами подобного рода некоторое значение для изучаемого им целого.

Вышеустановленное понятие об объекте исторического познания как об изменении, происшедшем в действительности, однако, все еще недостаточно для того, чтобы характеризовать понятие о таком объекте в специфически историческом смысле.

Легко придти к заключению, что, хотя историк и обращает внимание на количественные изменения (например рост или убыль населения), он все же, главным образом, интересуется качественными изменениями. По крайней мере с идиографической точки зрения он изучает именно такие изменения: лишь качественно отличному от остальных факту он может приписать значение самостоятельной, индивидуальной части данного целого.

Впрочем, и такое определение объекта исторического познания для целей собственно исторического исследования все еще слишком широко: ведь многие науки занимаются изучением качественных изменений; превращение энергии, наступающее лишь при невозвратном различии в «интенсивностях» есть уже качественное изменение**; историку необходимо выяснить, какого рода качественные изменения во времени он разумеет, когда он рассуждает об исторических фактах. В таких случаях он, подобно психологу и социологу, обыкновенно имеет в виду какое-либо изменение в состоянии данного субъекта (индивидуального или коллективного), например, его переход от состояния душевного покоя к душевному возбуждению, или от горя к радости, от отчаяния к надежде и т. п. В случаях подобного рода ученый-психолог, социолог или историк имеет дело с та-

* См. выше, в I, сс. 249–254 <Т. I. С. 292–296>.

** W. Ostwald, L'énergétique moderne в Rev. Scient., 1908, Août 15, pp. 201, 202.

кими качественными изменениями, которые происходят в чужой психике; рассуждая о них, он уже опирается на особого рода принцип: он предпосылает наличность чужой одушевленности, с точки зрения которой он и конструирует такие перемены в чужой психике, в сущности, недоступной эмпирическому его наблюдению.

Между тем проблема чужой одушевленности до сих пор остается еще очень мало выясненной, и самые точки зрения, с которых она выясняется, не всегда различаются*.

В самом деле, нельзя смешивать метафизическую постановку проблемы «чужого я» с теоретико-познавательной: метафизик рассуждает о «сущности души», о «вещи в себе», называемой «чужое я» и т. п.; гносеолог же задумывается лишь над теми основаниями, в силу которых он считает себя в праве признавать «чужое я».

В метафизическом смысле можно или отрицать чужую одушевленность или утверждать ее существование, смотря по тому, придерживаться ли материалистической или спиритуалистической³³⁰ точки зрения. Материалист полагает, например, что душа есть функция материи и что сознание рождается из телесных процессов; значит, он, собственно говоря, не интересуется самостоятельным значением чужого «я». Спиритуалист, исходящий из представления об «абсолютном я» или о «всеобщем сознании», отражающемся в каждом индивидуальном «я», напротив, признает за каждым «я» известное значение, хотя бы производное, и в одинаковом реальном отношении всех эмпирических «я» к абсолютному «я» усматривает основание для взаимного признания каждым из них «чужого я». Не останавливаясь на подробном рассмотрении подобного рода теорий, получающих дальнейшие разветвления, например, в гилозоизме³³¹ и монадологии³³², я замечу только, что при метафизической постановке проблемы, решение ее, в сущности, уже опирается на такие состояния сознания, как вера, и что оно, во всяком случае, выходит за пределы тех эмпириче-

* *G. Kafka*, Versuch einer kritischen Darstellung der neueren Anschauungen über das Ichproblem in Arch. für Gesamte Psychologie, Bd. XIX (1910), SS. 1–242; *И. Ланшин*, Проблема «чужого я» в новейшей философии в Жур. Мин. Нар. Просв., 1909 г., № 8 и 1910 г., № 8 и 9 и отдельно СПб., 1910 г. Автор последнего сочинения дает обстоятельное обозрение множества теорий; отсылая желающих ознакомиться с ними к его любознательному труду, я ограничусь только несколькими общими и краткими указаниями на важнейшие из высказанных точек зрения, присоединяя к ним и некоторые критические замечания.

ских данных, какими наука располагает; вместе с тем нельзя не заметить, что материалист, отрицающий самостоятельное значение чужого «я», часто признает его на практике: а спиритуалист, по убеждению которого чужое «я» есть лишь отражение высшего начала, подрывает самостоятельное значение растворяющейся в нем чужой индивидуальности; можно также сказать, что гилозоист атомизирует сознание, а монадолог признает его абсолютную замкнутость, что едва ли вяжется с признанием чужого «я».

При теоретико-познавательной постановке проблемы можно также решать ее или в отрицательном, или в положительном смысле.

Последовательный солипсист³³³, например, признающий существование лишь собственного своего «я», собственных своих представлений (*praeter me ens aliud non est*), с такой точки зрения теоретически отрицает и наличность чужих сознаний: на основании моего представления о чужом «я», говорит солипсист, я не могу утверждать его объективной реальности, ибо каждое чужое «я» есть только содержание моего же собственного представления; значит, мое представление о чужом «я» еще не дает мне основания утверждать наличность чужого сознания, данного в действительности. В качестве методологического приема такая теория, конечно, ограждает мыслителя от догматического утверждения существования чужого «я», но сама она еще не выходит за пределы скепсиса относительно действительного его существования и, значит, слишком мало удовлетворяет запросам нашего «я»: ведь солипсист не может представить самого себя только представлением другого (если бы он существовал), хотя последнего и считает только своим представлением; кроме того, в числе своих же представлений солипсист встречает и такие, содержание которых он почерпает из бывших состояний своего сознания; но, оставаясь вполне последовательным, он не может различать свои представления о действительно бывших состояниях своего же сознания от испытываемых им в данный момент представлений о таком содержании и не имеет возможности говорить о своем «я» в полноте его значения и о непрерывности своего сознания: оно распадается на множество мгновенно преходящих «я», «чужих» друг другу, что с точки зрения солипсизма, однако, неприемлемо. Помимо указанных затруднений, солипсизм представляет еще одно неудобство: в теории отрицая чужую одушевленность,

солипсизм признает ее на практике; он поступает так, как если бы люди были одушевлены; но такое расхождение теории с практикой не свидетельствует в пользу самой теории и лишает ее последователя возможности применять ее на практике.

Итак, можно сказать, что отрицание чужой одушевленности вообще приводит к целому ряду затруднений; но и обоснование такого принципа с теоретико-познавательной точки зрения представляется затруднительным. Впрочем, интуитивист³³⁴ легко решает нашу проблему: чужое «я», говорит он, «дано мне непосредственно, оно инстинктивно познается мною вместе с чувственно воспринимаемым, но нечувственным образом»*. Гносеолог, придерживающийся другого, критического направления, не может, однако, удовлетвориться вышеприведенным решением: он должен выяснить те основания, в силу которых он приписывает такому своему переживанию объективное значение: если «чужое я» не оказывается непосредственно данным в моем опыте, и я заключаю о нем по наблюдениям над телесными процессами, то и возникает вопрос, на каком основании я делаю такое заключение**. При его обосновании следует различать теоретическую точку зрения от регулятивно-телеологической или практической.

С теоретической точки зрения можно, казалось бы, утверждать, что понятие о «сознании вообще» уже включает признание чужого «я». В той мере, в какой я, например, сознаю сверхиндивидуальность общезначимых категорий моего мышления, я уже считаю их обязательными для всякого сознания, что как бы предполагает признание его существующим и помимо моего собственного сознания; то же

* *Th. Lipps*, Das Wissen von fremden Ichen в Psychol. Unters. Bd. I, H. 4 (1907), SS. 709, 710; ниже автор говорит и о том, что мы «веруем в то, что мы мыслим»; см.: S. 721. Ср.: *H. Лосский*, Осн. инт., сс. 65, 85, 73, 100, 102.

** *R. Descartes*, Discours de la methode, Ch. V; ср. рус. пер. Н. Любимова, сс. 174–175, 176–177, 331–334. В сущности, Декарт отрицал наличие объективных признаков одушевленности у животных и с такой точки зрения пришел к заключению, что «мы не можем доказать присутствие души в животных», но не думал, чтобы можно было «доказать», что у них нет «мыслей»; Декарт, напротив, полагал, что мы располагаем двумя «очень верными средствами» для признания одушевленности в человеке; таковы: способность речи, т. е. способность «соединять слова различным образом, чтобы ответить на смысл сказанного», и способность «действовать так, как нам позволяет действовать разум», приспособляясь ко всякого рода «случаям жизни». Кант уже старался показать, что таких признаков мы не имеем; см.: *I. Kant*, Kritik der R. V., 1 Aufl., SS. 351–361. Ср. еще: *A. Введенский*, О пределах и признаках одушевления, СПб., 1892.

можно заметить и относительно общезначимости научных суждений: она предполагает признание их таковыми всяким другим познающим субъектом; аналогичные рассуждения легко сделать и относительно нравственных и эстетических понятий. Следует иметь в виду, однако, что понятие о сознании вообще в его трансцендентности³³⁵, т. е. внепространственности и вневременности, не дает основания признавать реальное существование чужого «я» в его конкретной индивидуальности.

В связи с вышеприведенным соображением можно поставить и другое, исходящее из понятия о соотносительности между понятиями о субъекте и объекте, «я» и о «не я». Всякий, кто сознает свое «я», т. е., кто обладает самосознанием, вместе с тем мыслит его в его отношении к содержанию сознания, т. е. к объекту или к «не я»; в таком смысле понятие о «я» предполагает и соотносительное ему понятие о «не я»; но соотношение «я» — «не я» получает наиполнейший свой смысл лишь в том случае, если «не я» однородно с «я», т. е. если я ставлю свое действительно существующее и одушевленное «я» в соотношение с действительно существующим и одушевленным «не я», или чужим «я», иными словами говоря, «самосознание есть вместе с тем сознание другого», сознание своего «я» достигает наибольшей своей характерности лишь под условием его соотношения с другим «я»: они мыслятся как взаимно обуславливающие друг друга части одного целого. С такой точки зрения сознание своего «я» логически, а не только психологически требует его противоположения чужому «я», т. е. ведет к утверждению, что и последнее существует*. Рассуждение подобного рода, однако, все же не дает возможности установить объективные признаки, на основании которых познающий субъект мог бы утверждать одушевленность той, а не иной конкретно данной ему индивидуальности.

* *D. Hume*, A treatise of human nature, B. II, P. II, Sec. 2. (ed. 1896), pp. 340–341: «Ourself, independent of the perception of every other object, is in reality nothing. For wick reason we must turn our view to external objects: and its natural for us to consider with most attention such, as lie contiguous to us or resemble us»³³⁶. Ср. *I. Kant*, Kr. der R. V., 2 Aufl., SS. XXXIX–XL, 275 ssq. В числе позднейших представителей аналогичных учений см., например, *W. Schuppe*, Erkenntnisstheoretische Logik, 1878. § 23. *R. V. Schubert-Soldern*, Über Transcendenz des Objects und Subjects, SS. 86–91: «Das fremde Ich ist nothwendiger, concreter Theil des Bewusstseinsganzen, ohne welchen dieses Ganze überhaupt nicht denkbar wäre»³³⁷. Ср. *H. Cohen*, Ethik des reinen Willens, 1907, SS. 211–214.

Если отрицать возможность теоретически доказать чужую одушевленность, то при фактическом признании ее всяким нормальным сознанием, приходится искать его обоснование в другой области. Принцип признания чужой одушевленности, действительно, гораздо тверже устанавливается в его регулятивно-телеологическом значении: категорически не утверждая его в данное время в качестве безусловно доказанной истины, можно пользоваться им или для целей познания, в качестве научной гипотезы, нужной для объяснения некоторой части действительности; но можно принять его и в качестве нравственного постулата, без которого нельзя представить себе «другого» как самоцель, в отношении к которой наше поведение и должно получить нравственный характер.

Принцип признания чужой одушевленности можно признать гипотезой: она нужна психологу, социологу или историку для того, чтобы объединять свое знание о наблюдаемых им чужих поступках и деятельности*. Такая гипотеза, не противореча опыту, более вероятна, чем обратное положение. В самом деле, положим, что я (А) высказываю гипотезу об одушевленности В, С, D...; она более приемлема, чем гипотеза о том, что В, С, D... — механизмы: ведь при высказывании гипотезы об одушевленности В, С, D... я (А) не попадаю в постоянное противоречие со своим опытом, в котором я переживаю собственную свою одушевленность, данную вместе с испытываемыми мною раздражениями, с моими движениями и т. п.: между тем при высказывании гипотезы об отсутствии одушевленности в В, С, D..., я принужден исключить себя (т. е. А) из сферы ее приложения, ибо я не могу признать самого себя только механизмом. Следовательно, гипотеза о чужой одушевленности, в ее приложении к известной части действительности, оказывается в большем соответствии с данными нашего опыта, чем обратное положение, что и придает ей большую вероятность**.

В качестве гипотезы принцип признания чужой одушевленности, действительно, предпосылается и в психологии, и в социальных науках, и в истории; и в теории и на практике, в тех случаях, когда мы имеем дело с подобными нам существами, этот принцип

* I. Kant, Kr. der R. V., 2 Aufl., S. 354, 356, 673–676, 709, 714, 836.

** R. Avenarius, Der menschliche Weltbegriff, 1891, Ab. I, Kap. I, § 2; рус. пер. 1909 г., сс. 6–9.

оправдывает то доверие, какое наше сознание инстинктивно питает к нему, выдерживает проверку в его разумном приложении к эмпирическим данным и служит для их объединения и для их объяснения. Само собою разумеется, что такую гипотезу нельзя смешивать с мнимо-эмпирическим знанием «чужого я»: ведь всякий познает «чужое я» при помощи подстановки самого себя в условия его душевной жизни и, значит, строит ее, исходя из представления о собственной своей индивидуальности как некоего единства, а также из элементов собственной своей жизни; но, гипотетически конструируя «чужое я» для объяснения его действий, нельзя забывать, что познающий субъект не обладает эмпирическим знанием «чужого я» и вынужден ограничиваться наблюдением над «внешними» обнаружениями его душевной жизни, телесными процессами, значение которых он толкует на основании собственного своего «внутреннего» опыта; только благодаря такому допущению, например, целесообразности данных действий, он получает, однако, возможность установить некоторую непрерывность в их ряде, представить себе развитие данной деятельности, а значит, и соответствующих событий и т. п.*

Наконец, с точки зрения «практического разума»³³⁸ принцип признания чужой одушевленности принимается в качестве нравственного постулата. В самом деле, нравственное сознание моего «я» требует, чтобы я признавал чужую одушевленность: ведь нравственно свободная деятельность моего «я» не может быть деятельностью без объекта; но такой объект должен побуждать меня к нравственно свободной деятельности, а не механически «связывать» ее в причинно-следственном смысле; значит, он должен мыслиться мною таким же нравственно свободным, признающим мою свободу субъектом, как и я сам, что нельзя высказать, не признавая «чужого я», не считаясь с его индивидуальностью как самоцелью, не уважая в нем самобытной человеческой личности; следовательно, с указанной точки зрения каждое «я» должно признавать чужую одушевленность, хотя бы оно и не могло доказать действительное ее существование.

Таким образом, с точки зрения безусловного требования нравственного своего сознания каждое «я» постулирует одушевленность

* G. Simmel, Probleme etc., 2 Aufl., SS. 6–9. Третье издание без существенных изменений.

именно того, в отношении к кому оно в данном месте и в данное время свободно предъявляет себе такое требование*.

Впрочем, понятие о чужой одушевленности можно рассматривать и с точки зрения его психогенезиса, т. е. интересоваться не основаниями, в силу которых каждый из нас признает чужую одушевленность, а тем, каким образом представление о ней возникает в нашем сознании. С такой точки зрения приходится сказать, что представление о чужом «я» уже дано в инстинктивном переживании чужой одушевленности: следовательно, принцип признания чужой одушевленности фактически включен в «сочувственное» ее «переживание» и развивается через его посредство.

Сочувственное переживание до сих пор еще мало выяснено; может быть, оно есть результат особого рода «конгенитальности» или «созвучия» между однородно организованными существами. Вообразим, что *A*, вслед за *B*, благодаря «симпатии» (в широком смысле) и подражанию, безыскусственно воспроизводит в себе внешние телодвижения *B*; но, воспроизводя его действия хотя бы в зачаточном их виде или даже испытывая только тенденцию к их воспроизведению, *A* переживает соответствующие им и более или менее прочно связанные со своими собственными телодвижениями состояния сознания; значит, *A*, не противопоставляя себя *B*, может без всякой задней мысли (например, без научной цели) отдаться сочувственному переживанию, его одушевленности и произвести подстановку состояний своего сознания под телодвижения *B*; вместе с тем *A* испытывает ассоциированные с ними состояния своего сознания как «чужие» и приписывает их *B*, полагая, что последний «выражает» их во внешних проявлениях своей жизни**.

* *I. Kant*, Grundlegung zur Metaphysik der Sitten, Ab. II, SS. 53–54 (herausg. von J. von Kirchmann); Kr. der P. V., B. II, Kap. V, VI, VIII, SS. 158–159, 173, 175 и др. (herausg. von J. von Kirchmann). *J. G. Fichte*, Sämtliche Werke, Bd. III, SS. 17–40, 47; ср. Bd. IV, SS. 230 ff.; Bd. VI, S. 305. Ср. еще *A. Введенский*, О пределах и признаках одушевления, СПб., 1892 г.; Тезисы и Вторичный вызов на спор о законе одушевления в «Вопр. филос. и психол.», кн. 16, Спец. отд., сс. 115–118, и кн. 18, Спец. отд., сс. 120–149.

** *Th. Ribot*, La psychologie des sentiments, Par., 1896, ch. IV: La sympathie et l'émotion tender. *Th. Lipps*, Leitfaden, Kap. XIV; Aesthetik, Bd. I, Hamburg u. Lpz., 1903. Употребляемый мною термин «сочувственное переживание» близко подходит к термину Липса: «Einfühlung» («вчувствование»); возражения против его теории см. в соч. *W. Worringer*, Abstraction und Einfühlung, München, 1909; *A. Prandtl*, Die Einfühlung, Lpz., 1910.

В случаях подобного рода *A* гораздо легче и полнее переживает, однако, те психические состояния, которые он сам уже ранее испытывал в связи с соответствующими им обнаружениями и которые он инстинктивно ассоциирует с внешними обнаружениями психических состояний *B*.

Такая ассоциация — двойная, а именно: 1) *A* ассоциирует свои состояния сознания с соответствующими своими же действиями; 2) благодаря установившейся у него ассоциации подобного рода, *A* ассоциирует чужое действие *B*, отождествляемое им с своим собственным, с соответствующим ему собственным состоянием своего сознания.

Такая двойная ассоциация, а затем и простое воспоминание о ней, надо думать, обыкновенно лежит в основе процесса «сочувственного переживания».

Однородный психический процесс, вероятно, происходит и в случаях еще более сложного «сочувственного переживания»; его можно представить себе в виде следующей схемы. Положим, что *A* переживает связь между своими представлениями и словами; вместе с тем, различая свое «я» от чужого, *A* сознает, что он (*A*) воспринимает такие же самые сочетания звуков от другого лица — *B*; благодаря вышеуказанному двойному ряду ассоциаций *A* получает возможность сочувственно переживать то, что говорит *B*. Нечто подобное происходит и при восприятии со стороны *A* вещественного образа с конкретным содержанием (а не символа), под условием, если он признает его произведением чужого творчества — *B*. Наконец, при наличии еще нового (третьего) ряда ассоциаций между своими словами и вещественными их символами, им самим начертанными, *A* может испытывать сочувственное переживание при восприятии однородных знаков, начертанных *B*: в таком случае *A* связывает чужие начертания с состояниями собственного своего сознания.

Впрочем, воспроизведение чужой одушевленности связано не только с ассоциированием известных представлений, но и с заключением по аналогии, хотя бы оно и не всегда ясно сознавалось. В сущности, заключение по аналогии, которому многие приписывают значение в качестве доказательства чужой одушевленности, вряд ли может претендовать на такую роль. В самом деле, лишь в том случае, если я подменяю понятие о моем «я» понятием об «одном я», я могу, по аналогии сделать заключение о «другом я», т. е. перенести свое

представление об «одном я» (в данном случае отождествляемом с моим «я») на «другое я»; но в таком случае я уже исхожу из признания чужой одушевленности, ибо оно лежит в основе моего понятия об «одном я» как о некоем экземпляре, по которому я могу, путем заключения по аналогии, судить о другом экземпляре того же вида*. С такой точки зрения заключение по аналогии уже предполагает признание чужой одушевленности; но оно все же, кажется, не теряет своего специфического значения при его квалификации: *A*, утверждающий наличие одушевленности в *B*, в сущности, по аналогии заключает лишь о специфическом виде одушевленности *B*, о его горе или радости и т. п., т. е. связывает их с теми телодвижениями, в которых *B* выражает их; допуская душевную жизнь *B*, *A* судит только о переменах, происходящих в ней, по знакомым ему из собственного опыта специфическим внешним признакам; например, по слезам или смеху «другого», действующих на него более или менее заразительным образом, *A* заключает о тех состояниях сознания *B* — горе или радости, которые он выражает.

В психогенезисе признания чужой одушевленности легко различить элементы, которые уже были вскрыты при анализе того же понятия с теоретико-познавательной точки зрения, но в качестве факторов, а не оснований. Каждый из нас, например, тем более утверждает в мысли об общезначимости истины, чем более замечает ее общепризнанность: самое объективирование наших восприятий находится в тесной зависимости от нашего же сознания, что данный объект признается реально существующим и другими «я», каждый из нас постоянно ссылается и часто принужден ссылаться на чужое мнение или чужой вывод относительно таких объектов; следовательно, и в данном случае общепризнанность истины становится фактором ее общезначимости и как бы социальным продуктом: объективное существование чужого я признается с тем большею убежденностью, чем больше утверждающий сознает, что то же «чужое я» и другими признается объективно существующим**. Развитие самосознания находится также в тесной зависимости и

* *Th. Lipps*, Op. cit., S. 709.

** *W. K. Clifford*, Lectures and Essays, v. II, pp. 74–76. Впрочем, сам автор едва ли достаточно выясняет, какой именно точки зрения он придерживается, гносеологической или психогенетической? Ср. *W. Schuppe*, Erkenntnisstheoretische Logik, 1878, § 23. SS. 78, 80.

от противоположения своего «я» «чужому я»: ребенок на втором месяце по рождении уже различает прикосновение к нему матери или няни, даже в темноте, от других раздражений и приспосабливается к ним: он дает себя держать, ласкать и т. п.; но его самосознание растет в зависимости от его собственных усилий расширить свое «я» и подражать тому «другому», которого он уже различает от вещей, лишенных одушевленности; развитие его личности, однако, продолжается и в последующее время: он замечает, что окружающие его люди суть «чужие я», аналогичные с его собственным «я», и таким образом начинает ясно сознавать оба понятия в их взаимозависимости*. Регулятивно-телеологическое значение признания чужой одушевленности можно также представить себе в виде его генезиса. Такой принцип развивается, например, в зависимости от стремления любознательного ребенка или дикаря почерпнуть из собственной одушевленности элементы, пригодные, по его убеждению, для объяснения движения разных предметов и существ и других явлений (анимизм); всякий из нас постоянно воспроизводит чужую одушевленность, когда имеет дело с людьми, и т. п. Вместе с тем то одобрение или порицание, которое более или менее резко высказывает наше «я» о чужих действиях, естественно, предполагает одобрение или порицание того именно, кто действует, т. е. способствует развитию чувства чужого «я»: оно ярче переживается в подобного рода оценке, что легко заметить даже в трудах некоторых ученых социологов и историков; они более или менее ярко воспроизводят одушевленность людей в зависимости от более или менее резкой оценки их действий.

Следует заметить, однако, что воспроизведение чужой одушевленности во всей ее полноте представить себе нельзя, хотя бы уже потому, что в таком акте всегда соучаствует то сознание, в котором чужая одушевленность воспроизводится: «я» не могу перестать быть «я» даже в момент сочувственного переживания чужого «я». Такое переживание, ассоциирование и заключение по аналогии, обыкновенно сводится к воспроизведению в себе не чужого «я», а более или менее удачной комбинации некоторых элементов его

* *J. M. Baldwin*, Social and ethical interpretation in mental development, N.-Y., 1897, pp. 7–9. Впрочем, автор не говорит о «расширении своего я», заметном, например, в интересе ребенка к своим игрушкам, ученого к своим книгам и т. п.

психики или даже просто отдельно выхваченных состояний чужого сознания, игнорируя остальные*.

Итак, и с гносеологической, и с психогенетической точки зрения принцип признания чужой одушевленности может получать весьма разнообразные значения, не всегда, однако, различаемые учеными: постоянно применяя его в психологии и других науках, они редко выясняют, в каком именно смысле они его признают.

В таких науках психолог, социолог или историк пользуются принципом признания чужой одушевленности для научно-психологического понимания изучаемых ими объектов, что и придает ему особого рода оттенок. Следует заметить, например, что подобно другим ученым, имеющим дело с аналогичными объектами, и историк, в сущности, уже противопоставляет себя как познающего субъекта познаваемому им объекту, т. е. тому именно объекту, которому он и приписывает некую одушевленность. Вместе с тем он основывает такое свое истолкование на предпосылке о единообразии природы вообще и единообразии психической природы человека в частности; эта предпосылка постоянно делается ученым: в ее общем виде — в естествознании, в ее квалифицированном виде (единообразие психической природы человека) — в психологии. Историк также пользуется понятием о единообразии психики, например, в тех случаях, когда он рассуждает о единообразии в единстве и целостности человеческих сознаний: исходя из положения, что единство и целостность сознания, например, у *A* (историка) и *B* единообразны, историк может заключить, что он на основании единства и целостности своего сознания сумеет понять значение освоенного им элемента сознания *B* в сознании самого *B***.

Лишь опираясь на такую предпосылку о единообразии психической природы человека, историк может сознательно пользоваться заключением по аналогии (в вышеуказанном его смысле) для того, чтобы действием известных психических факторов объяснять внешние обнаружения чужой жизни, которые доступны его собственному чувственному восприятию. Впрочем, не мешает заметить, что, смотря по тому, каких воззрений ученый придерживается на отношение «души» к телу — учения о психофизическом параллелизме или учения о взаимодействии

души с телом, — и заключение его о чужой одушевленности получает различные значения. Если историк, например, остается верным учению о психофизическом параллелизме, он судит по внешнему действию субъекта о сопровождающем его состоянии сознания, но не может предполагать причинно-следственное соотношение между ними; он, значит, не считает себя вправе мысленно восходить от внешнего действия субъекта к состоянию его сознания как от следствия к причине, а рассматривает внешнее действие субъекта лишь как признак, в соответствии с которым последний и должен испытывать то, а не иное состояние сознания. Если историк, напротив, склоняется к учению о взаимодействии души с телом, он может сказать, что внешнее действие субъекта есть следствие ложной причины, в составе которой состояние его сознания играет известную роль; он, значит, имеет основание мысленно восходить от внешнего действия к причине, что, разумеется, придает его заключению более аподиктический характер. Во всяком случае, процесс собственно научного психологического понимания характеризуется не инстинктивным воспроизведением чужой одушевленности, а возможно более научно-образным заключением по аналогии; на основании аналогии с той связью, какую ученый стремится возможно более точно установить между данным состоянием своего сознания и внешним его обнаружением, он заключает о наличии у постороннего лица состояния сознания, соответствующего тому внешнему его проявлению, тождество которого (по крайней мере, в известном отношении) с собственным его обнаружением предварительно установлено; он заключает, например, о тех, а не иных состояниях сознания (т. е. «души») постороннего лица по его внешним действиям: движениям, выражению лица, жестам, словам, поступкам и т. п. Таким образом, историк стремится перевоспроизвести в себе то именно состояние сознания, которое ему нужно для научного объяснения изучаемого им объекта; он анализирует пережитые им состояния и выбирает то из них, которое, судя по чисто научному исследованию внешних его признаков (внешнему обнаружению), всего более подходит к данному случаю; он как бы примеряет наиболее подходящие состояния своего собственного сознания к проанализированному и синтезированному им внешнему обнаружению чужой одушевленности, подделывается под нее и т. п.; ему приходится искусственно (в воображении или в действительности) ставить себя в условия, при которых он может вы-

* W. James, The principles of psychology, v. II, pp. 332–333.

** J. G. Droysen, Grundriss, § 10.

звать его и т. п., хотя бы и несколько раз. Лишь после таких исследований он может перевоспроизвести в себе то именно состояние сознания, которое он считает нужным для надлежащего понимания чужих действий. Наконец, следует иметь в виду, что ученый, в частности и историк, постоянно подвергает свое научно-квалифицированное психологическое построение чужой душевной жизни научному же контролю; он признает его лишь гипотезой, сила которой зависит от степени ее пригодности и области ее применения; он принимает ее лишь в том случае, если факты ей не противоречат и если она помогает ему объяснить эти факты.

Само собою разумеется, что в тех случаях, когда ученый стремится научно применить принцип признания чужой одушевленности к построению коллективного, а не единичного субъекта, содержание его осложняется: ведь подобно психологу, занимающемуся коллективной психологией, или социологу, историк, изучающий жизнь или историю человеческих обществ, часто подставляет свою одушевленность под чужие действия целой социальной группы; он стремится представить себе чужую одушевленность в смысле коллективного сознания: он должен построить, например, понятия о единстве коллективного сознания данной группы, хотя бы временном и не распространяющемся в одинаковой мере на всех ее членов, об уровне ее сознания, об общей ее воле, об объединенном ее действии или организованной ее деятельности и т. п.

Понятие о чужой одушевленности в его применении к конструкции объекта исторического познания окажется, однако, еще более сложным по своему содержанию, если припомнить особенности собственно исторического знания и его задач.

Историк занимается научным построением действительности; значит, он должен установить, что переживаемое им представление о чужой одушевленности есть вместе с тем воспроизведение реально данной одушевленности той именно индивидуальности, которой он приписывает известные действия или в зависимости от которой он изучает данный исторический факт.

Далее следует заметить, что при применении разбираемого принципа историк переносит общее понятие о своей одушевленности на предшествовавшие ему поколения. Помимо сознательного применения вышеуказанного принципа в одном из общих его значений, он, следовательно, должен еще установить те основания, в силу которых

он применяет его к объяснению прошедшего. Вообще можно сказать, что историк предполагает некоторое сходство между своей одушевленностью и одушевленностью изучаемого им исторического деятеля, общественной группы и т. п. Если историк исходит из предположения, что его психика и психика некогда бывшего другого индивидуума разнятся лишь в интенсивности комбинированных элементов, то соответствующие видоизменения в интенсивности элементов психики историка (например, при мысленном погружении его в среду, где жил изучаемый им некогда бывший индивидуум) приблизят его к пониманию психики последнего; но даже приняв такую гипотезу, он может сомневаться в ее приложимости: она требует сохранения полного соответствия между обеими комбинациями, фактическое осуществление которого едва ли может иметь большую вероятность. Вообще, при перенесении своей одушевленности на ранее бывших людей осторожный историк все же будет различать понятие о сходстве между своей одушевленностью и одушевленностью прежде бывшего субъекта от понятия о сходстве между некоторыми элементами, общими обоим одушевленностям; лишь в последнем смысле он может говорить с достаточным основанием о перенесении своей одушевленности на человека прежнего времени; историк может приблизиться к научно-психологическому пониманию прежде бывшей психики лишь путем научного анализа элементов своей собственной душевной жизни и признаков чужой, уже признанной им, с тем чтобы установить общие им элементы; самая же комбинация последних между собою и с другими элементами чужой душевной жизни может представиться настолько своеобразной, что полное и живое понимание ее все же будет еще очень ограниченным, даже если вообразить, что историк сумел постигнуть те из них, которые отличались от его собственных; но вероятность такого постигания все же может быть мала, и его результаты окажутся гадательными.

Во всяком случае, историк уже пользуется принципом признания чужой одушевленности для того, чтобы построить понятие о качественном изменении в психике того лица (индивидуального или коллективного), деятельность которого он наблюдает в действительности; он судит об одушевленности данного субъекта по его действиям и их результатам и, обратно, исходит из предположения о его одушевленности для понимания его действий и их результатов.

Такое понимание объекта исторического познания, однако, все еще слишком широко; правда, оно дает основание различать объект историзирующих дисциплин естествознания от объекта истории в узком смысле; но вместе с тем сближает ее с психологией и социальными науками, недостаточно отграничивая от них область собственно исторического исследования: ведь историк интересуется не столько изменениями в чужой психике, сколько индивидуальным ее воздействием на окружающую среду; не столько отдельно взятыми изменениями, сколько единичным и непрерывным рядом изменений, т. е. становлением или происхождением того, что действительно оказалось в результате подобного рода воздействий; не столько порознь изучаемыми группами или сериями фактов из истории культуры, сколько развитием человечества и т. п. Лишь в том случае, если понятие о качественном изменении рассматривать в связи с такими гораздо более сложными понятиями, можно точнее установить область собственно исторического исследования и ближе подойти к понятию об объекте собственно исторического познания.

Глава вторая. Специфический характер собственно исторических фактов

Понятие об изменении естественно связывать с понятием о той причине, которая его вызывает и действие которой в нем обнаруживается. С только что указанной точки зрения понятие об историческом объекте уже включает понятие о некоем причинно-следственном отношении: само изменение ставится в зависимость от действия некоей причины, вызывающей данное следствие, т. е. появление того именно, что дает основание говорить об изменении в вышеуказанном смысле; лишь принимая во внимание, хотя бы гипотетически, факторы, «действию» которых историк приписывает данное изменение, или характерные его признаки, он может признать в нем то, что нужно для того, чтобы считать данное изменение историческим фактом.

С такой точки зрения всякое историческое изменение можно рассматривать как взаимодействие между средою и индивидуумом. В той мере, в какой действие среды предполагает некоторую воспринимающую его деятельность индивидуума, а воздействие индивидуальности на среду — восприимчивость последней и ее содействие, нельзя,

конечно, представить себе каждое из таких реальных соотношений порознь; но в зависимости от той познавательной цели и согласно с только что предложенным пониманием исторического изменения, историк может преимущественно рассуждать или о действии среды на индивидуума, или о воздействии индивидуальности на среду; изменение, вызываемое таким влиянием, он, значит, может называть фактом; для того, однако, чтобы последний признать историческим фактом, ему нужно еще квалифицировать свое понятие о подобном рода влиянии: иначе он не будет иметь основания называть и вызываемое им изменение историческим фактом. После того, что уже было сказано о принципе признания чужой одушевленности, ясно, что историк, рассуждающий о таких действиях или воздействиях, не может ограничиться пониманием их в механическом смысле; он преимущественно интересуется «психическим» их характером, так как имеет в виду соответственный характер вызванных ими изменений. С последней точки зрения историк разумеет под «средою» преимущественно одушевленную «надорганическую» или «общественную среду», а под «индивидуальностью» — живую человеческую индивидуальность; он изучает влияние среды на индивидуума или индивидуальности — на среду, главным образом, в той мере, в какой подобного рода взаимодействие вызвало соответствующие перемены в душевной жизни данной личности, или целого общества, или даже всего человечества, а значит, и соответствующие перемены в продуктах их культуры.

Впрочем, смотря по тому, ввиду какой познавательной цели ученый интересуется фактом, он преимущественно изучает или действие среды на индивидуума, или, наоборот, воздействие индивидуальности на среду.

Историк, изучающий прошлое человечества с номотетической точки зрения, интересуется преимущественно действием среды на индивидуумов в ее уравнительном значении, т. е. в той мере, в какой она производит такие изменения в психике индивидуумов (а значит, и в их действиях, и в их продуктах), благодаря которым они делаются сходными в некоторых отношениях; вообще социальные явления, возникающие под давлением общественной среды, он может подвести под такое понятие.

Историк, изучающий действительность с идиографической точки зрения, разумеется, объясняет ее при помощи тех обобщений, кото-

рые получаются путем изучения подобного рода социологических фактов; но для научного построения индивидуальной конкретно данной действительности он нуждается и в другом понятии о факте; по своему содержанию оно ближе всего подходит к вышеуказанному понятию о воздействии индивидуальности на среду.

В самом деле, говоря о воздействии индивидуальности на среду, историк уже включает в свое понятие о нем и понятие о реальном его существовании: он представляет себе изучаемое им воздействие «данным» ему, действительно существующим. Такой характер с гораздо большим основанием можно преимущественно приписывать понятию о действии среды на индивидуума: ведь с понятием о воздействии данной индивидуальности на среду историк всегда связывает и понятия о вполне определенном месте и времени ее воздействия, значит, и о совершении его в конкретных условиях данного пункта в пространстве и данного момента во времени, чего нельзя сказать относительно понятия о воздействии среды на индивидуумов, если самую среду не представлять себе с индивидуальными особенностями, отличающими ее от какой-либо другой среды. Вместе с тем воздействие индивидуальности на среду должно признать индивидуальным ее воздействием на среду*; и чем больше такой деятель обладает индивидуальностью, тем более и воздействие его на среду или продукт, в котором оно обнаруживается, будет отличаться индивидуальным характером, т. е. окажется «случайным» в относительно познавательном смысле, единственным в своем роде фактом, подлежащим научно-историческому объяснению и в его генезисе, и в его последствиях для данной социальной группы, потерпевшей соответствующие изменения. Таким образом, можно сказать, что под историческим фактом в его наиболее характерном специфическом значении историк преимущественно понимает воздействие индивидуальности на среду.

Обратимся к дальнейшему выяснению того общего содержания, которое историк вкладывает в свое понятие о факте в вышеуказанном смысле слова.

* Воздействие данной среды на индивидуум можно также назвать индивидуальным, поскольку она отличается от другой среды, а значит, и ее воздействие будет отличаться от воздействия другой среды на того же индивидуума; но с такой точки зрения сама среда, дифференцирующая экземпляры данного вида, получает индивидуальное значение.

Сама этимология слова заслуживает внимания: слово *factum* означает то, что сделано; но историк не может довольствоваться таким чисто механическим пониманием факта: для него *factum* означает то, что кем-либо сделано; под фактом он преимущественно понимает воздействие индивидуальности на окружающую среду, мертвую и, в особенности, живую. В таком смысле, например, скребок, сделанный из кремня, есть факт; удар, нанесенный *A* его врагу *B*, есть факт; слово, сказанное *A* его другу *C*, есть факт и т. п.

Воздействие индивидуальности на среду не представляется историк механическим процессом уже потому, что такая индивидуальность понимается им в смысле субъекта, который характеризуется единством сознания, придающим единство и его действиям; значит, и воздействие такого субъекта на среду характеризуется не механическими, а психическими его особенностями. Следовательно, можно сказать, что историк изучает те факты, которые состоят в психофизическом воздействии индивидуальности на среду, и обращает внимание преимущественно на психический характер такого воздействия, даже воздействие субъекта на мертвую среду характеризуется теми превращениями энергии и перемещениями материальных точек, которые субъект производит ввиду какой-либо цели; тот же психический характер его воздействия, разумеется, обнаруживается еще яснее в его отношении к живой человеческой среде.

Итак, нисколько не отрицая механического воздействия человека на среду, я думаю, что оно не представляет самостоятельного интереса для историка; в качестве историка ученый специально интересуется психическим воздействием индивидуальности на среду; но психическое воздействие индивидуальности характеризуется воздействием ее сознания на среду, и оно всего лучше обнаруживается в ее воздействии на одушевленную же общественную среду; значит, можно прийти к заключению, что под историческим фактом в наиболее характерном, специфическом его смысле, следует преимущественно понимать воздействие данной индивидуальности на среду, в особенности на общественную среду.

Предложенная формула для правильного ее понимания нуждается, однако, в некоторых дополнительных разъяснениях.

Следует заметить прежде всего, что под понятием «индивидуальности» можно понимать и коллективное лицо, поскольку оно в каком-либо отношении может быть представлено в виде индивидуальности;

значит, под «индивидуальностью» в вышеприведенной формуле можно разуметь и все человечество, поскольку оно в качестве носителя сознания воздействует на окружающую его среду, а его воздействие признавать главным историческим фактом, обнимающим все остальные. В зависимости от того более или менее широкого значения, какое историк приписывает тому же термину, например, смотря по тому, будет ли он разуметь под индивидуальностью — группу народов, между собою родственных (или государств), или отдельный народ (или государство), или общественный слой, или город, или союз, или, наконец, отдельное физическое лицо, он может говорить о факте воздействия такой индивидуальности на среду в более или менее широком смысле.

Понятие среды можно также расширять или суживать в зависимости от его содержания: историк может говорить, например, о воздействии человечества на окружающую его среду вообще, или на мертвую, или на органическую, или на общественную среду в частности; о воздействии данного народа или государства на данную группу соседних народов или государств, о воздействии данного индивидуума на общество и т. п.

Понятию о самом воздействии индивидуальности на среду можно также придавать различные значения в зависимости от его содержания. Последнее может быть чрезвычайно разнообразным, но легко заметить, что историк обращает наибольшее внимание на волевое воздействие данной индивидуальности. В самом деле, всякое действие тем менее чисто механическое, чем в большей мере оно оказывается результатом психических, а не одних только физических факторов; но наиболее характерным в психическом отношении фактором действия должно признать волю; без воли и, в частности, без волевого решения нельзя представить себе и целесообразное действие, т. е. действие, сознательно направленное самим действующим субъектом к известной цели; вместе с тем наиболее непосредственное воздействие индивидуальности на среду имеет характер волевого воздействия. В «первобытных» обществах можно уже встретить людей, обладающих довольно резко очерченной индивидуальностью и воздействующих на своих соплеменников*. «Исторические деятели» обыкновенно также оказываются людьми, наделенными

* А. Vierkandt, *Führende Individuen bei den Naturvölkern* в *Zeit. für Socialwissenschaft*, Bd. IX (1908), SS. 542–553, 623–639.

сильною волей, благодаря которой они и бывают в состоянии с большей, чем другие, решительностью, настойчивостью и постоянством преследовать свою цель и таким образом воздействуют на общественную группу: достаточно припомнить имена хотя бы, например, Фемистокла, Юлия Цезаря, Лютера, Петра Великого, Фридриха Великого, Наполеона, Бисмарка и т. п. и приписываемое им значение в истории для того, чтобы прийти к заключению, что историк интересуется преимущественно волевым воздействием таких индивидуумов на данное целое, т. е. на ход истории*. В аналогичном смысле можно рассуждать, конечно, и о целом народе как о своего рода индивидуальности, воздействие которой на окружающие народы также находится в зависимости от степени волевого ее направления: историк обращает внимание, например, на ту силу воли, какую французы обнаружили в эпоху революции в борьбе против коалиции.

Впрочем, и факты с индивидуальным характером, в свою очередь могут оказывать подобного рода воздействие; но последнее все же сводится к воздействию коллективного лица (напр., войска) на среду; следовательно, и к явлениям подобного рода можно прилагать вышеуказанное построение: только объект его отличается большею сложностью.

Следует заметить, однако, что с точки зрения того понятия о факте, которое включает понятие о результате некоего действия, характеризующем изменение или, точнее, перемену, не само воздействие человеческого сознания на среду, а продукты такого воздействия и могут быть преимущественно названы историческими фактами.

Даже если называть наличность самого воздействия историческим фактом, все же нельзя рассматривать это воздействие вне его отношения к данному результату. В самом деле, не всякое воздействие индивидуума на среду признается историком заслуживающим названия исторического факта: мне уже выше приходилось указывать на то, что лишь факт, которому историк приписывает ценность, а также действительность, численность и длительность его последствий, получает в его глазах значение собственно исторического факта;

* Н. Кареев, *Сущность исторического процесса и роль личности в истории*, СПб., 1890 г.; здесь можно найти обзор мнений о подобного рода воздействиях и критический их разбор.

следовательно, уже с такой точки зрения историк, пользующийся термином «факт» в его узком специально-историческом смысле (факт из истории человечества), связывает его с понятием о некотором результате. Сверх того, такое воздействие ведь доступно чужому наблюдению только в его результатах. Следовательно, «factum» можно понимать и в смысле того, что кем-то сделано, т. е. не в смысле процесса его воздействия, а в смысле вызванного им результата. Само воздействие обнаруживается, конечно, в его результате; последний и становится обыкновенно доступным восприятию историка или, в громадном большинстве случаев, стороннего наблюдателя, по показанию которого историк судит о факте.

Предлагаемое несколько измененное понимание термина «исторический факт» удобно и в том отношении, что под него легко подвести понятия о продукте или о состоянии культуры: в своих исходных моментах они всегда не что иное, как результаты воздействия индивидуальности на среду.

Таким образом, легко объяснить, почему историк часто разумеет под фактом результат данного воздействия индивидуальности на среду в вышеустановленном его значении. Во всяком случае, такая спецификация содержания исторических представлений сама может также служить поводом для употребления термина «факт» в более узком смысле.

При выяснении понятия об историческом факте в вышеуказанном его значении следует еще принять во внимание, что его содержание может быть или сравнительно простым, или очень сложным.

В научном исследовании, разумеется, важно иметь дело с возможно более элементарными простейшими актами; но столь же важно не терять из виду характерных признаков собственно исторического факта, что и мешает полному его разложению на простейшие элементы, даже в случае, если бы это и было возможно. С такой точки зрения под простейшим историческим фактом можно разуметь самое элементарное, происходящее в данном пункте пространства и в данный момент времени, преимущественно психическое воздействие индивидуальности на один из элементов окружающей ее среды, в особенности общественной среды.

В большинстве случаев, однако, факты, изучаемые историком, оказываются не простейшими, а относительно весьма сложными. Каждый из них можно представить себе в виде целой системы воз-

действий данной индивидуальности на среду, объединенных единством цели, или даже их результат. Данное орудие есть, например, сложный факт, ибо оно есть результат целой системы воздействий его творца на данное вещество (положим, на кремень), объединенных единством цели, ввиду которой он и подверг его обработке. Субъект, в котором такая система воплощается, может быть или физическим, или коллективным лицом; отряд, который берет приступом крепость, систематически выполняет группу или ряд действий, результат которых, положим, состоит во взятии крепости: историк называет взятие крепости — фактом.

Впрочем, во многих случаях историк изучает не одну систему таких воздействий, а производную систему воздействий, которую он представляет себе образованной, по крайней мере, из двух более простых систем воздействий. Субъект, в деятельности которого каждая из них воплощается, находится в противодействии или взаимодействии с другим и т. п. и может мыслиться или в единичном, или в собирательном смысле. Сражение представляется, например, историком такой именно производной системой воздействий: каждая из враждебных сторон (субъектов в собирательном смысле) совершает ряд воздействий, направленных на противника. В случаях подобного рода можно или говорить о сложном воздействии (т. е. о системе воздействий) на среду, в частности разумея под нею и того, на кого подобного рода воздействие направлено (например, на противника), или представлять себе систему воздействий, которые субъекты оказывают друг на друга (например, самое сражение), своего рода воздействием противодействующих групп субъектов, находящихся во взаимодействии на среду, т. е. на соответствующие народы, или государства, представителями которых сражающиеся оказываются, или на совокупность народов или государств, частями которых можно считать вышеназванные народы или государства, и т. п.

Следует иметь в виду, однако, что историк, даже тот, который придерживается идиографической точки зрения, не может ограничиться исключительно тем пониманием исторического факта, которое предложено в предшествующих рассуждениях; нельзя забывать, что он пользуется понятием об историческом факте и в относительно-обобщающем смысле.

В самом деле, понятие о воздействии индивидуальности на среду уже предполагает и понятие о влиянии среды: человеческая личность

слагается в общественной среде и не может воздействовать на нее без ее содействия, на что уже было указано выше. Вместе с тем историческое изучение преимущественно психического воздействия данной индивидуальности на среду тесно связано с изучением распространения такого воздействия в той же (или более широкой) среде; припомнив, что историк понимает под историческим значением факта (его действительность и пр.), можно сказать, что последнее находится в прямом отношении к сфере данного воздействия (или к его результату).

С такой точки зрения под вышеуказанное понятие об историческом факте можно подвести факты, которые представляются нам повторяющимися в пространстве и даже во времени. В самом деле, положим, что изобретение, сделанное данным лицом, распространяется в данном обществе или передается последующим поколениям путем внушения, подражания, авторитета и т. п.; но такой факт есть все же факт воздействия изобретателя на среду: сила его обнаруживается в объеме его действия. Само собою разумеется, что в случаях подобного рода историк прибегает к обобщению, поскольку он, например, изучает степень всеобщего увлечения данного общества этим изобретением; но с идиографической точки зрения он пользуется обобщением, главным образом, лишь для того, чтобы судить об историческом значении (в частности, силе) индивидуального воздействия по объему его действия, о культуре, характеризующей данную социальную группу или ее развитие в отличие от других и т. п. В известном смысле историк может даже самое распространение или передачу данного изобретения (а не другого) в данной сфере признать индивидуальным фактом. Если иметь в виду, что термин «изобретение» можно понимать в очень широком смысле, то и вышеприведенное рассуждение получит широкое применение. Само собою разумеется, что в тех случаях, когда изобретение одного субъекта путем подражания и других способов воспроизводится другими субъектами с изменениями, зависящими от индивидуальных свойств воспроизводителя, повторение его может оказаться в значительной мере фиктивным.

Следует заметить, однако, что историк изучает данное целое в реальном его отношении к частям; с такой точки зрения он также пользуется понятием о действии среды на индивидуальность. Действительно, историк не может построить цельный исторический

процесс из одних только фактов воздействия индивидуальности на среду: для его построения он должен поставить их в связь с фактами действия среды на индивидуальность, т. е. принять во внимание взаимодействие между ними: пренебрегая им, он не объяснит влияния, оказанного на деятеля данным состоянием культуры и, значит, не усмотрит непрерывности изучаемого им исторического процесса, так как не будет в состоянии из отдельно взятых индивидуальных воздействий построить непрерывную эволюционную серию. Итак, ввиду того, что деятельность индивидуальности, а тем более преемственная деятельность нескольких индивидуальностей (единичных или коллективных) развертывается в известной зависимости от окружающей их среды, историк-идиограф также принимает во внимание факт ее действия: но он пользуется таким понятием об историческом факте в смысле действия некоего целого, т. е. среды, в особенности общественной среды на ее часть, т. е. на данного деятеля, или на преемственную деятельность нескольких деятелей, в каком бы смысле каждый из них ни понимался.

С такой же точки зрения историк может представить себе и воздействие индивидуальности на среду как воздействие части на то целое, к которому она принадлежит; но и в последнем случае он изучает, главным образом, факты воздействия данной индивидуальности или данного «я» на ту общественную группу, членом которой оно оказывается, и, конечно, имеет в виду преимущественно такие его воздействия на «чужие я», которые вызывают в психике совокупной их группы изменения, имеющие историческое значение.

Впрочем, кроме исторического факта, можно было бы указать и на другие еще более сложные объекты исторического познания: всякий исторический процесс образования более или менее значительного целого, тесно связанный с процессом взаимодействия между средою и индивидуумом, т. е. с чередованием между действием среды на индивидуума и воздействием индивидуальности на среду, может служить таким объектом. В числе объектов своего изучения историк признает, например, «историю народа», т. е. процесс образования данной народности с характеризующей ее культурой, — одним из главнейших; но, говоря о процессе подобного рода, историк, в сущности, понимает под ним конкретно данный процесс образования некоей индивидуальности: в понятие о постепенной ее «индивидуации» или обособлении от окружающей ее среды он уже включает те по-

нения об индивидуальном ее воздействии на среду и о действии среды на ее деятельность, которые были выяснены в предшествующих рассуждениях. Понимание такого объекта зависит, конечно, и от многих других понятий; едва ли не главнейшее из них состоит в понятии о том реальном отношении, в каком «история народа» находится к самому главному из объектов исторического изучения — к истории человечества; на выяснении ее нельзя не остановиться: она представляет такие особенности исторического объекта, которые еще не были рассмотрены выше.

Глава третья. Главный объект исторической науки

Вообще, можно сказать, что историк интересуется целостною «действительностью» или целокупностью исторических фактов, связанных между собою, а не разрозненными или оторванными друг от друга обломками действительности*.

В самом деле, приступая к изучению действительности с идиографической точки зрения, историк, в сущности, представляет себе ее как бы в виде единого целого, которое вмещает в себя все ее части, связанные между собою, в котором каждая из них находит свое положение; тогда он может представить себе и исторические факты

* В трактатах, посвященных рассуждениям о «философии истории», можно найти немало соображений касательно понятия об историческом целом, хотя бы и под другими названиями; но термин «философия истории» употребляется в слишком различных смыслах: и в смысле рассуждений о провиденциальном плане истории человечества (Боссюэт и др.) или о таком же «воспитании» человечества (Лессинг и др.); или в смысле метафизической концепции мирового развития в идеалистическом или в материалистическом духе, т. е. в смысле «диалектического» развития (раскрытия) единого абсолютного духа (Гегель и др.) или чисто механического процесса (Маркс и др.); или в смысле телеологического построения общего плана истории (Конт); в новейшее время под «философией истории» понимают и теорию исторического знания вместе с обсуждением «материальных проблем философии истории», т. е. выяснением тех факторов, которыми историческое развитие осуществляется, и его значения (Бернгейм) или «планомерное рассмотрение действительной истории, т. е. рассмотрение ее с точки зрения заранее выбранных руководящей идеи и объединяющего принципа» (Кареев) и т. п. См. *R. Flint*, *Philosophy of history in France and Germany*, Edinb. and Lond., 1874 (франц. пер. L. Carrau в 1878 г. в 2-х тт.); *Н. Кареев*, *Основные вопросы философии истории*, М., 1883 г. 2 тт. (новые издания 1887 и 1897 гг.); *P. Barth*, *Die Philosophie der Geschichte als Sociologie*, I-r. Theil, Lpz., 1897 г. *E. Bernheim*, *Lehrbuch*. Kap. V, § 5; рус. пер. этого отдела (гл. V, § 5) А. Рождественского, М., 1910 г.

или целые группы и серии их как бы в виде более или менее значительных частей единой совокупности, в которой они и располагаются.

С такой точки зрения только мировое целое, единое и единичное, представляется в полной мере действительностью, каждая из частей которой лишь искусственно может быть извлекаема из реального его единства для научного ее рассмотрения. Следовательно, историк, научно строящий действительность, должен стремиться к образованию понятия о ней как о таком целом; он изучает его в соотношении его частей и в совокупности заключающихся в нем исторических фактов.

Впрочем, понятие о мировом целом — предельное: даже в том случае, если ученый принимается за исследование с обобщающей точки зрения, он не должен забывать, что имеет дело только с частью или частичкою действительности; тем менее может историк упускать из виду подобного рода ограничения, научно строя историю в идиографическом смысле. Понятие о мировом целом, кроме того, стоит слишком далеко от собственно исторических исследований; историк понимает объект своего специального изучения в более узком смысле: ему достаточно принять во внимание такой объект, который мог бы включить совокупность исторических фактов в вышеустановленном их значении. С последней точки зрения историк-специалист рассуждает не о мире как о целом, и не о воздействии на него каждой его части, а ограничивает объект своего изучения именно тою индивидуальною частью мирового целого, которая преимущественно известна ему как носительница сознания, воздействующая в качестве таковой на мировое целое и в зависимости от него действующая.

Само собою разумеется, однако, что историк может представить себе эту часть и в виде относительного, исторического целого, понятие о котором уже было затронуто выше*.

Действительно, он признает главным объектом собственно исторического познания содержание своего понятия об историческом целом, под условием которого он только и может установить историческое значение каждого отдельно взятого факта, группы, серии, народа и т. п. в надлежащей полноте; но такое содержание он, в сущности, может свести к истории человечества.

* См. выше отд. II, гл. 2, § 4.

Вообще, рассуждая об истории человечества, историк прежде всего характеризует его некоторым реальным единством его состава: человечество состоит из индивидуальностей, способных сообща сознавать абсолютные ценности, что и может объединять всех; по мере объединения своего сознания человечество все более становится «великой индивидуальностью»; она стремится опознать систему абсолютных ценностей и осуществить ее в истории, воздействуя таким образом и на тот универсум, частью которого она оказывается; такое воздействие предполагает, однако, наличность цели, общей для всех по своему значению, существование общей воли и проявление объединенной и организованной деятельности членов целого, создающих культуру человечества, разумеется, в зависимости от той мировой среды, в которой им приходится действовать.

Понятие об историческом целом строится, однако, преимущественно с эволюционной точки зрения; значит, оно получает и соответствующее содержание в истории человечества. Человечество, более или менее полно представляемое одним или многими народами, оказывается субъектом индивидуальной эволюции, совмещающей в себе и те единичные события, которые оказали влияние на общий ход его развития, и те отдельные исторические группы и серии, из которых оно складывается. В самом деле, пристально всматриваясь в историю человечества, историк замечает все более и более возрастающую взаимозависимость между ее частями: он все менее способен понять историю, например, вне ее зависимости от ряда событий, положим, от тех открытий и изобретений, движений народных масс и переселений, реформ, сражений и т. п. фактов, которые оказывают все большее влияние на целую совокупность народов, т. е. на дальнейший ход их развития: мысленно переходя от предшествующего периода в истории человечества к последующему ее периоду, он все менее в состоянии изучать один без другого, историю одного народа вне ее связи с историей другого народа, историю его культуры вне ее отношения к культурным влияниям других народов и т. п.

Вместе с тем субъект такой эволюции, взятый в одном из своих состояний, представляется частью того эволюционного целого, которое образуется из их ряда и осуществляется в историческом развитии; значит, историк может рассуждать и о воздействии этой части, взятой во времени, на осуществление исторического целого, а через него и на универсум, с которым оно находится во взаимодействии.

Таким образом, историк восходит к тому понятию об объекте исторического познания, которое можно назвать «историей человечества»: несколько не устранив рассмотренных выше понятий об изменении или историческом факте, об истории народа и т. д., оно, напротив, предполагает их, только подвергая их дальнейшей индивидуализации.

В самом деле, понятие об истории человечества, конечно, включает понятие об изменении в том его значении, какое оно получает благодаря применению к его построению принципа признания чужой одушевленности: ведь развитие человечества есть индивидуальный ряд изменений, состоящих прежде всего в конструируемом нами процессе постепенно возрастающего единства человеческого сознания в коллективном субъекте — человечестве, благодаря которому оно и приобретает все большее историческое значение. Понятие об истории человечества включает также и понятие о собственно «историческом» факте: ведь всякое целое можно мыслить состоящим из частей, а реальное отношение части к целому — и в виде ее воздействия на целое; таким образом строя наше понятие об историческом объекте, можно сказать, что оно преимущественно состоит в понятии о воздействии части на то историческое целое, к которому она принадлежит; и каково бы ни было конкретное содержание нашего понятия о части, будет ли оно, например, отождествляться с понятием о данной исторической личности или о целом народе и т. п., самый акт воздействия такой индивидуальности на целое, в зависимости от которого она действует, да и результат такого взаимодействия есть уже исторический факт.

Развитие человечества представляется нам, однако, не разрозненными историческими фактами, и даже не группами или сериями их, а единым непрерывным процессом, звенья которого связаны изнутри, т. е. образуются не в одной только зависимости от внешнего воздействия такой индивидуальности на окружающую ее среду или от действия на нее среды: человечество является, конечно, индивидуальной частью, все более сознательно воздействующей на мировое целое; но вместе с тем, взятое в одном из временных состояний своей культуры, оно же становится частью, образующей все с большею сознательностью и то историческое целое, которое, по содержанию своему, оказывается историей человечества и получает принципальное свое значение в его взаимодействии с мировым целым.

КОММЕНТАРИИ

- ¹ Дивинация — искусство и дар гадания, вера в способность людей предсказывать будущее посредством возбужденной божественной силы и узнавать волю богов, не пользуясь рациональным рассуждением.
- ² *Лобачевский* Николай Иванович (1792–1856) — русский математик, создатель неевклидовой геометрии.
- ³ *Риман* (Riemann) Бернхард (1826–1866) — немецкий математик, основоположник геометрического направления в теории аналитических функций, сформулировал ряд основных идей топологии, ввел понятие «римановы пространства» и разработал их теорию, рассматривал геометрию как учение о непрерывных совокупностях однородных объектов.
- ⁴ *Пуанкаре* (Poincaré) Жюль Анри (1853–1912) — французский математик, физик, философ; разрабатывал проблему происхождения научных принципов; создал теорию конвенционализма как основания математики; строго разграничивал теорию и гипотезу, чему посвятил работу «Наука и гипотеза» (на рус. яз.: СПб., 1906), на которую ссылается Лаппо-Данилевский.
- ⁵ *Рассел* (Russell) Бертран (1872–1970) — английский математик, логик, социолог и философ.
- ⁶ *Гельмгольц* (Helmholtz) Герман Людвиг Фердинанд (1821–1894) — немецкий ученый, автор трудов по физике, биофизике, физиологии, психологии.
- ⁷ *Герц* (Hertz) Генрих Рудольф (1857–1894) — немецкий физик, один из основоположников электродинамики.
- ⁸ *Мах* (Mach) Эрнст (1836–1916) — австрийский физик, философ, один из основоположников эмпириокритицизма (махизма).
- ⁹ *Оствальд* (Ostwald) Вильгельм Фридрих (1853–1932) — немецкий ученый, один из основателей физической химии; с его именем связано становление науковедения (основал серию «Классики точных наук»), лауреат Нобелевской премии (1909).
- ¹⁰ *Дюбуа-Реймон* (Du Bois Reymond) Эмиль Генрих (1818–1896) — немецкий физиолог, философ, один из основоположников электрофизиологии.
- ¹¹ *Бернар* (Bernard) Клод (1813–1878) — французский физиолог, один из основоположников эндокринологии и экспериментальной медицины.
- ¹² *Ламп्रेхт* (Lamprecht) Карл (1856–1915) — немецкий историк, автор двенадцатитомной «Истории Германии» (1891–1909), критиковал Ранке с либерально-позитивистских позиций.
- ¹³ *Теннис* (Tönnies) Фердинанд (1855–1936) — немецкий социолог, один из родоначальников профессиональной социологии в Германии, главный труд — «Общность и общество» (1887).

- ¹⁴ Вероятно, имеется в виду Барт (Barth) Теодор (1849–?) — германский политический деятель, адвокат в Бремене; в 1883 г. основал в Берлине еженедельный политический журнал свободомыслящего направления «Die Nation».
- ¹⁵ *Мейер* (Meyer) Эдуард (1855–1930) — немецкий историк, автор пятитомной «Истории древности» (синхронизированное изложение событий древней истории) и ряда других трудов по истории древнего мира.
- ¹⁶ *Бернгейм* (Bernheim) Эрнст (1850–1942) — немецкий историк, автор труда «Lehrbuch der historischen Methode».
- ¹⁷ *Белов* (Below) Георг фон (1858–1927) — немецкий историк; сторонник индивидуализирующего направления, критиковавший Бернгейма; автор трудов по экономической истории средневековой Германии.
- ¹⁸ Заранее сложившиеся или «врожденные» понятия.
- ¹⁹ Collège de France — созданное в XVI в. учебное заведение, призванное противостоять Сорбонне своим духом свободного исследования.
- ²⁰ *Дону* (Daupou) Пьер Клод Франсуа (1761–1840) — французский историк и политический деятель.
- ²¹ *Мишле* (Мишле, Michelet) Жюль (1798–1874) — французский историк, автор 17-томной «Истории Франции» (1833–1867), 7-томной «Истории Французской революции» (1847–1853).
- ²² *Моно* (Monod) Габриэль (1844–1912) — французский историк-медиевист, автор трудов по источниковедению и историографии.
- ²³ *Шульте* (Schulte) Иоганн Фридрих (1827–?) — немецкий канонист, профессор в Бонне, с 1871 г. один из лидеров старокатоликов. Основные труды: «Lehrbuch des katholischen und evangelischen Kirchenrechts», «Die Macht der römischen Papste», «Lehrbuch der deutschen Reichs und Rechtsgeschichte», «Geschichte der Quellen und Litteratur des kanonischen Rechts» (1875–1880).
- ²⁴ *Ланглуа* (Langlois) Шарль Виктор (1863–1929) — французский историк-медиевист.
- ²⁵ *Симонсфельд* (Simonsfeld) Генрих (1852–?) — немецкий историк, профессор Мюнхенского университета.
- ²⁶ Нумизматика — вспомогательная историческая дисциплина, изучающая монеты и их комплексы как исторический источник.
- ²⁷ Дипломатика — вспомогательная историческая дисциплина, изучающая источники актового характера (договоры, завещания и т. п.). Методом дипломатики является изучение формуляра документа — устойчивых принципов построения его текста.

- ²⁸ Школа высших исследований была создана в Сорбонне в связи с проведением реформы высшего образования в 1864 г. Школа имела отделения истории и философии, и в ее задачу входила подготовка молодых специалистов к оригинальным исследованиям в этих областях.
- ²⁹ Школа Хартий была создана в Париже в 1821 г. для подготовки архивистов и библиотекарей, способных работать с документами по истории средневековой Франции. Она сыграла огромную роль в развитии палеографии, дипломатики и других вспомогательных исторических дисциплин, в изучении исторических источников, прежде всего — неопубликованных. Школа Хартий существует во Франции и по сей день.
- ³⁰ *Сеньобос* (Seignobos) Шарль (1854–1942) — французский историк, профессор Сорбонны.
- ³¹ *Цицерон* (Marcus Tullius Cicero) Марк Туллий (106–43 до н. э.) — римский политический деятель, оратор, писатель.
- ³² *Лукиан* (ок. 120 — ок. 190) — древнегреческий писатель, автор сатирических произведений.
- ³³ *Фукидид* (ок. 460–400 до н. э.) — греческий историк, автор «Истории» (в 8-ми книгах), посвященной Пелопоннесской войне.
- ³⁴ Сила толкования (*греч.*).
- ³⁵ *Понтан* (Понтано, Pontano) Джованни (1426 или 1429–1503) — итальянский поэт, философ-гуманист.
- ³⁶ Беспристрастное и доступное описание событий, требующихся для объяснения вещей (*лат.*).
- ³⁷ *Фосс* (Фоссиус Voss, Vossius) Гергард Иоганн (1577–1649) — голландский ученый, автор трудов по классической филологии, поэтике, риторике, истории.
- ³⁸ [Не следует] ни позволять себе говорить то, чего не было, ни умалчивать о том, чего не было (*лат.*).
- ³⁹ История (*греч.*).
- ⁴⁰ Вероятно, имеется в виду Рапен-Тюаре (Rapin-Thoyrais) Поль де (1661–1723) — французский историк, автор «Histoire d'Angleterre» (1724).
- ⁴¹ *Даламбер* (Д'Аламбер, D'Alembert) Жан Лерон (1717–1783) — французский математик, механик, философ-просветитель, вместе с Дидро редактировал «Энциклопедию наук, искусств и ремесел»; автор трудов по математическому анализу, теории дифференциальных уравнений, алгебре.
- ⁴² *Боден* (Bodin Jean; Vodinius Johanus) Жан (1529/1530–1596) — французский писатель, мыслитель, государственный деятель эпохи Возрождения.

- ⁴³ *Бодуэн* (*фр.* Baudouin, *лат.* Balduinus) Франсуа (1520–1573) — французский юрист, теолог и историк.
- ⁴⁴ *Вольтер* (наст. имя и фам. Франсуа Мари Аруэ [Arouet]) (1694–1778) — французский писатель, философ-просветитель.
- ⁴⁵ Вероятно, имеется в виду Вегелин Яков (1721–1791) — историк, автор работ по философии истории: на французском языке «Histoire Universelle» (3 тома, 1776); на немецком языке «Briefe über den Werth der Geschichte» (1783).
- ⁴⁶ *Гердер* (Herder) Иоганн Готфрид (1744–1803) — немецкий философ, автор четырехтомного трактата «Идеи к философии истории человечества» (1784–1991).
- ⁴⁷ *Мабильон* (Мабийон, Mabillon) Жан (1632–1707) — французский историк, бенедиктинец, основатель дипломатики и палеографии; осуществил многотомную публикацию источников по истории ордена бенедиктинцев.
- ⁴⁸ *Конринг* (*нем.* Conring, *лат.* Conringius) Герман (1606–1681) — немецкий государствовед, историк и врач, профессор политики и медицины в Гельмштедте, один из создателей науки о государстве (статистики), основатель истории германского права, автор труда «De origine juris germanici» (1643).
- ⁴⁹ *Ленгле-Дюфренуа* (Lenglet Du Fresnoy) Николя (1674–1755) — французский дипломат и историк; несколько раз подвергался тюремному заключению. В своей книге «О пользе романов» (1734) указывал на их преимущества перед историей в способности проникать в жизнь людей.
- ⁵⁰ *Мабли* (Mably) Габриэль Бонно де (1709–1785) — французский историк, автор работ: «Об изучении истории», «О том, как писать историю».
- ⁵¹ *Сен-Реаль* (Saint Réal de) Сезар Вишар де (1639–1692) — аббат, французский историк.
- ⁵² *Тэн* (Taine) Ипполит (1828–1893) — французский философ, социолог искусства, историк, основоположник культурно-исторической школы, автор трудов: «История английской литературы» (4 тома, 1863–1864); «Философия искусства» (1865–1869), «Происхождение современной Франции» (6 томов, 1876–1894). *Faculté maitresse* — главное свойство (*фр.*).
- ⁵³ *Шлёцер* (Schlözer) Август Людвиг (1735–1809) — немецкий историк, филолог, статистик-государствовед, на российской службе в 1761–1767 гг., автор работ по русской истории, истории летописания.
- ⁵⁴ *Гаттерер* (Gatterer) Иоганн (1727–1799) — немецкий историк, автор учебников по геральдике и генеалогии.
- ⁵⁵ *Ваксмут* (Wachsmuth) Эрнст Вильгельм Готлиб (1784–1866) — немецкий историк, находился под влиянием Канта, в 1820 г. опубликовал «Опыт

- теории истории»; автор трудов: «Europäische Sittengeschichte» (1831–1839), «Zeitalter der Revolution» (1847–1848), «Geschichte der deutschen Nationalität» (1860–1862).
- ⁵⁶ *Кант* Иммануил (1724–1804) — основоположник немецкой классической философии, жил в Кёнигсберге; автор трактатов: «Критика чистого разума» (1781), «Критика практического разума» (1788), «Критика способности суждения» (1790); основная идея эпистемологии Канта: условие познания — общезначимые априорные формы, категории «чистого разума», упорядочивающие данные ощущений, эмпирического опыта.
- ⁵⁷ В историософском эссе «Идеи всеобщей истории человечества во всемирно-гражданском плане» (1784) И. Кант разработал телеологическую теорию истории человечества, основанную на аксиоме необходимости обеспечения развития человеческого разума.
- ⁵⁸ *Кюзен* (Cousin) Виктор (1792–1867) — французский философ, считал задачей философии критический отбор истин из разных философских систем на основе «здорового смысла», переводил и издавал классические философские труды.
- ⁵⁹ *Лизо* (Guizot) Франсуа (1787–1874) — французский историк, автор трудов по истории Франции.
- ⁶⁰ Максимы [изречения], отступления и т. д. (*фр.*)
- ⁶¹ *Геродот* (между 490 и 480 — ок. 425 до н. э.) — древнегреческий историк, получил прозвание «отец истории». Автор труда «История», описывающего греко-персидские войны.
- ⁶² *Декарт* (Картезий, Cartesius) Рене (1596–1650) — французский философ, математик, естествоиспытатель, один из основоположников философии Нового времени, с его работами «Рассуждение о методе...» (1637), «О началах первой философии» (1642) связывают эпистемологический поворот в философии.
- ⁶³ *Лейбниц* Готфрид Вильгельм (1646–1716) — немецкий философ, математик, физик. Автор трудов: «Монадология» (1714), «Теодиция» (1710), «Новые опыты о человеческом разуме» (1704). Обосновал концепцию, в соответствии с которой мир состоит из бесчисленных психических деятельных субстанций — монад, находящихся друг с другом в отношении предустановленной гармонии; в духе рационализма развил учение о прирожденной способности ума к познанию высших категорий бытия и всеобщих необходимых истин логики и математики; один из создателей дифференциального и интегрального исчисления.
- ⁶⁴ *Хладений* (Хладениус, Chladenius) Иоганн Мартин (1710–1759) — немецкий философ, герменевтик. Распространил принципы герменевтики на историческое познание.

- ⁶⁵ *Гервинус* (Gervinus) Георг Готфрид (1805–1871) — немецкий историк либерального направления, автор трудов по истории Европы 1815–1848 гг.
- ⁶⁶ *Дройзен* (Droysen) Иоганн Густав (1808–1884) — немецкий историк, ввел в историографию понятие «эллинизм». Автор труда «История эллинизма», курса лекций «Энциклопедия и методология истории», изданного вместе с другими работами Дройзена под общим названием «Историка».
- ⁶⁷ *Вольф* (Wolff) Христиан (Кристиан) (1679–1754) — немецкий философ, представитель рационализма, популяризатор и систематизатор идей Г. Лейбница.
- ⁶⁸ Речь идет о Хладениусе.
- ⁶⁹ Частные письма, государственные законы, писатель, монументы (*нем.*).
- ⁷⁰ *Гегель* Георг Вильгельм Фридрих (1770–1831) — немецкий философ, создатель теории диалектики; автор «Лекций по философии истории».
- ⁷¹ *Гумбольдт* Вильгельм (1767–1835) — немецкий философ, филолог, языковед, государственный деятель, дипломат, представитель немецкого гуманизма, старший брат известного естествоиспытателя Александра Гумбольдта. Осуществил реформу гимназического образования в Пруссии, основал Берлинский университет (1809); создал учение о языке как «формирующем органе мысли» и о «внутренней форме» языка как выражении национального мирозерцания.
- ⁷² *Шуппе* (Schuppe) Вильгельм (1836–1913) — немецкий философ, профессор в Грейфсвальде (1873–1910), представитель имманентной философии; в качестве основания философии признавал опытно устанавливаемое «Я», содержание сознания которого есть «действительность» (познаваемая реальность).
- ⁷³ *Вундт* (Wundt) Вильгельм (1832–1920) — немецкий психолог, физиолог, философ; один из основоположников экспериментальной психологии. Автор 10-томного труда по этнопсихологии «Психология народов».
- ⁷⁴ *Сигварт* (Зигварт, Sigwart) Христоф (1830–1904) — немецкий философ неокантианского направления, логик. Автор «Логики» (1873–1878); находит основания логики в психологии.
- ⁷⁵ Телеология (от *греч.* telos — завершение, цель; teleos — достигший цели и logos — учение) — учение о целесообразности как характеристике отдельных объектов или процессов; термин введен немецким философом Вольфом в 1740 г.
- ⁷⁶ *Джевонс* (Jevons) Уильям Стэнли (1835–1882) — английский логик, экономист, статистик; основатель математической школы политэкономии, создатель теории стоимости на основе «предельной полезности» товара.
- ⁷⁷ Вероятно, имеется в виду Бурдо (Bourdeau) Луи (1824–1900) — французский философ.

- ⁷⁸ *Фримэн* (Фриман, Freeman) Эдуард (1823–1892) — английский историк, профессор новой истории в Оксфордском университете. Автор работ по истории Англии, истории Европы, а также труда «Methods of historical study» (1886).
- ⁷⁹ *Кареев* Николай Иванович (1850–1931) — русский историк, позитивист, автор трудов по истории Франции, курса новой истории Западной Европы, трудов по теории и методологии истории, в т. ч. «Историка (Теория исторического знания)» (Пг., 1916).
- ⁸⁰ *Конт* Огюст (1798–1857) — французский философ, основоположник позитивизма и социологии; сформулировал закон трех стадий развития человеческого разума, разработал классификацию наук (по степени уменьшения их абстрактности), на вершине которой «социальная физика». Автор «Курса позитивной философии» (т. 1–6, 1830–1842), «Системы позитивной политики» (т. 1–4, 1851–1854).
- ⁸¹ *Милль* Джон Стюарт (1806–1873) — английский философ, основоположник английского позитивизма, экономист. Автор трудов: 20-томного трактата «Основания политической экономии» (1848), 2-томной «Системы логики» (1843). Разработал индуктивную логику, которую рассматривал как общенаучную методологию.
- ⁸² *Виндельбанд* (Windelband) Вильгельм (1848–1915) — немецкий философ, глава баденской школы неокантианства, разделял науки на номотетические и идиографические. Автор трудов по истории философии.
- ⁸³ *Риккерт* (Rickert) Генрих (1863–1936) — немецкий философ, один из основателей баденской школы неокантианства. Рассматривал философию как учение о ценностях, вслед за Виндельбандом противопоставлял метод (логику) естественных наук как номотетический методу исторических наук как идиографическому.
- ⁸⁴ *Брейзиг* (Breysig) Курт (1866–1940) — немецкий философ, социолог, историк, специалист в области философии истории, профессор в Берлине (1896–1934). Автор трудов: «Die Geschichte der Seele» (1931), «Naturgeschichte und Menschheitsgeschichte» (1933), «Der Werdegang der Menschheit vom Naturgeschehen zum Geistesgeschehen» (1934).
- ⁸⁵ *Лакомб* (Lacombe) Поль (1833–1919) — французский историк; по философским взглядам близок Тэню, стремился превратить историю в точную науку. Автор трудов: «De l'histoire considérée comme science» (1894), «La guerre et l'honneur» (1900), «Taine, historien et soziologue» (1909).
- ⁸⁶ Произведения духа (нем.).
- ⁸⁷ Аксиология — учение о ценностях, аксиологический — определяемый с точки зрения отнесения к ценностям.

- ⁸⁸ Ланглуа (см. комм. 24) и Сеньобос (см. комм. 30) в совместной работе «Введение в изучение истории» (русский перевод, СПб., 1899) изложили основные принципы методологии исторического познания, уделили особое внимание критике исторических источников.
- ⁸⁹ *Линднер* (Lindner) Теодор (1843–1919) — немецкий историк; профессор в Бреславле, Мюнстере, Галле. Автор трудов: «Geschichte des deutschen Reichs unter König Wenzel» (1875–1880), «Deutsche Geschichte unter den Habsburgern und Luxemburgern» (1890–1893).
- ⁹⁰ *Щенкин* Евгений Николаевич (1860–1920) — русский историк, профессор Новороссийского университета (Одесса). Автор трудов по русскому летописанию, древнерусскому денежному счету, внешней политике XVIII в., историографии.
- ⁹¹ *Ксенополь* (Ксенопол, Xenopol) Александру (1847–1920) — румынский историк. Автор труда «Главные принципы истории», работ по истории румын.
- ⁹² *Спенсер* Герберт (1820–1903) — английский философ, социолог, один из основоположников позитивизма; основоположник «органической школы» в социологии; идеолог либерализма. Автор труда «Система синтетической философии» (1862–1896).
- ⁹³ *Бентам* (Bentham) Джордж (1800–1884) — английский ботаник, автор трудов: «Labiatarum genera et species» (1832–1836); «Handbook of the British Flora» (1858 и 1865), «Genera plantarum ad exemplaria imprimis in herbariis Kewensibus servata definita» (в сотруднич. с Лукером, 3 тома, 1862–1883).
- ⁹⁴ *Ампер* (Ampère) Андре Мари (1775–1836) — французский физик, один из основоположников электродинамики.
- ⁹⁵ *Макиавелли* (Макьявелли, Machiavelli) Никколо (1469–1527) — итальянский политический мыслитель, сторонник сильного государства любыми средствами. Автор сочинений: «История Флоренции» (1520–1525); «Государь» (1513).
- ⁹⁶ *Боссюэт* (Боссюэ, Bossuet) Жак Бенин (1627–1704) — французский католический богослов, проповедник; сторонник провиденциализма и просвещенного абсолютизма. Автор трудов: «Рассуждение о всеобщей истории» (1681), «Политика, извлеченная из Священного Писания».
- ⁹⁷ *Вико* (Vico) Джамбаттиста (1668–1744) — итальянский философ; один из предшественников историзма. В трактате «Основания новой науки об общей природе наций» (1725) сформулировал стадиальную теорию развития наций.

- ⁹⁸ *Монтескье* (Монтескьё, Montesquieu) Шарль Луи (1689–1755) — французский просветитель, философ, правовед. Автор трактата «О духе законов» (1748), в котором обосновывал связь формы государственного устройства и общественной жизни с природными условиями.
- ⁹⁹ *Карл Великий* (742–814) — король франков (с 768), из династии Каролингов; создатель империи, распавшейся после его смерти.
- ¹⁰⁰ *Людовик XIII* (Louis XIII) Справедливый (1601–1643) — король Франции из династии Бурбонов, сын Генриха IV и Марии Медичи.
- ¹⁰¹ *Геерен* (Heeren) Арнольд Герман Людвиг (1760–1842) — немецкий историк; профессор философии и истории в Гёттингенском университете. Автор труда «Ideen über Politik, den Verkehr und den Handel der vornehmsten Völker der alten Welt» (1824–1826). Разработал проблему изучения торговых сношений древних народов, для понимания их государственного строя и гражданского быта.
- ¹⁰² *Юм* (Hume) Дэвид (1711–1776) — английский философ, историк, экономист; считал чувственный опыт единственным источником знания. Автор работ: «Трактат о человеческой природе» (3 тома, 1739–1740) «История Великобритании» (6 томов, 1754–1762).
- ¹⁰³ *Тюрго* (Turgot) Анн Робер Жак (1727–1781) — французский государственный деятель, философ-просветитель, экономист. Автор рационалистической теории общественного прогресса.
- ¹⁰⁴ *Кондорсэ* (Кондорсе, Condorcet) Жан Антуан Никола (1743–1794) — французский философ-просветитель, математик, социолог, политический деятель; сотрудничал в «Энциклопедии» Д. Дидро и Ж. Л. Д'Аламбера. Автор труда «Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума» (1794).
- ¹⁰⁵ *Лаплас* (Laplace) Пьер Симон (1749–1827) — французский астроном, математик, физик. Автор трудов: «Аналитическая теория вероятностей» (1812), «Трактат о небесной механике» (5 томов, 1798–1825). Предложил космогоническую гипотезу (1796) — гипотеза Лапласа.
- ¹⁰⁶ *Гаусс* (Gauss) Карл Фридрих (1777–1855) — немецкий математик, автор трудов по теории чисел, дифференциальной геометрии, математической физике, теории электричества и магнетизма, оптике, геодезии, астрономии.
- ¹⁰⁷ *Вольты* (Volta) Алессандро (1745–1827) — итальянский физик, физиолог; один из основоположников учения об электричестве.
- ¹⁰⁸ *Дэви* (Дэйви, Davy) Гемфри (1778–1829) — английский химик и физик, один из основоположников электрохимии.
- ¹⁰⁹ *Берталле* (Berthollet) Клод Луи (1748–1822) — французский химик.

- ¹¹⁰ *Биша* (Bichat) Мари Франсуа Ксавье (1771–1802) — французский врач, один из основоположников патологоанатомии и гистологии.
- ¹¹¹ *Кювье* (Cuvier) Жорж (1769–1832) — французский зоолог, автор трудов по сравнительной анатомии, палеонтологии, систематике животных; автор метода реконструкции строения вымерших животных по фрагментам костей.
- ¹¹² *Ламарк* (Lamarck) Жан Батист (1744–1829) — французский естествоиспытатель; основоположник зоопсихологии; автор учения об эволюции живой природы (ламаркизм).
- ¹¹³ *Кабанис* (Cabanis) Пьер Жан Жорж (1757–1808) — французский философ, врач; считал, что мышление такой же продукт мозга как желчь — желчного пузыря.
- ¹¹⁴ *Зюсмилх* (Sussmilch) Иоганн Петр (1707–1767) — немецкий богослов, автор трудов по демографии; предмет исследований — естественное движение населения.
- ¹¹⁵ *Кетле* (Quetelet) Ламбер Адольф Жак (1796–1874) — бельгийский математик, астроном, социолог; один из основателей научной статистики; изучал движение населения.
- ¹¹⁶ *Бокль* (Buckle) Генри Томас (1821–1862) — английский историк, социолог позитивистского направления, представлял географическую школу в социологии. Автор труда «История цивилизации в Англии» (1857–1861).
- ¹¹⁷ *Страбон* (64/63 до н. э. — 23/24 н. э.) — древнегреческий географ и историк. Автор «Географии» (в 17 книгах) — свода географических знаний античности.
- ¹¹⁸ *Павсаний* (II в.) — древнегреческий писатель, автор труда об архитектуре, истории, мифологии и религии Греции «Описание Эллады».
- ¹¹⁹ *Мюнстер* (Münster) Себастьян (1489–1552) — монах-францисканец, немецкий ученый. Автор труда «Всеобщая космография» (1544), содержащего свод сведений по географии и биологии.
- ¹²⁰ *Варений* (Варениус, Varenius; Варен, Varen) Бернхардус (1622–1650?) — нидерландский географ; автор труда «Всеобщая география» (1650).
- ¹²¹ *Клювер* (Clüver) Филипп (1580–1623) — немецкий ученый, один из основоположников исторической географии; автор труда «Introductio in universam geographiam tam veterum quam novorum» (1-я публикация — 1629).
- ¹²² *Риттер* (Ritter) Карл (1779–1859) — немецкий географ, один из основоположников сравнительной географии. Автор труда «Землеведение» (19 томов, 1822–1859).

- ¹²³ *Блуменбах* (Blumenbach) Иоганн Фридрих (1752–1840) — немецкий анатом, антрополог; автор трудов по краниологии, классификации рас.
- ¹²⁴ *Брока* (Broca) Поль (1824–1880) — французский хирург; анатом, антрополог; основатель Антропологического общества в Париже (1859); автор трудов по сравнительной анатомии, антропологии, о населении Франции.
- ¹²⁵ *Юрбинар* (Jorinard) Поль (1830–?) — французский антрополог; последователь Поля Брока, был редактором журнала «Revue d'Anthropologie».
- ¹²⁶ *Вайц* (Waitz) Теодор (1821–1864) — немецкий психолог и антрополог; с 1844 г. профессор в Марбурге. Автор трудов: «Grundlegung der Psychologie» (1846), «Lehrbuch der Psychologie als Naturwissenschaft» (1849), в которых делал попытку основать психологию на естественнонаучных и антропологических началах.
- ¹²⁷ *Ранке* (Ranke) Леопольд фон (1795–1886) — немецкий историк; один из основоположников историзма; автор работ по политической истории Западной Европы XVI–XVII вв.
- ¹²⁸ *Фихте* Иоганн Гютлиб (1762–1814) — немецкий философ, представитель немецкого классического идеализма; профессор Йенского университета (1794–1799), профессор, ректор Берлинского университета (с 1810). Отвергал кантовскую «вещь в себе», в своем «учении о науке» обосновывал деятельность безличного всеобщего «самосознания», «Я», полагающего себя и свою противоположность «не-Я» — мир объектов. Автор цикла работ «Наукоучение».
- ¹²⁹ Вероятно, имеется в виду Шмидт (Schmidt) Карл (1868–?) — немецкий богослов, профессор в Лейпциге; производил археологические изыскания в Египте. Автор труда «Gnostische Schriften in koptischer Sprache» (1892).
- ¹³⁰ *Тэйлор* (Tylog) Эдуард Бернетт (1832–1917) — английский этнограф, исследователь первобытной культуры, один из основоположников этнографии и антропологии.
- ¹³¹ *Причард* (Причард, Prichard) Джеймс Коулс (1786–1848) — английский психиатр и антрополог. Автор трудов: «Researches into the physical history of man», «Natural history of man», «The eastern origin of the celtic nation», «Analisis of the egyptian mythology».
- ¹³² *Дарвин* Чарлз Роберт (1809–1882) — английский естествоиспытатель; автор труда «Происхождение видов путем естественного отбора» (1859), где обосновал теорию эволюции органического мира (дарвинизм), основную роль в которой отводил трем факторам: изменчивости, наследственности и механизму естественного отбора; в книге «Происхождение человека и половой отбор» (1871) обосновал происхождение человека от обезьяноподобного животного.

- ¹³³ *Уоллес* (Wallace) Алфред Рассел (1823–1913) — английский естествоиспытатель, один из основоположников зоогеографии; параллельно с Дарвином создал теорию естественного отбора на основе собственного исследования фауны Малайского архипелага, но признавал приоритет Дарвина.
- ¹³⁴ Линнеевское общество — международное научное общество по изучению естественной истории, основано в 1788 г., названо по имени шведского натуралиста Карла Линнея.
- ¹³⁵ *Мёзер* (Möser) Юстус (1720–1794) — немецкий историк; автор труда «Osnabrückische Geschichte» (1768).
- ¹³⁶ *Аделунг* Фёдор (Фридрих) Павлович (1768–1843) — русский историк, лингвист, библиограф; составитель получившей мировую известность библиографии санскритского языка.
- ¹³⁷ Гипотеза о родстве европейских языков с языками Индии (в частности — греческого и латыни с санскритом) была выдвинута еще в начале XIX в. Сейчас общепринятым представлением является то, что большинство европейских языков, а также языки иранской, индоарийской и некоторых других групп — родственные, восходят к общему праязыку и принадлежат к одной индоевропейской семье.
- ¹³⁸ *Бопп* (Bopp) Франц (1791–1867) — немецкий языковед; один из основателей сравнительного языкознания, сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков.
- ¹³⁹ *Раск* (Rask) Расмус Кристиан (1787–1832) — датский языковед, один из основоположников сравнительно-исторического языкознания, исследования индоевропейских языков.
- ¹⁴⁰ *Гримм* Якоб (1785–1863); Гримм Вильгельм (1786–1859) — немецкие филологи; основоположники германистики как науки о языке и литературе; создатели мифологической школы в фольклористике; собрали и издали «Детские и семейные сказки» (1812–1814), «Немецкие предания» (1816–1818). Якоб Гримм — автор труда «Немецкая мифология» (1835).
- ¹⁴¹ Перегласовка (умлаут, метафония) — тембровое изменение корневых гласных в языках германской группы, сложилось исторически под влиянием гласных суффикса и окончания. Термин «umlaut» принадлежит Я. Гримму — основоположнику исторической германистики.
- ¹⁴² *Гроций* Гуго (Grotius Hugo) (1583–1645) — голландский юрист, социолог; государственный деятель, один из основоположников теории естественного права.
- ¹⁴³ *Савиньи* (Savigny) Фридрих Карл (1779–1861) — немецкий юрист, основоположник исторической школы права.

- ¹⁴⁴ *Клемм* (Klemm) Фридрих Густав (1802–1867) — историк культуры. Автор трудов: «Attila nach der Geschichte, Sage und Legende» (1827), «Die Geschichte von Bayern» (1828), «Handbuch der germanischen Altertumskunde» (1835), «Allgemeine Kulturgeschichte der Menschheit» (1843–1852), «Allgemeine Kulturwissenschaft» (1854–1855), «Die Frauen».
- ¹⁴⁵ *Друман* (Drumann) Карл Вильгельм Август (1786–1861) — немецкий историк и археолог, профессор в Кёнигсберге; автор труда «Geschichte Roms in seinem Uebergang von der republikanischen zur monarchischen Verfassung» (1834–1844).
- ¹⁴⁶ *Гельмольт* (Helmolt) Ганс Фердинанд (1865–1929) — немецкий историк, под его редакцией вышел труд немецких историков «История человечества» (9 томов, 1899–1907).
- ¹⁴⁷ *Кольб* (Kolb) Георг Фридрих (1800–1884) — немецкий статистик, публицист. Автор трудов: «Handbuch der vergleichenden Statistik», «Geschichte der Menschheit und der Kultur» (1842), «Kulturgeschichte der Menschheit».
- ¹⁴⁸ *Риль* (Riehl) Вильгельм Генрих (1823–1897) — немецкий публицист и писатель; профессор Мюнхенского университета. Автор трудов: «Naturgeschichte des Volkes als Grundlage einer deutschen Socialpolitik», «Kulturgeschichtliche Novellen» (1856; составлено из четырех ранее опубликованных работ: «Die bürgerliche Gesellschaft» (1851), «Land und Leute» (1853), «Die Familie» (1855), «Wanderbuch» (1869)), «Kulturstudien aus drei Jahrhunderten» (1859), «Geschichten aus alter Zeit» (1863–1865)).
- ¹⁴⁹ *Сен-Симон* Клод Анри де Рувруа (1760–1825) — французский мыслитель, ученик Д'Аламбера; в 1810–1820-е гг. разработал утопический план создания рационального общественного строя на основе «новой» религии — «Новое христианство» (1825); предшественник Огюста Конта в разработке позитивной философии.
- ¹⁵⁰ *Ру-Ферран* (Roux-Ferrand) Ипполит (1798–1887) — французский историк; автор труда «Histoire des progrès de la civilisation en Europe» (1833–1841), а также: «Histoire abrégée des inventions et découvertes» (1831), «Lettres à mes enfants sur l'histoire de France» (1835), «Histoire populaire de la Pologne» (1863) и др.
- ¹⁵¹ *Тьерри* (Thierry) Огюстен (1795–1856) — французский историк, один из основателей романтического направления во французской историографии; автор трудов по социальной истории и о нормандском завоевании Англии.
- ¹⁵² *Буше де Перт* (Boucher de Crèvecœur de Perthes) Жак (1788–1868) — французский археолог и антрополог; ему принадлежит одна из первых находок орудий из оббитого камня (в карьерах по добыче гравия в Венникюре и Мулен-Кэньоне на терассах р. Сомма). Орудия залегали вместе

- с костями животных эпохи плейстоцена, что позволило датировать их временем, гораздо более древним, чем эпоха кельтов, что не сразу было поддержано другими учеными.
- ¹⁵³ *Ляйэлли* (Лайель, Lyell) Чарльз (1797–1875) — основоположник современной геологии. В 1863 г. в книге «Antiquity of Man» рассмотрел древнюю историю человечества на фоне геологической истории земли с применением принципов дарвинизма. До этого, в книге «Principles of Geology» (1830–1833), он показал, что геологические события объясняются процессами, действующими до сих пор, а не катастрофами или потопами, и что мир значительно старше традиционных 6000 лет.
- ¹⁵⁴ Так у Лаппо-Данилевского. Правильно — «поделок».
- ¹⁵⁵ *Лэнг* (Ланг, Lang) Эндриу (1844–1912) — английский писатель; профессор Сэнт-Эндрюсского университета в Шотландии, председатель Лондонского общества фольклористов. Автор трудов: «Ballads of old France» (1872), «Customs and Myths» (1885), «Myth, ritual and religion» (1887).
- ¹⁵⁶ *Фрэзер* (Frazer) Джеймс Джордж (1854–1941) — шотландский антрополог, представитель эволюционистской школы; автор фундаментального труда «Золотая ветвь» (12 томов, 1914), в котором на огромном фактическом материале, и применив сравнительно-исторический метод, показал, что человечество в интеллектуальном развитии последовательно проходит три стадии: магии, религии, науки.
- ¹⁵⁷ *Бёк* (Böeckh) Август (1785–1867) — немецкий филолог и историк Древней Греции, основатель греческой эпиграфики, профессор Гейдельбергского и Берлинского университетов.
- ¹⁵⁸ *Рошер* (Roshier) Вильгельм Георг Фридрих (1817–1894) — немецкий экономист; основоположник исторической школы политэкономии; профессор Гёттингенского и Лейпцигского университетов.
- ¹⁵⁹ *Книс* (Knies) Карл Густав Адольф (1821–1898) — немецкий экономист, один из основоположников исторической школы политэкономии.
- ¹⁶⁰ *Роджерс* (Rogers) Джеймс (1823–1890) — английский экономист, историк; профессор политической экономики в Оксфордском университете. Автор трудов по экономической истории Англии и др.: «History of agriculture and prices in England» (1866–1888); «Six centuries of work and wages» (1884); «The industrial and commercial history of England» (1892).
- ¹⁶¹ *Маркс* Карл (1818–1883) — немецкий философ, политэконом; организатор и лидер I Интернационала. В соавторстве с Ф. Энгельсом написал работы: «Немецкая идеология» (1846–1846), «Манифест Коммунистической партии» (1848). Ему принадлежат также философские, исторические и публицистические труды: «Нищета философии», «Гражданская война во Франции» и др.; автор фундаментального труда «Капитал».

- ¹⁶² *Энгельс* Фридрих (1820–1895) — немецкий мыслитель и общественный деятель; друг, соратник и соавтор К. Маркса. Основные собственные работы Энгельса посвящены, в частности, философии природы и развитию исторического материализма: «Диалектика природы» (1873–1882), «Анти-Дюринг» (1878), «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (1884).
- ¹⁶³ *Каутский* Карл (1854–1938) — немецкий историк, экономист, социолог и публицист; один из теоретиков социал-демократии и лидеров германской социал-демократии; деятель II Интернационала. Автор работ: «Экономическое учение Карла Маркса» (1887), «Предшественники новейшего социализма» (2 тома, 1895), «Аграрный вопрос» (1899), «Материалистическое понимание истории» (1927).
- ¹⁶⁴ *Лориа* (Loria) Ахилл (1857–?) — итальянский экономист, сторонник экономического материализма. Автор трудов: «La legge de popolazione ed il sistema sociale» (1882), «Analisi della proprieta capitalista» (1889), «La terra ed il sistema sociale» (1892) и др.
- ¹⁶⁵ *Мэн* (Maine) Генри Джемс Сёмнер сэр (1822–1888) — английский юрист (шотландец по происхождению). Автор трудов: «Ancient law; its connection with early history of society and its relation to modern ideas», «Village Communities in the East and West» (1871), «The early History of Institutions» (1875), «Early Law and Custom» (1883), «Popular Governement» (1885), «International Law» (1887); ряд ключевых трудов собран в посмертно изданном сборнике «Etudes sur l'histoire du droit» (1889).
- ¹⁶⁶ *Стэббс* (Stubbs) Вильям (1825–1901) — английский историк, профессор в Оксфорде, епископ Честерский, затем Оксфордский. Автор трудов: «Constitutional history of England», «Lectures on the study of mediaeval and modern history» (1896); издатель хроник и законодательных памятников по истории Англии.
- ¹⁶⁷ *Гнейст* (Gneist) Рудольф (1816–1895) — немецкий юрист, политический деятель; профессор в Берлине, исследователь конституционного права и местного самоуправления. Автор трудов: «Der Rechtsstaat», «Englische Verwaltungsrecht»; «Englische Verfassungsgeschichte»; «Das englische Parlament».
- ¹⁶⁸ *Фюстель де Куланж* (Fustel de Coulanges) Ньюма Дени (1830–1889) — французский историк; автор работ по проблеме генезиса феодализма в Западной Европе; обосновывал непрерывность развития общества от античности к средневековью.
- ¹⁶⁹ *Буркхардт* (Буркхардт, Burckhardt) Якоб (1818–1897) — швейцарский историк, философ культуры, искусствовед; основоположник культурно-исторической школы в историографии; автор трудов по истории древнегреческой культуры, культуры Италии эпохи Возрождения.

- ¹⁷⁰ *Йодль* (Jodl) Фридрих (1849–1914) — немецкий философ, профессор философии Мюнхенского, Пражского университетов. Автор трудов: «Leben und Philosophie David Hume's» (1872), «Die Kulturgeschichtschreibung, ihre Entwicklung und ihr Problem» (1878), «Geschichte der Ethik in der neueren Philosophie» (1882–1889), «Volkswirtschaftslehre und Ethik» (1886).
- ¹⁷¹ *Мюллер-Лиер* (Muller-Lyer) Франц Карл (1857–1916) — немецкий социолог, по образованию медик.
- ¹⁷² Вероятно, имеется в виду *Фрейтаг* (Freitag) Густав (1816–1895) — немецкий романист и драматург, историк культуры. Автор работы: «Bilder aus der deutschen Vergangenheit» (1859–1862), а также серии исторических повестей под общим заглавием «Die Ahnen» (1872–1880).
- ¹⁷³ *Готейн* (Gothein) Эберхард (1853–1923) — немецкий историк, профессор в Карлсруэ, Бонне, Гейдельберге; представитель либерально-позитивистской оппозиции прусской исторической школе Трейчке — Зибеля; автор работ по культурной и хозяйственной истории XV–XVII вв.
- ¹⁷⁴ *Гельвальд* (Hellwald) Фридрих (1842–1892) — немецкий географ, историк. Автор трудов: «Kulturgeschichte in ihrer natürlichen Entwicklung», «Die Erde und Inre Völker», «Naturgeschichte der Menschen» (1880–1885) и др.
- ¹⁷⁵ *Платон* (428/427–348/347 до н. э.) — древнегреческий философ, ученик Сократа; ок. 387 г. основал в Афинах собственную школу — Академию. Создатель учения об эйдосах (идеях) — вечных и неизменных умопостигаемых прообразах вещей. Автор сочинений в форме диалогов: «Пир», «Федр», «Апология Сократа». Оказал существенное воздействие на всю последующую философию.
- ¹⁷⁶ *Аристотель* (384–322 до н. э.) — древнегреческий философ, слушатель, затем преподаватель Академии Платона, воспитатель Александра Македонского; в 335 г. основал Ликей. Сочинения Аристотеля охватывают все сферы знания его времени; создатель формальной логики. Автор труда «Первая философия», где изложил учение об основаниях бытия (позднее названное метафизикой). Создатель понятийного аппарата философии; оказал огромное влияние на всю последующую философию.
- ¹⁷⁷ *Плотин* (ок. 203/205–269/270) — древнегреческий философ, основатель неоплатонизма; оказал существенное влияние на средневековую философию, философию Возрождения, а также на немецкую классическую философию.
- ¹⁷⁸ *Герbart* (Хербарт, Herbart) Иоганн Фридрих (1776–1841) — немецкий философ, психолог; основоположник школы в немецкой педагогике XIX в.; представитель философского плюрализма; попытался построить психологию как систематическую науку, основанную на метафизике, опыте и математике; основоположник «формальной эстетики».

- ¹⁷⁹ *Милль Джеймс* (1773–1836) — английский философ, историк, экономист; последователь философии Юма; отрицал теорию естественного права; комментировал экономическое учение Д. Рикардо.
- ¹⁸⁰ *Гэртли* (Gartley, Hartley) Дэвид (1705–1757) — английский философ и психолог; основоположник школы ассоцианизма в психологии. Автор труда «*Observation on Man, His Frame, His Duty, and His Expectations*» (1749).
- ¹⁸¹ *Фехнер* (Fechner) Густав Теодор (1801–1887) — немецкий физик, психолог, философ; основатель психофизики; способствовал внедрению экспериментально-математических методов в психологию и эстетику.
- ¹⁸² *Лотце* (Lotze) Рудольф Герман (1817–1881) — немецкий философ, врач; развивал идеи, близкие к монадологии Лейбница; автор труда «*Микрокосм*» (3 тома), ввел философское понятие «ценности».
- ¹⁸³ *Бенеке* (Beneke) Фридрих Эдуард (1798–1854) — немецкий психолог и философ; критиковал теорию врожденных идей и способностей, считал, что вся философия должна основываться на эмпирической психологии. Автор трудов: «*Psychologische Skizzen*» (2 тома, 1825–1827), «*Pragmatische Psychologie*» (1832), «*Die Neue Psychologie*» (1845).
- ¹⁸⁴ *Пре́йер* (Preyer) Вильгельм Тьерри (1841–1897) — немецкий биолог, физиолог, психолог; основатель детской психологии; последователь Ч. Дарвина.
- ¹⁸⁵ *Дильтей* (Dilthey) Вильгельм (1833–1911) — немецкий философ, один из ведущих представителей философии жизни; культуролог, историк культуры; основоположник философской герменевтики, понимающей (описательной) психологии, духовно-исторической школы в литературоведении; разработал учение о понимании как специфическом методе наук о духе (в отличие от наук о природе); автор трудов по истории немецкой философии, литературы, музыки.
- ¹⁸⁶ *Бэ́н* (Bain) Александер (1818–1903) — английский психолог, представитель ассоциативной психологии; основатель журнала «*Mind*» (1876); сформулировал гипотезу о механизме проб и ошибок для объяснения новых форм двигательной активности.
- ¹⁸⁷ *Полан* (Paulhan) Фредерик (1856–1931) — французский философ, автор трудов: «*Умственная деятельность и элементы духа*» (1889), «*Психология изобретения*» (1900).
- ¹⁸⁸ *Фу́лье* (Fouille) Альфред (1838–1912) — французский философ-эклектик, стремившийся объединить различные философские концепции в учение о «Высшем синтезе»; автор трудов по этике, социологии, психологии народов.
- ¹⁸⁹ *Лебон* (Le Bon) Гюстав (1841–1931) — французский социальный психолог; исследователь психологии толпы. Автор труда «*Психология народов*

- и масс» (1895), в котором рассматривал толпу как иррациональную разрушительную силу, подавляющую индивидуальность.
- ¹⁹⁰ *Бутми* (Boutmy) Эмиль (1835–1906) — французский историк, публицист.
- ¹⁹¹ *Штейнталь* (Steinthal) Хейман (1823–1899) — немецкий языковед, последователь В. Гумбольдта; один из основоположников психологического направления в языкознании и научного направления «психологии народов»; обосновал особую роль языка в этнопсихологии; заложил основы культурной антропологии; автор работ по сравнительно-историческому языкознанию.
- ¹⁹² *Малебранш* (Malebranch) Никола (1638–1715) — французский религиозный философ; священник, стремился сочетать картезианство и августиновскую традицию христианской философии. Автор трудов: «*Разыскания истины*» (1674–1675), «*Трактат о природе и благодати*» (1680).
- ¹⁹³ *Тард* (Tarde) Габриель (1843–1904) — французский социолог; автор работ по социальной психологии, философии права.
- ¹⁹⁴ *Ферри* (Ferri) Энрико (1856–1929) — итальянский криминалист, последователь Ч. Ломброзо.
- ¹⁹⁵ *Сигеле* (Sighele) Сципион (1868–1913) — итальянский ученый-юрист, социолог и криминолог, последователь Г. Тарда и французской социологической школы. Автор труда по коллективной психологии «*La folla criminale*» (1909).
- ¹⁹⁶ *Болдуин* (Baldwin) Джеймс Марк (1861–1934) — североамериканский философ, профессор ряда университетов в США; занимался проблемами психологии развития и социальной психологией.
- ¹⁹⁷ *Михайловский* Николай Константинович (1842–1904) — русский социолог, публицист, литературный критик, один из идеологов легального народничества; последователь субъективного метода П. Л. Лаврова в социологии; обосновывал активную роль личности в истории, ее способность противостоять стихийности исторического процесса, критерием социального прогресса считал всестороннее развитие личности.
- ¹⁹⁸ Миметизм — то же, что мимикрия, сходство внешнего вида или поведения нехищного, неядовитого или съедобного животного одного вида с хищным, ядовитым, несъедобным или защищенным иным образом видом других животных.
- ¹⁹⁹ *Липпс* (Lipps) Теодор (1851–1914) — немецкий философ, психолог, эстетик; профессор ряда немецких университетов; наряду с В. Вундтом и Г. Эббингаузом считается основоположником психологии в Германии; разработывал теорию вчувствования.

- ²⁰⁰ Анимизм (от *лат.* Anima — душа) — вера в существование душ и духов, в погусторонние существа; по Э. Тайлору — первоначальная форма религиозности; характерная для первобытных народов вера в то, что все явления внешнего мира имеют собственную душу.
- ²⁰¹ *Липперт* (Lippert) Юлиус (1839–1909) — австрийский историк, этнограф эволюционного направления; автор работ по истории семьи, культуры, религии; все формы культуры выводил из трудовой деятельности человека; утверждал, что культурное развитие человеческого общества имеет общие закономерности.
- ²⁰² *Токквиль* (Токвиль, Tocqueville) Алексис (1805–1859) — французский историк, социолог, политический деятель, лидер консервативной Партии порядка, министр иностранных дел (1849); считал развитие демократии ведущей тенденцией американской и европейской истории, обосновывал несовместимость свободы и социального равенства, ведущего к нивелировке индивидуальности. Автор трудов: «О демократии в Америке» (т. 1–2, 1835–1840), «Старый порядок и революция» (1856).
- ²⁰³ *Шопенгауэр* Артур (1788–1860) — немецкий философ; основоположник философии жизни. Сущность мира у Шопенгауэра предстает как неразумная воля, слепое влечение к жизни, которое преодолевается через сострадание и эстетическое созерцание. Автор труда «Мир как воля и представление» (т. 1–2, 1819–1844). Философия Шопенгауэра пользовалась большой популярностью в Европе второй половины XIX в.
- ²⁰⁴ *Мейнонг* (Meinong) Алексиус фон (1853–1920) — австрийский философ и психолог, последователь Ф. Brentano; разрабатывал «теорию предмета» (отличал его от содержания сознания) и общую теорию ценностей. Основал в 1894 г. первую в Австрии лабораторию экспериментальной психологии.
- ²⁰⁵ Каждый закон в области духа, содержащий качественное отношение зависимости, которое даже закон делает каузальным, принимает характер психологического мотива (*нем.*).
- ²⁰⁶ Онтогенезис (онтогенез) (от *греч.* on, ontos — сущее и genesis — зарождение, развитие) — процесс индивидуального развития организма от момента оплодотворения яйцеклетки до его смерти.
- ²⁰⁷ Филогенезис (филогенез) (от *греч.* phyle — род, племя и genesis — рождение, происхождение) — понятие, введенное Э. Геккелем в 1866 г. для обозначения изменения в процессе эволюции различных форм органического мира (видов).
- ²⁰⁸ Расы всегда должны основываться на телесном соответствии (*нем.*).
- ²⁰⁹ В каждом языке содержится понимание народа и отпечатывается его характер (*нем.*).

- ²¹⁰ Спонтанный интерес — это мимолетное увлечение от усилия до усилия (*фр.*).
- ²¹¹ *Ньютон* Исаак (1643–1727) — английский физик и математик. Лейбниц (см. комм. 63) и Ньютон независимо друг от друга разработали дифференциальное исчисление: Ньютон — в 1665–1666 гг. (опубликовано в 1711), Лейбниц — в 1675 г. (опубликовано — в 1684).
- ²¹² Гаусс — см. комм. 106.
- ²¹³ *Лежандр* (Legendre) Адриен Мари (1752–1833) — французский математик; автор трудов по теории чисел, геодезии и др.; создатель классического курса элементарной геометрии. Метод наименьших квадратов был предложен Гауссом в 1794–1795 гг., Лежандром в 1805–1806 гг.
- ²¹⁴ *Мальтус* (Malthus) Томас Роберт (1766–1834) — английский демограф и экономист; речь идет о книге Т. Мальтуса «Опыт о законе населения» (1798); автор видел причины перенаселения и социальных бедствий в абсолютном недостатке средств существования.
- ²¹⁵ Теория естественного отбора была разработана независимо друг от друга Ч. Дарвином и А. Р. Уоллесом. Уоллес опубликовал свою теорию раньше, чем Дарвин (Уоллес — в 1855 г., а Дарвин — в 1859 г.). Тем не менее, Уоллес признавал первенство за Дарвином, так как тот раньше начал разрабатывать теорию естественного отбора и глубже ее обосновал.
- ²¹⁶ *Госсен* (Gossen) Герман Генрих (1810–1858) — немецкий экономист, предшественник математической школы политэкономии; интерпретировал основные принципы теории предельной полезности.
- ²¹⁷ *Джевоис* (Jevons) Уильям Стэнли (1835–1882) — английский философ-логик, экономист, статистик; профессор логики, философии и политической экономии в Манчестере и Лондоне. Основатель математической школы в политической экономии, один из основоположников теории предельной полезности.
- ²¹⁸ *Лафонтэн* (Лафонтен, La Fontaine) Жан де (1621–1695) — французский писатель-сатирик; автор басен, комедий, в своем творчестве опирался как на античные образцы, так и на фольклор.
- ²¹⁹ *Буало* (Voileau) Никола (1637–1711) — французский поэт, теоретик классицизма; автор трактата «Поэтическое искусство» (1674). Творчество Буало оказало большое влияние на европейскую литературу XVII–XVIII вв.
- ²²⁰ *Кольбер* (Colbert) Жан Батист (1619–1683) — генеральный контролер (министр) финансов Франции (с 1655). Экономическая политика Кольбера, так называемый «кольберизм», — разновидность меркантилизма.
- ²²¹ *Гомер* — древнегреческий эпический поэт, которому со времен античности приписывают авторство «Илиады» и «Одиссеи». *Гесиод* (Гезиод) из Аскры (VII–VIII вв. до н. э.) — древнегреческий поэт. Гомеровским перио-

дом в греческой истории называют IX–VIII вв. до н. э. О греческом обществе этого времени известно главным образом из поэм, приписываемых Гомеру (они сложились предположительно в середине — конце VIII в. до н. э.). Этот период завершает собой эпоху так называемых «темных веков» — времени между упадком микенской цивилизации (около XII в. до н. э.) и становлением полисной цивилизации («архаическая революция» — VII–VI вв. до н. э.). Дж. Вико выдвинул идею типологического сходства между Грецией эпохи Гомера и европейскими Средними веками и отнес те и другие к числу «героических» эпох. Их общими чертами он считал господство военной аристократии, доминирование сельского хозяйства в экономике, героический эпос, мораль, основанную на примате личной доблести и верности и др.

- ²²² *Бленвиль* (Blainville) Анри (1777–1850) — французский зоолог, анатом, автор трудов по систематике животных.
- ²²³ *Уэвель* (Whewell) Вильям (1794–1866) — английский философ, математик, минеролог, его взгляды сформировались под влиянием английского эмпиризма и платонизирующих богословов-философов XVIII в.; читал в Кембриджском университете лекции по минералогии и моральной философии. Автор трудов: «An elementary treatise on Mechanics» (1819), «Mechanical Euclide» (1837), «History of the inductive sciences» (1837), «Philosophy of the inductive Sciences» (1840), «History of Scientific Ideas» (1858–1861); исследовал историю индуктивных наук, разрабатывал проблему оснований математической достоверности.
- ²²⁴ *Эрдман* (Erdmann) Бенно (1851–?) — немецкий философ, неокантианец. Автор трудов: «Axiome der Geometrie» (1877), «Logik» (1892), «Martin Knutzen und seine Zeit» (1876); «Kants Kritizismus» (1877), «Nachträge zu Kants Kritik der r. V. aus Kants Nachlass» (1881), «Reflexionen zur Kant's handschriftliche Aufzeichnungen» (1886). Исследовал философию Канта, философское значение теорий Римана и Гельмгольца.
- ²²⁵ Морфогения (морфогенез) (от *греч.* *morphe* — вид, форма и «генез») — формообразование (биологическое), возникновение и развитие органов, систем и частей тела организмов как в индивидуальном (онтогенез), так и в историческом или эволюционном плане (филогенез).
- ²²⁶ *Дюркгейм* Эмиль (1858–1917) — французский социолог-позитивист, основоположник французской социологической школы. Дюркгейм рассматривал общество как реальность, не сводимую к совокупности отдельных индивидов и обладающую «коллективным сознанием»; обосновывал разделение труда как системообразующий социальный фактор. Автор трудов: «О разделении общественного труда» (1893), «Метод социологии» (1895), «Самоубийство» (1897), «Элементарные формы религиозной жизни» (1912).

- ²²⁷ *Морган* Льюис Генри (1818–1881) — американский историк, этнограф, исследователь первобытного общества; сторонник идеи прогресса и единства исторического развития человечества. Показал значение рода как основной ячейки первобытного общества, описал развитие форм собственности от коллективных к частным и эволюцию форм брака и семьи от групповых форм к индивидуальным; его исследование легло в основу работы Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства: В связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана» (1884).
- ²²⁸ Ойкосное хозяйство (от *греч.* *oikos* — дом) — хозяйство, в котором производство и потребление замкнуты в пределах семьи.
- ²²⁹ Гавайцы — коренные жители Гавайских островов, по антропологическому типу — полинезийцы.
- ²³⁰ Зулусы — африканский народ, населяющий главным образом провинцию КваЗулу-Натал в современной ЮАР.
- ²³¹ Тангуты — народ тибето-бирманской группы, создавший в конце X в. на территории современного Китая свое государство. В 1227 г. были покорены монголами.
- ²³² Среди типологических (а не генетических) классификаций языков наиболее распространена морфологическая. Она выделяет следующие типы языков: 1) изолирующие (или аморфные, например китайский) — для них характерно отсутствие словоизменения, грамматическая значимость порядка слов; 2) флективные (например русский), в которых одно и то же окончание может отвечать за разные грамматические формы (ср.: «большой человек» и «для большой жизни» — одинаковое окончание в разных родах и падежах), сосуществуют разные типы склонения и спряжения (ср.: «большую книгу» и «большую мышь» — разные окончания в одном и том же роде, числе и падеже); 3) агглютинативные (например тюркские), характеризующиеся грамматической однозначностью аффиксов, единым типом склонения и спряжения. Эта классификация языков основана Ф. Шлегелем, А. В. Шлегелем, В. фон Гумбольдтом. В настоящее время выделяется еще один тип языков — языки инкорпорирующие (полисинтетические), для которых характерна возможность включения в состав глагола-сказуемого других членов предложения. Многие языки занимают промежуточное положение и не могут быть отнесены к одному из четырех типов. Существуют и другие варианты морфологической классификации языков.
- ²³³ «Волящий и мыслящий субъект» или «мыслящий и действующий субъект» (*нем.*).
- ²³⁴ Закон (принцип) гетерогонии целей (от *греч.* *heteros* — «другой» и *gone* — «происхождение») сформулирован В. Вундтом. Смысл его в том, что в действии всегда присутствуют побочные действия, не предусмотренные при целеполагании и трансформирующие начальные цели.

- ²³⁵ Типическое... не принадлежит больше истории (*нем.*).
- ²³⁶ *Полибий* (Полибий) (ок. 200 — ок. 120 до н. э.) — древнегреческий историк, автор «Истории» (в 40 книгах), в которой содержатся сведения об истории Греции, Рима и других стран от 220 до 146 г. до н. э.
- ²³⁷ *Нероним* (Hieronymus) Евсевий (ок. 330/ок. 342–420) — христианский богослов, один из учителей церкви, автор латинского перевода Библии; автор догматико-полемических и нравоучительных сочинений, в том числе труда «О знаменитых мужах» (об Отцах Церкви первых четырех веков).
- ²³⁸ *Августин* (Augustinus) Аврелий (354–430) — христианский богослов, представитель неоплатонизма, один из Отцов Церкви, разработал христианскую философию истории; автор сочинения «О граде Божием».
- ²³⁹ *Исидор Севильский* (Isidorus Hispalensis) (ок. 560–636) — испанский церковный деятель, христианский писатель, Учитель Церкви. Автор трудов: «Этимология», «История королей готы, вандалов и свевов» (о политической и церковной истории вестготской Испании).
- ²⁴⁰ Эмпиризм — философское направление, выводящее познание из чувственного опыта. Основатель методологического эмпиризма — Френсис Бэкон, главный представитель эмпиризма XIX в. — Дж. Ст. Милль, на труды которого часто ссылается А. С. Лаппо-Данилевский.
- ²⁴¹ Орден иезуитов — католический монашеский орден («Общество Иисуса», *лат.* «Societas Jesu»), основан в 1534 г. в Париже И. Лойолой; высшая власть в ордене принадлежит генеральной конгрегации — ассамблее представителей всех «провинций» — региональных объединений иезуитов из различных стран мира.
- ²⁴² Пробабелизм (от *лат.* *probabilis* — вероятный) — изначально концепция иезуитов, обосновывающая способ морального суждения в тех случаях, когда те или иные действия не имеют надежного нравственного оправдания; в более широком толковании — моральная система, исследующая условия принятия решений о возможных поступках в спорных ситуациях, оправдывающая или осуждающая свободу выбора, а также теоретико-познавательное утверждение, согласно которому знание является только вероятным, т. е. истина недостижима.
- ²⁴³ *Бэкон* (Бакон, Вэсон) Фрэнсис (1561–1626) — британский философ, основатель методологии опытной науки, учение которого стало отправным пунктом мышления всего Нового времени. В своих книгах «Опыты» (1597), «Новый Органон» (1620) Бэкон выступал апологетом экспериментального знания, служащего покорению природы и усовершенствованию человека.
- ²⁴⁴ Сочинение Френсиса Бэкона «De dignitate et augmentis scientiarum» («О достоинстве и преумножении наук») опубликовано в 1605 г.

- по-английски, под заглавием: «The two books of Francis Bacon on the profocoence and advancement of learning divine and human»; на латыни опубликовано в 1623 г.
- ²⁴⁵ *Дидро* Дени (1713–1784) — французский философ, писатель; основатель и редактор (вместе с Д'Аламбером) «Энциклопедии, или Толкового словаря наук, искусств и ремесел» (т. 1–35, 1751–1780). Автор философских произведений: «Письмо о слепых в назидание зрячим» (1749), «Мысли об объяснении природы» (1754), «Сон Д'Аламбера» (1769), «Философские принципы материи и движения» (1770). Дидро критиковал абсолютизм, религию, церковь; придерживался идей сенсуализма и всеобщей одушевленности материи; автор нескольких романов, написанных в духе реалистически-бытового романа Просвещения.
- ²⁴⁶ Я старался рассмотреть... которые относятся к всеобщему и которые смогли бы удовлетворить до некоторой степени общее любопытство (*фр.*).
- ²⁴⁷ Бытие сущего проявляется в его возможности (*лат.*).
- ²⁴⁸ *Шлегель* (Schlegel) Фридрих (1772–1829) — немецкий филолог; философ; в конце 1790-х гг. сформулировал программные идеи кружка йенских романтиков; в конце 1820-х гг. разрабатывал идеи универсальной «христианской философии». Автор работ: «Философия жизни», «Философия истории», «Философия языка и слова».
- ²⁴⁹ «Philosophisches Journal einer Gesellschaft deutscher Gelehrten» издавался в 1792–1798 гг. в Лейпциге и Йене сначала Ф. И. Нитгаммером, затем в сотрудничестве с Фихте.
- ²⁵⁰ *Шлейермахер* (Schleiermacher) Фридрих (1768–1834) — немецкий философ, протестантский богослов; один из основоположников герменевтики. Автор работ: «Диалектика» (1804), «Христианская вера согласно принципам евангелической церкви» (т. 1–2, 1821–1822).
- ²⁵¹ *Шлегель* (Schlegel) Август Вильгельм (1767–1845) — немецкий историк литературы и искусства; один из основоположников сравнительного языкознания. Входил в кружок йенских романтиков; дал систематизированное изложение эстетической концепции романтизма. Шлегель Фридрих — см. комм. 248.
- ²⁵² *Шеллинг* Фридрих Вильгельм (1775–1854) — немецкий философ; профессор университетов в Йене, Мюнхене, Берлине; был близок йенским романтикам. Развивал принципы философии природы как живого организма, характеризующегося динамическим единством противоположностей; это единство усматривается путем интеллектуальной интуиции, присущей философам и художникам, поэтому искусство — высшая форма постижения мира. Автор трудов: «Система трансценден-

- тального идеализма» (1800), «Философские исследования о сущности человеческой свободы» (1809).
- ²⁵³ Стремление духа найти абсолют, т. е. самого себя (*нем.*)
- ²⁵⁴ Дух в мировой истории находится в своей конкретнейшей действительности (*нем.*)
- ²⁵⁵ См. комм. 65.
- ²⁵⁶ **Лавров** Петр Лаврович (1823–1900) — русский философ, социолог, публицист, сторонник субъективного метода социологии; один из идеологов народничества. Автор работ: «Исторические письма» (1868–1869), «Опыт истории мысли» (1875), «Опыт истории мысли нового времени» (1894), «Задачи понимания истории» (1898), «Важнейшие моменты в истории мысли» (1903); разработывал теорию социализма в трудах «Государственный элемент в будущем обществе» (1876), «Социальная революция и задачи нравственности» (1884–1885).
- ²⁵⁷ **Фейербах** Людвиг (1804–1872) — немецкий философ, начинал как последователь Гегеля, затем разработал философскую антропологию, в центре которой находится человек как эмоциональное существо; исследовал философские проблемы религии, которую трактовал как самоотчуждение человека. Автор работ: «Сущность христианства» (1841), «Основы философии будущего» (1843), «Сущность религии» (1851).
- ²⁵⁸ **Прудон** Пьер Жозеф (1809–1865) — французский социалист, теоретик анархизма; развивал идею мирного переустройства общества путем реформы финансовой системы; во время революции 1848 г. сформулировал теорию классового сотрудничества и ликвидации государства.
- ²⁵⁹ **Сорель** (Sorel) Жорж (1847–1922) — французский социальный мыслитель, публицист, теоретик анархо-синдикализма; автор труда «Размышления о насилии» (1908).
- ²⁶⁰ **Курно** (Cournot) Антуан Огюстен (1801–1877) — французский философ, математик, экономист; предшественник математической школы в экономике.
- ²⁶¹ **Паскаль** (Pascal) Блез (1623–1662) — французский математик, физик, христианский философ; автор работ «Письма к провинциалу» (1656–1657), «Мысли» (опубл. 1669); полемизировал с иезуитами.
- ²⁶² «Пробабелизм» — см. комм. 242.
- ²⁶³ Средняя (новая, или третья) Академия основана Карнеадом — см. комм. 264.
- ²⁶⁴ **Карнеад** из Кирены (214–129 до н. э.) — древнегреческий философ, основатель новой платоновской академии; развивал принципы академического скептицизма, сформулированные Аркесилаем, отрицал зна-

- ние и возможность окончательного доказательства, анализировал понятие вероятности.
- ²⁶⁵ **Фуше** (Foucher) Симон (1644–1696) — французский философ, каноник в Дижоне. Восприняв лишь метод Декарта, пытался реставрировать аристотелевскую философию; вел полемику с Мальбраншем.
- ²⁶⁶ **Ферма** Пьер (1601–1665) — французский математик, один из основоположников аналитической геометрии и теории чисел; автор трудов по теории вероятностей, оптике.
- ²⁶⁷ **Гармс** (Harms) Фридрих (1819–1880) — немецкий философ; профессор философии в Берлине; автор фундаментального труда «Prolegomena zur Philosophie», в котором он дал обоснование философии на принципе знания и определял философию как науку об абсолюте, познаваемом из основных эмпирических понятий; разделял некоторые аспекты философии Фихте; автор работы «Die Philosophie Fichte's etc.» (1862), где акцентирует внимание на этике Фихте.
- ²⁶⁸ Имеются в виду труды Френсиса Бэкона «Новый Органон» и «О достоинстве и преумножении наук».
- ²⁶⁹ Аподиктический — неопровержимый, безусловно правильный; аподиктическое суждение выражает логическую необходимость или твердую уверенность.
- ²⁷⁰ Ассерторическое суждение — суждение, в котором утверждается какой-либо факт.
- ²⁷¹ **Зиммель** (Simmel) Георг (1858–1918) — немецкий философ, представитель «философии жизни», социолог, основоположник «формальной социологии», профессор в Берлине и Страсбурге; исследовал противоречие жизни и ее объективации в произведениях культуры.
- ²⁷² **Бюхер** (Bücher) Карл (1847–1930) — немецкий экономист, статистик, представитель новой исторической школы в политэкономии; автор фундаментального труда «Возникновение народного хозяйства» (1893). Обосновал схему развития хозяйства, в основе которой — длина пути производимого продукта от производителя до потребителя. В работах Бюхера содержится богатый фактический материал по численности населения средневековых городов, организации ремесленного производства.
- ²⁷³ **Петр I Великий** (1672–1725) — российский царь (с 1682), первый российский император (с 1721), провел реформы в сфере государственного управления, организации военного дела, промышленности, торговли, просвещения.
- ²⁷⁴ **Наполеон I** Бонапарт (1769–1821) — французский император, в период Французской революции — генерал, в 1799 г. — первый консул, в 1804 г. провозглашен императором. Провел ряд реформ, в частности

кодификацию законодательства, заложившую основу континентальной системы права, после поражения в войне с антифранцузской коалицией был сослан на о. Эльба, а затем на о. Св. Елены.

- ²⁷⁵ **Тликииты** — индейское племя рыболовов и охотников, опытных мореходов, населявшее юго-восточное побережье Аляски и прилегающие к нему острова.
- ²⁷⁶ **Ирокезы** — группа индейских племен, обитавших на северо-востоке современных США и занимавшихся земледелием и охотой.
- ²⁷⁷ **Фемистокл** (ок. 525 — ок. 460 до н. э.) — афинский полководец, возглавлял демократическую группировку, во время греко-персидских войн (с 493/492), неоднократно занимал высшие должности архонта и стратега. По-видимому, речь идет о решении Фемистокла посадить всех боеспособных афинян на корабли, а остальных эвакуировать на остров Саламин и в город Трезен, собрать весь флот в Саламинском проливе и дать персам (разорившим к тому моменту оставленные Афины) генеральное сражение у острова Саламин. В этом сражении греки одержали решающую победу над персидским флотом (480 г. до н. э.).
- ²⁷⁸ **Гом** (Ош, Noche) Луи Лазар (1768–1797) — французский генерал; командовал армией в революционных войнах Франции; подавлял мятежи в Вандее и Бретани.
- ²⁷⁹ Среди тысяч звезд, которые были изучены при помощи спектроскопа, не найдется и двух, имеющих абсолютно одинаковое физическое строение (*фр.*).
- ²⁸⁰ Аустерлицкое сражение (20 ноября (2 декабря) 1805) — решающее сражение между российско-австрийской и французской армиями во время русско-австро-французской войны 1805 г. около города Аустерлиц (ныне Славков, Чехия); французская армия под командованием Наполеона I разбила российско-австрийские войска под командованием М. И. Кутузова; после Аустерлицкого сражения распалась 3-я антифранцузская коалиция.
- ²⁸¹ Сражение при Лютцене (16 ноября 1632 г.) между шведами под начальством Густава II Адольфа (1594–1632) и войсками императора Фердинанда II под начальством Альбрехта Валленштейна (Wallenstein, 1583–1634), где последний потерпел поражение.
- ²⁸² Эвдемонизм — направление в этике, рассматривающее блаженство, счастье как цель всех стремлений; из философов, упоминаемых А. С. Лаппо-Данилевским, представителями эвдемонизма были Г. В. Лейбниц, Л. Фейербах, Х. Зигварт, Г. Спенсер.
- ²⁸³ **Бисмарк** Отто Шенхаузен фон (1815–1898) — первый рейсканцлер Германской империи (1871–1890), осуществил объединение Германии при

ведущей роли Пруссии, вел борьбу с клерикально-партикулярной оппозицией. Один из организаторов Тройственного союза (Германия, Австро-Венгрия, Италия, 1882 г.), направленного против Франции и России.

- ²⁸⁴ Греко-персидские войны — между ахеменидской Персией и греческими городами-государствами, отстаивавшими свою независимость — продолжались с 500 до 449 г. до н. э. и окончились победой греков. По условиям Каллиева мира (449–448 до н. э.) персы признавали независимость всех греческих городов (включая города побережья Малой Азии) и обязывались не вмешиваться в греческие дела.
- ²⁸⁵ **Гусс** (Гус, Hus) Ян (1371–1415) — один из идеологов Реформации; чех по национальности; ректор Пражского (Карлова) университета. Организатор народного движения в Чехии против немецкого засилья и католической церкви; осужден церковным собором и сожжен.
- ²⁸⁶ **Галилей** Галилео (Galileo Galilei) (1564–1642) — итальянский ученый, один из основоположников естествознания Нового времени; заложил основы современной механики. Активный сторонник гелиоцентрической системы, за что был подвергнут суду инквизиции (1633), где отрекся от своих взглядов.
- ²⁸⁷ Историческим является тот процесс, действие которого не исчерпывается в момент его совершения в прошлом, а продолжает оказывать влияние в последующее время и порождать в нем новые процессы (*нем.*).
- ²⁸⁸ **Робеспьер** (Robespierre) Максимилиан Франсуа Мари Исидор де (1758–1794) — один из лидеров Великой французской революции, глава якобинцев; был казнен 28 июля 1794 г.
- ²⁸⁹ См. комм. 211.
- ²⁹⁰ **Рафаэль** Санти (Raffaello Santi) (1483–1520) — итальянский живописец, архитектор, один из мастеров Высокого Возрождения.
- ²⁹¹ **Шиллер** (Schiller) Иоганн Кристоф Фридрих (1759–1805) — немецкий поэт, драматург, теоретик искусства, автор трудов по истории, читал курс лекций по всеобщей истории в Йенском университете.
- ²⁹² **Микеланджело** Буонарроти (Michelangelo Buonarroti) (1475–1564) — итальянский скульптор, живописец, архитектор периода Высокого и Позднего Возрождения
- ²⁹³ **Гёте** (Goethe) Иоганн Вольфганг (1749–1832) — немецкий писатель, естествоиспытатель. Создатель трудов о метаморфозе растений, по минералогии; автор литературных произведений «Страдания молодого Вертера» (1774), «Фауст» (1808–1832).
- ²⁹⁴ **Александр Великий** (Македонский) (356–323 до н. э.) — великий полководец древности, царь Македонии с 336 г. Вел завоевательные войны, создал крупнейшую империю, распавшуюся после его смерти.

- ²⁹⁵ *Фридрих III* (1415–1493) — германский король с 1440 г., император Священной Римской империи (с 1452) из династии Габсбургов.
- ²⁹⁶ Габсбурги (Habsburger) — одна из наиболее могущественных монарших династий Европы на протяжении Средневековья и Нового времени; представители династии были правителями Австрии (с 1282), позднее Австрийской империи (до 1918), императорами Священной Римской империи с 1438 по 1806 г. (с перерывом в 1742–1745).
- ²⁹⁷ *Лотарь* (Lothar) (795–855) — старший сын, соправитель и наследник Людовика Благочестивого.
- ²⁹⁸ *Вильгельм I* (Wilhelm I) (1797–1888) — прусский король (с 1861), германский император (с 1871) из династии Гогенцоллернов, второй сын Фридриха Вильгельма III.
- ²⁹⁹ *Филипп Македонский* (Филипп II) (ок. 382–336 до н. э.) — царь Македонии (с 359), отец Александра Македонского, провел ряд завоевательных войн, убит в результате дворцового заговора.
- ³⁰⁰ *Цезарь* Гай Юлий (102/100–44 до н. э.) — римский диктатор, полководец; автор «Записок о галльской войне». Убит в результате заговора республиканцев.
- ³⁰¹ *Александр II* (1818–1881) — российский император (с 1855), старший сын Николая I, провел Великие реформы 1860–1870-х гг., в частности, отменил крепостное право (1861); 1 марта 1881 г. убит народовольцами.
- ³⁰² В 219 г. до н. э. командующий карфагенскими войсками в Испании Ганнибал (247/246–183 до н. э.) осадил союзный римлянам город Сагунт, что явилось началом 2-й пунической войны.
- ³⁰³ Семилетняя война (1756–1763) — велась Фридрихом II Великим в союзе с Англией против Австрии, России, Франции, Швеции, Саксонии.
- ³⁰⁴ *Фридрих II Великий* (1712–1786) — прусский король (с 1740), из династии Гогенцоллернов, крупный полководец; в результате его завоевательной политики территория Пруссии почти удвоилась.
- ³⁰⁵ Констанцкий собор (1414–1418) — XVI Вселенский собор католической церкви, созванный антипапой Иоанном XXIII в Констанце (Германия), с целью преодоления западной схизмы (раскола католической церкви) и возвращения единства в католической церкви, рассмотрения вопросов веры и проведения церковных реформ.
- ³⁰⁶ *Лютер* Мартин (1483–1546) — деятель Реформации в Германии, начало которой связывают с его выступлением в Виттенберге с 95 тезисами, отвергавшими основные догматы католицизма. Заложил основы лютеранства, перевел на немецкий язык Библию.

- ³⁰⁷ Вормский сейм (1521) — первое собрание государственных чинов Германии в царствование императора Карла. Основной вопрос сейма — о «ереси» Лютера.
- ³⁰⁸ *Коперник* (Copernik, лат. Copernicus) Николай (1473–1543) — польский астроном, создатель гелиоцентрической картины мира, объяснил видимые движения небесных светил вращением Земли и планет вокруг Солнца; автор труда «Об обращении небесных сфер» (1543).
- ³⁰⁹ *Браге* (датск. Tyge Ottesen Brahe, лат. Tycho Brahe) Тихо (1546–1601) — датский астроном, астролог и алхимик; первым в Европе начал проводить систематические и высокоточные астрономические наблюдения, которые позволили Кеплеру открыть законы движения планет.
- ³¹⁰ *Кеплер* (Kepler) Иоганн (1571–1630) — немецкий астроном, один из основателей астрономии Нового времени, сформулировал законы движения планет (законы Кеплера), автор трудов по оптике.
- ³¹¹ *Гюйгенс* (Huygens) Христиан (1629–1695) — нидерландский естествоиспытатель, изобретатель и разработчик теории маятниковых часов, создатель волновой теории света, автор одного из первых трудов по теории вероятности (1657).
- ³¹² Декларация прав человека и гражданина (Déclaration des Droits de l'Homme et du Citoyen) — принята Национальным Учредительным собранием (Assemblée nationale constituante) 26 августа 1789 г. Является важнейшим политико-правовым актом Великой французской революции 1789 г. В ней впервые в истории человечества в систематизированном виде были провозглашены юридические принципы и права, которые легли в основу современного правового статуса личности, а также конституционализма в целом: равноправие людей, естественный характер и неотъемлемость прав человека, народный суверенитет, верховенство закона, право человека на личную свободу и неприкосновенность частной собственности, свобода совести и выражения мыслей и мнений, презумпция невиновности и др.
- ³¹³ Картезианство — философия Рене Декарта (см. комм. 62) и его последователей.
- ³¹⁴ Просвещение — движение в культурной и духовной жизни Европы XVII–XVIII вв. Во французском Просвещении преобладала критика общественных и моральных принципов и разработка социальной и этической проблематики на основе рационализма, гуманизма, либерализма. Основные представители: Бейль, Вольтер, Руссо, Монтескье, Дидро и др.
- ³¹⁵ *Локк* (Locke) Джон (1632–1704) — английский философ; разработал эмпирическую теорию познания; основоположник ассоциативной психологии. Один из создателей идейно-политической доктрины ли-

берализма, его концепция основывается на теории естественного права и теории «общественного договора»; автор трактата «Опыт о человеческом разуме» (1690).

- ³¹⁶ *Руссо* (Rousseau) Жан Жак (1712–1778) — французский социальный философ, писатель, представитель сентиментализма. Автор сочинений: «Рассуждение о начале и основаниях неравенства...» (1755), «Об общественном договоре» (1762), «Исповедь». В основе философии Руссо — культ «естественного состояния» человека. Творчество Руссо оказало существенное влияние на европейскую общественную мысль и литературу.
- ³¹⁷ Конституция США — принята 17 сентября 1787 г. на Конституционном конвенте в Филадельфии (штат Пенсильвания) и впоследствии ратифицирована всеми тринадцатью существовавшими тогда североамериканскими штатами; считается первой в мире конституцией в современном понимании.
- ³¹⁸ *Сийес* (Сьейес, Sieyes) Эмманюэль Жозеф (1748–1836) — деятель Великой французской революции; один из основателей Якобинского клуба. Участвовал в составлении Декларации прав человека и гражданина; после переворота 18 брюмера 1799 г. — один из консулов, в 1816–1830 гг. был в изгнании.
- ³¹⁹ *Лафайет* (La Fayette) Мари Жозеф (1757–1834) — французский политический деятель; участник Войны за независимость в Северной Америке 1775–1783 гг.; командующий Национальной гвардией в начале Великой французской революции и в период Июльской революции 1830 г.; сторонник конституционной монархии.
- ³²⁰ Декларация независимости США — исторический документ, в котором британские колонии в Северной Америке объявили о своей независимости от Великобритании. Принята Вторым Континентальным конгрессом 4 июля 1776 г. в Филадельфии.
- ³²¹ «Сикстинская Мадонна» — картина Рафаэля, одно из известнейших произведений итальянского Ренессанса. Полотно создано в 1512–1513 гг. для алтаря церкви монастыря Святого Сикста в Пьяченце по заказу Папы Юлия II в честь победы над французами, вторгшимися в Италию, и присвоения Пьяченце статуса Папской Области.
- ³²² В 490 г. до н. э. на Марафонской равнине (на северо-восточном побережье Аттики) афинское войско под командованием Мильтиада одержало решающую победу над персами.
- ³²³ Битва при Ватерлоо (18 июня 1815) — сражение войск коалиции европейских государств против Наполеона, приведшее к окончательному его поражению.

- ³²⁴ Теорию «естественных границ» государства сформулировал Луи Габриэль Амбруаз Бональд (de Bonald; 1753–1840). По этой теории государство, достигшее своих естественных границ, теряет интерес к завоеваниям.
- ³²⁵ Саламинская битва — морское сражение между греческим и персидским флотами в ходе греко-персидских войн, произошедшее в 480 г. до н. э. близ острова Саламин в Сароническом заливе Эгейского моря неподалеку от Афин.
- ³²⁶ В битве при Матинее (362 г. до н. э.) беотийцы нанесли сокрушительное поражение спартамцам, что привело к распаду Пелопонесского союза и утрате Спартой лидирующих позиций в Греции.
- ³²⁷ *Quaternio terminorum* (лат. учетверение термина) — логическая ошибка в заключении, возникающая благодаря двусмысленному употреблению понятия.
- ³²⁸ Все человечество, на протяжении веков своего существования, должно рассматриваться как один человек, который всегда существует и изучает постоянно (фр.).
- ³²⁹ Логическое предшествование (лат.).
- ³³⁰ Спиритуализм (фр. spiritualisme, от лат. spiritualis — духовный, spiritus — душа, дух) — объективно-идеалистическое философское воззрение, рассматривающее дух в качестве первоосновы действительности, как особую бестелесную субстанцию, существующую вне материи и независимо от нее; как философский термин был введен в употребление В. Кузеном (см. комм. 58).
- ³³¹ Пилозоизм (греч. hyle — вещество, материя и zoe — жизнь) — философская концепция, признающая одушевленность всех тел, космоса, материи, природы. Данный термин снимал принципиальное различие между неорганической и живой природой; введен Кедвортом в 1678 г. для обозначения ранних греческих философских концепций, признающих одушевленность всеобщим свойством макро- и микрокосма (Фалес, Анаксимандр, Анаксимен).
- ³³² Монадология — учение о монадах в философии Г. Лейбница (см. комм. 63).
- ³³³ Солипсизм (лат. solus ipse — только сам) — теоретическая установка, при которой весь мир видится произведением сознания (Я), которое — единственное, что дано несомненно, во всякое время тут. Солипсизм свойственен философии Нового времени; берет начало в философии Декарта.
- ³³⁴ Интуитивизм — идеалистическое течение в философии, видящее в интуиции единственно достоверное средство познания. Как специфическое течение возникает на рубеже XIX–XX вв. и, по сути, является реакцией на

распространение рассудочного способа мышления в связи с механистическим и позитивистским пониманием научного знания и ограничением опыта исключительно сферой чувственного восприятия.

- ³³⁵ Трансцендентность — выход за границы возможного (не только индивидуального и актуального) опыта; трансцендентный — лежащий за пределами любого опыта, выходящий за пределы сознания.
- ³³⁶ Наше я, будучи отвлечено от перцепции какого-либо другого объекта, в сущности, есть ничто. Поэтому мы должны обращать свой взор на внешние объекты; и вполне естественно, что мы рассматриваем с наибольшим вниманием те из них, которые смежны нам или сходны с нами (*англ.*).
- ³³⁷ Чужое «Я» есть необходимая, конкретная часть всего сознания, без которого это целое вообще не могло бы быть понято (*нем.*).
- ³³⁸ Одно из ключевых понятий философии И. Канта; в трактате «Критика практического разума» («*Kritik der praktischen Vernunft*», 1788) излагается его учение о нравственности — критическая этика или метафизика нравов.

Указатель имен

- Августин Аврелий — 233, 388
 Аделунг Ф. П. — 150, 377
 Александр Великий (Македонский) — 302, 381, 393, 394
 Александр II — 302, 394
 Ампер А. М. — 93, 137, 373
 Андреев А. И. — 18, 20, 33, 39, 67, 69, 81
 Аристотель — 159, 381
- Бакон — см. Бэкон Ф.
 Барт (Barth) Т. — 75, 78, 79, 137, 221, 367
 Бартольд В. В. — 68
 Бэкон — см. Бэкон Ф.
 Белов (Below) Г. фон — 252, 367
 Бенеке Ф. Э. — 160, 382
 Бени (Beni) П. — 104
 Бентам (Bentham) Дж. — 137, 373
 Бергсон А. — 15
 Бернар (Bernard) К. — 366
 Бернгейм (Bernheim) Э. — 96, 126, 127, 360, 367
 Бертолле К. Л. — 144, 374
 Бёк (Böeckh) А. — 153, 379
 Бисмарк О. фон — 290, 302, 303, 355, 392
 Биттерауф — 96
 Биша М. Ф. К. — 144, 375
 Бленвиль (Blainville) А. — 386
 Блуменбах (Blumenbach) И. Ф. — 146, 147, 376
 Боден Ж. — 104, 143, 368
 Бодуэн Ф. — 104, 369
 Бокль (Buckle) Г. Т. — 145, 148, 157, 158, 198, 375
 Болдвин (Болдуин, Baldwin) Дж. М. — 169, 175
 Бопп Ф. — 150, 377
- Боссюэт (Боссюэ) Ж. Б. — 141, 210, 234, 360, 373
 Браге Т. (Тихо-Браге) — 308, 395
 Брейзиг (Breysig) К. — 124, 372
 Брока П. — 146, 376
 Буало Н. — 210, 385
 Буйницкий А. — 157
 Бурдо (Bourdeau) Л. — 122, 371
 Буркгардт (Буркхардт, Burckhardt) Я. — 148, 155, 156, 380
 Бутми (Boutmy) Э. — 163, 174, 383
 Буше де Перт (Boucher de Perthes) Ж. — 152, 378
 Бэкон Ф. — 108, 110, 161, 235, 236, 238, 388, 391,
 Бэн (Bain) А. — 162, 382
 Бюхер (Bücher) К. — 211, 273, 391
- Вайц (Waitz) Т. — 146, 154, 376, 387
 Ваксмут (Wachsmuth) Э. В. Г. — 108, 111, 113, 114, 150, 155, 369
 Валк С. Н. — 29, 30, 32, 33, 35, 37, 39, 40, 43, 67, 81
 Варений Б. — 145, 375
 Вебер (Weber) М. — 181, 271, 275, 303, 305
 Введенский А. И. — 52, 342
 Вегелин Я. — 104, 144, 369
 Вернадский В. И. — 1, 27, 28, 47–49, 52, 55–60
 Вернадский Г. В. — 35, 40
 Веселовский С. Б. — 20
 Вико (Vico) Дж. — 141, 142, 373, 386
 Вилла (Villa) — 175
 Вильгельм I — 302
 Виндельбанд (Windelband) В. — 6, 31, 43, 50, 53, 124, 137, 138, 261, 263, 264, 267, 286, 372
 Винер Н. — 75

Виперано Дж. А. — 102
 Владимирцов Б. Я. — 68
 Вольга А. — 144, 374
 Вольгер — 104, 142, 143, 369, 395
 Вольф Х. — 111, 240, 241, 371
 Вундт (Wundt) В. — 118–120, 122, 132, 137, 138, 160, 167, 171, 196, 198, 199, 214, 222, 224, 371, 383, 387
 Галилей Галилео — 292, 308, 393
 Гармс (Harms) Ф. — 260, 261, 391
 Гаттерер И. — 108, 146, 369
 Гаусс К. Ф. — 144, 207, 374, 385
 Гегель Г. В. Ф. — 111, 114, 115, 117, 165, 178, 247–250, 252, 360, 371, 390
 Геерен (Heeren) А. Г. Л. — 143, 149, 374
 Гесиод (Гесиод) — 211, 385
 Гельвальд (Hellwald) Ф. — 158, 381
 Гельмгольц (Helmholtz) Г. Л. Ф. — 366, 386
 Гельмольт (Helmolt) Г. Ф. — 151, 378
 Гербарт (Хербарт, Herbart) И. Ф. — 159, 163–165, 381
 ГERVINUS (Gervinus) Г. Г. — 111, 114–117, 250, 371
 Гердер (Herder) И. Г. — 104, 143, 149, 196, 369
 Геродот — 109, 370
 Герц (Hertz) Г. Р. — 366
 Гёте И. В. — 302, 393
 Гизо (Guizot) Ф. — 108, 152, 370
 Гнейст Р. — 154, 380
 Гобино Ж. А. де — 201
 Гомер — 211, 385, 386
 Госсен Г. Г. — 207, 385
 Готейн (Gothein) Э. — 156, 294, 381
 Готтль (Gottl) Ф. — 331
 Готье Ю. В. — 20
 Гюш (Hoche) О. Л. Л. — 275, 392

Гревс И. М. — 1, 15–17, 35, 52, 57, 67, 81
 Греков Б. Д. — 40
 Гримм (Grimm) Я. — 150, 377
 Гримм В. — 153, 377
 Гримм, братья — 230
 Гротенфельт (Grotenfelt) А. — 139
 Гроций (Grotius) Гуго — 309, 377
 Гумбольдт А. — 114, 115, 164, 249, 250, 255, 371, 383, 387
 Гумбольдт (Humboldt) В. фон — 114–115, 249, 250, 371
 Гумплович Л. — 201
 Гусс (Guss) Я. — 292, 303, 393
 Гуссерль Э. — 25, 28, 29, 40, 43, 49, 52, 53, 55, 69, 79, 81, 83, 260
 Гэрти (Гартли) Д. — 159, 382
 Гойгенс Хр. — 308, 395
 Даламбер (D'Alembert) Ж. Л. — 103, 238, 368
 Данилевский Н. Я. — 213
 Дарвин Ч. Р. — 148, 207, 313, 376, 377, 382, 385
 Де Жерандо (De Gerando) — 149
 Декарт Р. — 110, 338, 370, 391, 395, 397
 Денисов В. — 131
 Джевонс У. С. — 121, 207, 371, 385
 Дидро Д. — 238, 368, 374, 389, 395
 Дильтей (Dilthey) В. — 6, 160, 259, 260, 261, 382
 Дионисий Галикарнасский — 101
Добиаши-Рождественская О. А. — 68
 Дону (Daunou) П. К. Ф. — 96, 108–110, 367
 Дройзен (Droysen) И. Г. — 111, 114, 117, 118, 127, 250, 371
 Друмманн (Друман, Drumann) К. В. А. — 150, 155, 378
 Дэви Д. Г. — 144, 374

Дюбуа-Реймон
 (Du Bois Reymond) Э. Г. — 366
 Дюркгейм Э. — 386
 Жебелев С. А. — 61, 68,
 Зелигер — 96
 Зибель Г. фон — 294
 Зигварт — см. Сигварт Х.
 Зиммель (Simmel) Г. — 266, 267, 391
 Зюсмилх (Sussmilch) И. П. — 145, 375
 Иероним Евсевий — 388
 Исидор Севильский — 233, 388
 Ительсон Г. — 261
 Йодль (Jodl) Ф. — 148, 156, 158, 381
 Кабанис П. Ж. Ж. — 144, 375
 Кант И. — 7, 108, 110, 111, 113, 114, 146, 241–243, 250, 252, 263, 331, 338, 369, 370, 386, 398
 Кареев Н. И. — 100, 123, 124, 154, 355, 360, 372
 Карл Великий — 143, 374, 395
 Карлейль Т. — 294
 Карнеад из Кирены — 254, 390
 Карсавин Л. П. — 18–20, 61, 63, 67–68
 Каутский К. — 154, 380
 Кауфман А. А. — 67
 Кеплер И. — 308, 395
 Кетле Л. А. Ж. — 145, 375
 Кистяковский Б. А. — 52, 251
 Клемм (Klemm) Ф. Г. — 150, 151, 378
 Клювер (Clüver) Ф. — 145, 375
 Книс К. Г. А. — 153, 379
 Ковалевский М. М. — 39
 Кольб (Kolb) Г. Ф. — 151, 378
 Кольбер Ж. Б. — 210, 385
 Кондорсэ (Кондорсе) Ж. А. Н. — 144, 196, 374

Кондратьев Н. Д. — 7, 18, 33, 35, 50, 60, 67, 71, 81
 Конринг Г. — 104, 369
 Конт О. — 6, 43, 45–47, 124, 137, 144, 148, 160, 161, 196, 197, 211, 252–254, 260, 261, 360, 372, 378
 Коперник Н. — 308, 395
 Корнилов А. А. — 5
 Ксенополь (Хенорол) А. — 133, 261, 267, 268, 373
 Кузен В. — 108, 370, 397
 Курно (Cournot) А. О. — 252, 254–256, 258, 261, 297, 390
 Кювье Ж. — 144, 375
 Лавров П. Л. — 162, 250, 251, 383, 390
 Лазарус (Lazarus) М. — 163, 164, 165–168
 Лакомб (Lacombe) П. — 124, 125, 196, 372
 Ламарк Ж. Б. — 144, 375
 Лампрехт (Lamprecht) К. — 124, 138, 148, 154, 157, 172, 183, 196, 219, 250, 366
 Ланглуа (Langlois) Ш. В. — 74, 96, 126, 128, 130, 131, 367, 373
 Лаплас (Laplace) П. С. — 144, 238, 374
 Лапуж (Larouge) Ж. В. — 201
 Лапшин И. И. — 67
 Лафайэт (Лафайет) М. Ж. — 196, 310
 Лафонтэн Ж. де — 209, 385
 Лебон Г. — 163, 169, 170, 382
 Левелинг — 146
 Лежандр А. М. — 207, 385
 Лейбниц Г. В. — 111, 206, 238–240, 254, 295, 370, 371, 382, 385, 392, 397
 Лемуан (Le Moyné) — 102, 104
 Ленглет (Lenglet du Fresnoy) Н. — 104–106, 369

- Лессинг Г. Э. — 360
 Линднер (Lindner) Т. — 131, 373
 Липперт (Lippert) Ю. — 149, 173, 384
 Липпс (Lipps) Т. — 172, 183, 342, 383
 Лобачевский Н. И. — 57, 93, 366
 Локк Дж. — 309, 395
 Лория Ах. — 154, 381
 Лосский Н. О. — 15, 38, 338
 Лотарь — 302, 394
 Лотце Р. Г. — 159, 382
 Лукиан (Lucian) — 100, 101, 368
 Лукамский В. К. — 20
 Лэнг (Lang, Lang) Э. — 153, 379
 Любимов Н. — 338
 Любомиров П. Г. — 20
 Людовик XIII — 143, 374
 Лютер М. — 303, 312, 355, 394, 395
 Ляйелл (Лайелл, Лайель) Ч. — 379
- Мабильон** Ж. — 104, 369
Мабли (Mably) Г. Б. де — 104, 106–108, 309, 369
Макиавелли (Макиавелли) Н. — 141
Малебранш (Мальбранш) Н. — 168, 210, 383
Мальгус Т. Р. — 207, 385
Маркс К. — 153, 154, 360, 379, 380
Марр Н. Я. — 68
Маскарди А. — 102
Мах (Mach) Э. — 93, 366
Мейер (Meyer) Э. — 126, 128, 129, 211, 252, 267, 367
Мейнонг А. — 183, 185, 263, 384
Мёзер (Möser) Ю. — 149, 377
Микель-Анджело (Микеланджело) Б. — 302, 393
Миль Дж. — 159, 382
Миль Д. С. — 124, 160–163, 198, 260, 388
- Милоков** П. Н. — 36
Михайловский Н. К. — 16, 46, 169, 251, 383
Мишеле, **Мишелэ** (Мишле) Ж. — 96, 133, 367
Моно (Monod) Г. — 96, 132–134, 367
Монтескье (Монтескьё) Ш. Л. — 142–144, 309, 374, 395
Морган (Morgan) Л. Г. — 387
Мэн Г. Дж. С. — 154, 380
Мюллер-Лиер (Muller-Lyer) Ф. К. — 156, 381
Мюнстер С. — 145, 373, 375
- Навилль** (Naville) А. — 138, 261, 262
Наполеон I Бонапарт — 274, 275, 312, 355, 391, 396
Никитин С. А. — 69
Нитгаммер Ф. И. — 241, 389
Ньютон И. — 206, 295, 308, 313, 385
- Олар** (Aulard) А. — 219
Ольденбург С. Ф. — 5, 35, 38, 60, 81
Ольденбург Ф. Ф. — 5
Оствальд (Ostwald) В. Ф. — 366
- Павсаний** — 145, 375
Паскаль (Pascal) Б. — 253, 254, 390
Петр I Великий — 274, 312, 355, 391
Пичета В. И. — 20
Платон — 159, 295, 381
Плотин — 159, 381
Пожровский М. Н. — 39
Полян (Paulhan) Ф. — 163, 382
Поливий (Полибий) — 140, 233, 388
Полиевктов М. А. — 67
Полосин И. И. — 20
Понтан (Понтано) Дж. — 102, 368
Прейер (Preyer) В. Т. — 160, 382
Пресняков А. Е. — 16, 17, 34–37, 39, 43, 44, 46, 51, 57, 62, 67, 81
Приселков М. Д. — 68

- Притчард** (Причард, Prichard) Дж. К. — 147, 376
Прудон П. Ж. — 250, 390
Пуанкаре (Poincare) Ж. А. — 366
Пушкин А. С. — 287
- Райнов** Т. И. — 35, 40, 66, 67
Ранке (Ranke) Л. фон — 146, 234, 250, 252, 366, 376
Рапен-Туаре П. де — 103, 104, 368
Раск Р. К. — 150, 377
Рассел (Russell) Б. — 366
Рафаэль Санти — 302, 393, 396
Ренан Ж. Э. — 201
Рикер П. — 78, 79
Риккерт (Rickert) Г. — 6, 43, 50, 51, 53, 124, 138, 261, 264, 266, 297, 372
Риль (Riehl) В. Г. — 151, 152, 156, 157, 175, 378
Риман (Riemann) Б. — 366, 386
Риттер (Ritter) К. — 146, 375
Робеспьер М. — 295, 393
Роджерс Дж. — 153, 379
Романов Б. А. — 35, 40
Рошер В. Г. Ф. — 153, 379
Руссо Ж. Ж. — 309, 395, 396
Ру-Ферран (Roux-Ferrand) И. — 152, 378
- Савиньи** (Savigny) Ф. К. — 150, 377
Сен-Реаль (Saint Réal) С. В. — 369
Сен-Симон К. А. де Р. — 378
Сеньобос (Seignobos) Ш. — 74, 96, 126, 128, 130, 131, 368, 373
Сигварт (Зигварт, Sigwart) Х. — 118, 120–122, 138, 226, 259, 260, 371, 392
Сигеле (Sihgela) С. — 169, 383
Сийес (Сьейес) Э. Ж. — 310, 396
Симонфельд Г. — 96, 367
Смирнов П. П. — 20
- Сорель** Ж. — 252, 295, 390
Сорокин П. А. — 19, 35, 39, 41, 61, 64, 67, 81
Спенсер (Spencer) Г. — 137, 148, 160, 196, 373, 392
Сперанский А. Н. — 20
Станиславский К. С. — 10, 18, 71
Стенли-Джевонс (Джевонс) У. — 121, 207, 371, 385
Страбон — 145, 375
Струве П. Б. — 52
Стэббс В. — 380
- Тард** (Tarde) Г. — 168, 169, 175, 258, 383
Тарле Е. В. — 68
Теннис (Tönnies) Ф. — 366
Тихо-Браге — см. Браге Т.
Тихомиров М. Н. — 20, 69
Тойнби А. — 64, 76, 77
Токквиль (Токвиль) А. — 173, 174, 384
Топинар (Topinard) П. — 146, 376
Тьерри О. — 152, 201, 378, 382
Тэйлор (Тайлор) Э. Б. — 147, 153, 160, 173, 273, 376
Тэн И. — 107, 124, 171, 201, 202, 209, 219, 231, 369, 371, 372
Тюрго А. Р. Ж. — 144, 196, 374
- Уоллэс** (Уоллес) А. Р. — 148, 207
Уэвель (Whewell) В. — 386
- Фейербах** Л. — 250, 390
Фемистокл — 275, 355, 392
Ферма П. — 254, 391
Ферри Э. — 168, 383
Фехнер Г. Т. — 159, 382
Филипп Македонский — 302, 394
Фихте (Fichte) И. Г. — 146, 241, 243–246, 252, 260, 263, 376, 389, 391
Фосс (Voss) Г. И. — 102, 103, 368

- Франк С. Л. — 15, 52, 374
 Фрейтаг (Freitag) Г. — 156, 175, 381
 Фридрих II Великий — 303, 355, 394
 Фридрих III — 302, 394
 Фримэн (Фриман) Э. — 123, 372
 Фрэнклер Д. Д. — 153, 379
 Фукидид — 101, 109, 233, 368
 Фуко М. — 75–78
 Фулье (Фуллье, Фуйе) А. — 163, 382
 Фуше С. — 254, 391
 Фюстель де Куланж (Fustel de Coulanges) Н. Д. — 154, 173, 174, 380
- Хладений (Хладениус, Chladenius) И. М. — 111–113, 240, 370, 371
- Цезарь Гай Юлий — 112, 302, 312, 355, 394
 Цицерон Марк Туллий — 100, 101, 109, 368
- Челпанов В. И. — 18
 Черетнин Л. В. — 20
 Чупров А. А. — 52
- Шаховский** Д. И. — 5
 Шекспир В. — 294
 Шеллинг Ф. В. — 247, 250, 389
 Шёнеманн (Schönemann) К. — 108
 Шиллер И. К. Ф. — 114, 302, 393
 Шлегель (Schlegel) Фр. — 241, 243, 387, 389
 Шлейермахер (Schleiermacher) Фр. — 242, 259, 389
 Шлецер (Schlözer) А. Л. — 108, 146, 369
 Шмидт К. — 147, 376
 Шопенгауэр А. — 185, 384
 Штейнметц (Steinmetz) М. — 211
 Штем Г. Г. — 18
 Штейнгаль Х. — 165–167, 170, 172, 383
- Шульте И. Ф. — 96, 367
 Шуппе (Schuppe) В. — 118, 371
- Щепкин** Е. Н. — 132, 373
- Энгельс Ф. — 153, 379, 380, 387
 Эрдман (Erdmann) Б. — 386
 Эренфельс Х. М. Ю. — 263
- Юм** Д. — 144, 159, 374, 382
- Andree R. — 147
 Avenarius R. — 340
- Barth P. — 93, 100, 137, 184, 360, 367
 Bodeman E. — 240
 Brehier L. — 135
- Carrau L. — 100, 360
 Clifford W. K. — 344
 Cohen H. — 339
 Croce B. — 142
- Davillé L. — 239
 Dörfel J. — 117
- Eulenburg F. — 169
 Finot J. — 228
 Flint R. — 100, 142, 362
 Fölitz C. — 243
 Fritzschi F. — 100
- Gerhardt C. J. — 239
 Goldfriedrich J. — 115
- Hammacher E. — 154
 Hermann F. B. W. — 186
 Hintze O. — 231
 Hume M. — 213, 339
- James W. — 346

- Kafka G. — 336
 Kittel O. — 115
 Köhler R. — 206
 Koigen D. — 261
- Lane Polle (Lane Poole) S. — 96, 115
 Lask E. — 246
- Massaryk Th. — 154
 Matthias Th. — 149
 Meister A. — 135
 Mencke J. B. — 100, 104
 Mentré P. — 255
 Mortet Ch. et V. — 135
 Mulert H. — 242
 Müller F. — см. Мюллер-Лиер Ф. К.
- Natorp P. — 252
 Nève P. — 180, 219
 Newcomb M. S. — 278
- Paul N. — 173
 Prandtl A. — 342
- Ribot Th. — 293, 342
 Ratzel F. — 146, 147, 201
 Ritschl O. — 132
- Salzman T. R. — 106
 Schaumkell E. — 148
 Schrader O. — 203
 Schubert-Soldern R. von — 339
 Stammer R. — 252
 Steinhausen G. — 175
 Steinmetz M. — 217
 Sutherland — 217
- Thomas P. F. — 134
 Thurston R. — 308
- Vierkandt A. — 206, 354
- Wesendonck H. — 108
 Wiener M. — 246
 Wilke — 308
 Winckler A. — 250
 Woltmann L. — 154
 Worringer W. — 342

Содержание

Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский <i>Румянцева М. Ф.</i>	5
Методология истории как строгой науки <i>Медушевская О. М.</i>	23
А. С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ. МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИИ	
Том I	85
Введение	87
§ 1. Понятие о методологии истории и ее значение	87
§ 2. Теория исторического знания и методы исторического изучения	97
§ 3. Краткий очерк развития методологии истории в прошлой и современной литературе	99
Часть I. Теория исторического знания	
Главнейшие направления в теории исторического знания ...	136
Отдел первый. Построение теории исторического знания с номотетической точки зрения	139
Глава первая. Главнейшие моменты в развитии номотетического построения исторического знания	140
§ 1. Развитие понятия о законосообразности исторических явлений	140
§ 2. Развитие понятия о законосообразности исторических явлений в психологическом смысле	159
Глава вторая. Основания номотетического построения исторического знания	177
§ 1. Основные принципы номотетического построения исторического знания	178
§ 2. Номологические обобщения	197
§ 3. Типологические обобщения	213
Глава третья. Критическое рассмотрение номотетического построения исторического знания	219

Отдел второй. Построение теории исторического знания с идиографической точки зрения	232
Глава первая. Главнейшие моменты в развитии идиографического построения исторического знания	233
§ 1. Идиографическое построение с точки зрения эмпиризма и рационализма	235
§ 2. Идиографическое построение с точки зрения этического и метафизического идеализма	241
§ 3. Идиографическое построение с точки зрения позитивизма и пробабелизма	252
§ 4. Идиографическое построение с точки зрения теоретико-познавательного идеализма	258
Глава вторая. Основания идиографического построения исторического знания	268
§ 1. Основная задача идиографического построения	269
§ 2. Понятие об индивидуальном и его историческом значении	277
§ 3. Понятие об исторической связи	296
§ 4. Понятие об историческом целом	316
Глава третья. Критическое рассмотрение идиографического построения исторического знания	322
Отдел третий. Объект исторического познания	328
Глава первая. Общий характер явлений, изучаемых историком	329
Глава вторая. Специфический характер собственно исторических фактов	350
Глава третья. Главный объект исторической науки	360
КОММЕНТАРИИ	365
Указатель имен	399

Научное издание

*Библиотека отечественной общественной мысли
с древнейших времен до начала XX века*

Лаппо-Данилевский Александр Сергеевич

**Методология истории
Том I**

Ведущий редактор *Е. А. Кочанова*
Художественный редактор *А. К. Сорокин*
Редактор *А. В. Воеводский*
Художественное оформление *М. В. Минина*
Технический редактор *М. М. Ветрова*
Компьютерная верстка *А. Ю. Титова*
Корректор *Н. Б. Стахеева*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 28. 12. 2009.
Формат 60×90 1/16. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 25,5.
Тираж 1000 экз. Заказ 3129

Издательство «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН)
117393, Москва, ул. Профсоюзная, д. 82.
Тел.: 334-81-87 (дирекция), 334-82-42 (отдел реализации)

Отпечатано с готовых файлов заказчика в ОАО «ИПК
«Ульяновский Дом печати». 432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14